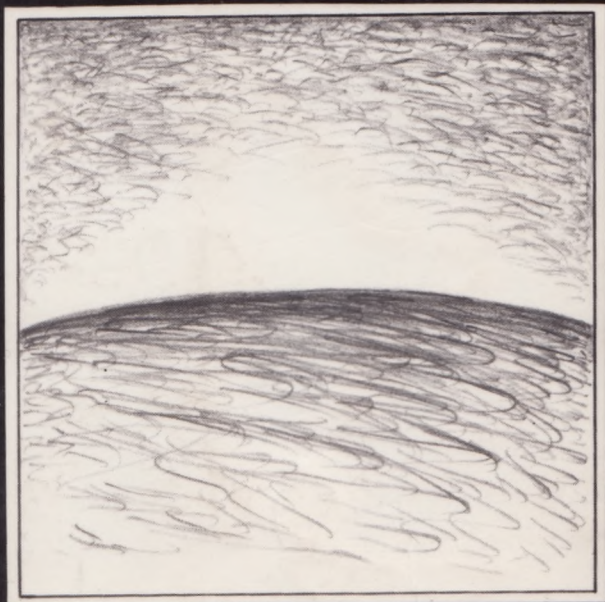

K1189663

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

**КРАСНЫЙ ТЕРРОР
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ**

THE RED TERROR

DURING THE

CIVIL WAR

**Documents of the Special Commission of Inquiry
Appointed by Gen. A. I. Denikin
to Investigate the Bolshevik Crimes**

**Compiled and edited
by Yuri Felshtinsky**

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1992**

КРАСНЫЙ ТЕРРОР В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

по материалам Особой
следственной комиссии по
расследованию злодеяний
большевиков

Редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский

К 1189663

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1992

63.3(2)7

K 78

63.3(2)712

KRASNYI TERROR V GODY GRAZHDANSKOI VOINY.

Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii

po rassledovaniyu zlodeianii bolshevikov.

Compiled and edited by Yuri Felshtinsky

First Russian edition published in 1992

by Overseas Publications Interchange Ltd,

8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Yuri Felshtinsky, 1992

Copyright © Russian edition

Overseas Publications Interchange Ltd, 1992

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 33 8

Cover design by Andrzej Krauze

Computerized typesetting by A. Dolgov

Printed and bound in Great Britain

by J. W. Arrowsmith Ltd, Bristol

От редактора

Положение о создании “Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России” было подписано в Екатеринодаре генерал-лейтенантом А. И. Деникиным 4 апреля 1919 года. Ровно через год, с уходом Деникина, Комиссией стал руководить новый главнокомандующий белой армией барон П. Н. Врангель. Согласно Положению, Комиссия была создана “для выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма”. Руководствовалась Комиссия Уставом уголовного судопроизводства 1914 года и имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки, освидетельствования и другие следственные действия”, а протоколы, составленные Комиссией, имели силу следственных актов.

Задача “Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков” состояла в сборе сведений о мероприятиях большевиков, направленных “к уничтожению демократических, общественных организаций и к водворению на их место, насильственным путем, советских организаций, основанных на диктатуре меньшинства”; к уничтожению “органов судебной власти, регулируемых законом” и замене их “безответственными трибуналами”, руководствующимися “революционной совестью”, “выяснение порядка этой замены и результатов ее”, “уничтожение организованной, юридически подготовленной защиты”. Советскому правительству вменялись также в вину ликвидация “принципа свободы совести и наряду с этим гонение против Церкви и ее служителей (порушение храмов, глумление над мощами, иконами, священными предметами, разгон и расстрел крестных ходов, массовое уничтожение духовенства”, “уничтожение свободы слова”, “свободы союзов и собраний”, “уничтожение неприкосновенности личности”, “национализации, конфискации, реквизиции, контрибу-

ции", "деморализация рабочего класса", "сокращение производительности труда", "принудительные способы проведения коммунистических начал вообще и диктатуры пролетариата в частности", "массовое уничтожение своих идейных врагов из числа мирного населения — интеллигенции, буржуазии, казачества", "принуждение к унижительным и не в меру тяжелым работам, лишение продовольственного пайка", "общий террор", "индивидуальный террор как способ возмездия и устрашения"; "противоречие между программными обещаниями коммунистов и действительным их осуществлением", привлечение к управлению страной людей с уголовным прошлым, без образования, зачастую наркоманов и алкоголиков.

Особая комиссия была создана белыми для расследования земельного вопроса и крестьянской политики советской власти, в частности — деятельность созданных большевиками комитетов бедноты, результаты насильственной коллективизации, конфискаций, изъятий, реквизиций урожая и скота и так далее.

Результатом работы Комиссии явились обвинительные акты, а также фотографии, большая часть которых была сделана военным следователем Добровольческой армии в присутствии членов союзных военных миссий летом 1919 года, после оставления большевиками Харькова. Жертвы на фотографиях — это прежде всего так называемые заложники. К ним относились лица, до октября 1917 г. занимавшие в России хоть сколько-нибудь заметные посты, и их семьи; семьи офицеров-добровольцев (причем зарегистрированы случаи расстрелов пятилетних детей); священнослужители, рабочие и крестьяне из районов, подозреваемых в нелояльности к советской власти; все те, чье имущество, движимое или недвижимое, оценивалось свыше 10 тысяч рублей.

На большинстве извлеченных трупов остались следы пыток над половыми органами. Харьковские хирурги, проводившие экспертизу трупов, высказали предположение, что к жертвам была применена одна из китайских пыток, поносой болезненности превышающая все доступное челове-

ческому воображению. При расследовании были также найдены (и засняты) содранные с рук куски кожи, перебитый шомполами крестец, отрезанные нос и губы, надрезанные женские груди...

Фотографии поражают бессмысленной жестокостью, заставляют прочувствовать те мучения, которые испытали перед смертью жертвы террора. За сухой фразой "расстрел заложников" стояла много более болезненная смерть, чем нам хотелось бы думать. Вероятно, и документы, и фотографии говорят сами за себя и не требуют разъяснений. Однако нельзя не подчеркнуть, что жестокость, отраженная этими документами и фотографиями, не вынужденная жестокость, свойственная войне вообще. Это была жестокость, граничащая с садизмом, бесцельная и бесконтрольная. Наверное, все мы должны испытывать понятное неудобство из-за того, что наша история последних семидесяти с лишним лет начиналась именно так: отрубленными руками, проломанными черепами, вылуценными половыми органами. С таким началом к чему же мы могли прийти?

Мне хочется отвести здесь знакомое указание на жестокость обеих сторон. Белой армии как раз и была присуща жестокость, свойственная войне вообще. Но на освобожденных от большевиков территориях никогда не создавались белыми организации, аналогичные советским ЧК, ревтрибуналам и реввоенсоветам. И никогда руководители белым движением не призывали к расстрелам, к гражданской войне, к террору, к взятию заложников. Белые не видели в терроре идеологической необходимости, поскольку воевали не с народом, а с большевиками. Советская власть, напротив, воевала именно с народом (в этом нет ни тени преувеличения, поскольку гражданская война была объявлена всему крестьянству, всей буржуазии, т. е. интеллигенции, всем рабочим, не поддерживавшим большевиков). За вычетом этих групп кто же оставался, кроме голого слова "пролетариат"?

Осмысление революции и гражданской войны необходимо для осознания всей нашей последующей истории. Хранящиеся на Западе архивные материалы оказывают нам в

том большую помощь. Публикуемые материалы заимствованы из архива НТС во Франкфурте. Ряд машинописных оригиналов следственных актов хранится в архиве Гуверовского института при Стенфордском университете в Калифорнии (коллекции Б. И. Николаевского и П. Н. Врангеля). В разделе “Приложения” помещены документы, относящиеся к теме террора в советской России, но не являющиеся частью материалов “Особой следственной комиссии по расследования злодеяний большевиков” и хронологически выходящие за рамки гражданской войны. За одним единственным исключением, оговоренным в тексте, эти документы заимствованы из архива Гуверовского института Стенфордского университета (коллекция Б. И. Николаевского, ящик 19, папка 2; ящ. 128, п. 4; ящ. 198, п. 18; ящ. 212, п. 1; ящ. 12, п. 24; ящ. 217, п. 6; ящ. 782, п. 6). Материалы публикуются с любезного разрешения администрации архивов.

Ю. Фельштинский
Бостон

*Главнокомандующий вооруженными силами
на Юге России
Генерал-лейтенант Деникин
Утверждаю
4 апреля 1919 года
г. Екатеринодар*

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБ ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

1. При главнокомандующем вооруженными силами на Юге России состоит Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков для выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма.

2. Особой комиссии предоставляется, руководствуясь Уставом уголовного судопроизводства (изд. 1914 г.), вызывать и допрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц и производить осмотры, обыски, выемки, освидетельствования и другие следственные действия, а также пользоваться правами, предоставленными следственным властям статьями 217, 272, 292 и 386 означенного Устава.

3. Все протоколы и акты, составляемые Особой комиссией или отдельными ее членами с соблюдением Устава уголовного судопроизводства, имеют силу следственных актов.

4. Особая комиссия действует в составе общего ее собрания и следственного ее органа.

5. Общее собрание, равно как и следственный орган, состоят под председательством председателя Особой комиссии, назначаемой главнокомандующим вооруженными силами на Юге России, по представлению начальника Управления юстиции.

6. В общее собрание Особой комиссии, кроме председателя и двух товарищей председателя и всего состава следственного органа, входят пять членов из числа общественных деятелей, по одному члену от штаба главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, от части Генерального штаба Военного управления, от Военно-судной части, от Управления внутренних дел по государственной страже, Иностранных дел, Юстиции и от Отдела пропаганды.

7. Общее собрание Комиссии считается состоявшимся при наличии председателя и не менее половины состава следственного органа (ст. 9).

8. Представителям союзных миссий при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России предоставляется право присутствовать на всех заседаниях Особой комиссии.

9. В следственный орган, кроме председателя Особой комиссии, входят два товарища председателя и девять членов, назначенных как лиц с высшим юридическим образованием главнокомандующим вооруженными силами на Юге России, по представлению начальника Управления юстиции и по соглашению с председателем Особой комиссии.

10. Председателю Особой комиссии предоставляется право приглашать лица соответствующих специальностей как для временного ее усиления, так и для исполнения отдельных поручений. Такие лица, состоя в звании временных членов Особой комиссии, могут, по усмотрению председателя ее, пользоваться всеми правами, присвоенными постоянным членам Особой комиссии при условии, если они удовлетворяют требованиям, указанным в статье 9. В отношении лиц, приглашаемых в Особую комиссию из состоящих на государственной службе, председатель Особой комиссии входит в соглашение с их начальством, которому предоставляется откомандировывать их для занятий в Особую комиссию на срок не свыше трех месяцев. Временные члены Особой комиссии, приглашаемые из состоящих на государственной службе, сохраняют получаемое ими со-

держание и могут оставаться при исполнении своих прямых служебных обязанностей.

11. Члены общего собрания Особой комиссии имеют право присутствовать при производстве всех следственных действий.

12. При Особой комиссии состоит канцелярия в составе назначаемых председателем сей Комиссии секретаря и других чинов по штату.

13. Отдел пропаганды и все его учреждения срочно сообщают Особой комиссии весь осведомительный материал о злодеяниях большевиков.

14. Особая комиссия разрабатывает и систематизирует добытые данные в виде актов следственного расследования и сводок осведомительного материала и самостоятельно публикует свои труды, причем материалы, представляющие интересы за границей, а также для широкой массы публики, срочно сообщает представителям союзных миссий, в Управление внутренних дел по государственной страже, Иностранных дел, в Отдел пропаганды.

15. Все материалы, заключающие указания на преступные деяния и виновность отдельных лиц, Особая комиссия сообщает подлежащим следственным и судебным властям.

Управляющий делами Особого совещания

С. Безобразов

С подлинным верно:

За управляющего делами Особого совещания

(подпись)

Копия с копии верна:

(подпись)

ПРОГРАММА

деятельности Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России

I. Мероприятия большевиков, направленные к уничтожению демократических, общественных организаций и к водворению на их место, насильственным путем, советских организаций, основанных на диктатуре меньшинства. (Разгон органов местных самоуправлений, избранных на основе всеобщего избирательного права.)

II. Уничтожение органов судебной власти, регулируемых нормами закона и замена их безответственными трибуналами, руководящимися “революционной совестью”. (Выяснение порядка этой замены и результатов ее. Уничтожение организованной, юридически подготовленной защиты.)

III. Уничтожение установленной системы народного образования и введение “демократической школы” без требования соответствующей подготовки. (Выяснение результатов этой замены.)

IV. Провозглашение принципа свободы совести и наряду с этим гонение против Церкви и ее служителей. (Поругание храмов, глумление над мощами, иконами, священными предметами, разгон и расстрел крестных ходов, массовое уничтожение духовенства и пр.)

V. Уничтожение коренных основ семьи. (Социализация женщин и детей.)

VI. Уничтожение свободы слова. (Заккрытие всех периодических изданий, кроме официозных и коммунистических.)

VII. Уничтожение свободы союзов и собраний. (Разгоны и расстрелы инакомыслящих собраний, борьба с кооперативами и пр.)

VIII. Уничтожение неприкосновенности личности.
(Обыски, аресты.)

IX. Экономические мероприятия:

- 1) Аграрная политика.
- 2) Национализация недвижимого имущества, торговли, банков, страхового дела, фабрично-заводских предприятий, железных дорог и пр.
- 3) Конфискации, реквизиции и контрибуции.
- 4) Рабочая политика (деморализация рабочего класса, сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы за физический труд, и в связи с этим сокращение производительности труда).

X. Принудительные способы проведения коммунистических начал вообще и диктатуры пролетариата, в частности.

1) Массовое уничтожение своих идейных врагов из числа мирного населения — интеллигенции, буржуазии, казачества и всяческое их угнетение. (Принуждение к унижительным и не в меру тяжелым работам, лишение продовольственного пайка и пр.)

2) Общий террор.

3) Индивидуальный террор как способ возмездия и устрашения.

XI. Противоречия между программными обещаниями коммунистов и действительным их осуществлением.

XII. Характеристика руководителей центральной власти и исполнителей на местах. (Образовательный ценз, возраст, уголовное прошлое, болезненная наследственность, морфинизм, кокаинизм, алкоголизм и пр.)

Способы достижения ими власти (насиловственный захват власти, подкуп и пр.).

ПРОГРАММА

расследования особой комиссии по земельному вопросу

1) Произведен ли общий передел земли и не вызывает ли этот передел в том виде, как он был произведен, недовольства и жалоб среди отдельных групп крестьянского населения.

2) Вошли ли в этот передел, кроме наделных, также и частновладельческие земли.

3) Не было ли случаев захвата крестьянами чужих земель, хуторских и отрубных участков, и не были ли все эти земли также включены в общий передел земли.

4) Кто наделен землею, только ли местные крестьяне или также и пришлый элемент, признают ли крестьяне примененный порядок наделения землею справедливым или наблюдается обездоление одних и несправедливое обогащение других.

5) Увеличилось или уменьшилось земледелие крестьян и в какой мере.

6) Увеличилась или уменьшилась посевная площадь, насколько и под влиянием каких причин (гражданская война, мобилизация, влияние реквизиций хлеба и т. д.).

7) Не изъяты ли целые площади земли как помещичьей, так и крестьянской в распоряжение Советов для образования крупных советских или коммунистических хозяйств и кто заведовал таковыми.

8) Не свозился ли в эти хозяйства живой и мертвый инвентарь, насильственно отбираемый от помещиков и от крестьян.

9) Подвергались ли крестьяне принудительным работам в этих хозяйствах.

10) Производилась ли реквизиция урожая и скота, присылались ли вооруженные отряды для отобрания хлеба у

крестьян и как население на это реагировало (восстания, уничтожение хлеба, зарывание его в землю и т. п.).

11) Действовали ли Советы [комитеты] бедноты, из кого они состояли и каково было отношение их к различным группам крестьян. Не было ли натравливания одних групп крестьян против других.

12) Преследовались ли более зажиточные крестьяне и в каких формах это выразилось (отобрание земли, пользование их скотом, инвентарем и т. д.).

13) Много ли уничтожено крестьянских хозяйств.

14) Сохранились ли нетронутыми частновладельческие имения и были ли какие-либо распоряжения об их уничтожении.

15) Сохранились ли посевы многолетних трав (клевер, люцерна и т. п.), а также посевы, связанные с сельскохозяйственной промышленностью (свекла, картофель для сахарных, винокуренных, крахмальных заводов).

16) Сохранилось ли племенное животноводство (скотоводство, коневодство и т. д.) и не подвергались ли животные расхищению и уничтожению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКЛАД

**министра юстиции в Совет министров об учреждении
“Государственной комиссии по борьбе с
большевизмом”***

С освобождением Петрограда из-под ига большевиков предстоит расследование преступной деятельности лиц, заливших кровью и разоривших страну и поправших все начала законности и свободы. Расследование, естественно, не может ограничиться отдельными преступлениями этих лиц, а должно будет охватить разрушительную деятельность их в целом, и притом не только деятельность коммунистов и большевиков в тесном смысле слова, но и всех тех лиц, которые так или иначе являлись их сотрудниками. Мера субъективной виновности этих лиц будет представляться, конечно, весьма различной в зависимости от той роли, которую они играли, и тех побуждений, под влиянием которых они действовали. Особою заботой правительства должно быть возможно полное единство деятельности лиц, на которых будет возложено расследование преступной деятельности большевиков как в смысле точного установления необходимых для наличия состава преступления признаков, так и тех градаций субъективной виновности, в соответствии с которыми будут разрешаться вопросы

*) Доклад был представлен в Совет министров правительства Северо-Западной области России министром юстиции Е. И. Кедриним, видным петроградским адвокатом, участником ряда крупных политических процессов (в частности, Кедрин защищал А. Е. Михайлова на процессе двадцати народовольцев в 1882 году), члена Первой государственной думы, члена ЦК кадетской партии. Доклад встретил отрицательное отношение большинства членов правительства и в Совете министров на обсуждение поставлен не был. Написан он был в октябре 1919 года, в момент наибольших успехов под Петроградом Северо-Западной армии генерала Юденича.

о способах пресечения обвиняемым уклониться от следствия и суда. В целях объединения следственной деятельности необходимо поручить расследование преступлений не рядовым судебным следователям, которые на первых порах будут, вероятно, завалены большим числом текущих дел, а особым судебным следователям по важнейшим делам. На каждого из таких следователей должно быть возложено производство следствия в отдельной отрасли государственного управления, например, в области финансов, торговли и промышленности, продовольствия, народного просвещения, городского самоуправления и т. п. К каждому из таких судебных следователей по особо важным делам должно быть прикомандировано еще несколько следователей, которые должны будут непосредственно производить те или другие следственные действия. Главною же задачей судебных следователей по особо важным делам будет общее руководство деятельностью лиц, к ним прикомандированных, разрешение возникающих у них как общих вопросов, так и в особенности касающихся привлечения к следствию обвиняемых, формулировка обвинения, квалификация деяний их и меры пресечения им способов уклоняться от следствия и суда.

Общее наблюдение за производством следствия по всем делам должно принадлежать прокурору палаты, для наблюдения за производством отдельных следствий будут командировать товарищей прокурора судебной палаты и окружного суда. В случае необходимости производства следственных действий вне Петрограда, таковые производятся или местным судебным следователем, по отдельному требованию судебного следователя по особо важным делам, или этим последним, или одним из прикомандированных к нему следователей. В случае возникновения каких-либо общих вопросов по производству следствия у судебного следователя по особо важным делам он за разрешением их обращается к прокурору палаты, который может пригласить для предварительного совещания всех или нескольких наличных следователей по особо важным делам и лиц прокурорского надзора.

В канцелярии прокурора палаты должны быть объединены все сведения о лицах, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, а также копии протоколов осмотров, приобщенных к делам книг и документов, имеющих общее значение, т. е. касающихся одновременно многих обвиняемых. Это необходимо прежде всего ради экономии труда следователей, во избежание излишнего повторения несколькими следователями иногда весьма сложной и требующей много времени работы по составлению протоколов осмотра этих книг. Основательное изучение всех этих книг, брошюр и прокламаций большевиков приведет к познанию большевизма как общественной болезни во всех его проявлениях и стадиях. Правильное понимание этой болезни, ее причины и условия возникновения и эпидемического распространения только и может дать указание на возможность борьбы с нею.

Все полученные отдельными следователями результаты исследований должны делаться общим достоянием всех других следователей. Так, например, преступная деятельность данного лица в сфере дипломатии должна быть дополнена сведениями, полученными судебными следователями, расследующими торговую и промышленную деятельность большевиков и т. п. Только благодаря вышеописанной организации оказалось бы возможным настолько полно и обстоятельно проследить деятельность привлеченного к делу, что обвиняемые были бы лишены возможности давать лживые и уклончивые объяснения своих поступков. Такая система не только не замедлит хода расследования, но, напротив того, будет способствовать скорейшему окончанию каждого дела. В то же время, не оставляя ни одного обстоятельства неразъясненным, вышеозначенная организация предварительного следствия получит возможность привлечь к делу без изъятия деятелей большевиков, что крайне необходимо.

Опыт показал, что оставление без репрессий самых ничтожных участников преступления приводит к необходимости со временем иметь дело с ними уже в качестве главных виновников другого однородного преступления. Поэто-

му-то в видах общественной профилактики, необходимо расследовать самым тщательным образом деятельность каждого большевика и предавать его суду только после всестороннего расследования. Иначе слишком много лиц останутся безнаказанными и через некоторое время снова начнут свою преступную деятельность.

Для осуществления этих предложений я считаю необходимым два мероприятия, которые могут быть осуществлены лишь при участии главнокомандующего.

Во-первых, необходимо, чтобы в самый момент занятия Петрограда было обращено внимание на сохранение полной неприкосновенности всех дел, документов и бумаг, находящихся в помещениях, занятых большевистскими учреждениями и должностными лицами. Конечно, оставляя Петроград, большевики постараются по возможности уничтожить всякие следы своей деятельности. Но, конечно, это не может удасться всякому, и по недостатку времени и по небрежности следы всегда останутся. Тем более необходимо собрать и сберечь все самые ничтожные обрывки писем, бумаг, документов. Может быть, ни в одном уголовном процессе в мире вещественные письменные доказательства не будут иметь такого значения, как в настоящих процессах большевиков. Это потому, что почти все беспристрастные свидетели, не принадлежащие к партии коммунистов, или умерли, или разъехались, или будут бояться давать откровенные показания. Что же касается до принадлежности к партии лиц, состоявших почти сплошь на службе в Совдепии, то, конечно, рассчитывать на их правдивость нет возможности. При таких условиях клочок бумаги может иметь громадное значение для установления вины или невиновности обвиняемого.

Во-вторых, необходимо, чтобы по занятии Петрограда комендантом города было издано обязательное постановление, которое вменило бы всем лицам, состоявшим на службе у большевиков, от высших до самых низших, в определенный срок, не более трех дней, явиться в заранее указанные места и дать ответ на целый ряд вопросов, касающихся их служебной деятельности.

Проект этого опросного листа прилагается.

Не надо быть пессимистом для того, чтобы признать, что ни военные поражения большевиков, ни судебная борьба с ними не могут дать уверенности в уничтожении самых корней большевиков. Даже после полного своего поражения большевизм будет тлеть и временами вспыхивать. Вспышек большевизма следует ожидать не только в новых местностях, где население не познакомилось с ним заранее, но также и там, где, благодаря крайней неустойчивости в населении социальных, экономических и политических взглядов, люди заинтересованные сумеют внушить населению мысль, что развал государства, разорение и гибель промышленности явились последствиями не большевизма, но лишь неудачного выбора вождей движения, оказавшихся, дескать, не на высоте большевистских требований и идеалов. Если вспомнить, что Венгрия, Финляндия, Эстония, Латвия и даже Германия, не говоря уже об азиатских государствах, оказались не чуждыми большевизму, который оказался чрезвычайно заразительным, то надо прийти к заключению, что чрезвычайные профилактические меры против большевизма необходимы не только в России, но на пространстве всего мира. Единственным радикальным средством борьбы с ним может быть только раскрытие истинной его сущности. Необходимо исследовать не только перед русским народом, но и перед народами мира все источники зарождения большевизма, условий развития и отношения его ко всем сторонам жизни как государства — в области международной, правовой, экономической, политической, так и народа — в области чисто национальной, религиозной, бытовой и т. п. Для такого всестороннего изучения большевизма я предлагаю ныне же созвать в Петрограде “Государственную комиссию борьбы с большевизмом”. Комиссия должна быть образована немедленно вслед за взятием белыми Петрограда.

В этой комиссии должны сосредоточиваться все сведения, касающиеся этой язвы государственной и народной жизни. В состав ее должны были бы входить как судебные

деятели и государственные люди, так и ученые, и историки, и литераторы.

Но, кроме того, так как широкие задачи этой комиссии могли бы быть достигнуты при деятельном сотрудничестве широких кругов, то в состав ее должны были бы войти все представители иностранных миссий. Последние ознакомляли бы Комиссию со всеми явлениями социальной жизни их стран, имеющими отношение к большевизму, а также со всеми приемами борьбы с большевизмом в пределах их страны. Кроме того, представители иностранных миссий могли бы взять на себя, помимо министерства иностранных дел, все сношения русских судебных властей по исполнению отдельных требований их за границей и заграничных требований в России и тем оказать большую помощь достижением быстроты следствия.

Из вышеизложенного видно, что задача Комиссии двоякая: во-первых, чисто судебная — расследование деятельности большевиков и, во-вторых — научно-административная. О первой сказано достаточно. Что касается административно-научной деятельности, то целью Комиссии должно быть прежде всего раскрытие сущности большевизма.

Необходимо изучить историческое происхождение большевистской доктрины из теоретических, научных и метафизических работ социалистических мыслителей, проследить влияние социалистических учений на психологию народных масс, а равно влияние исторических, социальных и политических условий народной жизни на распространение большевизма и, наконец, проследить приемы, условия и способы большевистской пропаганды не только во всех классах и национальностях нашего государства, но и среди других народов.

Такое изучение большевизма должно покоиться на точных объективных результатах и научном исследовании положительных фактов, добытых следственными властями и установленными судебными приговорами.

Как необходимый результат деятельности проектируемой Комиссии должен явиться, во-первых, ряд научных исследований сущности социальной болезни большевизма;

во-вторых, выработка чисто практических мероприятий государственной власти для действительной борьбы со столь великим злом. Возможно, что эти мероприятия будут проведены в международном масштабе. И, наконец, в-третьих, ряд, популярных книг и общедоступных брошюр, выясняющих сущность большевизма.

Я прошу Совет министров одобрить в принципе предложения об образовании Государственной комиссии борьбы с большевизмом, дабы я имел возможность приступить к подробной разработке способов осуществления вышеизложенных мыслей и соображений.

Министр юстиции (подпись)

Е. Кедрин

Начальник канцелярии (подпись)

В. Срезневский

Октябрь 1919 года

С подлинным верно:

Секретарь

А. Герцен

Место печати.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

1. Фамилия лица, дающего показания.
2. Имя.
3. Отчество.
4. Если фамилия менялась, какие, когда и по какому поводу были фамилии и партийные имена и прозвища.
5. Возраст (дата рождения).
6. Место рождения.
7. Национальность.

8. Религия.
 9. Семейное положение (состав семьи).
 10. Где семья находится?
 11. Когда и по какому случаю прибыл в Петроград?
 12. Занятие или служба до 25 октября 1917 года.
 13. Источники существования, занятие или служба после 25 октября 1917 года (указать последовательно продолжение службы).
 14. Состоял ли в политической партии, в какой и с какого времени?
 15. Принуждал ли кто-либо вступить в партию коммунистов (кто и когда)?
 16. В каком положении был в партии коммунистов?
 - а) Называл ли себя сочувствующим?
 - б) Был ли зарегистрирован в партии коммунистов сочувствующим?
 - в) Состоял ли в партии коммунистов кандидатом?
 - г) Был ли зарегистрирован коммунистом?
- Примечание: Если сохранилась партийная карточка, она должна быть приложена.
17. В случае состояния в партии коммунистов, каковы были мотивы вступления?
 18. Состоял ли членом профессионального союза и какою именно и не занимал ли должности в президиуме этого союза?
 19. Участвовал ли в митингах в качестве оратора, когда, где, по какому поводу и в какой партии?
 20. Состоял ли на службе в Красной армии, в какой должности, не состоял ли комиссаром, был ли в сражениях?
 21. Имелось ли разрешение на хранение оружия и какою, кем и на какой предмет выданное?
 22. Если был заключен в тюрьму большевиками:
 - а) когда, б) за что, в) где, г) по чьему распоряжению или доносу, д) сколько времени содержался в заключении, е) кто сидел вместе, ж) кто допрашивал и по какому поводу, з) кто был начальником тюрьмы, и) был ли присужден и по какому наказанию, к) какие случаи казни известны заявителю (сообщить имена казненных, их вины и даты казней).

23. Был ли заключен в тюрьму белыми, когда и за что, сколько времени содержался, кем и почему был освобожден?

24. Пострадал ли от большевиков, когда, в чем и от кого?

25. В случае службы в советских учреждениях указать: а) в каких состоял должностях (если состоял на службе в нескольких должностях, то ответить на нижеследующие вопросы в подробности относительно каждой должности), б) с какого и по какое время, в) по какой причине поступил на службу, г) какой получал оклад, д) какого рода дела ведало учреждение, е) какого рода дела ведал заявитель, ж) возлагались ли особые поручения, какие и по какой должности, з) получались ли деньги, и в какой сумме, и по какой должности, и) кто стоял во главе учреждения, к) кто были сослуживцы, л) где помещалось учреждение, если оно было раньше в другом месте, следует указать прежние адреса, м) были ли на службе в учреждении коммунисты или сочувствовавшие им и кто именно?

26. Кто может подтвердить правильность показаний?

27. Фотографический снимок.

28. Отпечаток пальца.

29. Особые приметы или физические недостатки (глухота, слепота), не страдал ли какой-либо конституционной болезнью (падучая, алкоголизм, малокровие).

30. Подпись.

С подлинным верно:

Секретарь

А. Герцен

Печать управляющего делами Совета министров правительства Северо-Западной области России.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

**АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ
по делу об аресте и убийстве заложников
в Пятигорске в октябре 1918 года**

Промкие призывы руководителей Октябрьской революции 1917 года к беспощадной борьбе с отдельными лицами и целыми классами, не желающими стать на так называемую советскую платформу, провозглашенные в первые же дни Октябрьского переворота, стали приводиться в исполнение на Кавказских Минеральных группах не сразу, и лишь по прошествии почти целого года после их провозглашения известные советские власти начали прибегать к таким крайним мерам, как взятие заложников.

Первым шагом в этом отношении, вызванным общим распоряжением центральной советской власти, был приказ № 73 Чрезвычайной комиссии Северного Кавказа по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, пропечатанный в № 138 от 25 сентября (8 октября) 1918 года "Известий ЦИК Северо-Кавказской советской социалистической республики, окружного исполкома Советов и Пятигорского совдепа".

В этом приказе значится, что во исполнении приказа народного комиссара внутренних дел тов. Петровского подпергнуты заключению в качестве заложников следующие представители буржуазии и офицерства: 1) Рузский (бывший генерал), 2) Багратион-Мухранский (бывший князь), 3) Шаховской Л. (бывший князь), 4) Шаховской Владимир (бывший князь) и другие, всего 32 человека.

Все эти лица, как это изложено в заключительной фразе приказа, подлежали расстрелу в первую очередь “при попытке контрреволюционного восстания или покушения на жизнь вождей пролетариата”.

Аресты лиц, содержащихся затем в качестве заложников, как то установлено произведенным следствием, последовали в разное время, после набегов отряда полковника Шкуро на Кисловодск и Ессентуки. Так, в Ессентуках 29 августа 1918 года был арестован бывший министр путей сообщения С. В. Рухлов; также 3 сентября был арестован генерал-майор Мельгунов, 70-летний старец, и приблизительно в те же дни генерал Колзаков, подполковник и штабс-капитан Четыркины, есаул Федышкин и поручик Малиновский.

Затем 11 сентября в Ессентуках же были арестованы: генерал Рузский, генерал Радко-Дмитриев с сыном поручиком, князь С. П. Урусов, член Государственного совета князь Н. П. Урусов, князья Л. В. и В. А. Шаховские, генерал князь Багратион-Мухранский, П. С. Толстой-Милославский и А. К. и П. К. Шведовы.

В Пятигорске были арестованы сенатор барон Медем, подъесаул Колосков, полковник Карганов, подполковник Карташев, генерал Назиненко, генерал Чижевский, капитан Русанов, генерал Евстафьев, полковник Чичинадзе, полковник барон де-Форжет, полковник Саратовкин и полковник Беляев, а в Кисловодске — князь Ф. М. Урусов, бывший министр юстиции Н. А. Добровольский, генерал Шевцов, генерал-лейтенант Цирадов, генерал-лейтенант Тохателов, генерал Перфильев, генерал Бойчевский, генерал Смирнов, полковники Трубецкой, Власов, генерал Корнеев, капитан Софронов, генерал Железовский, генерал Кашерининов, генерал Пархомов, генерал Игнатьев, генерал-лейтенант Ушаков, генерал князь Туманов, генерал Тришатный, полковник Николаев, полковник Рудницкий и др.

В Желзноводске были арестованы контр-адмирал гр. А. П. Капнист, бывший начальник Морского генерального штаба и подполковник Г. А. Махатадзе.

Наибольшее количество заложников было арестовано в Кисловодске, где 2 октября 1918 года была произведена регистрация гг. офицеров. Руководствуясь данными этой регистрации, большевики на следующий день стали производить самые тщательные обыски, преимущественно у генералов и полковников и, независимо от результатов обысков, арестовывали заранее намеченных лиц. Во многих случаях при этих обысках красноармейцы забирали вещи, оставшиеся на руках их владельцев, несмотря на многочисленные предыдущие обыски, как-то: одежду, белье, ордена, и в особенности серебро и золото. Последнее, согласно объяснению председателя Чрезвычайной следственной комиссии города Кисловодска вдове генерала от инфантерии В. Д. Шевцовой, предназначалось, будто бы, для уплаты контрибуции немцам.

Всех арестованных препровождали в гостиницу "Нарзан 1-й", где их помещали в одной небольшой комнате. Помимо лишения самых примитивных удобств и тесноты, арестованные в течение всей ночи с 3 на 4 октября 1918 года совершенно не могли заснуть, т. к. ежеминутно в их комнату врывались красноармейцы, украшенные похищенными при обысках орденами и лентами, и, глумясь над заключенными, командовали им "смирно".

Утром 4 октября имело место избиевание одного из заложников. В тот же день, около 2-х часов пополудни, всех заложников повели из гостиницы "Нарзан 1-й" на товарную станцию Кисловодск для отправления в город Пятигорск. Провожавшим было разрешено проститься с ними.

По приезде в г. Пятигорск заложники были отведены для дальнейшего содержания под стражей в номера Новоевропейской гостиницы на Нижегородской улице; обстановка, в которой находились заложники, была удручающей. Двери в этой гостинице, называемой большевиками "концентрационным лагерем", плотно не затворялись, во многих окнах стекла не были вставлены, дули постоянные сквозняки, и, хотя на дворе стоял октябрь, печи не топились. В постелях гнездились такое количество клопов, что многим заложникам приходилось по этой причине спать на полу. При

таких условиях случаи заболеваний со смертельным исходом были довольно часты.

Тяжесть положения заболевших усугублялась тем, что тюремного врача не было, и заложники сами должны были заботиться о приглашении частного доктора, что было крайне затруднительно. Не менее затруднительно было получение необходимых лекарств.

Кормили заключенных плохо: раз в день давали борщ и фунт хлеба, но при этом им не возбранялось получать пищу от близких людей.

Заложников за время содержания их в “концентрационном лагере” не допрашивали и заставляли самих исполнять всевозможную черную работу: пилить дрова, мести полы и т. п. Престарелые и заслуженные генералы подчас были вынуждены носить дрова на квартиру молодого коменданта номеров, Павла Васильевича Мелешко.

Генерал Рузский, наряду с другими заложниками, должен был подметать свою комнату, для чего он пользовался веником, принесенным полковнику Чичинадзе его женою. Однажды генерал Рузский мыл тарелки. Заставший его за этим занятием секретарь Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Стельмахович спросил его, как он себя чувствует. Не поднимая глаз, генерал Рузский ответил: “Ничего”. “Как ваше здоровье?” — продолжал расспрашивать Стельмахович. Генерал Рузский, опять не глядя на Стельмаховича, сказал: “Какое может быть здоровье при моих преклонных летах?” Затем Стельмахович спросил: “А вы знаете, кто я?” — и получив односложный ответ “нет”, несколько раз повторил, что он — Стельмахович, но и это не заставило генерала Рузского изменить своего преисполненного достоинством отношения к навязчивому собеседнику.

Особенно тяжки были для заложников мучения нравственного свойства, которые им приходилось терпеть за время их пребывания в номерах Новоевропейской гостиницы. Передко в караул попадали озлобленные красноармейцы, и тогда обращение с заключенными становилось невыносимым. Грубые большевики всячески глумились над безза-

щитными людьми и порой обращались с ними, как с собаками, и гнали их из коридора в номера со словами: "Пошли они в свои конуры, барбосы".

Взгляд матросов-большевиков, приходивших в "концентрационный лагерь", на заложников в достаточной мере характеризуется словами одного из матросов, сказанными в их присутствии: "Здесь (т. е. в Новоевропейских номерах) сидят не люди, а медведи и волки, которых нужно повести на [гору] Машук и поступить с ними так же, как с Николаем II, рассеяв их прах".

Не могли также не действовать на душу заложников самым угнетающим образом посещения "концентрационного лагеря" палачом, который подробно рассказывал, как он мучит и убивает свои жертвы.

Единственным утешением для заложников были свидания, которые официально должны были продолжаться 15 минут и разрешались лишь два раза в неделю: по средам и воскресеньям; за известное же денежное вознаграждение караульных свидания могли быть ежедневными и более продолжительными.

К несчастью для заключенных в Новоевропейских номерах, и это их единственное утешение длилось недолго. В начале октября 1918 года в коридоре гостиницы испортились провода электрического освещения. Один из рабочих, присланных для исправления этого повреждения, вошел в номер, где содержался граф Бобринский, и шепнул ему, что он казак и что готовится попытка освободить арестованных. Граф Бобринский поверил этому человеку, осматривал с ним гостиницу и обсуждал план побега. Каким-то образом действия графа Бобринского стали известны надсмотрщикам, и в результате он был переведен в "яму", подвал Чрезвычайной комиссии. Во всех номерах гостиницы был произведен тщательный обыск, сопровождавшийся отображением у заложников карандашей и бумаги. Строгости усилились, и свидания с посетителями стали возможны лишь в одном из отведенных для этой цели номеров, и продолжительность свиданий была ограничена пятнадцатью минутами.

В таких условиях содержались заложники в названной гостинице. В середине октября их было там около 160 человек, в том числе и все 59 лиц, показанные в приказе № 6 расстрелянными. Некоторые из заложников, казаки, взятые в станицах Марьинской и Лабинской, были впоследствии освобождены по ходатайству станичников. Там же содержался и бывший член Государственного совета Н. С. Крашенников, расстрелянный ранее других заложников.

Другим местом заключения для заложников в городе Пятигорске служил подвал Чрезвычайной комиссии, помещавшейся в доме № 31 по Ермоловскому проспекту. Этот подвал, прозванный “ямой”, находится в угловой части дома Карапетянца, образуемой Кисловодским проспектом и Ессентукской улицей. Вход в подвал со двора дома и уровень пола подвального помещения находятся на трехаршинной глубине по отношению к уровню мостовой. Высота потолка — четыре с половиной аршина. Небольшие для сравнительно значительной площади подвальных помещений окна устроены, по большей части, на трехаршинной высоте от пола и заделаны решетками. Почти во всех окнах стекла выбиты. Стены сыры. Кроватей в этой мрачной “яме” не было. Лишь несколькими людям удавалось получить места на немногих досках, настланных вдоль стен некоторых помещений; остальные, если они не имели собственных подстилок, были вынуждены лежать прямо на голом до невероятности загрязненном цементированном полу. Временами подвал бывал переполнен до крайности. Так, например, в угловой комнате, площадью от 110—115 кв. аршин, набивалось до 70 человек. Само собою разумеется, что при таких условиях уголовные преступники содержались вместе с заложниками. Света в подвале было настолько мало, что днем с улицы ничего не было видно, вечером же, когда арестованные зажигали керосиновые лампочки, можно было видеть, что некоторые спали на досках у стен, что кое-кто лежал на принесенном из дому матраце; иные же, сидя на полу с вытянутыми вперед ногами и прислоняясь к стене, писали что-то, положив бумагу

на свои колени. Заложники сидели скучные, а уголовные из красноармейцев и матросов часто собирались кучкой посреди угловой комнаты и пели революционные песни.

Вершителем судеб лиц, попадающих в “яму”, был комендант дома Чрезвычайной комиссии “товарищ” Скрябин, бывший каторжник. Он не расставался с плеткой, бил ею, гонял арестованных из одной комнаты в другую, ругался, кричал и часто повторял, что все офицеры должны быть расстреляны. По мнению Скрябина, заложников слишком хорошо содержали в Новоевропейской гостинице. Если бы это зависело от него, то он сажал бы арестованных попеременно в кипяток и холодную воду. Скрябин сознавался в том, что он воодушевляется, расстреливая людей, и что весь смысл его жизни заключается только в этом. При наличии такого признания, является вполне понятным, что Скрябин не упустил удобного случая, представившегося ему во время бывшей в Пятигорске вследствие занятия отрядом полковника Шкуро Ессентуков паники, и собственноручно убил четырех арестованных, выведенных на двор “Чрезвычайки” для отправления их на вокзал. Одним из любимых видов глумления над генералами и полковниками, попадавшими в “яму”, были принудительные работы по очистке двора и отхожих мест без помощи каких бы то ни было вспомогательных средств, лопат, метел или тряпок.

Подвал дома Карапетянца являлся, собственно говоря, этапным пунктом почти для всех арестованных. Из этого подвала арестованных, после непродолжительного содержания в нем, обыкновенно препровождали или в тюрьму, или в “концентрационный лагерь”. Лишь некоторых арестованных задерживали в “яме” в течение более длительных сроков. В этот же подвал приводили людей, обреченных на смерть, и сажали их в особую комнату.

Третьим местом заключения арестованных в Пятигорске, по данным произведенного расследования, была тюрьма. По общему правилу свидания с заключенными там не допускались, и если вдова полковника М. И. Махатадзе и получила разрешение на посещение своего мужа, содержавшегося в тюрьме, то это может быть объяснено лишь

рассеянностью Стельмаховича, подписавшего поднесенный ему пропуск, не прочтя текста бумаги.

Сначала в означенной тюрьме придерживались принципа отделения политических арестованных от уголовных, но затем это перестали соблюдать.

Питание арестантов было неудовлетворительно. Утром и вечером им давали кипяток, днем похлебку и 2 фунта хлеба на весь день.

В тюрьму часто являлись агенты-provокаторы Чрезвычайной комиссии и под видом контрреволюционеров предлагали заключенным свои услуги для передачи разных сведений. Когда их выгоняли, они грозили расстрелами.

В числе многочисленных арестованных в тюрьме содержались полковник Шульман, Николай Волков, поручик Костич, подпоручик Клочкив, подполковник Попов, поручик Гутарев-Иванов, поручик Шафоростов, Семен Куликович, член Государственного совета Н. С. Крашенников, граф Гавриил Бобринский, подпоручик Кузьмин, о. Иоанн Рябухин и студент Михаил Андреев.

Жизнь не замедлила доставить местной советской власти случай для приведения в исполнение угрозы, заключавшейся в вышеприведенном приказе № 73 “Чрезвычайной комиссии Северного Кавказа по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией”, именуемой в просторечии “Чрезвычайкой”, и когда умер “товарищ” Ильин, командовавший Северо-Западным фронтом, от полученного им во время боя ранения в голову, то большевики, сочтя это обстоятельство за покушение на жизнь одного из вождей пролетариата, казнили на третий день после похорон Ильина, 6 октября 1918 года, нескольких из арестованных ими лиц, а именно: гвардии полковника Случевского, полковника Шульмана, штабс-капитана Костича, фельдшера Волкова, поручика Шафоростова и бывшего председателя “Союза увечных воинов” Беляева (старика, слепого на оба глаза).

В это время уже назревала так называемая “Сорокинская авантюра”, повлекшая за собою столь трагические последствия для многих заложников.

Главком Сорокин, энергичный и крайне властолюбивый человек с ярко проявляемыми юдофобскими взглядами, опасаясь, с одной стороны, мести советской власти, грозившей ему за неудачи на Кубани и за жестокие расправы с провинившимися подчиненными, а с другой — желая заменить былую свою популярность неограниченной властью военного диктатора для ограждения себя от надвигавшейся опасности, попытался совершить переворот. С этой целью 13/26 октября 1918 года Сорокин приказал чинам своего штаба арестовать председателя ЦИК Советской кавказской республики Рубина, председателя краевого комитета партии большевиков Крайнего, заведывающего Чрезвычайной комиссией при Революционном совете Рожанского, товарища председателя ЦИК Дунаевского и члена ЦИК Власова, которые, за исключением последнего, были евреи и казались ему опасными. В тот же день стало известно, что эти лица были убиты.

По объяснению непосредственных исполнителей этого расстрела, Сафронова, бывшего предводителя большевиков на Доно-Кубанском фронте, Костяного — адъютанта Сорокина, и Рябова — коменданта сорокинского штаба, содержавшихся в тюрьме вместе со свидетелем полковником Шведовым, Сорокин ненавидел евреев, которые возглавляли собою краевой исполнительный комитет. При своих поездках в комитет Сорокин окружал себя большой свитой и объяснял это тем, что не хочет быть среди жидов, а хочет быть среди своих. Такие же настроения были и у сотрудников Сорокина. Например, Рябов, необузданный по природе человек, сопровождал Крайнего и, идя впереди него на вокзале, рассталкивал толпившийся народ со словами: “дорогу жиду...” Помимо этих черт своего характера, Сорокин, по объяснению вышеназванных его сподвижников, решился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмешательство ЦИК в военное дело, что, как находил Сорокин, мешало военным операциям.

Противная Сорокину партия приняла решительные меры, и Сорокин, видя, что его план потерпел крушение, вынужден был бежать из Пятигорска. Тем временем, на

созванном самим же Сорокиным состоявшемся в станице Невинномысской Чрезвычайном съезде Советов и представителей революционной Красной армии бывший главком Сорокин был объявлен вне закона как изменник революции и, согласно изданному приказу, должен был быть немедленно арестован вместе с его “сворой” (штабом) и доставлен под усиленным конвоем в Невинномысскую “живым или мертвым для всенародного справедливого и открытого суда”. Во исполнении этого приказа Сорокин был арестован в г. Ставрополе, но доставлен он в Невинномысскую не был, т. к. после ареста был убит одним из членов Чрезвычайного съезда. Дальнейшая участь большинства лиц, содержащихся в качестве заложников в “концентрационном лагере”, была предрешена на упомянутом выше Чрезвычайном съезде в станице Невинномысской. В 4-м пункте резолюции, вынесенной этим съездом, съезд заявляет, что каждый покушавшийся на жизнь члена трудящихся масс без всенародного суда считается изменником дела революции и сами трудящиеся массы на белый террор буржуазии ответят массовым красным террором.

Приведенная резолюция опубликована на первой странице № 157 “Известий ЦИК Северо-Кавказской советской социалистической республики”, от 2 ноября 1918 года (по новому стилю). На той же странице начинается статья, озаглавленная “Красный террор” и заключающая в себе приказ № 6 Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией следующего содержания:

Вследствие покушения на жизнь вождей пролетариата в городе Пятигорске 21 октября 1918 года в силу приказа № 3 от 8 октября сего года, в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей, членов ЦИК и других, по постановлению Чрезвычайной комиссии расстреляны нижеследующие заложники и лица, принадлежащие к контрреволюционным организациям:

1. Рузский (генерал)
2. Урусов Сергей (князь)
3. Урусов Николай (князь)

4. Урусов Федор (князь, генерал)
5. Капнист (граф, контр-адмирал)
6. Медем (барон, сенатор)
7. Колосов (подполковник)
8. Карганов (полковник)
9. Рубцов (полковник)
10. Шаховской Леонид (князь)
11. Шаховской Владимир (князь)
12. Рухлов (министр путей сообщения)
13. Добровольский (министр юстиции)
14. Бочаров (полковник)
15. Колзаков (генерал)
16. Карташев (полковник)
17. Шевцов (генерал)
18. Медведев (генерал)
19. Исакович (полковник)
20. Савельев (полковник)
21. Пирадов (генерал-лейтенант)
22. Похателов (генерал-лейтенант)
23. Перфилов (генерал-лейтенант)
24. Бойчевский (генерал-майор)
25. Васильев (полковник)
26. Смирнов (генерал)
27. Алешкевич (генерал-майор)
28. Трубецкой (полковник)
29. Николаев (полковник)
30. Радницкий (генерал-майор)
31. Власов Михаил (купец 1-й гильдии)
32. Федоров (подпоручик)
33. Федоров (казак)
34. Назименко (генерал)
35. Чижевский (генерал)
36. Русанов (капитан)
37. Мельгунов (генерал)
38. Бобринский (граф)
39. Евстафенко (генерал)
40. Радко-Дмитриев (генерал)
41. Игнатьев (генерал)

42. Желездовский (генерал)
43. Кашерипников (генерал)
44. Ушаков (генерал-лейтенант)
45. Турин (подполковник)
46. Бобрищев (подъесаул)
47. Туманов (князь, генерал)
48. Чичинадзе (полковник)
49. Форжеш (полковник)
50. Багратион-Мухранский (генерал)
51. Шведов (полковник)
52. Малиновский (поручик)
53. Саратовкин (генерал)
54. Покотилов (генерал)
55. Рашковский (полковник)
56. Дериглазова (дочь полковника)
57. Бархударов (полковник)
58. Беляев (полковник)
59. Тришатный (генерал-майор)

Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в заседании своем от 31 октября сего года постановила расстрелять нижеследующих лиц:

1. Волкову Феклу Никитишну, за подстрекательство и содействие в бегстве.

2. Случевского Евгения (полковника), начальника штаба контрреволюционной организации в городе Пятигорске.

3. Кашкадамова Павла (юнкера), члена штаба контрреволюционной организации в гор. Пятигорске и соучастника взрыва патронного завода.

4. Назарьяна, агента контрреволюционного штаба г. Пятигорска.

5. Касперсова (офицера), агента контрреволюционного штаба и сообщника в заговоре взрыва патронного завода в гор. Пятигорске.

6. Беляева Николая, за принадлежность к контрреволюционной организации.

7. Волкова Николая, помощника начальника контрразведки Шкуро, Ессентуки.
8. Волкова Владимира, агента контрреволюционного штаба станицы Ессентукской.
9. Шульмана Рудольфа (полковника), члена контрреволюционного штаба гор. Пятигорска.
10. Костица Бориса (офицера), члена контрреволюционного штаба гор. Пятигорска.
11. Клочкова (офицера) за неявку на регистрацию согласно приказа ЧК 83 и намерение перейти в отряд Шкуро и заимение у себя подложного документа советской власти.
12. Попова (офицера), члена контрреволюционной организации в гор. Пятигорске и соучастника в заговоре взрыва патронного завода.
13. Бойтенко — агента контрреволюционного штаба в гор. Пятигорске.
14. Шафороста Александра, агента контрреволюционного штаба в Пятигорске.
15. Иванова-Гутарева Павла (поручика), за передачу карт Пятигорского округа в контрреволюционный штаб в гор. Пятигорске.
16. Куликовича Семена (фальшивомонетчика), контрреволюционера.
17. Малина Антона (бывшего жандарма), за провокацию против советской власти.
18. Крашенинникова Петра Николаевича (сенатора)
19. Графа Бобринского, за принадлежность к контрреволюционной организации.
20. Кузьмина Анатолия, за принадлежность к отряду Шкуро (как агента).
21. Пацука (жандарма), за принадлежность к контрреволюционной организации.
22. Черного, за участие в контрреволюционном заговоре по делу Сорокина.
23. Богданова — то же.
24. Гриненко — то же.

25. Коновалова Ивана (фальшивомонетчика), пойманного на месте преступления при сбыте фальшивых знаков.

26. Коновалова Павла, как фальшивомонетчика.

27. Переверзева Ивана — то же.

28. Хандогина Ивана — то же.

29. Буслаева Василия — то же.

30. Бордзаева Пуваль — то же.

31. Тамбиева 1-го (князя) — за организацию контрреволюционного отряда, за участие в боях в таковом.

32. Тамбиева 2-го Мураза Бека — то же.

33. Синько — за принадлежность к отряду Тамбиева и за вооруженное восстание.

34. Супруна — то же.

35. Тарана Якова — то же.

36. Кокаева Фому — то же.

37. Погребняка Ивана — то же.

38. Зайченко Сергея — то же.

39. Щербакова Алексея (командира, контрреволюционера).

40. Карташева Владимира — за расстрел двух невинных женщин.

41. Орлова Василия — за принадлежность к контрреволюционной организации.

42. Прокофьева Николая — то же.

43. Андреева Михаила — то же.

44. Махарадзе Георгия — то же.

45. Рябухина Ивана (священника) — за молебен в станице Ессентукской о даровании победы кадетам.

46. Кошелева Георгия — за денежное вымогательство.

47. Полонскую Эльзу (литераторшу) — за принадлежность к контрреволюционной организации.

Подписали:

председатель

Атарбеков

члены:

Стельмахович, Щипулин, М. Осипов

Скрепил:

секретарь

Абовьян

Итак, сами большевики признали в своем официальном органе, что убийство многочисленных заложников является ничем иным, как актом красного террора.

Это событие, о котором извещает приведенный выше приказ за № 6, произошло при следующих обстоятельствах.

В холодный и ветреный осенний вечер 18 октября 1918 года, под мелким дождем и при густом тумане, препятствовавшем видеть на один квартал вперед, из тюрьмы было выведено 13 арестованных, которых остановили затем на Нижегородской улице возле номеров Новоевропейской гостиницы.

Тем временем какой-то матрос, командир карательного отряда, состоявшего из конных матросов и называвшегося "батальоном смерти", распорядился вызвать в коридор гостиницы всех бывших налицо заложников и, по имевшемуся у него списку, стал поименно выкликать их. Таким образом, было вызвано матросом 52 человека из числа 59-ти, показанных в приказе № 6 расстрелянными. Остальные 7 человек частью не были в тот момент в "концентрационном лагере", а частью, по невыясненной причине, не были вызваны матросом. Некоторым заложникам хотелось верить, что эта необычная перекличка предвещает перемену к лучшему в их тяжком образе жизни. Настроение у многих повысилось, и людям, склонным к оптимизму, обещание немедленного освобождения после выполнения некоторых формальностей в "Чрезвычайке" не казалось неправдоподобным. Предложение забрать с собою вещи еще больше подбодрило заложников, и многие из них стали надеяться на то, что в худшем случае их тревожат для перевода в более теплое помещение. Но радость заложников была кратковременна. Удары нагаек "товарищей" рядовых "батальона смерти" тотчас же по выходе заложников на улицу быстро вернули их к суровой действительности. Подъезд гостиницы был освещен, а потому, несмотря на густой туман, стоявшие на улице 13 человек, приведенные из тюрьмы, видели, как человек шестьдесят заложников быстро, один за другим, со свертками в руках выходили на улицу.

Раздалась команда “шашки наголо”, и вереница людей, обреченных на смерть, тронулась по Нижегородской улице и повернула налево по Романовскому проспекту.

Дул порывистый, холодный ветер. Кто мог, кутался в одеяло. Среди заложников были больные. У одного из них, у Малиновского, было воспаление легких и температура превышала 40°. Его жена накинула на него плед. Какой-то красноармеец сорвал его с несчастного и бросил его г-же Малиновской со словами: “Возьми свой платок. Ты молода, и он тебе пригодится, а ему на Машуке его не надо”.

Больными чувствовали себя генералы Рузский и Радко-Дмитриев, а также отец Иоанн Рябухин, который не расставался со Св. Евангелием. Шли медленно и долго. Больные устали.

Всех заложников вели в Чрезвычайную комиссию на угол Ермолаевского проспекта и Эссентукской улицы. Там генерал Рузский падал в обморок.

По прибытии к дому Карапетянца, где помещалась “Чрезвычайка”, всех заложников заперли в одну из комнат верхнего этажа. Из этой комнаты их поодиночке вызывали в другую, где с них снимали одежду, которую тут же бросали на пол. К моменту вызова во вторую комнату 59-го заложника там лежали груды всевозможного платья. Тут же заложникам скручивали руки за спину и туго перевязывали их тонкой проволокой, после чего только переводили в третью комнату.

В таком именно виде, в одном белье, со связанными за спиною руками, повели часть заложников на городское кладбище.

К 11 часам вечера жуткое шествие прибыло к месту своего назначения и остановилось у запертых кладбищенских ворот. Красноармейцы стали стучать прикладами ружей в дверь сторожки, где живет смотритель кладбища Валериан Обрезов, и требовали немедленно пустить их на кладбище. На вопрос Обрезова, кто это, последовал ответ “товарищи”, после чего Обрезов вышел из сторожки. Следом за ним вышел и кладбищенский сторож Артем Васильев. Еще утром 18 октября большевики заказали Обрезову

большую яму. Ее вырыли на городском кладбище в левом заднем углу (северо-западном). К вечеру привезли несколько гробов из больницы, и т. к. других ям не было, то Обрезов приказал опустить эти гробы в яму, заказанную утром большевиками.

Один из конвойных, бывший как бы за старшего, приказал отсчитать из всей партии приведенных людей 15 человек. Обрезов и Васильев пошли вперед, показывая дорогу к упомянутой могиле, а выделенные из 25-ти приведенных заложников 15 человек, окруженные красноармейцами, вооруженными с головы до ног, пошли за ними. Остальные заложники остались у ворот кладбища. Шли всю дорогу медленно, шаг за шагом, прямо по дороге в глубь кладбища.

Дорогой генерал Рузский заговорил тихим протяжным голосом. С грустной иронией заметил он, что свободных граждан по неизвестной причине ведут на смертную казнь, что всю жизнь он честно служил, дослужился до генерала, а теперь должен терпеть от своих же русских. Один из конвойных спросил: "Кто говорит? Генерал?" Говоривший ответил: "Да, генерал". За этим ответом последовал удар прикладом ружья и приказ замолчать. Пошли дальше все тем же тихим шагом. Все молчали.

Не доходя до приготовленной ямы, около ограды места Тимашева, все остановились, и красноармейцы приказали заложникам раздеться. Среди общей тишины заложники стали исполнять отданный им приказ. Кто-то из них, обратившись к красноармейцу, сказал: "Товарищ! Если я виноват перед вами, простите меня..." Тот ответил: "Нет, не виноват; только раздевайся скорее".

Потом кто-то крикнул: "Немец!" — и опять все затихло.

Началась рубка. Рубили над ямой, шагах в пяти от нее. Первым убили старика небольшого роста. Он, вероятно, был слеповат, и спрашивал, куда ему идти к яме. Палачи приказывали своим жертвам становиться на колени и вытягивать шеи. Вслед за этим наносились удары шашками. Палачи были неумелые и не могли убивать с одного взмаха. Каждого заложника ударяли раз по пять, а то и больше. Некоторые стонали, но большинство умирало молча. Толь-

ко один казнимый отрывистым голосом выкрикнул: “Товарищи!” — и умолк. Обрезов и Васильев отошли в сторону. До них отчетливо доносился хруст разрубаемых костей. Помимо неопытности палачей, нанесению метких ударов в шю, очевидно, препятствовала темнота. После того как было покончено с первыми четырьмя жертвами, старший команды приказал: “Беритесь теперь за генерала Рузского. Довольно ему сидеть, он уже разделся”.

Свидетель Васильев показал, что генерал Рузский перед самой своей смертью ничего не говорил. Это показание находится в противоречии с показаниями свидетелей Вагнера и Тимрота.

Свидетель Вагнер утверждает со слов присутствовавшего при казни Кравца, бывшего председателя Чрезвычайной следственной комиссии гор. Кисловодска, что генерал Рузский перед самой смертью сказал, обращаясь к своим палачам: “Я — генерал Рузский (произнеся свою фамилию, как слово “русский”) и помните, что за мою смерть вам отомстят русские”. Произнеся эту краткую речь, генерал Рузский склонил свою голову и сказал: “Рубите”.

Свидетель же Тимрот удостоверил, что он был свидетелем разговора бывшего председателя “Чрезвычайки” Атарбекова, Стельмаховича и политического комиссара 2-й армии с подошедшим к ним неизвестным Тимроту лицом. Разговор имел место в кооперативе “Чашка чаю”. Подошедший спросил Атарбекова, правда ли, что красноармейцы отказались расстрелять Рузского и Радко-Дмитриева. Атарбеков ответил: “Правда, но Рузского я зарубил сам, после того, как он на мой вопрос, признает ли он теперь великую российскую революцию, ответил: “Я вижу лишь один великий разбой”. “Я ударил, — продолжал Атарбеков, — Рузского вот этим самым кинжалом (при этом Атарбеков показал бывший на нем черкесский кинжал) по руке, а вторым ударом по шее”. На эти слова Атарбекова Стельмахович или политический комиссар заметил, как ему не надоело об этом рассказывать.

Генерал Рузский, согласно показанию свидетеля Васильева, скончался после пяти нанесенных ему ударов, не издав при этом ни единственного стога.

Казнь неповинных ни в чем людей представляла собою столь жуткое зрелище, что два палача-красноармейца отказались исполнять свои гнусные обязанности. Старший команды отправил их к кладбищенским воротам. Один из этих красноармейцев, казак, рассказывал впоследствии подробности казни. “Ну, и негодяи, — начал он свой рассказ, — натешились. Рубили сначала руки, ноги, а потом уже голову. Да еще перед рубкой начальник отряда нещадно бил их резиновой плеткой”.

Умерщвление первых 15-ти заложников длилось больше часу. Покончив с этой партией, красноармейцы позвали Обрезова и Васильева и спросили у них, имеется ли еще вырытая яма.

Обрезов и Васильев отправились на поиски, а в это время были зарублены остальные 10 человек.

Уходя, красноармейцы сказали Обрезову и Васильеву: “Вы, деды, не ложитесь спать. Мы часа через полтора приведем еще человек тридцать”.

Действительно, через некоторое время красноармейцы вновь привели 37 человек. Опять Обрезов и Васильев пошли вперед; за ними шли заложники и конвой. Шли медленно и молча.

Когда приблизились к деревянным воротам госпитального кладбища, то шествие остановилось, и опять был отдан приказ отсчитать 15 человек. Их повели по госпитальному кладбищу к холерному. Не доходя до ямы, против калитки на городское кладбище их остановили и приказали раздеваться. Когда все разделись, началась рубка.

Обрезов спрятался за памятник, а Васильев за ограду. Ни разговоров, ни стонов слышно не было. До слуха Обрезова доносился лишь хруст костей.

Во время этой рубки Обрезова за чем-то позвали. Подходя к месту казни, он услышал, что один из казнимых, которого как раз рубили в то время, заругался и стал требовать, чтобы его лучше рубили. “Раз рубишь — так руби”,

— воскликнул он. Палач, по-видимому, неопытный, остервенился и, приговаривая: “Мало тебе, так на же!” — стал наносить несчастному удар за ударом. Во всяком случае, этот заложник получил не менее десяти ударов. Палач добил его уже лежащего. Только один матрос рубил умело, и обреченные просили его, чтобы он, а не кто-нибудь иной, нанес им смертельный удар.

Когда кончили рубить первых 15 человек, то трое красноармейцев отправились вместе с Обрезовым к воротам. Там отсчитали еще 10 человек, которых красноармейцы отвели к яме и тоже стали рубить. Тут кто-то из палачей крикнул: “Эй, Кирюшка, подавай людей”. Привели последних заложников, и их тоже зарубили.

Всю эту партию красноармейцы свалили в яму. Приказав затем засыпать могилу землей, красноармейцы сейчас же ушли с кладбища. Но едва ли они пошли домой пешком. Эти красноармейцы, утомленные ночной работой на пользу советской власти, не могли не возбудить по отношению к себе внимания и участия со стороны своих товарищей. Поэтому товарищ Гущин, которому “ребята жаловались на то, что им далеко ходить” на кладбище, позаботился выслать за ними грузовой автомобиль.

Когда Обрезов возвратился к себе в сторожку, на Нахаловской церкви ударило три часа ночи.

Таким образом, большевики, согласно установившейся у них к тому времени практике, закончили свое дело до рассвета. Пятигорскими жителями было замечено, что советская власть по каким-то соображениям стала предпочитать расправляться со своими жертвами под покровом ночи, старательно избегая производить казни, особенно массовые, при дневном свете.

Расследованием установлено, что когда палачи-красноармейцы, совершив в ночь на 19 октября 1918 года свое кровавое дело, вернулись в “Чрезвычайку”, то перед сном они сказали одному из представителей советской власти: “Довольно мы вас поубивали, теперь можно и отдохнуть”.

Но советская власть не согласилась с мнением исполнителей ее предначертаний, и на следующую же ночь, т. е. на

20 октября, на так называемом холерном кладбище разыгралась такая же трагедия, как и накануне. Среди многочисленной партии погибших в этот раз людей были священник и одна женщина. Обрезов и Васильев и в этом случае присутствовали при казни.

На утро могильщики засыпали могилы. Тонкий слой земли покрыл изуродованные тела мучеников и скрыл их на время от людских взоров. Но вид местности, прилегающей к обеим могилам, в утро 20 октября не переставал еще красноречиво свидетельствовать о злодеяниях минувших ночей.

Вокруг могил стояли лужи крови. Кое-где лежали осколки человеческих костей. Ближайшие к месту казни кресты и надгробные памятники были обгажены кровью и обрызганы мозгом. Земля на значительном протяжении была настолько пропитана кровью, что когда один из красноармейцев, вероятно пришедший проконтролировать, как это полагалось у большевиков, работу своих товарищей, ступил на дорогу, прилегающую около одной из могил, то из-под ног его брызнула кровь, и он по щиколотку погряз в кровавой гуще.

На окровавленной земле валялись ботинки и галоши, брошенные заложниками.

Палачи-красноармейцы получали 10 рублей "с головы" каждого казненного. Возможно, что как раз в то время, когда они протягивали свои руки за этим позорным заработком, из свежей, едва присыпанной землей могилы слышались тихие стоны заживо погребенных людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрезова и могильщиков, пришедших ранним утром 20 октября 1918 года насыпать могильный холм. Как бы не сознавая ужаса своего повествования, Обрезов рассказывал об этом свидетельнице А. А. Колесниковой и добавил, что из могильной ямы даже выглядывал, облокотившись на руки, один недобитый заложник, умолял вытащить его из-под груды наваленных на него мертвых тел и просил дать воды. По-видимому, у Обрезова и у сопровождавших его могильщиков страх перед красноармейцами был настолько велик, что в душах их не оставалось более

места для других чувств — и они просто забросали могилу землей.

Стоны стихли.

Сопоставляя подробности рассказа Обрезова с данными, добытыми при раскопке могилы 24 января 1919 года, А. А. Колесникова пришла к убеждению, что раненый, просивший воды, был о. Иоанн Рябухин. Его труп был обнаружен лежащим с поднятыми руками, как будто он желал выкарабкаться из могилы. Обрезов почему-то прикрыл голову священника епитрахилью.

Весть об описанном злодеянии большевиков быстро распространилась по Пятигорску. В других городах Минеральных групп о гибели заложников узнали из газет. Впечатление было самое тягостное, и казнь стольких неповинных людей казалась из-за своей чудовищности прямо невероятной. На этой почве, быть может для смягчения ужасного впечатления, самими большевиками, как утверждает свидетельница баронесса де Форжет, стали распускаться слухи о том, что заложники не казнены, а увезены в Святой Крест. И действительно, такие приметные большевики, как Ге и Кравец, которые не могли не знать правды, успокаивали обращавшихся к ним вдов казненных заложников уверениями в том, что они, большевики, не так глупы, чтобы убивать заложников, и утверждали, что заложники спрятаны в надежное место.

По вполне понятным причинам психологического свойства эти слухи и успокоительные заверения с жадностью подхватывались близкими и знакомыми погибших заложников и, по мере распространения этих слухов, создавались все новые и новые версии, одна другой утешительнее. Подчас слухи были настолько правдоподобны и так хотелось им верить, что некоторые лица предпринимали трудные путешествия, сопряженные со смертельной опасностью, лишь бы напасть на след близкого человека.

Злонамеренные элементы, вроде бывших матросов, учили создавшееся положение в свою пользу и довольно долго шантажировали вдов заложников, вымогая у них более или менее значительные суммы за возможное будто бы еще

освобождение их, покойных в действительности, мужей из-под ареста.

Дальнейшие события доказали всю праздность этих слухов и положили предел подобным мошенничествам. В конце января 1919 года были предприняты раскопки могил заложников. При этом правильная организация отсутствовала, и вообще раскопки производились при таких условиях, что ожидать значительных результатов было нельзя. Тем не менее присутствовавшими при раскопках родственниками заложников были опознаны трупы барона де Форжета, Кузьмина, отца Иоанна Рябухина и Щербакова.

Для веры в правильность приведенных выше слухов уже почти не оставалось места, и в обществе стал укрепляться взгляд на казнь заложников как на месть за смерть Рубина, Рожанского и других членов ЦИК, что, впрочем, и находит себе подтверждение, как то было указано выше, в официальных данных, исходящих непосредственно от советской власти.

Окончательным опровержением циркулировавших слухов о спасении заложников явились результаты, добытые при разрытии Особой комиссией могил жертв октябрьского красного террора в Пятигорске.

27 и 28 февраля 1919 года была разрыта Особой комиссией первая могила, находящаяся в северо-западном углу пятигорского городского кладбища, на расстоянии 19 саженей от западной стены кладбища и четырех с третью саженью от его северной стены.

По снятии верхнего слоя насыпи в южном и северном краях ее обнаружены были первые останки покойников в виде сильно разложившихся конечностей; в южном крае — на глубине четверти аршина от поверхности земли; а в северном — на глубине пол-аршина. При дальнейшем разрытии могилы начали попадаться отдельно лежавшие разные человеческие кости, а затем, по снятии еще некоторого слоя земли и расчистке показавшихся трупов, оказалось, что во всей могиле лежат разбросанными в самых разнообразных и неестественных положениях многочисленные трупы, сильнейшим образом разложившиеся, причем те из

трупов, которые одеты в белье, сохранили еще кроме костей кашеобразную массу, оставшуюся от совершенно разложившихся тканей тела и внутренностей. Ни на одном трупе не остались целыми ткани тела и верхние покровы. Трупы переплетены между собою и свалены в одну грудую, разровненную по всей поверхности могилы, причем такое переплетение трупов особенно сильно в юго-западной части могилы, где вообще их оказалось более, нежели в северо-восточной. Так, в юго-западной части могилы один из трупов нижними своими конечностями обнимал череп другого трупа. Конечности некоторых других трупов подогнуты и сведены между собою. По всей могиле обнаружены отдельно лежавшие черепа. При поднимании трупов они рассыпались на отдельные кости и части вследствие сильного разложения, от которого распространялся удушливый трупный запах.

На дне могилы стоит 10 заколоченных гробов, установленных в ряд и занимающих всю могилу.

Всего из этой первой могилы извлечено 25 трупов.

Эти останки были подвергнуты врачами-экспертами индивидуальному осмотру, причем определение поврежденных, нанесенных погибшим, представляло значительные затруднения в силу полного гнилостного разложения всех мягких тканей, вследствие чего определение целости и возможных аномалий тканей было доступно лишь путем исследования оставшихся костей, которые еще не подверглись в массе процессу тления.

Врачи не могли не отметить полного отсутствия на останках погибших следов огнестрельных ранений.

Перейдя к рассмотрению останков тел погибших, врачи-эксперты при осмотре трупа № 1 нашли, что совершенное отделение головы от туловища, положение ее в стороне от корпуса и переломы обеих ключиц и грудины указывают на то, что в данном случае человек был обезглавлен ударом острорежущего орудия в область шеи и, возможно, перед тем получил удары тяжелым тупым орудием в область грудины и обеих ключиц с переломом этих костей.

При экспертизе трупа № 6, в котором впоследствии было опознано тело генерала Рузского, врачи констатировали пролом правой стороны черепного свода, рубленые повреждения левой половины затылочной и левой скуловой костей, а также многочисленные следы кровоизлияния на череп, кои свидетельствуют о не менее трех сильных ударах, нанесенных остросрежущим орудием по черепному своду справа, по левой щеке и в область затылка, а также о многочисленных ударах тупым орудием по черепному своду, повлекших за собою многочисленные кровоизлияния, от чего и последовала смерть.

Перечисленные повреждения являются характерными для трупов, извлеченных из первой могилы, и привели врачей-экспертов к заключению, что орудиями, коими таковые были произведены, могли быть тяжелая шашка, ружейный приклад и, в единственном случае — штык.

По всей совокупности данных о положении трупов в могиле и полученных повреждениях вполне допустима, по мнению врачей, следующая картина гибели людей, трупы которых найдены в могиле: у края могилы происходила рубка по головам и шеям приговоренных и беспорядочное забрасывание могилы убитыми и умирающими.

28 февраля и 1 марта 1919 года Особая комиссия производила у подножия г. Машука на пятигорском госпитальном (холерном) кладбище разрытие второй могилы заложников, убитых в октябре 1918 года, каковая могила расположена на расстоянии двух аршин от могилы Бабковой и 5 саженьх 1 аршина от северо-восточного угла городского православного кладбища.

При рытье в юго-западном углу ямы, на глубине 3—4 вершков показались куски дерева, рядом с ними плоский тяжелый камень, а под ним часть священнической парчовой спитрахили, под которой была обнаружена теменная часть головы покойного отца Иоанна Рябухина.

Как выяснилось при дальнейших раскопках, лицо отца Иоанна Рябухина было обращено к южному краю могилы, правая рука, согнутая в локте, огибала лицо и кистью соприкасалась с кистью левой руки, которая была поднята с

согнутыми как бы благословляющими пальцами. Труп был в сидячем положении.

Затем в этой могиле были опознаны трупы подполковника барона де Форжет, А. И. Щербакова, поручика Кузьмина, генерала Мельгунова, купца М. А. Власова, капитана Русанова, полковника Махотадзе, графа Г. А. Бобринского, сенатора барона Н. Н. Медема, бывшего министра юстиции Б. А. Добровольского, генерала-лейтенанта князя Багратиона-Мухранского, генерала Радко-Дмитриева и генерала Тришатного.

Все трупы, вырытые из второй могилы, благодаря низкому стоянию почвенных вод и сухому грунту, сохранили целиком свои мягкие ткани, и лишь большая помятость изменила правильность очертаний внешних форм. Трупы, расположенные в верхнем этаже могилы, в массе находились в состоянии мумификации. Трупы в нижней части могилы представляли переходную стадию от мумификации к состоянию заморозения, а местами к начавшемуся гнилоственному разложению мягких частей, обращенных ко дну могилы. Тела располагались в самых случайных неестественных положениях и переплетались конечностями и корпусами друг с другом во всевозможных направлениях.

Целость внешних покровов, мягких частей и костных тканей позволяла безошибочно устанавливать повреждения без полного вскрытия тел и исследования внутренних органов.

При индивидуальном рассмотрении повреждений, обнаруженных на трупах, извлеченных из второй могилы, были найдены глубокие колотые раны, многочисленные большие сине-багрового цвета кровоподтеки и следы ударов тяжелым режущим орудием по затылкам, разрушившие мягкие ткани затылков, шей и тел позвонков. Эти удары, по мнению врачей-экспертов, являются типичными в большинстве случаев повреждений, обнаруженных на трупах рассматриваемой могилы.

В отношении отдельных трупов врачи пришли к заключению, что они подвергались перед смертью побоям тупым оружием, а в некоторых случаях наносились увечья, как,

например, отрубались носы, выбивались зубы, пропарывался живот и проч.

Были также констатированы случаи смерти от удушения землей после зарытия оглушенных несмертельными ударами по голове.

У нескольких трупов руки оказались подогнутыми за спину и сильно скрученными изолированной проволокой.

В конечном результате индивидуального освидетельствования трупов из второй могилы медицинская экспертиза пришла к тому же выводу относительно обстановки казни, как и в первом случае, изложенном выше.

2 марта 1919 года председатель Особой комиссии производил разрытие могил контрреволюционеров, убитых большевиками в ночь на 6 октября 1918 года. По производству предварительно сего осмотра местности, по указанию И. Г. Костица, на западном склоне горы Машука, по направлению к горе Бештау, в двух верстах от Лермонтовского разъезда, в полутора верстах от гор. Пятигорска, была обнаружена неровная яма, величиной в квадратную сажень. В двух аршинах от этой ямы, по направлению к северо-востоку, имеется небольшая насыпь формы могилы, к разрытию которой и было приступлено.

Из могилы извлечены трупы гвардии полковника Попова, неизвестной женщины, поручика Шафоростова, фельдшера Волкова, инженера Беляева, подпоручика Костица и полковника Случевского.

Во второй могиле оказался труп полковника Шульмана. По вопросу о причинах смерти семи лиц врачи-эксперты пришли к следующему заключению:

“Смерть Попова, Волкова, Случевского и Шульмана последовала от ранения остросрежущим оружием, а смерть Шафоростова, Беляева и Костица от ранения огнестрельным оружием”.

Таким образом, согласно результатам, добытым разрытием могил, и в связи с другими данными настоящего расследования оказалось, что из 83 лиц, извлеченных из могил, имена коих в числе 104-х были опубликованы в приказе Ч [резвычайной] с [ледственной] к [омиссии] № 6:

опознано	49 лиц
казнено, по показаниям свидетелей,	
но не опознано	21 лицо
освобождено большевиками	8 лиц
убито при попытке бежать	1 лицо
и не имеется сведений	2 лица
Кроме того, опознано 2 лица, имена коих в означенные списки помещены не были.	

(Список заложников и лиц, арестованных большевиками по приказу ЧСК № 6 (Известия № 157) с указанием сведений, добытых расследованием Особой комиссии, — при сем прилагается.)

Такие лица, как генералы Рузский и Радко-Дмитриев, равно как и некоторые из заложников, станут достоянием отечественной истории. В задачи произведенного расследования не входило собирать сведения, характеризующие эти выдающиеся личности, но тем не менее свидетели по делу не могли в некоторых случаях не коснуться таких обстоятельств, которые являются весьма характерными штрихами, ярко выделяющимися на мрачном фоне тех дней.

Помимо уже изложенных выше некоторых эпизодов из жизни генерала Рузского, имевших место после его ареста, нельзя обойти молчанием незначительный с первого взгляда факт, свидетельствующий о том, что лично против популярного имени генерала Рузского красноармейцы-большевики, к мнению которых постоянно прислушивались советские сферы, ровно ничего не имели. Красноармейцы неоднократно приходили к генералу Рузскому с явным намерением арестовать его, но уходили, или добродушно сказав “пускай генерал Рузский еще погуляет на свободе”, или с почтительными заверениями, что генерал добрый человек и что они его не тронут.

Как видно далее из дела, генералу Рузскому предлагали устроить побег, но он с чувством полного достоинства заявил, что совесть у него чиста и что поэтому у него нет основания спасаться бегством.

Не хотел генерал Рузский спасать свою жизнь и при помощи сделки со своей совестью. Поэтому, когда больше-

нистские главари Атарбеков и Кравец неоднократно приезжали в Новоевропейские номера и предлагали ему пост главнокомандующего советскими войсками, то генерал Рузский категорически отклонил это предложение и предпочел принять мученическую кончину от руки палача, громко заявив перед смертью, что власть большевиков он считает незаконной.

Такое же достоинство и твердость духа проявил генерал Радко-Дмитриев, который на предложение ему со стороны большевиков стать во главе Красной армии ответил: “Я оставил родину для службы великой России; но служить хаму не согласен и предпочитаю умереть”.

И судьбою таких людей распоряжались “товарищи” Ге, Стельмахович, Кравец, Атарбеков и им подобные.

Расследование добыло довольно богатый материал для характеристики о Стельмаховиче, Ге, Кравце, Атарбекове, этих советских деятелях — по званию, а по существу — людях преступных, наркоманах с садистскими наклонностями, людях, для которых пролитие крови и причинение другим душевных страданий — источник нездоровых наслаждений. Эти бессердечные люди были вершителями судеб всей группы Кавказских минеральных вод вплоть до освобождения Северного Кавказа от большевизма полками Добровольческой армии, и на их совесть, если таковая у них имеется, должна пасть кровь замученных заложников, ибо они, Атарбеков, Стельмахович, Кравец и Ге, по-своему понявшие призыв встретить приближавшуюся годовщину Октябрьской социалистической революции достойным для граждан таковой образом, при деятельном соучастии некоторых других “товарищей”, внимая жестоким указаниям, идущим из Москвы, принесли столь богатую кровавую жертву злему духу большевизма.

СПИСОК

заложников и лиц, арестованных большевиками, по приказу ЧСК № 6 (Известия, № 157) с указанием сведений, добытых расследованием Особой комиссии

I.

Заложники (2-я часть приказа № 6)

№№	фамилия, имя, отчество и звание	прим	№ гроба
1	Рузский Николай Владимирович, ген. от инф.	опознан	6
2.	Кн. Урусов Сергей Петрович	опознан	5
3.	Кн. Урусов Николай Петрович, чл. Гос. сов.	опознан	47
4.	Кн. Урусов Федор Михайлович, ген.-лейтен.	опознан	
5.	Гр. Капнист Алексей Павлович, контр-адм.	опознан	42
6.	Барон Медем Николай Николаевич, сенатор	опознан	68
7.	Колосков Виктор Александрович, подъесаул	опознан	11
8.	Карганов Дмитрий Адамович, полковник	опознан	2
9.	Рубцов, полковник	был освоб.	
10.	Кн. Шаховской Леонид Алексеевич, полк.	опознан	20
11.	Кн. Шаховской Владимир Алексеевич, полк.	*	
12.	Рухлов Сергей Васил., бывш. мин. путей сооб.	*	
13.	Добровольский Ник. Алек., бывш. мин. юстиции	опознан	64
14.	Бочаров, полковник	*	
15.	Колзаков Яков, генерал	*	
16.	Карташев Дмитрий Тимофеевич, полковник	опознан	45
17.	Пунякин Василий Васильевич, полковник	*	
18.	Шевцов Александр Прохорович, ген. от инф.	опознан	1
19.	Сакович Ромуальд Иванович, полковник	*	
20.	Савельев Павел Федорович, полк. в отст.	опознан	62
21.	Пирадов Константин Адреевич, ген.-лейтен.	опознан	25
22.	Тохателов, ген.-лейтенант	*	
23.	Перфильев Сергей Аполлонович, ген.-лейт.	опознан	26
24.	Бойчевский Всеволод Петрович, ген.-майор	опознан	22
25.	Васильев Ростислав, полковник	опознан	7
26.	Смирнов Владимир Васильевич, генерал (бывший командир 2-й армии)	*	
27.	Слешкович Леонтий Иванович, ген.-майор	опознан	14
28.	Трубецкой Константин Семенович, полков.	опознан	21
29.	Николаев Иван, полковник	*	
30.	Рудницкий, генерал-майор	*	
31.	Власов Михаил Алексеевич, купец	опознан	89

* По показанию свидетелей казнены, но трупы не опознаны.

32.	Федоров, подпоручик	был осв.	
33.	Федоров, казак	*	
34.	Назименко Николай Иванович, ген.-майор	опознан	63
35.	Чижевский Николай Конст., ген.-майор	опознан	57
36.	Русанов Николай Алексеевич, капитан	опознан	41
37.	Мельгунов Анатолий Ильич, генерал-майор	опознан	37
38.	Граф Бобринский Гавриил Алексеевич, вольноопределяющийся	опознан	52
39.	Ефстафьев, жандармский генерал	*	
40.	Радко-Дмитриев, генерал	опознан	72
41.	Игнатьев, генерал	опознан	75
42.	Железовский Константин Давыд., генерал	*	
43.	Кашерининов, генерал	был осв.	
44.	Ушаков Сергей Леонидович, генерал-майор	опознан	
45.	Тулин, полковник	свед. нет	
46.	Бобрищев, подьесаул	свед. нет	
47.	князь Туманов Георгий Алексеевич, генерал от кавалерии	опознан	59
48.	Чичинадзе Петр Михайлович, полковник	опознан	67
49.	Бар. де Форжет Констан. Петр., подполков.	опознан	18
50.	Князь Багратион-Мухранский Алексей Ираклиевич, генерал-лейтенант	опознан	46
51.	Шведов Павел Константинович, полковник	был осв.	
52.	Малиновский, подпоручик	*	
53.	Саратовкин, полковник	*	
54.	Покотилов, генерал	*	
55.	Рошковский Макар Аполлонович, полковник	опознан	56
56.	Дереглазова Валентина Петровна, дочь полк.	была осв.	
57.	Бархударов, полковник	*	
58.	Беляев, техник	опознан	81
59.	Трешатный Константин Иосиф., ген.-майор	опознан	73

По 1-й части приказа № 6

1.	Случевский Евгений Федорович, подполк.	опознан	83
2.	Кастерсон	*	
3.	Волков Николай, фельдшер	опознан	80
4.	Шульман Рудольф Густав., полковник	опознан	84
5.	Костич Борис Иванович, подпоручик	опознан	52
6.	Попов Алексей Михайлович, гвардии полк.	опознан	77
7.	Войтенко Георгий Матвеевич, подпоручик	был осв.	
8.	Шафоростов Александр Вас., поручик	опознан	79
9.	Иванов-Гутарев Павел	убит при побеге	
10.	Шалин Антон	*	
11.	Крашенников Николай Сергеевич, член Государственного совета	опознан	58
12.	Кузин Анатолий, поручик	опознан	

13.	Пацук, жандарм	освобож.	
14.	Князь Тамбиев 1-й	*	
15.	Князь Тамбиев-Мурза-Бей	опознан	88
16.	Щербаков Алексей Иванович, делопроизводитель Пятого окружного упр.	опознан	
17.	Орлов Василий	*	
18.	Прокофьев Николай Федорович	*	
19.	Рябухин Иоанн, священник	опознан	27
20.	Андреев Михаил	был осв.	
21.	Махотадзе Георгий Алексеевич, полковник	опознан	
22.	Полонская Эльза	*	

Не вошедшие в приказ № 6

1.	Борисов Владимир Семенович, полковник	опознан	44
2.	Софронов Николай Александрович, капитан	опознан	110

Вышеозначенный акт составлен на основании документальных данных. В прилагаемой таблице указаны страницы настоящей книги и соответствующие им листы дела Следственной комиссии, из которого извлечен материал**.

**) Таблица не публикуется. — Прим. ред.-сост.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**по делу об избиении большевиками в лазаретах
станции Елизаветинской раненых и больных
участников Добровольческой армии**

31 марта 1918 года из станции Елизаветинской, Екатеринодарского отдела, Кубанской области, началась эвакуация раненых и больных участников Добровольческой армии, вследствие отхода ее под давлением превосходящих сил большевиков из-под Екатеринодара. Всех вывезти не удалось, и тяжело раненные и больные вместе с несколькими врачами и сестрами милосердия были оставлены в станции во временных лазаретах, под которые были приспособлены местные училища и школы.

1 апреля в станцию Елизаветинскую вступили передовые конные большевистские отряды, которые отнеслись терпимо к оставшимся раненым, но затем по мере подхода других частей, особенно пехоты, раненые подверглись глумлению и избиению, и у них были отобраны деньги.

1-го же апреля начались единичные случаи убийства. Так, за несколько минут до прихода большевиков в двухклассное училище туда прибежал больной мальчик, назвавшийся кадетом 3-го класса Новочеркасского кадетского корпуса и просил жену заведывающего училищем спрятать его, но та не успела этого сделать, и мальчик остался на дворе среди детей казаков. По приходе большевиков кто-то из иногородних сказал им, что среди детей казаков находится кадет. Тогда один большевистский солдат подошел к этому мальчику и спросил, кадет ли он. Мальчик отвистил

утвердительно, после чего солдат этот тут же, на глазах у всех присутствовавших, заколол мальчика штыком.

2 апреля в станицу Елизаветинскую пришел большевистский карательный отряд, который обошел все училища и школы станицы, приспособленные под лазареты, и во всех них перебил оставленных раненых и больных. Допрошенный комиссией один из участников Добровольческой армии, подпоручик 1-го офицерского полка генерала Маркова, Кром, лежавший в женском училище, будучи тяжело ранен в правую ногу с раздроблением бедра выше колена, показал по поводу избиения раненых в названном училище следующее.

В полдень к училищу подошел карательный отряд, который, выгнав всех посторонних людей, вошел туда. Вместе с этим отрядом в училище вбежал какой-то большевик, бывший там до прихода карательного отряда, и, указав на трех раненых, сказал, что они офицеры.

Большевики, поговорив немного с этими ранеными, начали затем расстреливать и рубить всех подряд с левого фланга, причем один из них достал топор и рубил им.

Некоторые из раненых просили не рубить, а расстреливать их, на что неизменно получался один ответ: "Собаке собачья смерть".

Рядом с подпоручиком Кромом лежал полковник Ланковский. Расстреляв его, один из большевиков прицелился в Крома, но в это время в училище вбежал какой-то матрос и сказал, что нескольких приказано оставить на развод, чтобы рассказать потомству, как большевики поступают с теми, кто идет против народа. Вследствие этого подпоручик Кром, один донской казак и еще несколько человек были оставлены в живых.

Об этом же избиении раненых учительница женского училища показала, что большевики запретили находившимся при оставшихся раненых двум врачам и сестре милосердия подавать им медицинскую помощь, а когда она тем не менее стала ухаживать за ранеными, то большевики сказали ей: "Поухаживай, поухаживай, завтра будешь с ними лежать".

Произведенным комиссией осмотром помещения женского училища было установлено, что в зале училища и классе 3-го отделения во многих местах в стене на высоте 3—5 вершков от пола и в полу у карниза имеются дыры, частью замазанные штукатуркой, происшедшие, по словам училищного сторожа, от проникших в стену винтовочных и револьверных пуль; под подоконником одного из окон в классе третьего отделения на стене были обнаружены 11 поверхностных отметин, диаметром в серебряную пятикопеечную монету и меньше, получившиеся, по-видимому, от потерявших свою первоначальную силу ударов штыка или револьверных пуль.

Такое же избиение произошло с ранеными и больными, лежавшими в двухклассном Елизаветинском училище. Заведывающий этим училищем, жена его и несколько местных казаков, живших напротив, удостоверили комиссии, что большевики, придя туда, также сначала выгнали всех “вольных” со двора и из помещения училища, а затем, поставив к дверям и воротам стражу, вошли в училище, откуда вслед за входом большевиков слышались стоны и крики раненых.

Через некоторое время большевики начали выходить из училища все измазанные кровью и обмывали себя и свое оружие, топоры и лопаты, от залившей их крови в стоявших на дворе корытах, а затем снова возвращались в училище продолжать свое кровавое дело.

2-го же апреля вечером большевики приказали местным казакам убрать из всех лазаретов тела убитых ими раненых и больных и свезти их “на гной” в камыши, т. е. выбросить их, чтобы они сгнили в камыше. Однако казаки отвезли трупы убитых на кладбище и зарыли там в общую могилу.

Лица, входившие в школы, где находились лазареты, после ухода оттуда большевиков, показали, что вид лежавших там трупов был нестерпимо ужасен. Тела убитых валялись по всем комнатам в изуродованном виде. Так, один офицер лежал, держа в закостеневших руках свою же отрубленную ногу, у другого были выколоты оба глаза, у некоторых были срублены головы и разрублены лица, у

других же вся грудь и лицо были исколоты штыковыми ранами и т. д.

Тут же среди трупов лежали стонавшие недобитые раненые.

Пол был залит огромными лужами крови, а солома, служившая подстилкой раненым, была насквозь пропитана кровью. Крови было так много, что ходить по полу, по словам очевидцев, было очень скользко.

Священник, случайно находившийся на кладбище, и казаки, зарывавшие могилу, показали, что большинство тел было настолько изуродовано и изрублено, что представляли собой прямо отдельные куски человеческого мяса.

При осмотре комиссией здания двухклассного Елизаветинского училища в классе 5-го отделения, где лежали раненые, на полукруглой печке, покрытой железом, расположенной выступом в углу класса, были обнаружены на высоте 10—20 вершков от пола 6 отверстий и 9 вдавлений железа, все одинаково круглой формы, произошедшие, по-видимому, от отскочивших и проникших в толщу печки пуль. В глубине же двух таких отверстий оказались куски свинца.

Кроме того, на печке на той же высоте и на высоте 25—30 вершков были найдены вдавления характерной линейной формы, получившиеся, очевидно, от ударов топорами, лопатой или каким-либо другим острорежущим и довольно тяжелым орудием.

Вдавления, расположенные более высоко, рассматривая их сверху вниз, шли справа налево, т. е. как раз по направлению удара, нанесенного правой рукой.

Описанная печка, по-видимому, была местом убийства лежавших в этом училище раненых, так как человеку, прислоненному к печке на коленях и сидя, описанные отверстия и вдавления приходились на уровне головы и груди.

Выяснить точное число и все имена убитых большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии не удалось, но по показанию одного казака, закапывавшего трупы, он насчитал положенных в могилу 69 тел.

Кроме того, тогда же были убиты и две сестры милосердия, из которых одну большевики бросили в Кубань, а другую, совсем молодую девушку, институтку 6 кл. Веру Пархоменко, расстреляли за кладбищем станицы.

3 апреля оставленных в живых раненых и больных большевики нагроулили на подводы и отправили в Екатеринодар, причем по дороге раненые подвергались разным гнусным издевательствам, ругани и побоям.

В городе раненых сначала привезли в Войсковую больницу, где, однако, их не приняли, угрожая, что в случае оставления их там они будут перебиты, лазаретные же няньки “науськивали” местных больных не впускать в больницу привезенных раненых и тут же добить их.

Из Войсковой больницы раненых повезли в 44-й лазарет, помещавшийся в Епархиальном училище, где их, однако, тоже не приняли и там они опять подверглись жестокому избиению и издевательствам.

Оттуда раненых повезли к Атаманскому дворцу, здесь снова произошло избиение их, причем подпоручику Кромю перебили прикладом кисть руки и так сильно ударили его по животу, что, несмотря на раздробленное бедро, он “привскочил на аршин” из телеги. Во время одной из остановок по дороге к дворцу большевиками была произведена следующая “забава” с ранеными, во время которой двое из них были добиты. Когда подводы вереницей остановились вплотную друг к другу, то большевики начали стегать сзади стоявших лошадей, пока они, встав на дыбы, прыгали передними ногами на впереди стоявшую подводу и топтали копытами лежавших в ней раненых.

Около Атаманского дворца раненые провели без всякой помощи в подводах всю ночь, и только на следующий день их поместили в наскоро приготовленный лазарет в Учительской семинарии.

В большевистских лазаретах раненые пробыли под стражей 4 месяца, т. е. до взятия Екатеринодара Добровольческой армией, последовавшего 4 августа 1918 г., будучи переводимые из одного лазарета в другой, постоянно подвергаясь разным издевательствам и угрозам “быть выпущен-

ными в расход” и не получая сколько-нибудь элементарной медицинской помощи, отчего часть их перемерла, а часть, как например, подпоручик Кром, до сего времени не поправились.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением правил, установленных в Уставе уголовного судопроизводства.

20 марта 1919 года
г. Екатеринодар

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

КРАТКАЯ СПРАВКА

об арестах, производившихся большевиками в
Ставрополе (Кавказском) с 1 января
по 8 июля 1918 года

С 1 января по 8 июля 1918 года в Ставрополе-губернском (Кавказ) в период советского правительства были произведены многочисленные аресты. Число лишившихся свободы не поддается точному учету, так как полный произвол арестов без регистрации и фиксировавших документально распоряжений об аресте, без соблюдения хотя бы формальных гарантий правильности ареста, вызвал отсутствие необходимых сведений.

Арестовывать мог каждый красноармеец и рабочий именем советской власти, и арестованные сдавались в различные пункты при советских учреждениях без документа: проследить и выяснить причину ареста, грозящее обвинение, место содержания и судьбу арестованных часто бывало невозможно. Кроме Ставропольской тюрьмы, количественно незначительного пункта, из тех мест, куда препровождались арестованные, нигде сведений об арестованных не было или были неверные и даже ложные. Данные Ставропольской тюрьмы указывают на взаимоотношение различного рода арестов — так, арестовано с 1 января по июль 1918 года продолжавшими еще функционировать судебными властями, с соблюдением формальных гарантий правильности ареста — 54 человека, без соблюдения таковых, но с удостоверяющими факт ареста и личность арестованного данными за то же время — 269 человек, без всяких фор-

мальных условий — 71 и в качестве заложников — 63 человека.

Арестованные частью непосредственно за арестом убивались, частью содержались по различным местам заключения, частью освобождались, причем все происходило по бесконтрольным распоряжениям лиц, бывших в данное время у власти, и без суда и следствия.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

СВЕДЕНИЯ

о злодеяниях большевиков в отношении Церкви и ее
служителей в Ставропольской епархии

I.

При расследовании злодеяний в области гонений на религию, Церковь и духовенство в Ставропольской епархии (Ставропольская губерния и Кубанская область) установлено, что уже в 1917 году, вслед за февральской революцией, наблюдались случаи выступлений против Православной церкви и ее служителей, выражавшихся в удалении икон из некоторых казарм, в грубом обращении с лицами духовного звания, в намеренном проявлении неуважения к Церкви в виде появления в храме в шапке, закуривания папирос от зажженной перед образом свечи и т. п., однако тогда это были поступки отдельных лиц из наиболее недоброкачественных элементов общества, из среды преступников, массами освобождавшихся из мест заключения, и из среды деморализованных солдат, но ни одного не было случая, чтобы такие поступки допускались или тем более совершались представителями власти большевиков как нечто систематическое, проводимое в жизнь с невероятной жестокостью и кощунством.

Захват власти большевиками в Ставрополе произошел лишь в январе 1918 года, и в первые месяцы после этого ставшие у власти представители большевизма, занятые делом укрепления своей власти, мало уделяли внимания Церкви; при том же эти первые представители большевист-

ской власти были сравнительно умеренные люди (комиссар Пономарев), пытавшиеся удержать какой-нибудь порядок жизни. Однако, не находя поддержки в здоровых элементах общества, эти лица очень скоро перестали удовлетворять те группы, на которые они могли опираться — деморализованную толпу черни, преступников и дезертиров, провозгласивших себя представителями народа; были свергнуты этой толпой и должны были искать спасения в бегстве; после этого, приблизительно с апреля 1918 года, во главе власти в Ставрополе появляются бывшие каторжники, матросы из карательных отрядов и т. п. лица, с переходом власти к которым проведение в жизнь “новых большевистских” начал стало принимать уродливые и приводящие в ужас формы.

В частности, по выражению одного священнослужителя, “духовенство местного округа, как и везде на “святой” когда-то Руси, стало переживать тяжкий период всевозможных над собой гонений и издевательств со стороны людей, потерявших веру в Бога и совесть”.

С весны 1918 года в городах и селениях епархии при производстве обысков особенно тщательно таковые производятся у священнослужителей местных храмов, причем эти обыски повторяются по много раз у одних и тех же лиц, сопровождаются часто вымогательством денег, по большей части полным разграблением имущества, вплоть до снятия вещей, надетых на обыскиваемых, и всегда глумлением над священнослужителями и членами их семей и уничтожением церковных книг, печатей, штемпелей и бланков. Объясняются эти обыски обыкновенно розыском пулеметов или иного оружия или же производятся без всякого объяснения причин и без предъявления каких-либо распоряжений центральной власти. Являющиеся с обыском обычно требуют, чтобы их угощали, иногда приносят с собой спиртные напитки и устраивают оргии, и все это делается с угрозой пустить в ход оружие при малейшем сопротивлении. Обыски эти производятся обычно проходящими большевистскими воинскими частями, иногда с участием некоторых из местных жителей; отмечены случаи, когда вместе

с красноармейцами являлись на обыски и требовали выдачи им женского платья большевистские сестры милосердия, по большей части, как показывают свидетели, женщины совершенно непристойного вида и поведения.

Производятся обыски в самих храмах, монастырях, причем и тут одновременно проявляются и цели грабительские, и стремление возможно больше подорвать в народе чувство веры и почитания Церкви путем самого циничного осквернения храмов и священных предметов богослужения. В городах Ставрополе и Екатеринодаре и во многих селах Ставропольской губернии и Кубанской области в период двукратного захвата этих местностей большевиками в первой половине и затем в октябре 1919 года разграблена большая часть церквей, монастыри, архиерейские дома, ризницы и духовные семинарии и расхищено всевозможное имущество большой ценности, начиная с запасов продовольствия и дров, мебели, книг, платьев, экипажей, лошадей и скота и кончая церковными облачениями, перешивавшимися на платье, на женские юбки и даже на попоны на лошадей, и драгоценными предметами церковной утвари. В целом ряде случаев после ухода красноармейцев возвращавшийся причт и прихожане находили разбросанными по всему храму священные облачения, иконы и церковные книги из архива; свечные ящики и кружки для сборов оказывались сломанными, масло пролито, лампы разбиты, свечи истоптаны, кресты, евангелия и другие мелкие предметы изломаны, исковерканы и свалены в груды по всему храму. Иконы в нижнем ярусе иконостасов выбиты, очевидно, ногами.

Царские врата были растворены настежь, а в одном случае изрублены (станция Прочноокопская, Лабинского округа), завесы с них сорваны, в алтарях с престолов и жертвенников сняты священные одежды, изломаны ковчег, венцы, рассыпаны святые дары, изрезаны плащаницы, даже антиминсы, похищены дароносицы, наперсные кресты и многие другие ценные предметы.

Во многих случаях изрезанные плащаницы, облачения и тому подобные предметы навешивались на лошадей в

виде украшений. В частности, при разгроме красноармейцами в октябре 1918 года церкви на хуторе Новокавказском, Кубанской области, ими были взяты из алтаря воздух, покров, плащаница, покровцы и другие предметы и частью изрезаны, частью в целом виде навешаны на лошадей; в это время началось наступление на этот хутор отрядов Добровольческой армии, и бежавшие красноармейцы растеряли некоторые из вышеупомянутых предметов, причем те из них, которые остались целыми, возвращены в церковь для освещения, найденные же изрезанными плащаница и покровцы представлены в комиссию и приобщены к производству ее как вещественные доказательства.

Священнику Георгию Акимову в Ставрополе одна из прихожанок доставила антиминс (из Николаевского храма села Надежда, в 9 верстах от Ставрополя) и объяснила, что красноармейцы, которые были расквартированы в том доме, где она жила, передали ей этот антиминс, требуя, чтобы она непременно из него сшила им кисет для табака; по совету священника она передала антиминс ему, а им сшила кисет из подходящей материи.

При разгроме Иоанно-Марьинского женского монастыря (близ города Ставрополя) большевики открыли святые ворота, в которые обычно ходят только крестным ходом, и несмотря на то, что проезд в эти ворота крайне неудобен, так как к ним ведет каменная лестница на три ступени, они проводили через эти ворота все свои подводы с награбленным имуществом, исключительно с целью надругательства над святыней.

Были слухи, что красноармейцы въезжали в церкви на лошадях, в шапках и с папиросами во рту, с руганью (станция Новокорсунская, Кубанской области), врывались в храмы, взламывая замки наружных дверей (станция Кирпильская, Батуриная) и внутренних хранилищ для похищения денег и других ценностей.

Наконец, отмечен ряд насилий над священнослужителями, когда угрозами мучений их заставляли совершать богослужения, требы и таинства с нарушением установленных правил, как, например, венчать без истребования соот-

ветствующих документов, свидетельствующих о безбрачии желающих венчаться, или венчать недостигших брачного возраста без испрошения разрешения архиерея и т. п. По свидетельству священника Троицкого собора в Ставрополе, под 22 октября 1918 г. во время звонка к вечерне в собор ворвались человек 70 красноармейцев, ведя перед собой невесту в фате и жениха, и с бранью и криком “венчай сейчас, а то убьем” заставили обвенчать. Иеромонаха из архиерейского дома в Ставрополе насильно увезли в штаб какой-то красноармейской части для служения молебна, повсюду священнослужителей требуют часто без всякой надобности “в народные управы”, грозя жестокою расправой за неповиновение, обращаются к священникам и даже пишут им официальные бумаги “товарищу такому-то (фамилия)”, отобрали во всех причтах церковную землю, служившую подспорьем в жизни духовенства, в большинстве случаев ничем этого лишения не возместив, а в некоторых местах назначив ничтожное по нынешнему времени жалованье (100 рублей).

В иных селениях (село Нагуть) местный исполнительный комитет Совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов присвоил себе право совершать разводы браков и принуждал причт признавать эти разводы и разведенных таким образом лиц венчать с другими. Запрещали звонить в церквях, запрещали хоронить “контрреволюционеров”, издевались над проходившими по улицам церковными похоронными процессиями.

Наконец, представителями той же большевистской власти, провозгласившей свободу совести, совершены многочисленные и часто бесчеловечные по своей жестокости насилия над целым рядом лиц духовного звания, начиная с ареста их на дому, при проходе по улицам, при случайном проезде через селения, захваченные большевиками, и даже в церквях при совершении богослужения (Иоанно-Марьинский монастырь и др.). При этом отмечен случай такого насилия над священнослужителями не только православной, но и инословной Церквей; так, в городе Ставрополе 22 июня, в день католического праздника “Тела Господ-

ня”, во время богослужения в местном римско-католическом костеле был арестован настоятель его ксендз Крапивницкий, которого застали в то время, когда он исповедовал прихожан, едва согласились дать ему возможность окончить исповедь и причастить исповедовавшихся, причем красноармейцы в это время стояли возле него с оружием, в шапках и с папиросами во рту, а затем, не дав ему окончить богослужения, в облачении повели к коменданту, где едва его не убили, хотя ни в чем он не обвинялся, и спасти его удалось только польскому консулу, которого известили прихожане.

Аресты священнослужителей православных церквей производились почти везде, где появлялись и задерживались хотя бы на несколько дней красноармейские части. Аресты эти никогда не оканчивались так благополучно, как в вышеописанном случае с ксендзом римско-католического костела. За православных священников некому было заступиться, и их аресты в лучшем случае кончались заключением в тюрьму, а в худшем — смертью, причем и в том, и в другом случае священнослужители подвергались беспримерным оскорблениям и издевательствам. Обычно предъявлялись обвинения в “контрреволюционности”, в приверженности “к кадетам” и “буржуям”, в произнесении проповедей, осуждающих советскую власть, в служении напутственных молебнов проходившим частям Добровольческой армии, в погребении “кадетов” и т. п., и этого было достаточно для того, чтобы предать служителей Церкви смерти с жестокими мучениями.

Так, в станице Барсуковской весной 1918 года священник Григорий Златорунский, 40 лет, был убит красноармейцами за то, что служил молебен по просьбе казаков об избавлении от красноармейцев.

В станице Попутной протоиерей Павел Васильевич Иванов, 60 лет, прослуживший в этой станице 36 лет, был заколот красноармейцами за то, что в проповедях указывал, что они ведут Россию к гибели.

В станице Вознесенской священник Троицкой церкви Алексей Ивлев, 60 с лишним лет, был убит на площади за

то, что сам происходил из казаков и когда-то служил в гвардии.

Священник станицы Владимирской Александр Подольский, 50 с лишним лет, окончивший университет по юридическому факультету, был зверски убит за то, что служил молебен перед выступлениями своих прихожан-казаков против красноармейцев. Перед тем, как его убили, его долго водили по станице, глумились и били его, и потом вывели за село, изрубили его и бросили на свалочных местах, запретив кому бы то ни было его хоронить. Один пожилой прихожанин, желая оградить тело покойного от растерзания его собаками, ночью прошел туда и стал его закапывать, но был замечен пьяными красноармейцами, был тут же изрублен и брошен там же.

В станице Удобной священник Федор Березовский, более 50 лет, убит красноармейцами также с запрещением погребать его тело за то, что он отзывался неодобрительно о большевиках.

Священник станицы Усть-Лабинской Михаил Лисицын, около 50 лет, убит, причем перед убийством ему накиннули на шею петлю и водили по станице, глумились и били его, так что под конец он уже сам, падая на колени, молил поскорее с ним покончить. Жене его пришлось заплатить 600 рублей, чтобы ей разрешили его похоронить.

Священник станицы Должанской Иоанн Краснов, 40 лет, убит за служение молебна перед выступлением прихожан против большевиков.

Священник станицы Новощербиновской Алексей Малютинский, 50 лет, убит за осуждение красноармейцев в том, что они ведут Россию к гибели, и служил молебен перед выступлением казаков-прихожан.

Священник станицы Георго-Афонской Александр Флегинский, 50 лет с лишним. После того как был избит, с бесконечным глумлением выведен за станицу и убит. Тело его было найдено много времени спустя.

Священник станицы Незамаевской Иван Пригорский, 40 лет, направления крайне левого, в великую субботу выведен из храма на церковную площадь, где с руганью на-

бросились на него красноармейцы, избили его, изуродовали лицо, окровавленного и полуживого вытащили за станицу и там убили, запретив хоронить.

В селе Бешнагерь красноармейцы явились в дом священника Дмитрия Семенова, потребовали еды и после угощения обещали, что священник будет цел, и ушли, но затем прислали за ним, после чего на утро его тело было найдено брошенным за селом.

Таких и более ужасных по подробностям случаев запроколировано очень много, но изложить их в краткой записке не представляется возможности.

В настоящее время, благодаря расстройству способов сообщения с отдаленными местностями обследуемой епархии, благодаря страшной терроризованности населения и опасений с его стороны нового прихода большевиков, нет возможности собрать сведений о всех случаях насилия и убийствах священнослужителей, но уже теперь в распоряжении комиссии имеется материал об убийствах в пределах этой сравнительно небольшой территории 32 священников, 4 дьяконов, 3 псаломщиков и 1 ктитора, и есть полное основание утверждать, что общее число погибших значительно больше.

Все вышеописанные тяжкие гонения на Церковь и ее служителей, так противоречащие провозглашенному официально большевистской властью принципу свободы вероисповеданий и так возмущающие душу не только верующих, но вообще людей, уважающих чужие мнения и верования, побудили екатеринодарскую Церковь составить обращение к христианским церквам всего мира, указывая на огромную опасность для христианства со стороны большевизма, обольщающего темные массы обещанием земного рая, с одной стороны, а с другой — по справедливым словам этого обращения, являющегося лютым врагом Спасителя и всего христианства. Копия этого обращения при сем прилагается.

Обращение Церкви Екатеринодарской к христианским Церквям всего мира

Благодать Вам и Мир от
Бога Отца нашего и
Господа Иисуса Христа

Возлюбленные во Христе братья!

В минуты небывалого потрясения и грозной опасности, переживаемой чадами Российской Православной церкви, в эпоху, когда перед христианами всего мира воздвигается общая угроза их вере и совести, Православная церковь вынуждена безмолвствовать. Первосвятитель ее святейший патриарх Тихон не пожелал покинуть свою московскую паству, разделяя ее тяжелую участь. Местные церкви, входящие в состав Российской Православной церкви, живут пока каждая своею отдельною жизнью, молясь о скорейшем своем общем воссоединении.

Вот почему Церковь Екатеринодарская, сама недавно освободившаяся от гнета большевиков, дерзает возвысить свой слабый голос в надежде, что он будет услышан братьями христианами всего мира.

Братия! Страдания наши переполнили чашу испытаний. На Православную церковь в России воздвигнуто жестокое гонение. Святыни веры безнаказанно оскверняются дерзкими кощунниками. Престолы в алтарях разрушаются, частицы Святого Тела Христова из дарохранительниц выбрасываются. Святые мощи глумливо обнажаются, и церковная утварь беспощадно расхищается.

Много храмов — или красноармейцами разрушены, или советскими властями запечатаны, или в места увеселения, в тюрьмы и даже в места свалки нечистот обращены. 14 епископов, сотни священников, в особенности из выдававшихся твердостью защиты веры и проповедническим даром — расстреляны, повешены, утоплены, сожжены, при-

чем казни священнослужителей часто сопровождаются жесточайшими пытками. Так, например, епископу Пермскому Андронику выкололи глаза, вырезали щеки, и его, истекающего кровью, с насмешками водили по городу. В Херсонской губернии священника распяли на кресте. Такие факты бывали в каждой епархии. В нашей же Кубанской области мы можем засвидетельствовать следующие случаи жестокой расправы со служителями Алтаря Христова: в станице Незамаевской священник о. Иоанн Пригоровский в ночь под Пасху, пред началом чтения деяний Апостольских посредине храма был зверски замучен: ему выкололи глаза, отрезали уши и нос и размозжили голову. В станице Усть-Лабинской священник о. Михаил Лисицын был мучим в течение трех дней — с пятницы до воскресенья. Убили его 22 февраля 1918 года. Когда тело его было найдено, то на нем оказалось более 10 ран, голова была *изрублена в куски*. В станице Георго-Афонской священник о. Александр Флегинский был изрублен в куски. В станице Пластуновской священник о. Георгий Бойко был убит мучительным образом: на горле у него была ужасная рана — очевидно, горло было как-то разорвано. В станице Кореновской был убит священник Назаренко, а в храме были произведены всяческие глумления: алтарь был обращен в отхожее место и даже пользовались при этом священными сосудами. В Екатеринодаре было несколько случаев издевательства над иконами: в церкви Епархиального училища и в Духовном училище, где на образе Святителя Николая были вырезаны глаза, а затем самый образ был брошен в навозную кучу.

Школьная молитва запрещена. Из общественных зданий, несмотря на протесты верующего населения, Св. Иконы удалены насильственно, в частных же домах они обложены налогом. При гонении на христианскую веру содомски цинично попирается и нравственность. В священном для русских православных людей в московском Кремле совершаются оргии разврата.

Пред нравственными испытаниями и насилием над верой и совестью отступают испытания материальной жизни, но Церковь не может равнодушно пройти мимо того

гнета и невероятных страданий, коим повсеместно подвергается жизнь, свобода и имущество ее чад и которые приводят к общему разрушению России. О них мы не будем говорить, предоставляя печати и политическим деятелям правдиво изобразить картину ужасов, от которых стонет Россия. Нас пугает нравственное одичание, являющееся результатом братоубийственной резни и неслыханного насилия большевиков. Попирая все, что дорого народу в области веры и почитания, большевики стараются разжечь в нем ненависть и грабительские инстинкты. Полное разнуздание страстей и *похотей* является *главной приманкой для темной массы народа*. На этом и на терроре большевики строят свою власть. Как наяркий пример — укажем на издававшиеся по местам декреты о социализации женщин, которыми они сводятся на положение самок, обреченных в жертву любому похотливому развратнику. Невинные дети декретами о социализации детей беспощадно вырываются из-под крова родного, от любви родителей, и бросаются в омут безбожной и безнравственной атмосферы. Но чтобы ужасы всей этой русской тирании не стали известны миру, в областях, томящихся под советской властью, задушено всякое свободно правдивое слово, и могут выходить в свет газеты и книги исключительно большевистско-анархического содержания и направления. Между тем захватчики власти — русские тираны, с Ульяновым-Лениным и Бронштейном-Троцким во главе, при густом мраке безгласности в своих лживых изданиях селятся убедить иностранцев, что их жестокие опыты над несчастной страной прodelываются по воле народа. На самом же деле — главными проводниками в жизнь их злобных декретов и совершителями пыток, казней над мирным населением — являются китайцы и предатели-латыши. Весь же народ, за исключением преступной части и жалких вырожденцев, ненавидит кровавую тиранию, но беззащитный, безоружный, задавленный казнями — по неволе молчит, люто страдает и с мольбой ко Господу ждет не дождется своего милосердного самаритянина, который избавил бы его от современных свирепых разбойников.

Все эти ужасы ежедневно уносят в могилу тысячи жертв, размножают эпидемии, ожесточают народ и всячески разоряют страну.

Возлюбленные братья! Мы молим Бога, чтобы вас не посетили скорби, обрушившиеся на нас, но мы не можем не предостеречь вас от того, чтобы зло не перекинулось от нас к вам. Антихристианский большевизм есть грозная опасность для всего христианского мира. Слишком велики его соблазны для темной массы, для всех обездоленных и недовольных, которых всегда много — при всяком строе, но которые охотно прислушиваются к обещаниям земного рая, на которые не скупятся большевики.

Повторяем, в этом кроется опасность, угрожающая христианству и цивилизации всего мира. Она должна сплотить воедино христиан всех Церквей. Вот почему мы обращаемся к вам — во имя Господа Иисуса Христа, Бога любви, правды и мира, во имя человеколюбия, во имя защиты всего человечества от большевизма — стать на защиту христианства от его современных гонителей и быть русскому народу благодетельным самаритянином, а всему остальному человечеству — своевременным защитником от угрожающего большевизма, лютого врага Христа Спасителя и всего христианства.

СПИСОК

священнослужителей, убитых большевиками в пределах Ставропольской епархии (Ставропольская губерния и Кубанская область) при двукратном захвате ими этой местности в первой половине 1918 года и в октябре того же года

1. Священник станицы Барсуковой, Кубанской области, Григорий Златорунский, 40 лет.
2. Священник станицы Попутной, Кубанской области, протоиерей Павел Васильевич Иванов, 60 лет (прослужил в этой станице 36 лет).

3. Священник станицы Вознесенской, Кубанской области, Алексей Ивлев, 60 лет.

4. Священник станицы Удобной, Кубанской области, Федор Березовский, 50 лет.

5. Священник станицы Новощербиновской, Кубанской области, Алексей Мелиоранский, более 50 лет.

6. Священник станицы Георго-Афонской, Кубанской области, Александр Флегинский, 50 лет.

7. Священник станицы Должанской, Кубанской области, Иоанн Краелов, 40 лет.

8 и 9. Священники станицы Поповичевской, Кубанской области, Николай Соболев и Василий Ключанский.

10. Священник станицы Придорожной, Кубанской области, Петр Антониевич Танцгора, 41 года (осталось 5 человек детей).

11. Священник станицы Спокойной, Кубанской области, Александр Бубнов, 53 лет.

12. Диакон станицы Урюпской, Кубанской области, Василий Нестеров.

13. Священник станицы Ключевой, Кубанской области, Моисей Тырышкин.

14. Священник станицы Убинской, Кубанской области, Аркадий Добровольский.

15. Диакон станицы Успенской, Кубанской области, Котлов.

16. Священник станицы Некрасовской, Кубанской области, Георгий Руткевич.

17. Священник села Ореховского, Ставропольской губернии, Илья Лавров, 60 лет.

18. Священник села Бешнагир, Ставропольской губернии, Дмитрий Евтихиевич Семенов.

19. Священник села Архиповского, Ставропольской губернии, Дмитрий Голубинский.

20. Священник села Тахры, Ставропольской губернии, Николай Лосинский.

21. Псаломщик села Преградского, Ставропольской губернии, Георгий Русецкий.

22. Священник села Новогригорьевского, Ставропольской губернии, Виктор Дьяковский.

23. Дьякон села Кугульмы, Ставропольской губернии, Василий Рождественский и четыре прихожанина его прихода, заступившиеся за него.

24. Села Горькая Балка, Ставропольской губернии, священник Василий Богданов, (тяжело ранен и брошен, как убитый, но остался жив).

25. Того же села священник Гавриил Соболев.

26. Тоже клитор Минко.

27. Тоже псаломщик Слинко.

Убиты в указанных станицах и селах проходившими красноармейскими частями по обвинению в сочувствии "кадетам и буржуям", в осуждении большевиков в проповедях, в том, что служили молебны для проходивших частей Добровольческой армии; во многих случаях тела убитых были выброшены за селениями с запрещением их хоронить; в отдельных случаях родственники убитого покупали право похоронить его за большие деньги.

28. Священник станицы Владимировской, Кубанской области, Александр Подольский, 50 лет, окончивший университет по юридическому факультету. Зверски убит красноармейцами за то, что служил молебен перед выступлением своих прихожан-казаков против красноармейцев. Прежде чем убить, его долго водили по станице, глумились и били его, а потом вывели за село, зарубили и бросили на свалочном месте. Один из прихожан, пришедший его похоронить, был тут же убит пьяными красноармейцами.

29. Священник станицы Незамаевской, Иоанн Пригоровский, 40 лет, крайнего левого направления. В Великую Субботу 1918 года из храма, где он находился и где в это время богослужение совершалось другим священником, выведен красноармейцами на церковную площадь, где они с руганью и бранью на него набросились, избили его, изуродовали лицо, окровавленного и избитого вытащили за станицу и там убили, запретив хоронить.

30. Священник Марии-Магдалинского женского монастыря, Кубанской области, Григорий Никольский, за 60

лет, пользовался большой любовью и уважением прихожан и всех окружающих; глубоко верующий человек, исключительно даровитый оратор. 27 июня 1918 года после литургии, за которой приобщал молящихся, был взят красноармейцами, выведен за ограду и там убит выстрелом из револьвера в рот, который его заставили открыть при криках "мы тебя приобщим".

31. Священник села Соломенского, Ставропольской губернии, Григорий Дмитриевский, 27 лет. Выведенный красноармейцами за село на казнь, просил дать ему помочь перед смертью; опустил на колени и молился вслух, осыпаясь насмешками по поводу произносимых молитв и требованиями кончать молитву скорее; не дождавшись этого, красноармейцы бросились на него, колена преклоненного, с шашками и отрубили ему сначала нос и уши, а потом голову.

32. Заштатный священник Золотовский, старец 80 лет, проживавший в селе Надежда, близ города Ставрополя. Был захвачен красноармейцами во время сна после обеда. Красноармейцы вывели его на площадь, нарядили в женское платье и требовали, чтобы он танцевал перед народом, а когда старик отказался, они его тут же повесили.

33. Заштатный священник Павел Калиновский, 72 лет, проживавший в городе Ставрополе. Во время захвата этого города в октябре 1918 года красноармейцами был арестован за то, что имел внуков офицеров, и приговорен к наказанию плетьюми. Умер под ударами.

34. В селе Безопасном убиты священник Серафимовской церкви Леонид Соловьев 27 лет и дьякон Дмитриевской церкви Владимир Остриков 45 лет. Убили их местные большевики, они были захвачены, причем их вывели на место, где раньше закалывали чумной скот. Велели им самим себе рыть могилу, а затем набросились на них, зарубили шашками и недорубленных, полуживых закопали в наполовину вырытую могилу. Никаких особенных обвинений им не предъявлено, а просто признали нужным извести как священников.

35. Военный священник, фамилию которого не удалось установить, проезжавший через село Воронцово-Николаевское, Ставропольской губернии (близ станицы Торговой), возвращаясь из своего полка на родину. Задержан красноармейцами, которые тут же его убили, нанеся ему многочисленные раны штыками и шашками, кощунственно уподобляя это гнусное дело священному акту приобщения со лжецы таен Христовых.

36. Священник хутора Полайко, Черноморской губернии, Иоанн Малахов и жена его Анна Малахова. 3 августа 1918 года были приведены красноармейцами в станицу Мингрельскую, Кубанской области, и после издевательств и надругательств над обоими, особенно над матушкой, расстреляны.

37. Псаломщик Свято-Троицкой церкви станицы Восточной, Кубанской области, Александр Михайлович Донецкий был приговорен за "принадлежность к кадетской партии" к заключению в тюрьму, но по дороге сопровождавшим его отрядом был 9 марта 1918 года убит и изрублен красноармейцами. По их распоряжению тело убитого зарыто на местном кладбище без отпевания.

Список этот далеко не полный, так как получение соответствующих сведений крайне затруднено отсутствием правильного почтового и телеграфного сообщения, затруднительностью передвижения в отдаленные пункты обследуемой территории и крайней терроризованностью населения, еще допускающего возможность появления вновь большевиков и потому боящегося давать показания.

II.

Большевистская власть официально провозгласила свободу вероисповеданий. На деле же эта свобода обратилась в систематическое и беспощадное гонение на православную веру и на служителей Православной церкви и в сплошное расхищение церковного достояния. Православная вера поставлена под строгий контроль: церкви объявлены собственностью государства и вместе со всем имуществом при-

знаны подлежащими безвозмездной передаче через комиссаров отдельным группам лиц, которые бы пожелали принять на себя управление Церковью, при условии принятия на себя ответственности перед властью за все то, что говорится с церковной кафедры или что пишется от имени Церкви — словом, за все направление церковной деятельности. Ясно, что в основу такой своеобразной общины положено не удовлетворение церковных нужд, а всяческое стеснение в деятельности Церкви.

Одновременно с этим новая власть стала всячески стеснять проявление и воспитание религиозного чувства вне церкви: преподавание Закона Божьего в школах запрещено, и священнослужители от школ отстранены окончательно; из школ удалены иконы, установлен налог на ношение священнических наперсных крестов, церковные браки признаны недействительными и пр., — одним словом, Церковь не только взята под подозрение, но приняты все меры к дискредитированию ее авторитета в народных массах и к вселению в этих массах убеждения в том, что религия не только не нужна, но и вредна, так как она является для народа тем опиумом, который только одурманивает народное сознание. Началось глумление над духовенством и над священными предметами богослужения. Духовенство стали истязать и избивать до смерти; алтари и предметы богослужения подвергнуты осквернению. Убиты четырнадцать высших представителей духовенства, и среди них: митрополит Киевский Владимир, архиепископ Пермский Андроник и бывший Черниговский Василий, епископ Тобольский Гермоген, затем епископы Макарий и Ефрем, викарий Новгородский Варсанофий и Вятские викарии Амвросий и Исидор. Особенно жестоким истязаниям был подвергнут архиепископ Андроник, которому были вырезаны щеки, выколоты глаза и обрезаны нос и уши; в таком изувеченном виде его водили по городу Перми, а затем сбросили в реку. Гермоген Тобольский был зимой прошлого года отправлен на окопные работы, а затем также потоплен. Число замученных священников не поддается в настоящее время учету, но во всяком случае их надо считать тысячами, и истребляют-

ся не только священники, но и их семьи. Мученический венец приемлется несчастными подчас с величайшим смирением и героизмом. Протоиерей Восторгов, приговоренный вместе с другими лицами к расстрелу, запретил завязывать ему глаза и просил расстреливать его последним, чтобы иметь возможность напутствовать в новую жизнь всех других расстреливаемых.

Некоторым сдерживающим моментом в репрессивной деятельности большевиков является их боязнь народного гнева, они не могли и не могут не считаться со все усиливающимся проявлением в народе религиозного чувства. Особенно показательны в этом отношении те грандиозные крестные ходы, которые имели место в Москве из всех ее многочисленных церквей на Красную площадь и к древнему Кремлю. По улицам со всех сторон вливались на площадь живые потоки народа, над которым колыхались многочисленные хоругви, предшествуемые всем столичным духовенством. Могучие звуки церковных песнопений оглашали воздух: пели не церковные хоры, пел весь народ. Никого не сдерживала опасность быть расстрелянным при первом же провокационном выступлении; все были преисполнены одним лишь чувством молитвенного настроения. И вот, под покровом этого настроения, патриарх Тихон, вручив свою судьбу Богу, открыто и бесстрашно выступил против большевистской власти: он заклеил анафемой эту преступную власть, он произнес в Казанском соборе в Москве грозную проповедь, он издал к годовщине владычества большевиков послание к Совету народных комиссаров, приглашая их прекратить грабеж и уйти. Каждое слово этого послания грозило патриарху смертью, но он бесстрашно отправил его Ленину и принял все меры к широкому его распространению. И несмотря на все это, большевики, по имеющимся сведениям, ограничились пока в отношении патриарха Тихона домашним арестом. Но таких исключений, конечно, мало. К ним можно было бы еще причислить отношение к митрополиту Петроградскому, который один только освобожден от общественных работ, к коим привлечено все петроградское духовенство, не исключая епископов.

Иначе было в городе Туле, где весной 1918 года большевики расстреляли крестный ход из пулеметов, причем были убиты и ранены священник и несколько молящихся.

Наряду с насилиями над служителями Церкви чинится и разграбление церковного имущества. Еще в январе 1918 года большевики ограбили всю кассу Святейшего синода, потребовав от его казначея выдачи всех денег и процентных бумаг, всего на 43 миллиона рублей. В сентябре того же года большевики забрали последние синодские деньги в количестве 3—4 миллионов. Во многих епархиях захватываются свечные заводы, дающие главный источник существования епархии и окончательно разграбляются епархиальные кассы. До основания разграблена Троицко-Сергиевская лавра с ее знаменитой ризницей. Ограбление храмов в большинстве случаев сопровождается невероятными кощунствами, так, из священных облачений грабители-большевики шьют себе и своим подругам по кутежам штаны и юбки, шьют и попоны для лошадей, причем кресты облачений приходятся на задние части тела. На иконах выкалываются глаза, у рта делается отверстие, в которое вставляется папироса и под иконой делается подпись: “Кути, товарищ, пока мы тут; уйдем — не позволят”. Престолы обращаются в отхожие места, а алтари — в места для попоек и разврата.

Все изложенные факты основаны на твердых проверенных данных.

СВЕДЕНИЯ

о гонениях большевиков на Православную церковь в Москве

Отрывочными сведениями, поступающими о гонениях на Церковь в пределах советской России, установлены, между прочим, нижеизложенные краткие данные о положении Церкви в Москве. Архимандрит Антоний, команди-

рованный в Москву и вернувшийся оттуда в январе сего года, рисует положение в следующем виде.

Патриарх Москвы и всей России Тихон находится под домашним арестом; в столовой патриарха круглые сутки дежурят посменно китайцы, латыши и русские красноармейцы, неоднократно оскорблявшие патриарха и хозяйничающие в его помещении как у себя дома. "Чрезвычайка" (большевистская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией) почти ежедневно чинит допросы патриарха; продовольственного пайка он лишен, и близкие его из своих скудных запасов уделяют патриарху четверть фунта хлеба в день.

Церковь в Москве обложена контрибуцией: на патриарха наложено 100 тысяч рублей; на Троицкую Лавру — 17 миллионов; на Афонскую Пантелеймоновскую часовню — 100 тысяч и т. д. Около часовни особо чтимой народом иконы Иверской Божьей Матери, на здании Городской думы, сорван вделанный в стену большой образ Св. Александра Невского и на его место вделана большая красная пятиконечная звезда с расположенной вокруг нее надписью большими буквами: "Религия — опиум для народа"; кремлевский образ Святителя Николая завешен красной тряпкой. Новоспасский мужской монастырь обращен в тюрьму, и первым заключенным в ней был настоятель этого же монастыря епископ Серафим, с ужасом говоривший свидетелю об условиях этого заключения. В прочих монастырях живут комиссары, следящие за всем, что происходит в монастырях и фактически ими управляющие. В Кремль доступа нет, но слухи по Москве ходят, что Кремль разграблен, что Чудов монастырь обращен в казарму, в Успенском соборе происходят оргии. Церковных служб в Кремле не совершается.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

**СВЕДЕНИЯ О МАССОВЫХ УБИЙСТВАХ,
совершенных большевиками (коммунистами)
в июне-июле 1918 года
в городе Ставрополе (Кавказском)**

Большевистская власть организовалась в городе Ставрополе в январе 1918 года. Не имея поддержки в здоровой части общества, а опираясь исключительно на хулиганские и преступные элементы черни, власть эта вынуждена была потворствовать грабительским и кровожадным инстинктам этой толпы и постепенно, но очень быстро пришла, как и везде, к проведению в жизнь жестокого террора, разыгравшегося в полной мере в конце июня и начале июля 1918 года. Подготовкой к этому явились обыски и реквизиции; первоначально было объявлено об обязательной регистрации оружия, якобы для выдачи разрешений на право его иметь. Когда же соответствующие сведения поступили, то все оружие [было конфисковано], причем отбиралось все, не исключая охотничьих ружей, кинжалов и т. п.; обыски эти были использованы производившими их красноармейцами и матросами в целях безудержного и повального у всех обыскиваемых грабежа. Одновременно был применен и общепринятый большевиками прием — наложение контрибуции на “буржуев” с взятием заложников и заключением их в тюрьму. Вслед за этим распространились по городу слухи о предстоящем избиении “буржуев”, под какое понятие и здесь, как и везде, подводятся прежде всего офицеры, затем состоятельные люди и, наконец, интеллигенция. Наибольшая опасность угрожала офицерам, которые в чис-

ле до 900 человек все были зарегистрированы. Слухи эти были основаны на том, что красноармейцы открыто угрожали таким избиением. Некоторых же обывателей предупреждали об этом, советуя уехать или принять иные меры предосторожности. В городе создалось напряженное, тревожное состояние; выходить на улицу после 10 часов вечера было запрещено; с наступлением этого часа на улицах воцарялась жуткая тишина, в домах же люди не спали в ожидании надвигающихся ужасов, по улицам мчались автомобили с черными флагами, с сидящими в них людьми, вооруженными с ног до головы, возбужденными, кровожадными и в то же время полными страха от кажущихся им всюду врагов и заговоров. Одновременно по квартирам бродили шайки красноармейцев и вооруженных рабочих, часто пьяных.

Обыски, в которых принимали непосредственное участие и высшие представители советской власти, уже не ограничивались одним грабежом, а часто заканчивались арестами обыскиваемых, производившимися по усмотрению любой кучки красноармейцев.

Кровавый террор начался в ночь с 19 на 20 июня; с этого числа все последующие дни и ночи комиссариат был переполнен арестованными и конвойными красноармейцами. Из этих арестованных многим не суждено было больше вернуться на свободу, так как эти несчастные, по циничному выражению палачей-большевиков, “пускались в расход”, т. е. были убиваемы самым бесчеловечным образом. Первым был убит в ночь с 19 на 20 июня А. А. Чернышев, педагог, гласный Городской думы, социалист-революционер, арестованный 16 июня на вечеринке за то, что неодобрительно отзывался о большевиках. 20 июня труп его был обнаружен и опознан в Мамайском лесу, близ города, причем на трупе были следы многочисленных шашечных и штыковых ударов, нанесенных, главным образом, в грудь, в голову, в частности, в висок и в лицо; пулевая рана в спину между лопаток, отрублен указательный палец, раздроблена голова, выбит глаз, вывихнута кисть руки. 20 июня был арестован и на следующий день убит отставной ге-

нерал И. А. Мачканин, 80 лет, участник Крымской кампании, покорения Кавказа и Турецкой войны, который уже по возрасту своему не мог представлять для большевиков никакой опасности; тем не менее убит он с исключительной жестокостью: труп его был найден в так называемом “Холодном роднике”, в овраге, под несколькими другими трупами. Весь окровавленный, труп престарелого генерала был в одном нижнем белье и в носках, залитых кровью; в области груди и спины оказалось до 24 колотых ран, голова почти была отделена от шеи ударом шашки сзади. Трупы, из-под которых было извлечено тело генерала, оказались трупами домовладельца города Ставрополя В. Г. Жукова, его сына, Ивана Бедрика и офицера Мирзоева. Жуков и Бедрик были убиты поселенными в их доме красноармейцами, которые вывели их на улицу, тут же зарубили их и, вернувшись вслед за этим в их квартиру, пьянствовали там и плясали, заставив проживавшего в квартире Жукова англичанина Бейера играть им на рояле и танцевать, причем предварительно его ограбили.

Вслед за этим были убиты старший советник Ставропольского губернского правления Барабаш; сын генерала Мачканина штабс-капитан Н. И. Мачканин — за то, что осмелился похоронить труп своего отца; генерал-майор в отставке С. А. Акулов, полковник Никольский, 72 лет, офицеры Газиев, Яковлев и многие другие. Убивали людей повсюду: около их домов, близ вокзала, в казармах, трупы находились на улицах, в канавах, в лесу под городом, и т. д.; среди зарубленных были офицеры, частные лица, старики, подростки-гимназисты; все найденные трупы оказались в одном нижнем белье, одежда и обувь отбирались красноармейцами; на всех трупах обнаружены многочисленные ранения и огнестрельным, и холодным оружием, преимущественно по голове, по лицу, по глазам, следы побоев, вывихов и даже удушения, у многих головы раздроблены, лица изрублены, все это свидетельствует о невероятной жестокости убийц, наносивших своим жертвам, раньше чем с ними покончить, возможно больше мучений.

Все возраставший террор большевиков, многочисленные аресты и убийства офицеров и мирных граждан привели остававшихся еще в Ставрополе офицеров к сознанию, что всех их ждет неминуемая смерть; вследствие этого в существовавшую задолго до этого небольшую офицерскую организацию стали поступать новые члены, и участникам этой организации стало ясно, что единственная надежда на спасение заключается в немедленном выступлении против большевиков. Выступление это состоялось 27 июня, но вследствие крайней малочисленности фактически принявших в нем участие, вследствие полной неподготовленности окончилось неудачей: почти все участники восстания были перебиты еще в неравном бою нескольких десятков человек с тысячами красноармейцев и вооруженных ими рабочих. Вождь восстания полковник Ртищев с братом были доставлены в город и здесь расстреляны на Ярмарочной площади, а наиболее жестокая участь постигла тех, кто был пойман и посажен в тюрьму; таковых было 12 человек: Дмитрий Иванович Новиков, Георгий Иванович Новиков, Валентин Иванович Руднев, Сергей Пospelов, Николай Шереметьев, Александр Ангаров, Александр Цыпин, Борис Еремеев, Василий Бибер, Аразам Аролод Белоусов, Сергей Иванович Васильев и Леонид Михайлович Михайлов.

Яркую картину патологической жестокости казней-убийств на дворе тюрьмы рисуют очевидцы — чины тюремной администрации. Все указанные лица были доставлены в тюрьму как кадеты толпой красноармейцев и рабочих, которые стали требовать немедленной казни заключенных; ворвались в тюрьму и заставили надзирателей открыть камеры; в это же время приехал в тюрьму большевистский комендант города Прокомедов, который и приказал казнить всех приведенных “кадет”. Были выведены на секретный двор трое: братья Новиковы и Руднев, которые тут же самым зверским образом были зарублены шашкой одним из красноармейцев — Коваленко, с остервенением наносившим удары куда попало. Зрелище было настолько потрясающее, что даже озверевшие рабочие не могли вынести этого, и по их требованию казнь остальных девяти была при-

остановлена, а один из зарубленных — Георгий Новиков, чудом оставшийся в живых, несмотря на нанесенные ему по шее, груди и рукам 13 ран, был отнесен в тюремную больницу, вопреки протестам рубившего его красноармейца Коваленко, члена малой коллегии комиссаров Лапина и некоторых других, требовавших, чтобы Коваленко было предоставлено добить Новикова, причем сам Коваленко метался по тюрьме с окровавленной шашкой, ругаясь самыми непристойными словами и грозя перебить всю тюремную администрацию. Позднее приехал в тюрьму начальник Красной армии в Ставрополе Шпак, по приказанию которого были выведены во двор остальные девять заключенных и, за исключением двух — Михайлова и Цыпина, относительно которых кем-то было заявлено, что они рабочие, все были убиты тем же Коваленко и другими красноармейцами, рубившими их шашками и коловшими штыками. Один из казненных, Еремеев, с вытаращенными глазами и ужасным криком вырвался от палачей и побежал вокруг тюрьмы. За ним с шашками гнались какой-то красноармеец и рабочий. Еремеев, маленький и юркий, вскочил на погреб и хотел перелезть через забор, но его стащили со стены за ноги. Тогда он вырвался и спрятался в погреб, но его вытащили и оттуда; он опять вырвался и бежал, но споткнулся о камень и упал, причем перевернулся на спину и стал отбиваться руками и ногами. Его тут стали рубить шашками, причем порубили ему руки и ноги.

Одновременно с этими трагическими событиями в тюрьме и в последующие дни происходило избивание людей и во многих других пунктах города. Арестованные большевиками офицеры и частные лица, многие из которых не имели никакого отношения к выступлению офицерской организации, группами избивались и на улицах и площадях города, и на городских свалках, и в стенах правительственных советских учреждений. Но главным местом казней был двор бывшего юнкерского училища — громадное место в центре города, огороженное с трех сторон высокой каменной стеной, а с четвертой замыкаемое зданием, в котором помещался комиссариат, куда и приводили всех арестованных.

Оттуда этих несчастных проводили внутрь двора, где загоняли в тесные, полные мусора камеры в полуразвалившейся башне, и там они ждали своей мученической смерти; некоторые были замучены внутри этой же башни, большинство же были выведены в конец двора, где растут большие деревья, и тут изрублены. Долго на стволах этих деревьев сохранялись следы шашечных ударов, кровь, прилипшие волосы. Здесь люди избивались десятками, и трупы их частью закапывались тут же в саду, частью вывозились на дорогах за город и там сбрасывались где-нибудь в канавах. Здесь были убиты генерал Л. А. Росляков, 64 лет, полковник Пенковский, 63 лет, братья Пашковские, 14 и 17 лет, и многие другие. Выстрелы, крики и стоны избиваемых и ругань палачей днем и ночью оглашали участки смежных владельцев и наводили ужас на весь город.

Террор этот грозил гибелью всему населению, никто не мог быть спокоен за свою жизнь и за жизнь близких, и прекратился только благодаря приближению отрядов Добровольческой армии, занявшей город 8 июля 1918 года.

С приходом их было приступлено к расследованию всех этих злодеяний большевиков, были разрыты десять могил, которые удалось обнаружить в разных местах, и было извлечено 96 трупов, из которых 65 опознаны родными и близкими. Эти жертвы торжественно погребены в братской могиле в ограде архиерейской Андреевской церкви, в городе Ставрополе, но указанной цифрой далеко не исчерпываются все погибшие за кровавые дни июня и июля 1918 года — много жителей пропало без вести, и нет другого объяснения этому, как то, что они были убиты и вывезены и закопаны неизвестно где.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в судебном-следственном порядке.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**о грабежах и разбойных нападениях, произведенных
большевиками в городе Ставрополе (Кавказском)
с 15 октября по 2 ноября 1918 года**

После отхода Добровольческой армии из Ставрополя значительная часть мирного населения, боясь произвола и насилий со стороны большевиков, бежала вслед за армией, оставив свои квартиры и имущество на попечение близких лиц, соседей и прислуги или же прямо запертыми без всякой охраны.

Когда же Красная армия заняла город, то последовало распоряжение большевистских властей произвести обыски в оставленных квартирах, причем красноармейцам было разрешено взять из них все, что они захотят.

Этим распоряжением советской власти город Ставрополь был отдан на разграбление разнузданным и развращенным войскам Красной армии. Группами по несколько человек рыскали красноармейцы по городу и, найдя покинутый дом, разграбляли его. Бралось все, и нужное и ненужное, начиная с икон, автомобилей, велосипедов, мебели, кроватей, тюфяков, одежды, обуви, белья, посуды, продуктов и кончая мелочами домашнего обихода, безделушками и даже вставными зубами. Иногда одни и те же квартиры последовательно разграблялись несколькими группами красноармейцев.

В некоторых же домах грабители, не довольствуясь расхищением имущества, уничтожали то, что не успевали за-

брать с собою, — они рубили мебель, рвали материю, книги, бумаги и т. п., оставляя после себя вместо ценного имущества груды хлама и мусора.

После изгнания из Ставрополя большевиков и водворения там власти, основанной на праве и законе, в производстве местных судебных следователей возникло множество дел о разбойных нападениях и грабежах, совершенных большевиками в период их властвования в Ставрополе с 15 октября по 2 ноября 1918 года. Осмотром этих дел, в количестве ста семи, было установлено, что не только дома частных лиц, но и многие казенные учреждения и судебные установления подверглись разгрому и расхищению. Так, 27 октября красноармейцами медико-санитарного отдела советской Таманской армии во главе с политическим комиссаром Курочкиным и помощником его Томазиным было разгромлено помещение окружного суда, причем были похищены и уничтожены книги законов и справок о судимости, уголовные дела, вещественные доказательства, многие предметы обстановки и канцелярского имущества, евангелие, крест и епитрахиль; была разбита касса, откуда взяты деньги и марки; затем при помощи вытребованных специалистов были взломаны замки во всех помещениях суда и разбито и уничтожено имущество и дела эвакуированных в Ставрополь из других городов судебных установлений. В помещении съезда мировых судей была разграблена часть канцелярского имущества. В камерах мировых судей 2-го и 3-го участков города Ставрополя и 7-го участка Ставропольского уезда были размещены части Красной армии, которые перевернули вверх дном все дела, архив и канцелярское имущество этих трех мировых судей, так что в целом виде не осталось ни одного дела, книги, бланков и т. д., все это было разорвано, свалено на пол и обращено в кучу мусора.

Из камер судебных следователей 1-го и 2-го участков Ставропольского уезда были похищены и частью уничтожены многие вещественные доказательства по производившимся у них делам и уничтожены книги по их канцелярии и часть дел.

Независимо от этого, большевики-красноармейцы разграбили за тот же период времени склады Ставропольского губернского земского комитета помощи больным и раненым воинам; неоднократно открыто похищали из местного интендантского склада казенное имущество, а перед оставлением города разграбили его окончательно, раздав часть вещей местному населению, и, наконец, расхитили 1 ноября мануфактурные товары из складов Союза труда (Земгора).

Грабежу красноармейцев подвергались также товары и багаж, хранившийся в пакгаузах и складах на станции железной дороги. Большевистские солдаты, спустя неделю после занятия Ставрополя, взломали замки в пакгаузе малой скорости и в товарном складе и сначала брали оттуда только некоторые вещи в присутствии своего коменданта, а затем перед оставлением города они сложили из пакгауза малой скорости все грузы на бронированный поезд, а оставшиеся багажные места на приведенные ими подводы, в количестве около 50, и все это имущество увезли с собою.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

СВЕДЕНИЯ

**об арестах, производившихся большевиками
в Ставрополе (Кавказском)
с 1 января по 8 июля 1918 года**

За время нахождения у власти в городе Ставрополе губернском (Кавказ) органов советской власти (большеви-ков-коммунистов), т. е. с 1 января по 8—10 июля 1918 года, как официальными лицами ее правительства, так и отдельными красноармейцами и рабочими, действовавшими именем Совета народных комиссаров, были произведены массовые аресты среди населения. Лица военные, гражданские и целые группы смешанного характера захватывались на улицах, в частных домах, в собраниях без всяких гарантий, хотя бы лишь формального характера, обоснованности ареста, без соблюдения самых элементарных и всюду принятых правил производства ареста и с умышленным нарушением первых, основных прав личности и сохранения личного достоинства задерживаемого. Расследование обстоятельств этих арестов показало, что число произведенных арестов не поддается никакому учету, живые свидетели говорят: “Помещение было забито арестованными”, “арестованных кучей, толпой повели” и т. д., арестованные в подавляющем большинстве приводились без регистрации их, без документов о распоряжении на арест, исходивших от каких-либо облеченных правом лишения свободы органов или лиц, и часто даже при одном устном заявлении конвоя, что приведенное лицо подлежит аресту. Мест содержания под арестом было несколько, и официальные

представители, начальники таковых, не имели ни списков арестованных — а если и были, то неверные — ни связи между собой, не говоря уже о полной не приспособленности помещений и условий содержания арестованных в таких пунктах. Единственным местом заключения, где арестованные не были просто толпой известного состава лишенной свободы людей, оставалась Ставропольская губернская тюрьма, но и то лишь благодаря тому, что там оставалась администрация, существовавшая и до 1 января 1918 года, а также по количественно небольшому размеру этого пункта. Все же остальные пункты, при коих содержались под стражей люди, как-то комендантское управление у начальника гарнизона, во дворе бывшего юнкерского училища, в следственной комиссии и т. д. — всех метавшихся по ним в розысках своих родных, близких и знакомых, уведенных неизвестно куда, либо отсылали с бранью и угрозами прочь, либо отзывались неведением, либо сознательно указывали иное место, куда родственники бросались в тщетных усилиях найти арестованного или узнать о его судьбе, или осведомиться хотя бы лишь о причинах ареста. Помимо этого даже приблизительный учет арестов за время существования советской власти фактически оказалось [произвести] невозможным и потому, что арестованные убивались просто, без следствия и суда, по устным распоряжениям коменданта, начальников красноармейских частей, требованиям толпы “всех пустить в расход”; или переводились из одного пункта, от одного лица к другому, или отпускались на свободу по прихоти руководителей Совета, либо по иным, не основанным на каких-либо нормах поводам, и также простым словесным распоряжениям начальников всякого рода и степени власти. Или, наконец, одни арестованные заменялись другими соглашавшимися на то лицами, как это устанавливается документально в отношении так называемых “заложников”. В громадном большинстве аресты основывались на подозрении задерживаемого в контрреволюционности, под чем большевики-коммунисты подразумевали всё, что не признавало советской власти, произвола и насилия ее агентов и представителей. Далее, была группа лиц за-

ложников, т. е. лишь арестованных в обеспечение исполнения какого-либо общего к мирному населению г. Ставрополя требования советской власти, например, уплаты наложенной "контрибуции". И лишь незначительная часть арестов, как, например, арест офицеров, может быть, не требовал бы объяснений ввиду общеизвестной слепой ненависти и огульному обвинению их большевиками. Аресты сопровождалась угрозами, насилиями, издевательствами и побоями. Арестовывались дети с 14 лет и старики свыше 70 лет, и отмечается также ряд случаев повторных арестов одного и того же лица. В тех же возрастах арестованные убивались без следствия и суда с бессмысленной жестокостью, искалывались штыками на улицах, на свалочных местах. Расследование убийств граждан г. Ставрополя большевиками составляет отдельное производство. Но если изложенное по данным показаний целого ряда свидетелей указывает на невозможность учета всей массы арестов, численно превышающей сотни случаев, то яркое показательное значение имеют данные по Ставропольской губернской тюрьме, которые указывают:

1) на соотношение случаев ареста, обставленных хотя бы с формальной стороны согласно гарантиям личной свободы, и арестов без соблюдения и этих минимальных условий правильности;

2) на прогрессивное увеличение числа неформальных, внесудебных арестов с развитием деятельности советской власти;

3) и, наконец, они дают представление об отношении советской власти к категориям арестованных.

Первое и второе разъясняют цифры по тюрьме с 1 января по июль 1918 года, а именно: 1) число арестованных, на коих имелись документы, удостоверяющие личность арестованного, должностное лицо, распорядившееся арестовать, основания ареста и обвинение, предъявляемое к аресту, в январе — 7 человек, в феврале — 12 человек, в марте — 1 человек; 2) число арестованных, на коих имелась формальная бумага, удостоверяющая личность арестованного, и лицо, распорядившееся арестом без указания мотивов и

оснований, в январе — 11, в феврале — 26, в марте — 36, в апреле — 55, в мае — 60, в июне — 73, в июле — 3; 3) число арестованных, с коими в распоряжение тюрьмы поступила лишь неформальная записка об имени или фамилии задержанного, в январе — 1, в феврале — 4, в марте — 36, в апреле — 4, в мае — 2, в июне — 24.

Последнее видно из показаний тюремной администрации, а именно: они говорят, что к лицам, находившимся под арестом как “уголовным”, т. е. как совершившим известное деяние, большевики относились благожелательно, допуская, а иногда и требуя для них всяких облегчений ареста, вплоть до произвольного освобождения их вовсе из тюрьмы, и, наоборот, к лицам, арестованным по политическим основаниям, к так называемым “буржуям”, к заложникам и особенно к военным это отношение менялось на крайне суровое и жестокое — у арестованных отбирались безвозвратно деньги и ценные вещи, запрещались свидания и т. п.

Изложенное основано на расследовании, произведенном согласно положению об Особой комиссии с соблюдением всех требований Устава уголовного судопроизводства.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

КРАТКАЯ СПРАВКА

**по делу о насильственном захвате власти
большевиками (коммунистами) в Ставропольской
губернии в 1918 году**

Активное проявление советской власти в Ставропольской губернии началось в конце 1917 года. На местах были упразднены волостные земства и заменены совдепами (Советами депутатов), в которые попадали только солдаты. За отсутствием твердости власти коммунисты организовались и повели широкую пропаганду идеи “диктатуры пролетариата” и “власти беднейших”. Задуманный губернским комиссаром Временного правительства совместно с городским самоуправлением и Губернской земскою управою созыв общегубернского народного собрания был превращен большевиками в действительности в беспорядочный митинг, на котором в первую голову было упразднено демократическое земство, избранное на основании всеобщего избирательного права, и, наконец, провозглашен переход власти к народным комиссарам и Советам. Исполнительный комитет, заменивший губернский Совет, был наделен законодательной властью, и в его состав попали почти исключительно солдаты и рабочие; неугодный же большевикам крестьянский элемент был отстранен. Эта власть продержалась только до марта, когда на смену явилась вновь организованная центральной властью Красная армия, во главе которой стали безответственные люди вроде матроса Якшина, бывшего жандармского ротмистра Коппе, солдата Лупондина и других, арестовавших тотчас же пред-

седателя народных комиссаров и военного комиссара. Население было терроризировано постоянными обысками, арестами, взятием заложников, наложением пятимиллионной контрибуции и проч. Эта власть разогнала городскую Думу, выбранную на основании всеобщего избирательного права и состоящую в большинстве из представителей социалистических партий. Вся деятельность вновь созданных большевиками учреждений сводилась не к развитию общественной жизни в крае, а к полному развалу земской и городской деятельности. Вторая половина июня ознаменовалась созданием карательных отрядов и особого трибунала в составе бывшего арестанта матроса Игнатьева, коменданта Прокомедова и солдата Ашихина, которые начали проводить в жизнь кровавый террор, расстреливать и зарубать общественных деятелей и видных граждан города Ставрополя.

Все эти ужасы прекратились только после прихода Добровольческой армии.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в судебном-следственном порядке.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

о насильственном захвате власти большевиками
(коммунистами) в Ставропольской губернии
в 1918 году

Город Ставрополь и Ставропольская губерния, отрезанные от центра возникшей на Дону и Кубани гражданской войной, только к концу 1917 года начали захватываться волнами большевистской анархии и разрухи, которым главным образом способствовали солдатские массы, дезертировавшие с фронта и распропагандированные уже на местах никому не известными и безответственными элементами. Местная административная власть в лице губернского комиссара Временного правительства и президиума Губернского комитета общественной безопасности напрягала все усилия на борьбу с большевизмом, пытаясь заручиться даже поддержкой Дона и Кубани, но все усилия были напрасны. Разруха усиливалась с каждым днем и особенно широко распространялась по губернии после захвата власти в Петрограде и Москве большевиками и начала мирных переговоров в г. Бресте — тогда появился полный развал армии и дезертирство ее с фронта, чем воспользовались весьма умело организовавшие к тому времени коммунисты. Желая затянуть полный захват власти большевиками, губернский комиссар Сторлычанов совместно с городским самоуправлением и губернской земской управой решили созвать общегубернское народное собрание учредительного характера, в основу которого было положено представительство губернского земства с выборными из каждого села, все общественные организации, политические партии и даже некоторые правительственные учреждения. Однако это

собрание было обречено на полную неудачу, так как большевистская демагогическая пропаганда нашла себе вполне подготовленную почву в деревнях, куда являлись с оружием в руках бежавшие с фронта солдаты, самовольно сменившие органы волостного земства, введенные Временным правительством и построенные на основе всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, и заменили их совдепами (Советами депутатов), в которые угрозами и силой заставляли крестьян выбирать самих себя.

Местные крестьяне, довольно зажиточные и вполне обеспеченные землей, относились враждебно ко всем этим начинаниям, но не могли бороться с вооруженной силой и потому сдавали свои позиции. Таким образом, вместо действительно выборных от народа попадали в собрание захватчики, которые вместе с членами созванного к тому времени губернского крестьянского съезда, состоявшего также преимущественно из солдат, могли проводить в жизнь лозунги борьбы за советскую власть, сулившую народу всю власть, все богатства и прелести полного безделья.

Первым симптомом перехода власти в руки черни явился разгром солдатскими массами в конце ноября в гор. Ставрополе винного склада. Местные же Советы открыто обсуждали вопрос о необходимости скорейшего захвата власти и удаления от дел представителей Временного правительства. К открытию Народного собрания, 30 декабря [1917 года], выяснилось, что настроение в нем явно большевистское, почему помещение, предназначенное для собрания, было захвачено съездом крестьян и воинскими частями, а на другой день, вместо организованного собрания, открылся митинг, на котором тотчас же были упразднены земства в губернии и всеобщее избирательное право.

Состав этого митинга, заменившего Народное собрание, был очень оригинален и состоял почти из одних солдат, людей не местных и чуждых местным интересам. При обсуждении прав на представительство в Народное собрание получились совершенно неожиданные результаты: так были исключены представители школьного союза, так как в школах и гимназиях учатся буржуи, исключены были

представители почтово-телеграфного союза, так как на почте посылки пропадают, а биржевой комитет был допущен — “биржевые извозчики”, по словам одного оратора, “народ трудовой”. В ночь на 1 января под оружейную стрельбу на улицах и площадях был провозглашен переход власти к народным комиссарам и Советам. Было решено организовать губернские Советы из 180 человек, исполнительный комитет из 30 человек и Совет народных комиссаров, как исполнительную власть, из 7—8 человек. Законодательным органом явился исполнительный комитет, так как губернский Совет не был организован сразу; и в него вошли, кроме коммунистов, представители других социалистических партий, которые, однако, по прошествии нескольких дней выбыли из его состава за невозможностью работать при создавшихся условиях, и большевики стали беспрепятственно проводить свою программу под девизом “диктатуры пролетариата” и “власти беднейших”, вследствие чего разруха в губернии и городе стала принимать угрожающие размеры и вылилась в форму самосудов, грабежей и захватов, беспорядков в инородческих степях, грозивших перейти в открытые бунты и мятежи.

Связи с населением центральная коммунистическая власть не имела никакой, и распоряжения ее встречали явное противодействие со стороны местных органов, проводивших свою программу.

Наряду с этим, прежние учреждения, как правительственные, например, губернское правление, губернское присутствие, и даже сословные, как дворянское депутатское собрание, дворянская опека — продолжали свое хотя и жалкое существование, и большевистская власть требовала, чтобы в журналах заседаний этих учреждений была бы вслед за подписью председателя Совета также подпись председателя дворянства.

Эта власть Совета фактически продолжалась до конца марта 1918 года, когда среди большевистских деятелей началась борьба за власть, а с появлением вновь образовавшегося Военно-революционного комитета и прибывшего из Ростова-на-Дону для борьбы с контрреволюцией штаба

матросов раздались призывы к борьбе и крови, результатом которых, по словам свидетеля Мещерикова, явились памятные ставропольские кровавые дни.

В конце концов, вся власть перешла к Красной армии, которая с помощью специально присланных инструкторов от центральной советской власти организовалась в губернии, причем под ее давлением Совет народных комиссаров стал более настойчив в смысле проявления большевистской активности, последовало распоряжение о высылке из пределов губернии местных общественных деятелей на станцию Кавказскую, где, по словам свидетеля Мещерикова, “царили ужас, откуда нельзя было вырваться, так как эти высылки были равносильны смертной казни”. 24 марта 1918 года была разогнана городская Дума, избранная на основании всеобщего, тайного, равного и прямого голосования и состоящая из представителей социалистических партий в количестве 42 гласных, из общего числа 72. Еще задолго до разгона Думы против нее начался поход в советской периодической печати, а 27 февраля исполнительный комитет опубликовал положение об учреждении общегородского Совета депутатов из представителей профессиональных групп населения по куриальной-цеховой системе выборов, что, по выражению одного из представителей фракции социал-демократов, указывало на сплошную демагогию, кроющуюся во всей позиции большевиков, плетущихся за разнузданной толпой, что вся система выборов, установленная положением об общегородском Совете, преследует одну цель — изъять интеллигенцию из выборов, обеспечить в Совете темное и бессознательное большинство, необходимое демагогам для укрепления деспотизма. Чрезвычайное собрание Думы постановило не признавать законность роспуска и выпустило воззвание к населению. Однако 24 марта, когда гласные явились в помещение Думы, путь им был прегражден военным караулом под предводительством рабочего Лупатина, который под угрозой применения силы и оружия принудил председателя очистить зал заседания. Таким образом, вся деятельность вновь созданных большевиками учреждений сводилась не к

развитию общественной жизни в крае, а к полному развалу земской и городской деятельности. Образовавшийся в конце апреля Военно-революционный комитет в составе бывшего председателя губернского исполнительного комитета Мещерикова, бывшего жандармского ротмистра Лупондина, бывшего прапорщика Занозина и др. проявил тотчас активную деятельность, арестовав председателя Совета народных комиссаров Пономарева и военного комиссара Мирошникова. При штабе Красной армии образовалась малая комиссия, члены которой были наделены чрезвычайными полномочиями, производили реквизиции, аресты, а потом и казни. Так, член этой комиссии солдат Топунов 28 апреля опечатал зал заседаний окружного суда, кассу, кабинет председателя, канцелярию уголовного отделения. Из кассы было захвачено 4000 рублей, а из канцелярии увезено имущество.

В начале мая были произведены в связи с арестом части офицерской организации и наступлением Добровольческой армии массовые аресты, население было обложено пяти-миллионной контрибуцией и взято из зажиточных граждан 58 заложников, причем на сессии Народного собрания комиссар путей сообщения Петров заявил, что при продолжении наступления Добровольческой армии, заложники будут расстреляны.

Во второй половине июня были организованы по инициативе только что освобожденного из тюрьмы матроса Игнатьева с товарищами особые карательные отряды и особый трибунал в составе матроса Игнатьева, коменданта Прокомедова и солдата Ашихина, заседавший обыкновенно ночью и санкционировавший синодик казнимых граждан. Первыми жертвами этих карательных отрядов были гласный Думы социалист Чернышев и бывший предводитель дворянства Мачконин, которые были изуродованы красноармейцами и выброшены в окрестностях города. Вспыхнувшее в ночь на 27 июня офицерское восстание было подавлено красноармейцами с особой жестокостью: ими были зверски убиты 96 видных граждан города Ставрополя.

Убийства эти прекратились только после вступления в город частей Добровольческой армии.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в судебном-следственном порядке.

Составлено 11 апреля 1919

Екатеринодар

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

СВЕДЕНИЯ

о злодеяниях большевиков в городе Екатеринодаре
и его окрестностях

В г. Екатеринодар большевики вступили 1 марта 1918 года. В тот же день была арестована группа лиц мирного населения, преимущественно интеллигенции, и все задержанные в числе 83-х лиц были убиты, зарублены и расстреляны без всякого суда и следствия. Трупы были зарыты в трех ямах тут же в городе. Ряд свидетелей, а равно врачи, осматривавшие затем убитых, удостоверили случаи зарытия недобитых, недорубленных жертв. В числе убитых опознаны: член городской управы Пушкарев, нотариус Глоба-Михайленко и секретарь Крестьянского союза Молчанов, а также дети 14-16-летнего возраста и старики свыше 65 лет. Над жертвами издевались, отрезали им пальцы рук и ног, половые органы и обезображивали лица. 4-го того же марта, после ряда издевательств и троекратного ареста, был зарублен в Екатеринодаре, у гостиницы Губкина, полковник Орлов; равным образом уничтожена его семья, состоявшая из жены, двух дочерей и двух сыновей. Затем, 11 марта, в Екатеринодаре были зарублены на вокзале бывший товарищ министра земледелия Кубанского краевого правительства Юшко с сыном. У последнего установлено несколько рубленых и 10 штыковых ран. В марте же месяце большевиками убит в Екатеринодаре товарищ прокурора местного окружного суда Бабченко. В том же марте месяце, в ауле Абукай большевиками были зарублены и заколоты штыками пятеро лиц екатеринодарской интеллигенции из

мирных жителей — Бурсак, Канатов и др. Полуживые они были сброшены в яму и засыпаны землей. Вместе с ними были убиты 240 черкесов. Под Вознесение Господне, 31 мая 1918 года, из Екатеринодарской областной тюрьмы были выведены и тут же расстреляны из пулеметов казаки станицы Новотитаровской и др. лица, всего 76 человек. Часть трупов зарыта в яму, а непоместившиеся в яме сброшены в реку Кубань.

Казнены жертвы без суда согласно предписанию Чрезвычайной следственной комиссии, по подозрению в участии в восстании против советской власти. Убийство казаков произведено при участии Днепровского полка, под руководством его командира. Этот полк включал в себя преступный элемент и считался советской властью одним из наиболее надежных и верных ей полков. В июле 1918 года большевиками были зарублены член Екатеринодарского окружного суда Михин и его жена.

Указанные убийства были совершены без суда, и только в некоторых случаях можно предполагать соответствующие постановления Чрезвычайной следственной комиссии, но и в этих случаях вполне отсутствовали какие-либо указания на виновность отдельных лиц.

Изложенные данные основаны на показаниях свидетелей и судебно-медицинских осмотрах.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ
о социализации девушек и женщин
в гор. Екатеринодаре
по мандатам советской власти

В г. Екатеринодаре большевики весной 1918 года издали декрет, напечатанный в “Известиях” Совета и расклеенный на столбах, согласно коему, девицы в возрасте от 16 до 25 лет подлежали “социализации”, причем желающим воспользоваться этим декретом надлежало обращаться в подлежащие революционные учреждения. Инициатором этой “социализации” был комиссар по внутренним делам еврей Бронштейн. Он же выдавал и “мандаты” на эту “социализацию”. Такие же мандаты выдавал подчиненный ему начальник большевистского конного отряда Кобзырев, главнокомандующий Иващев, а равно и другие советские власти, причем на мандатах ставилась печать штаба “революционных войск Северо-кавказской советской республики”. Мандаты выдавались как на имя красноармейцев, так и на имя советских начальствующих лиц — например, на имя Карасеева, коменданта дворца, в коем проживал Бронштейн: по этому образцу предоставлялось право “социализации” 10 девиц.

Образец мандата:

Мандат*

Предъявителю сего товарищу Карасееву предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц возрастом от 16-ти до 20-ти лет на кого укажет товарищ Карасеев.

Главком Иваше

[подпись]

Место печати

[печать]

На основании таких мандатов красноармейцами было схвачено больше 60 девиц — молодых и красивых, главным образом, из буржуазии и учениц местных учебных заведений. Некоторые из них были схвачены во время устроенной красноармейцами в городском саду облавы, причем четыре из них подверглись изнасилованию там же, в одном из домиков. Другие были отведены в числе около 25 душ во дворец войскового атамана к Бронштейну, а остальные в “Старокоммерческую” гостиницу к Кобзыреву и в гостиницу “Бристоль” к матросам, где они и подверглись изнасилованию. Некоторые из арестованных были засим освобождены, так, была освобождена девушка, изнасилованная начальником большевистской уголовно-розыскной милиции Прокофьевым, другие же были уведены уходившими отрядами красноармейцев и судьба их осталась невыясненной. Наконец, некоторые после различного рода жестоких истязаний были убиты и выброшены в реки Кубань и Карасунь. Так, например, ученица 5-го класса одной из екатеринодарских гимназий подверглась изнасилованию в течение двенадцати суток целою группою красноармейцев, затем

*) Фотография этого мандата, подписанного рукою Ивашева, приложена к документам в качестве вещественного доказательства. — Прим. ред. сост.

большевики подвязали ее к дереву и жгли огнем и, наконец, расстреляли.

Фамилии потерпевших лиц не опубликовываются по понятным основаниям.

Настоящий материал добыт Особой комиссией с соблюдением требований Устава уголовного судопроизводства.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу о злодеяниях, совершенных большевиками и
бандами Махно в Таганрогском округе

Большевизм захлестнул Таганрогский округ в январе 1918 года, и появление его сразу же ознаменовалось целым рядом вопиющих преступлений как над военными, так и над мирным населением, причем особенным преследованиям подвергались сельские священники, чиновники, зажиточные крестьяне и т. д.

В первых числах января с фронта русско-германской войны, окончательно к этому времени разложившемуся и распавшемуся от пропаганды идей большевизма, походным порядком уходили на Кавказ остатки 3-го гусарского Елизаветградского полка во главе со своим командиром. На станции Иловайской, Екатерининской железной дороги, большевики задержали и разоружили эти остатки полка, причем офицеры — командир полка, три подполковника и штабс-ротмистр Манвелов — были арестованы и посажены в арестантский вагон, а солдаты-гусары рассажены в классные вагоны пассажирского поезда и отправлены по домам.

10 января офицеры в том же арестантском вагоне были отправлены на станцию Успенскую, где в ночь с 17 на 18 января, за исключением одного, расстреляны.

14 января отряд красноармейцев, заняв разъезд Ряженое, Екатерининской железной дороги, арестовал начальника этого разъезда И. П. Демьянова и захватил дневную выручку от продажи билетов. После производства обыска, сопровождавшегося ограблением, вновь назначенный боль-

шевистский комендант разъезда сказал Демьянову написать духовное завещание, а когда оно было написано, то тотчас разорвал его и приказал красногвардейцам расстрелять его “без звука”.

После этого Демьянов без всякого суда и предъявления сколько-нибудь обоснованного обвинения был отведен красногвардейцами за железнодорожное полотно и тут же заколот штыками.

После этого убийства красногвардейцы окончательно разгромили квартиру Демьянова и разграбили весь инвентарь и одежду его.

На следующий день, т. е. 15 января, красногвардейцы при участии местных крестьян-большевиков в селе Ряженом без всякой вины расстреляли местного торговца Митрофана Бреславского и разграбили его лавку. Затем арестовали его отца Ивана Бреславского, 85-летнего старика, и, обвиняя его в сочувствии и помощи добровольцам, поставили вопрос о расстреле его на баллотировку толпы, состоявшей из красногвардейцев и местных жителей. Толпа поднятием рук баллотировала его расстрел, после чего старик также был расстрелян.

15-го же января по указанию одного большевика-крестьянина схвачен был заведующий мельницей в имении близ села Ряженого Герман Фальрозе-Эммендорф и представлен на суд той же толпы за то, что он накануне сказал, что большевики — предатели России.

Толпа, зная его с лучшей стороны, оправдала; тем не менее несколько местных большевиков в тот же день расстреляли его.

Когда Фальрозе, недобитый произведенным в него залпом, лежал в поле, то одна местная крестьянка, Мария Ткаченко, подошла к нему и стала стягивать с него обувь.

Фальрозе, очнувшись, поднял голову. Тогда Ткаченко крикнула уходящим большевикам: “Товарищи, он жив еще, добейте его”. На этот зов один большевик, солдат Даниил Колбуха, вернулся и рубнул Фальрозе шашкой по голове.

В феврале в слободе Малокирсановской большевиками была организована из местных жителей красная гвардия, которая расстреляла там без всякой вины трех крестьян: Федора Каплуна, Осипа Волкова и Ивана Пономарева.

В начале марта большевистским комиссаром Таганрогского народного суда из Мариуполя был вызван в Таганрог бывший судебный пристав Егоров, которому большевики предложили должность судебного исполнителя. Однако Егоров, не желая служить у большевиков, отклонил это предложение и поехал обратно в Мариуполь. По дороге, на станции Иловайской, Егоров был задержан красноармейцами, из которых один узнал в нем бывшего служащего в полиции, по расследованию которого этот красноармеец был изобличен в совершении разбойных нападений и осужден в каторгу. Тотчас же Егоров был отведен в местный исполнительный комитет и там расстрелян. Труп его несколько дней валялся непогребенным. Только 7 июня труп был найден. На нем оказались огнестрельные ранения и разможнение затылочной кости.

В мае 1918 года большевики были изгнаны немецкими войсками из пределов Таганрогского округа.

Первый период их власти ознаменовался, кроме описанных преступлений, еще целым рядом других убийств, грабежей и арестов. Тогда же большевики расстреляли несколько священников.

С приходом немецких войск большевизм был подавлен, но не изжит населением, и когда в связи с поражением Центральных держав начался увод их войск из России, большевизм ожил и проявился с новой силой.

Осенью 1918 года в Екатеринославской губернии в районе Гуляйполе появились разбойничьи банды, организованные беглым каторжником Махно. С течением времени эти банды разрослись в большие отряды, причем Махно вошел в связь с большевистским военным командованием и занял по его приглашению со своими бандами положение, равное передовому корпусу.

Махновские банды отличаются особенной беспощадной жестокостью по отношению не только к офицерам, но и к

сельским священникам, жителям и вообще к местной интеллигенции. Большевистское военное командование обычно посылает эти банды передовыми отрядами и, занимая известный район, они не щадят никого и силой заставляют крестьян выступать вместе с ними.

В феврале и марте месяцах махновские банды, действуя в составе красных войск, заняли юго-западную часть Таганрогского округа, причем особенную свирепость проявили при захвате станицы Новониколаевской, где расстреляли до 18 человек мирного населения.

18 февраля 1919 года в поселке Васильево-Ханженковском, Новоуспенской волости, местными крестьянами, действовавшими по наущению махновских банд, были убиты при объезде участка начальник стражи I участка Таганрогского округа Усенко и стражники Карданов и Власенко.

25 того же февраля эти же банды перегоняли арестованных ими поручика Бугрова, брата его вольноопределяющегося Андрея Бугрова и четырех стражников — Кабанова, Бубликова, Ильина и Минаева — из поселка Николаево-Козловского в Натальевский, Новоуспенской волости. Конные махновцы заставили арестованных бежать за ними пятнадцать верст, расстреляли в пути двоих, упавших от утомления. Остальных они казнили у колодца близ дороги. Поочередно ставили их на колени у сруба, красноармеец-махновец стрелял им в затылок и казнимые падали в колодезь двенадцати саженой глубины. Удалось спастись только Кабанову, который прыгнул в колодезь, не дождавшись выстрела, и затем был извлечен местными жителями.

20 марта в поселке Васильево-Ханженковском, Новоуспенской волости, красноармейцами были схвачены местные крестьяне Яков Бережной, Аввакум Куделя, 53 лет, и Петр Тютюнников, 70 лет, и без всякого суда и следствия, якобы за контрреволюцию, расстреляны.

Составлен 18 мая 1919 года в гор. Екатеринодаре.

Председатель Особой комиссии по расследованию зло-
деяний большевиков, состоящей при главнокомандующем
вооруженными силами на Юге России (подпись)

Члены Особой комиссии (подписи)

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**по делу об убийствах, совершенных большевиками
в 1918 году в г. Ростове-на-Дону**

Войска большевистской советской республики заняли город Ростов-на-Дону в начале февраля 1918 года, и тотчас красноармейцы приступили к поискам оружия и “кадетов”, как они называли своих боевых и политических противников, к обыскам и арестам.

Этим моментом репрессий пользовались бесчестные люди для сведения своих счетов. Некоторые служители Донского университета из личной мести к профессору Колли заведомо ложно заявили новым властям, что профессор — “кадет” и хранит в своем доме оружие и бомбы.

По поручению большевистских властей в квартиру Колли явился отряд вооруженных красноармейцев, произвел обыск и затем вывел профессора на улицу. На вопрос, есть ли у солдат мандат (документ) на право ареста, представитель ответил: “Там разберемся”.

Раздор этот происходил на улице, и судьей революционной совести выступила толпа народа из солдат, подростков и особенно неистовавших женщин. По адресу профессора неслись враждебные крики, что он “кадет”, “контрреволюционер”, “генерал”, и “миллионер”, что его надо убить как и всех богатых людей. Тщетно профессор Колли пытался убедить толпу, что он не сделал никому ничего дурного и что за него, как иностранного подданного, виновным придется отвечать.

После второго безрезультатного обыска в квартире красноармейцы-латыши, выйдя на улицу, сняли с профессора пальто, пиджак, шапку и ботинки, надели на него принесенный ими с собою китель с одним погоном и аксельбантом и, поставив к стенке, расстреляли. Когда профессор упал мертвым, его труп оттащили на середину улицы, женщины топтали его ногами, некоторые плевали в него, а один солдат, сорвав погон с кителя, глумясь, вложил его в рот покойника. Толпа требовала смерти его вдовы и детей.

Тогда же в Ростове большевики убили без всякого следствия и суда двух священников, которых обвинили в сочувствии к своим противникам, и педагога Богаевского, бывшего помощника донского войскового атамана, удалившегося от политической деятельности и проживавшего в степи.

Богаевского большевики содержали как арестанта “президиума съезда Советов Донской республики” и ему не чинили в Ростове никаких допросов до тех пор, пока не создалось прямой угрозы городу со стороны восставших (под предводительством полковника Фетисова) казаков.

31 марта 1918 года после ультиматума Фетисова, требовавшего неприкосновенности Богаевского, большевики доставили последнего для допроса в штаб Военно-революционного комитета. Допрос производил председатель этого комитета Потелков, и заключался он в издевательствах, плевках и угрозах. Под его впечатлением на другой день Богаевский просил у тюремного врача цианистого калия.

1 апреля, около 4 часов дня, председатель ростовской Чрезвычайной следственной комиссии Берушь Рожанский вместе с начальником ростовской Красной гвардии Яковом Антоновым прибыли в тюрьму и потребовали выдачи Богаевского якобы для допроса в Военно-революционном трибунале. Богаевский был посажен в автомобиль и отвезен названными лицами не в трибунал, а за город, к Балабановской роще, где Антонов предложил ему встать и следовать за ними. Дорогою Антонов обернулся и выстрелил в упор в Богаевского, который свалился. Спустя несколько минут

Антонов по указанию Рожанского вновь подошел к Богаевскому и произвел в него второй выстрел.

Раненый Богаевский вскоре скончался, и труп его был доставлен случайным свидетелем этого убийства в Марьинскую больницу. На голове трупа было обнаружено два ранения, одно в области верхней челюсти, а второе у левого скулового отростка, сопровождавшееся разрушением основания черепа.

Попытка группы членов партии левых эсеров, ближайших сотрудников большевиков, выручить Богаевского как крупного политического деятеля, пользовавшегося общим уважением, и добиться суда над ним в Москве, в революционном трибунале, осталась безрезультатной. Большевики предпочли суду короткую кровавую расправу.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением Устава уголовного судопроизводства.

Составлен 18 мая 1919 года в г. Екатеринодаре.

Председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России

(подпись)

Члены комиссии

(подписи)

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**по делам о злодеяниях большевиков в 1919 году
в г. Новочеркасске и других местностях
Донской области**

12 февраля 1918 года после самоубийства выбранного в революционное время донского войскового атамана генерала Каледина в г. Новочеркасск вступили большевистские казачьи части под командой войскового старшины Голубова, а вслед за ними красноармейцы и матросы. Вечером Голубов с вооруженными казаками ворвался в зал заседаний избранного казачеством войскового круга (краевое законодательное учреждение) и закричал: “В России совершается социальная революция, а здесь какая-то сволочь разговоры разговаривает”. Вслед за тем Голубов и его спутники сорвали офицерские погоны с войскового атамана Назарова и председателя круга войскового старшины Волошина.

Большевики арестовали их и при криках и насмешках уличной толпы и звуках музыки отправили на гауптвахту, где посадили в темный подвал и где их затем морили голодом.

В городе начались произвольные обыски и аресты, первоначально в поисках офицеров и партизан, а затем под предлогом розыска оружия. Красноармейцы и неизвестные личности обходили квартиры и обыскивали живущих без соблюдения каких-либо формальных гарантий, и предъявляя лишь в отдельных случаях мандаты за подписью комис-

сара, кратко гласившие, что “товарищу такому-то разрешается производить обыски и аресты”.

При этих обысках, часто повторных, похищались разные вещи, преимущественно золотые, а также и деньги, и иногда квартиры подвергались полному разгрому (Могилевского, Цыкунова, Щедрова, Бояринова, Авдюховой и многих других). Не избежали той же участи и некоторые казачьи учреждения, как например, офицерское собрание и кадетский корпус, откуда были расхищены мебель, белье, музыкальные инструменты, обмундирование и книги. Часть имущества Черкасского окружного по крестьянским делам присутствия была распродана между служащими, а лучшие вещи взял себе большевистский комиссар Койбаш.

14 февраля банда матросов и красноармейцев, человек в пятьдесят, частью пьяных, прибыли вместе с подводами к лазарету № 1, где лежало около ста офицеров и партизан, тяжело раненных и больных. Большевики ворвались в палаты и, нанося раненым оскорбления, начали выносить их на носилках в одном нижнем белье на улицу и грубо сваливать друг на друга в сани. День был морозный и ветреный, раненые испытывали холод и просили позволить им одеться, но большевики, глумясь, заявили: “Незачем, все равно расстреляем”, — причем ударили одного раненого по переломленной ноге шиною. По уходе большевиков в лазарете было обнаружено пустыми 42 койки. Часть больных скрылась, откупившись у большевиков за деньги, а остальные в тот же день были заколоты, изрублены и застрелены за городом и брошены без погребения. Из числа погибших установлены фамилии 11 лиц: Видов, Марсов, Черемшанский, Агапов, Попов, Бублеев, Антонов, Кузьмичев, Белосинский, Матвеев и Соловьев, в возрасте от 14 до 22 лет, офицеры, юнкера, кадеты и добровольцы.

Тогда же эти большевики разграбили не только вещи раненых, но и имущество лазаретного цейхгауза.

В ночь на 19 февраля войсковой атаман Назаров, председатель войскового круга Волошинов, боевые генералы и штаб-офицеры Усачев, Исаев, Груднев, Ротт и Тарарин были расстреляны большевиками за городом и брошены в

поле в одном белье, а некоторые и совсем нагими. Войсковой старшина Волошинов не был убит сразу, а лишь тяжело ранен, и когда большевики ушли, дополз до крыльца ближайшего дома Парапонова и попросил дать воды и спасти его. Хозяева дома дали Волошинову напиться, но в помощи отказали. Вскоре приехали четыре красноармейца, один из них приказал Волошинову опустить руки, которыми он прикрывал лицо, а затем выстрелил в него, целясь в глаз, и ударил несколько раз прикладом ружья. Волошинов после того все еще продолжал сидеть, и тогда красноармейцы отнесли его на место расстрела остальных офицеров и там добились.

На теле Волошинова были обнаружены помимо трех огнестрельных ран штыковые раны в левую руку и в нос и сплошной кровоподтек на левом боку.

20 февраля большевики расстреляли арестованных в тот же день двух полковников — Князева и Полякова, и капитана Лемешова — боевых офицеров, незадолго до того возвратившихся с войны и мирно проживавших в Новочеркасске со своими семьями. На трупе Князева обнаружены огнестрельная рана в груди, раздробление черепа в затылочной части и девять глубоких штыковых ран в спину; на трупе Лемешова — до десяти глубоких штыковых ран и царапин на спине и боках и развороченная грудная клетка с вынутыми легкими, и на трупе Полякова рана в затылочной части черепа, до пяти глубоких штыковых ран и разорванная грудь, причем сердце было вынуто и валялось рядом с трупом.

Все эти и многие другие в точности не установленные жертвы приносились во имя якобы борьбы с контрреволюцией. Политику террора проводили в жизнь созданные большевиками в Новочеркасске учреждения — Совет пяти и Железнодорожный военно-революционный трибунал.

Совет пяти заменил собою городскую милицию, избранную населением уже во время революции, и исполнял кроме того функции суда. Этот Совет, руководствуясь, согласно директивам центральной советской власти, “революционной совестью”, но не законами, выносил постановления

об арестах и расстрелах жителей и сам же приводил в исполнение свои приговоры. Палачами выступали иногда находившиеся в его распоряжении вооруженные рабочие, а иногда отдельные должностные лица из его состава, например, секретарь председателя Совета Карташев. Отряды рабочих задерживали арестуемых от имени Совета пяти без предъявления каких-либо письменных документов и уводили их к Васильевской мельнице или к керосиновым бакам, что по дороге к Кривянке, и там их убивали, без следствия и суда. Таким путем были расстреляны до 20 профессиональных преступников, отпущенных из тюрем, а затем задержанных по указаниям сысской полиции; матросы, обвинявшиеся в грабежах; партизаны и мирные жители, навлекавшие на себя гнев большевиков.

Такие же обязанности в полосе железной дороги нес Новочеркасский железнодорожный военно-революционный комитет и состоявший при нем трибунал того же названия. И эти учреждения производили аресты, суд и расправу без каких бы то ни было гарантий для обвиняемых. Уголовные преступники и генералы казались трибуналу одинаково опасными и вредными, и людей иногда убивали только потому, что на них было надето офицерское пальто (убийство Орлова, Денисова). Трибунал казнил до ста жертв, которые погибли частью около мельницы Васильева над рекою и частью около депо близ полотна железной дороги.

Волна дикой безудержной расправы большевиков со своими часто призрачными врагами, с людьми беззащитными и обезвреженными, нередко старыми, немощными и больными, прокатилась по всей области войска Донского.

Суд революционной совести превратился в сплошной самосуд толпы или отдельных матросских и красноармейских банд по самым различным поводам и предложениям. Прежде всего уничтожали своих боевых противников, хотя бы они складывали оружие или беспомощно лежали в больничных войсках. Затем истребляли богатых и просто обеспеченных людей как "буржуев", священников за их несогласие с разбойным большевизмом и за духовный сан, просто интеллигентных людей за их интеллигентность и по

доносам как “контрреволюционеров”. Иногда казнили за неосторожное слово, за ношение погон, за службу в полиции в дореволюционное время и по другим случайным и порою вздорным поводам.

В конце февраля 1918 года в Персиановке, дачной местности близ г. Новочеркасска, было убито 6 мальчиков-партизан в возрасте от 14 до 18 лет, преимущественно учеников средней школы. Большевики-красноармейцы раздели их донага, выстроили в ряд на улице и тут же расстреляли, а их одежды, пререкаясь, поделили между собой. Тогда же в Персиановке по доносам местных жителей было расстреляно еще десять человек, старик-священник Иоанн Куликовский, отставной военный врач Дьяконов, 64 лет, отставной генерал Медведев, Быкадорова, 67-летняя старуха, и несколько казаков. Убийства сопровождались грабежами и погромами домов и садов. Большевики объявили местным жителям, что дома со всем имуществом принадлежат им, и последние совместно с членами персианского большевистского комитета расхищали вещи, разбивали ульи на пасеках (на даче Калинина), вырывали в садах деревья и кусты из земли (на даче Семена Грекова), грабили инвентарь, иконы, книги. Тогда же большевики разгромили церковь артиллерийского лагеря, откуда унесли св. Евангелие, покрывало, одежды, чаши, на престольную плащаницу.

На станции Батайск, близ г. Ростова-на-Дону, в феврале и марте 1918 года местный Военно-революционный комитет арестовал во внесудебном порядке, а затем расстрелял без следствия и суда, более 60 человек, преимущественно офицеров и интеллигентов, которых обыкновенно хватали по внешнему виду, прямо с поездов.

На станции Степной, Владикавказской железной дороги, в начале 1918 года, по показанию бывшего председателя местного Военно-революционного комитета Ионова, отряд приезжих красноармейцев, не считаясь с существованием комитета, произвел самостоятельно расстрел 17 “кадетов”. Стоявшие на станции красноармейцы добровольно сбегались, чтобы принять участие в этих убийствах.

В хуторе Бобриках, Таганрогского округа, большевистские комиссары в феврале 1918 года производили бесчисленные реквизиции и грабежи у жителей, отбирая деньги, хлеб, скот и хозяйственный инвентарь. Комиссар Краснолотов награбил с мирного населения до 120 000 рублей. Когда же грабежи и составленный комиссарами проект пердела всех земель вызвал возмущение двухсот крестьян, большевистская власть усмирила недовольный народ стрельбой в толпу, а затем истязаниями задержанных лиц и расстрелами.

15 февраля 1918 года в селе Аксае толпа матросов расстреляла генерала от инфантерии Сидорина, арестованного ранее только за то, что в его квартире останавливались офицеры отряда генерала Корнилова, не признававшего власти большевиков. Матросы вывели Сидорина из арестного помещения к полотну железной дороги и дали в него три залпа, после чего генерал упал под откос к реке Дон и после четверти часа мучений скончался.

В мае того же года близ станции Каял, Владикавказской железной дороги, по приказанию комиссара большевистского чрезвычайного штаба красноармейцы арестовали и в тот же день расстреляли у полотна железной дороги семидесятилетнюю помещицу Садомцеву. Ее не спасло ни то обстоятельство, что крестьяне отобрали все ее земли и разграбили ее инвентарь, ни то, что она покинула свой дом и проживала у соседа Занько, ни заступничество за нее ее прислуг, считавших ее за хорошую и добрую женщину и пытавшихся спасти ее через местные земельные комитеты, которые "с сожалением" отказали в этой помощи как безоружные.

На станции Морозовской красноармейцы убили помощника начальника этой станции Константина Чубарина за то, что им были недовольны железнодорожные служащие, а в хуторе Гребцовском Черкесского округа расстреляли в феврале содержателя земской почты казака Федора Васильева только за то, что в домашней беседе он неодобрительно отзывался о красноармейцах.

В декабре 1917 года на перегоне Чернышов-Морозовская солдатами-большевиками был выброшен из вагона на ходу поезда за ношение погон военный врач Александр Лапин, душевнобольной, бежавший от лиц, сопровождавших его в Новочеркасскую больницу.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией со строгим соблюдением Устава уголовного судопроизводства.

Составлено 20 мая 1919 года
Екатеринодар

Председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (подпись)
Члены комиссии (подписи)

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

**СВЕДЕНИЯ
о разгроме большевиками
Таганрогского окружного суда**

20 января 1918 года после трехдневных боев власть в г. Таганроге была захвачена большевиками.

На следующий же день, т. е. 21 января, в здание местного окружного суда ворвалась толпа — человек в 25 — вооруженных с ног до головы пьяных красногвардейцев, разгромила несколько комнат и, под предлогом розыска якобы скрытого в суде оружия, разломала штыками ящики письменных столов и шкаф с делами.

Затем толпа эта бросилась в комнату, где хранились вещественные доказательства, переколола там сложенные и зашитые в полотно царские портреты, а оттуда устремилась в помещение архива, откуда, вынеся свыше 20 000 уголовных и гражданских дел, устроила во дворе суда три больших костра, на которых в течение нескольких часов с гиканьем и свистом жгла все эти дела.

Из отрывочных замечаний отдельных лиц этой банды о том, что необходимо уничтожить все дела для того, чтобы не осталось никаких следов о прежней судимости тех, кто нынче является “защитниками народа” и “борцами за свободу”, а также, судя по той ярости, с которой была сорвана со стены зала общего собрания отделений суда большая юбилейная группа чинов Таганрогского окружного суда и затем брошена в огонь с замечанием “пусть сгорят те, которые нас судили”, можно было с несомненностью заключить, что в толпе этой было много таких “защитников на-

рода” и “борцов за свободу”, которые ранее судились за убийства, разбой и кражи.

Действительно, при вступлении 17—20 января большевиков в город Таганрог к ним поголовно примкнул весь преступный элемент.

В последующие дни 24, 26, 27 и 29 января на суд производились налеты в автомобилях по 5—6 вооруженных красногвардейцев, которые, представляя “мандаты” за подписью председателя местного революционного комитета еврея Стерлина, бывшего рабочего Балтийского завода, реквизировали лучшую в суде мебель, массу канцелярских принадлежностей, 5 пишущих машинок и прочее казенное имущество.

Наконец, 31 января в суд явился, в сопровождении вооруженного отряда, молодой человек, одетый в рабочую куртку, Афанасий Варелас, который заявил председателю суда, что он назначен комиссаром суда, что прежний окружной суд, в силу декрета Совета народных комиссаров, считается упраздненным, а все служащие увольняются от своих должностей и что вместо окружного суда будет действовать народный суд с выборными судьями из рабочих.

Так временно прекратил свою законную деятельность Таганрогский окружной суд, а на место его водворился народный суд с судьями без всякого образования и опыта, судившими не по законам, а по “революционной совести”.

Публика сидела в заседаниях этого учреждения в шапках, шелкая подсолнухи и гогоча от смеха над “остроумными замечаниями судей по адресу буржуев”.

По распоряжению комиссара суда были распроданы на оберточную бумагу драгоценный во всех отношениях хранившийся в суде архив бывшего коммерческого суда и почти весь архив уголовных дел окружного суда в числе до 48 000 дел. Хранившиеся же в кассе суда ценные вещественные доказательства в виде золотых и серебряных вещей были распроданы путем аукциона, устроенного в суде же, причем покупателями этих вещей явились народные судьи и красногвардейцы.

17 апреля большевики в панике бежали из Таганрога, и 18 апреля он был занят вошедшими немецкими войсками. В тот же день состоялось первое заседание общего собрания отделений Таганрогского окружного суда, и суд снова восстановил свою насильственно прерванную деятельность.

При подсчете председателем суда сумм, израсходованных большевистским судом на его двухполовинноймесячное существование, оказались взятыми из казначейства по ассигновкам из сметы окружного суда и израсходованными 150 тысяч рублей — и это при наличии того обстоятельства, что 67 чинов судебного ведомства были уволены от должностей без выдачи им какого-либо содержания и что доход от вышеуказанных финансовых операций народных судей по продаже дел на оберточную бумагу и вещественных доказательств с аукциона не вошел в помянутую сумму денег. Нормальный же расход окружного суда в то время определялся в 30 000 рублей в месяц.

Кроме того, сам комиссар суда, бежав 17 апреля из Таганрога, успел захватить с собой из кассы суда еще 14 000 рублей.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией со строгим соблюдением Устава уголовного судопроизводства.

Составлен 15 мая 1919 года в г. Екатеринодаре.

С подлинным верно:

Секретарь Особой комиссии:

(подпись)

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу о злодеяниях, учиненных большевиками
в городе Таганроге за время с 20 января
по 17 апреля 1918 года

В ночь на 18 января 1918 года в городе Таганроге началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей Красной армии Сиверса, нескольких тысяч местных рабочих, по преимуществу латышей и преступного элемента города, поголовно примкнувшего к большевикам.

Для подавления этого мятежа выступили офицеры, юнкера и ученики-добровольцы. Четыре дня на улицах города шли то ожесточенные бои, то перестрелка; наконец, добровольцы 20 января отошли к казенному винному складу, бывшему предметом особых вожделений большевиков.

Это был последний их оплот. Горсть людей, численностью не более 250 человек, подавленная количеством большевистских сил, с иссякшим запасом патронов, не могла более сопротивляться, тем более, что винный склад был подожжен.

20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако это условие большевиками соблюдено не было, и с этого дня началось проявление "исключительной по своей жестокости" расправы со сдавшимися.

Офицеров, юнкеров и вообще всех выступавших с ними и сочувствовавших им большевики ловили по городу и или тут же на улицах расстреливали, или отправляли на один из заводов, где их ожидала та же участь.

Целые дни и ночи по городу производились повальные обыски; искали везде где только могли так называемых "контрреволюционеров".

Не были пощажены раненые и больные. Большевики врывались в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же

расстреливали его. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились. Один из большевиков — Шевченко, догнав у полотна железной дороги близ казенного винного склада раненого в ногу офицера или юнкера, ударом приклада винтовки сбил его с ног, после чего начал топтать ногами, а когда тот перестал двигаться, то помочился ему в лицо и еще несколько раз ударил его. Ужасной смертью погиб штабс-капитан, адъютант начальника школы прапорщиков: его, тяжело раненого, большевистские сестры милосердия взяли за руки и за ноги и, раскачав, ударили головой о каменную стену.

Большинство арестованных “контрреволюционеров” отвозилось на металлургический, кожевенный и, главным образом, Балтийский заводы. Там они убивались, причем “большевиками была проявлена такая жестокость, которая возмущала даже сочувствовавших им рабочих, заявивших им по этому поводу протест”.

На металлургическом заводе красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки, в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе.

Около перечисленных заводов производились массовые расстрелы и убийства арестованных, причем тела некоторых из них обезображивались до неузнаваемости.

Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи.

По изгнании большевиков из Таганрогского округа полицией, в присутствии лиц прокурорского надзора, с 10 по 22 мая 1918 года, было совершено вырытие трупов погибших, причем был произведен медико-полицейский осмотр и освидетельствование трупов, о чем были составлены соответствующие протоколы.

Всего было обнаружено около 100 трупов, из которых 51 вырыто из могил.

Однако эти люди были далеко не все убитые большевиками, так как многие из них были, как сказано выше, сожжены почти бесследно, многие же остались не зарытыми, а затем некоторые ямы, в которых были зарыты убитые, не были найдены, так как оказались совершенно сравненными с землей.

Большинство вырытых трупов принадлежало офицерам и юнкерам. Среди них, между прочим, оказались также несколько трупов учеников-добровольцев, мальчиков в возрасте 15—16 лет, одного рабочего, бывшего полицмейстера города Таганрога Жужнева, и наконец, бывшего командующего армией генерала от кавалерии Ренненкампа, которого большевики, продержав месяц под арестом и неоднократно предлагая ему командование их армиями, после категорического его отказа расстреляли в ночь на 1 апреля по приказанию своего “главковерха” Антонова.

Трупы были большей частью зарыты в землю на небольшом расстоянии от поверхности, так что иногда из-под земли торчали то руки, то ноги. В могилах обыкновенно находилось по несколько трупов, сброшенных туда как попало; большинство трупов было или в нижнем белье, или же совсем без одежды.

Допрошенное при производстве расследования в качестве свидетеля лицо, наблюдавшее за разрытием означенных могил, показало, что ему “воочию при этом раскрытии пришлось убедиться, что жертвы большевистского террора перед смертью подвергались мучительным страданиям, а самый способ лишения жизни отличается чрезмерной, ничем не оправдываемой жестокостью, свидетельствующей о том, до чего может дойти классовая ненависть и озверение человека.

На многих трупах кроме обычных огнестрельных ранений имелись колотые и рубленые раны прижизненного происхождения — зачастую в большом количестве и на разных частях тела; иногда эти раны свидетельствовали о сплошной рубке всего тела; головы у многих, если не у большинства, были совершенно разможены и превращены в бесформенные массы с совершенной потерей очертаний лица;

были трупы с отрубленными конечностями и ушами; на некоторых же имелись хирургические повязки — ясное доказательство захвата их в больницах и госпиталях. Труп полицмейстера Жужнева оказался с вырванным боком, что свидетельствует о том, что, по всей вероятности, он некоторое время не предавался земле и собаки объели его”.

Медико-полицейским осмотром вырытого из могил 51 трупа было установлено, что у 26 из них разможены и разбиты черепа, три трупа совершенно обезображены, у шести обнаружены переломы рук и ног, у 20 штыковые и рубленые раны, на трех хирургические повязки, в двух трупах опознаны ученики, в одном — рабочий и, наконец, в яме (могиле) у полотна железной дороги, идущей со станции Марцево на Балтийский завод, был обнаружен труп генерала от кавалерии Ренненкампа с огнестрельными ранениями в голову.

В то же время, когда шли описанные расстрелы, по городу производились массовые обыски и внесудебные аресты. Мирное население г. Таганрога не было оставлено в покое: интеллигенция, купцы, состоятельные люди, простые чиновники, вообще все граждане, кто только не принадлежал к избранному классу рабочих или бедноты, подверглись обыскам и арестам, которые сопровождались отобранием разного имущества, начиная с драгоценностей и кончая платьем, съестными припасами и т. п., т. е. вещами, ничего общего с “контрреволюцией” не имеющими, издевательствами, насилиями, угрозами лишить жизни, невероятной грубостью и площадной бранью. Так, в квартиру одного чиновника, служащего в местном суде, ворвались вооруженные с ног до головы, с бомбами в руках, человек 8—10 красноармейцев для производства обыска. Этого чиновника, жену его и детей, красноармейцы загнали в угол одной из комнат и, приставив к ним пьяного с револьверами в обеих руках красноармейца, который все время ругал их самой уличной бранью, разошлись по квартире для производства обыска, явившегося на самом деле настоящим грабежом. Издевательства над арестованными продолжались часа два. Наконец, красноармейцы вытолкали чиновника

ударами приклада в другую комнату, где стоял комод, и стали требовать указать, где деньги и драгоценные вещи, причем, приказывая открыть определенный ящик комода, вместе с тем кричали “не тот” и тут же снова били его прикладом.

Забрав все, что только могли, красноармейцы привели чиновника к его жене и поставили их рядом для расстрела; тут один подошел к нему вплотную, держа штык наперек, сделал размах, чтобы ударить его в живот, но другой остановил его.

В другом месте, в квартире одного присяжного поверенного и члена суда, обыск сопровождался приблизительно теми же насилиями, грабежом и издевательствами, причем по окончании его жители этой квартиры опять без всякой вины и постановления были арестованы и выведены на площадку лестницы впредь до окончания обысков соседней квартиры. Тут один красноармеец наводил все время винтовку на арестованных и потешался производимым этим эффектом; другой, вертя револьвером перед глазами присяжного поверенного, говорил ему: “Вот у тебя четыре глаза (присяжный поверенный носил очки), а как дам тебе раз, вылетят шесть глаз”. Третий же, угрожая арестованным оружием, говорил: “Всех вас на вешалку”.

В квартиру одной местной жительницы явились красноармейцы с “мандатом” на ее арест, но, не застав хозяйку дома, арестовали 7-летнюю ее дочь, сказав при этом: “Ну, матери нет, так возьмем дочь, тогда мать придет”.

Когда же эта женщина поехала за дочерью, то последнюю освободили, а мать арестовали опять же без всякой вины и постановления. Допрошенная при расследовании эта женщина показала, что в день ее ареста в штабе военного комиссара Родионова находились безвинно арестованными свыше 100 мирных жителей г. Таганрога. Всех их перенесли затем из штаба на вокзал и заперли в арестантских нагонах, откуда поодиночке выводили на допрос и каждому за освобождение назначали особую сумму выкупа, налога или контрибуции, которая колебалась от 10 до 30 тысяч рублей.

В первые же дни захвата власти, большевики постарались ликвидировать в городе гражданские правительственные учреждения.

Главными носителями власти и проводниками большевистской политики явились в г. Таганроге за кратковременное владычество там большевиков, длившееся с 20 января по 17 апреля 1918 года, люди, не только не соответствующие по своему нравственному и умственному уровню занимаемым ими должностям, но зачастую и с уголовным прошлым: так, военным комиссаром города и округа был Иван Родионов, отбывший наказание за грабеж; помощником его — Роман Гончаров, также осужденный за грабеж; комиссаром по морским делам — Кануников, бывший повар-матрос, отбывший каторгу за убийство, начальником контрразведывательного отделения Иван Верстак, зарегистрированный с 16-летнего возраста вор; начальником всех красноармейцев города, заведующий нарядами на производство обысков и расстрелов — Игнат Сигида, осужденный за грабеж и, наконец, начальником пулеметной команды бронированного поезда, а затем председателем контрольной комиссии по перевозке ценностей из Ростова-на-Дону в Царицын — мещанин гор. Таганрога Иван Диходелов, по кличке “Пузырь”, судившийся и отбывший наказание за грабеж.

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

об убийстве большевиками генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкампфа

Бывший командующий 1-й армией в первый период Русско-германской войны, руководитель походов в Восточную Пруссию генерал от кавалерии Ренненкампф проживал в начале 1918 года в г. Таганроге на покое вдали от военной и политической деятельности. 20 января 1918 года после захвата власти большевиками ему сразу же пришлось перейти на нелегальное положение, и он по паспорту под именем греческого подданного Мансудаки переселился в квартиру одного рабочего, грека Лангусена, по Коммерческому пер., дом № 1, и там скрывался.

Однако большевики установили за ним слежку, и в ночь на 3 марта генерал Ренненкампф был арестован и посажен под арест при штабе таганрогского военного комиссара Родионова.

Через несколько дней после ареста вследствие ходатайства жены генерала Веры Николаевны Ренненкампф, революционно-следственная комиссия при таганрогском революционном трибунале предложила военному комиссару Родионову перевезти генерала Ренненкампфа для дальнейшего содержания в комиссию и передать туда дознание о нем. Однако Родионов отказал в этом требовании комиссии, основываясь на том, что генерал Ренненкампф задержан им по предписанию из Петрограда.

Во время содержания генерала Реннекампфа под стражей большевики три раза предлагали ему принять командование их армией, однако он всегда категорически отказывался от этого предложения и раз заявил им: "Я стар, мне мало осталось жить, ради спасения своей жизни я изменником не стану и против своих не пойду. Дайте мне армию хорошо вооруженную, и я пойду против немцев, но у вас армии нет; вести эту армию значило бы вести людей на убой, я этой ответственности на себя не возьму".

Все же большевики не теряли надежды и пытались привлечь генерала на свою сторону, однако, вскоре им пришлось окончательно убедиться в бесполезности своих попыток.

В последних числах марта, в один из приездов в город Таганрог большевистского "главверха" Южного фронта Антонова-Овсеенко, последний на вопрос Родионова, что ему делать с генералом Ренненкампом, выразил удивление, что он до сих пор жив, и приказал расстрелять его.

В ночь на 1 апреля генерал Ренненкамф был взят из штаба комендантом станции Таганрога бывшим рабочим Балтийского завода и матросом Евдокимовым и в сопровождении двух других неизвестных отвезен на автомобиле за город и там у Балтийской железнодорожной ветки, в двух верстах от Балтийского завода и полуверсте от еврейского кладбища расстрелян.

По свидетельству самих же большевиков, генерал Ренненкамф вел себя перед расстрелом героически.

Большевики скрывали убийство генерала Ренненкампа, и еще накануне ни сам генерал, ни вдова его не знали об ожидавшей их участи. 31 марта генералу объявили, что он будет отправлен в Москву. Вдове же его 1 апреля в штабе выдали удостоверение за подписью Родионова и печатью в том, что ее муж отправлен по распоряжению главковерха Антонова в Москву в ведение Совета народных комиссаров. Оказалось, что этот термин у большевиков был однозначен с отправкой на тот свет, в чем сознался и сам Родионов.

18 мая 1918 года, по изгнании большевиков из Таганрога, союзом офицеров при посредстве чинов полиции, в присутствии лиц прокурорского надзора, было произведено разрытие могил мученически погибших жертв большевистского террора, причем в яме (могиле) на вышеуказанном месте убийства генерала были обнаружены и вырыты два трупа в одном только нижнем белье, с огнестрельными ранами в голову. В одном из этих трупов В. Н. Ренненкамф безошибочно опознала труп покойного своего мужа, генерала от кавалерии Павла Карловича Ренненкампа.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в порядке, установленном Уставом уголовного судопроизводства.

Составлен 11 мая 1919 года в г. Екатеринодаре.

Подлинный за подписями председателя Особой комиссии мирового судьи Г. Мейнгарда, товарищей председателя и членов Особой комиссии.

С подлинным верно:
секретарь Особой комиссии

(подпись)

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

СООБЩЕНИЕ

о гонениях большевиков (коммунистов) на Церковь
в Донской области

Высшее духовенство Донской епархии привлекало особенное внимание большевиков, так как представители его, стоя на страже Церкви и порядка, силою вещей были впереди лиц, настроенных несочувственно к глашатаям новой правды. В ноябре и декабре месяцах 1917 года с церковной кафедры собора раздавались речи, осуждавшие братоубийственную гражданскую войну, начатую большевиками. Для подъема религиозного настроения устраивались крестные ходы. 26 ноября 1917 года епископом Аксайским Гермогеном была произнесена горячая речь над гробами двадцати партизан Каледина. Епископ предал убийц суду Божьему, как Каина-братоубийцу. 11 февраля, накануне занятия Новочеркасска большевиками, епископ Гермоген служил в соборе последнее молебствие войсковому кругу, покидавшему народ, а 12 февраля он находился уже под домашним арестом. После освобождения из-под ареста епископ вынужден был скрыться из дому и, вплоть до занятия города казаками, искать приюта у своих знакомых, ибо большевики объявили, что “накрошат мяса из архиерея”.

Во время занятия Новочеркасска большевиками архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан оставался в своих покоях. На другой день, 13 февраля, к нему ворвались четверо вооруженных матросов. Не снимая шапок, с папиросами в зубах, угрожая револьверами, они заявили в самой грубой форме, что должны произвести обыск. На

предложение предъявить соответственное полномочие один из матросов подал удостоверение своей личности. Когда ему заметили, что в удостоверении не говорится о праве обыска, матросы заявили, что по такой бумаге они везде обыскивают. Войдя в кабинет и спальню архиепископа, матросы перерыли все. Ничего не обнаружив, они обратились к архиепископу и бывшему с ним протоиерею Артемьеву со словами: "Вы, товарищи, скажите по совести: есть у вас оружие или нет". Получив отрицательный ответ, они удалились. Через несколько часов явилась новая группа матросов, человек пятнадцать. На этот раз во время обыска матросы взяли все более или менее ценные вещи, вплоть до очков в золотой оправе. После обыска матросы заявили, что архиепископ арестован. Когда архиепископ, выходя из дому, перекрестился, по его адресу посыпались насмешки: "Молиться стал; думает Бог ему поможет; хотя и не молился, какой там еще Бог". На извозчике архиепископ Митрофан был отвезен на вокзал в штаб. В штабе выразили удивление по поводу ареста. Когда же матросы заявили, что архиепископ проклинал большевиков, решили, что "это дело нужно разобрать", и архиепископа повели в Атаманский дворец. Его сопровождали те же матросы и толпа народа. Толпа и конвоиры требовали, чтобы арестованный, несмотря на преклонный возраст и высший сан, шел в город по грязи пешком. "Будет тебе в карете ездить, походи-ка пешком, — раздавались возгласы, — новочеркасского бога ведут", "вот ему чего надо", — кричал народ, потрясая кулаками. Когда утомившийся архиепископ попросил разрешения отдохнуть, ему предложили сесть в грязь, а когда он отказался, матрос воскликнул: "А, ты, буржуй, в креслах привык сидеть. Не хочешь на землю садиться, так иди". В Атаманском дворце допроса не состоялось, и архиепископ на этот раз был отправлен на гауптвахту, где его заключили в грязную одиночную камеру вместе с войсковым атаманом генералом Назаровым и еще одним офицером. Спать приходилось вдвоем на голой лавке, которая днем служила сиденьем. Через маленькое отверстие камеры все время раздавались брань и угрозы. Сначала к архиепископу беспрепятст-

венно пропускали посетителей, затем эта льгота была прекращена; свободно допускались лишь те, кто являлся с явным намерением глумиться. Лишь через десять дней это заключение окончилось после приговора военно-революционного суда, признавшего архиепископа невиновным.

Если арест двух высших представителей Донской епархии окончился для них благополучно, то значительное количество священнослужителей заплатились своей жизнью только за то, что они являлись представителями Церкви. Отношение красноармейцев к духовенству было в высшей степени определенное и безоговорочное. “Убить попа” да еще посмеяться над ним, по-видимому, входило в правила поведения советского воина. Один документ — письмо красноармейца к родным — является чрезвычайно ярким показателем этого настроения. Между прочим, письмо это принадлежит солдату Красной армии, против которого имеется серьезное основание считать его участником убийства священника хутора Персиановского о. Иоанна Кликовского. После обычных приветствий и поклонов родным и знакомым следуют такие строчки:

“Новостей у нас много. Сколько можно, столько пропишу. Помощника Каледина Богаевского поймали и привезли к нам в Новочеркасск и с него снимают допрос. А потом — на расстрел его предадут. Затем, когда мы наступали на Персиановку, тогда меня ранили в левую руку, эта рана была очень легка, два пальца вышибли; но и мы когда вошли в Персиановку, не щадили никого. Били всех. Мне тоже пришлось застрелить попа одного. А теперь мы еще ловим чертей в Новочеркасске и бьем, как собак...”

Отцу Николаю Добросельскому (слоб. Ровенки) после обыска 14 марта 1918 года старшим красноармейцем был объявлен приговор: за противобольшевистские проповеди оборвать волосы и расстрелять. Приговор не был приведен в исполнение благодаря заступничеству собравшихся прихожан и заменен денежным выкупом.

Полного списка убитых в Донской области священнослужителей еще нет возможности составить, однако, в настоящее время можно отметить следующие убийства:

1) 7 января 1919 года был убит священник Троицкой церкви поселка Калиновского о. Николай Борисов. Когда в этот день священник Борисов после литургии возвращался домой, его встретил отряд красноармейцев и приказал ехать на станцию Ханженково. Получив разрешение проститься с семьей, о. Борисов был посажен на линейку и увезен. Через некоторое время лошадь привезла на линейке труп. На теле кроме огнестрельной раны было обнаружено несколько штыковых. Жители поселка были так терроризованы красноармейцами, что никто не пришел помочь семье снять тело, не решился зайти в дом, делать гроб, продать доски для гроба, вырыть могилу.

2) 13 января 1918 года в слободе Михайловке был убит священник местной Николаевской церкви о. Феохист Георгиевич Лебедев, 39 лет. Отец Лебедев был энергичный и деятельный человек. С начала войны он состоял председателем волостного комитета по распределению пособий семьям призванных на войну. Естественно, что по своей деятельности ему приходилось иногда отказывать в пособии отдельным лицам. Это послужило основанием к недоброжелательству со стороны обиженных, и еще во время войны о. Лебедев получал с фронта оскорбительные и угрожающие письма. Когда же к концу 1917 года в селении в большом количестве появились фронтовики, враждебное отношение к священнику стало принимать угрожающие формы. 12 января слобода была занята советскими частями. Вслед за этим у о. Лебедева был произведен обыск, сопровождаемый всякими издевательствами и угрозами раздаться за прошлое. Утром 13 января о. Лебедев попытался скрыться из слободы, но был узнан и схвачен. Когда его привезли, толпа стала требовать немедленного расстрела, и не успел о. Лебедев сотворить крестного знамения, как уже повалился от выстрела в спину. Его сейчас же добили штыками и чем попало. Труп бросили в свалочное место и запрестили хоронить. Лишь на другой день растерзанный труп священника удалось выхлопотать родственникам убитого и похоронить.

3) Настоятель Троицкой церкви хутора Ягодино-Кадамовского, священник Петр Иванович Жаханович был расстрелян 2 февраля 1918 года налетевшими из гор. Александровско-Грушевского красноармейцами, когда шел слушать вечерню.

4) 12 февраля 1918 года священник хутора Персиановско-Грушевского Иоанн Куликовский был арестован большевиками, по-видимому, за сочувствие партизанам и “кадета́м”. Выведя на улицу, его свалили выстрелом в живот, затем доби́ли штыковыми ударами. Тело не позволили хоронить, и в течение двух дней труп лежал на улице, едва прикрытый чем-то, так как обувь и одежда сняты с него.

5) Священник поселка Иваново-Слюсаревского о. Василий Зеленый был арестован большевиками и отправлен в штаб в станицу Кушевку. В половине февраля 1918 года, по сведениям жителей этой станицы, в ее окрестностях был расстрелян какой-то священник и с ним еще два человека. На расспросы слюсаревцев о судьбе их священника в штабе ответили, что его отправили “на Харьков”.

6) Священник Флоро-Лаврской церкви станицы Великокняжеской Владимир Николаевич Проскуряков был убит красноармейцами 28 февраля 1918 года, когда отправился на станцию ходатайствовать об освобождении двух своих сыновей, которые к моменту появления Проскурякова на станции были убиты.

7) 2 марта 1918 года временный священник Покровской церкви поселка Медвежинского о. Иоанн Смирнов был взят конным большевистским разъездом, угнан в другой поселок и там убит. Тело убитого было найдено 14 марта.

8) На хуторе Владимирове близ станции Морозовской был убит священник местной церкви Андрей Казинцев, который всегда открыто восставал против большевизма. 11 апреля 1918 года рано утром прибывший на хутор отряд красноармейцев прямо направился к дому священника о. Казинцева, подняли его с постели, вывели на площадь и здесь произнесли ему смертный приговор. Его связали и увезли на станцию Морозовскую. Через три дня труп о. Казинцева был найден пастухом в балке близ хутора Влади-

мирова. На груди убитого было обнаружено шесть штыковых ран.

9) Священник Рождество-Богородицкой церкви хутора Петровского Александр Иванов 10 мая 1918 года был расстрелян красноармейцами среди бела дня на церковной площади, на глазах семьи и прихожан. Ему ставилось в вину то, что он был сторонником казачества и противником большевизма.

10) 14 мая 1918 года дьякон-псаломщик Иоанно-Предтеченской церкви хутора Чернышкова Кир Петрович Маланьин был убит ударами шашки и штыков. Хоронить тело не разрешили, и погребение удалось совершить лишь по настоянию хутора казаками.

11) 23 мая 1918 года в станице Тишанской красноармейцами был захвачен псаломщик Иоанн Мелихов и увезен из станицы. На следующий день был найден совершенно раздетый труп И. Мелихова с массой штыковых ран и отрезанным половым органом.

12) 1 июня 1918 года в слободе Мариновке утром красноармейцы явились на квартиру священника этой церкви о. Георгия Парфенова и произвели обыск, взяв писчую бумагу и фотографии; и опросив о. Парфенова, сколько ему лет, где учился и т. п., удалились. Часов через пять к нему явились снова, забрали священника вместе с одним прапорщиком и, отведя обоих к полотну железной дороги, расстреляли. Из свидетельских показаний устанавливается, что отношение прихожан к о. Парфенову не было враждебным. Но явившиеся с фронта солдаты относились к священнику явно недоброжелательно и угрожали ему.

13) 2 июля 1918 года был расстрелян красноармейцами священник Успенской церкви хутора Самсонова Павел Алексеевич Вилков. Он был расстрелян вместе с двумя своими сыновьями — офицерами. Труп был брошен в яму. Хоронить было запрещено, и только через несколько дней семье удалось тайно выкупить труп казненного. Ему вменялось в вину, будто бы он стрелял из окна в красноармейцев. После казни штаб красноармейцев, разобрав дело, вы-

нес письменное постановление о том, что о. Вилков был расстрелян без вины.

14) Священник Петропавловской церкви при станции Зимовники о. Михаил Рукин 5 июля 1918 года убит красноармейцами. Похороны убитого происходили под шум насмешек и угроз по адресу вдовы.

15) Священник Георгиевской церкви хутора Фомино-Лиховского о. Михаил Стритонович Пашутин. Он был взят матросами и красноармейцами, привезен на станцию Лихая и там расстрелян. Труп был зарыт, но церковного погребения совершить не было дозволено.

Кроме этих случаев казни следует отметить смерть дьякона Митрофана Судина (30 декабря 1917 года) и монаха Донского архиерейского дома Никанора (27 июня 1918 года), которые погибли при обстреле большевиками селений.

В этих казнях обращает на себя внимание ненужная, часто садистская жестокость. Расстрелять, уничтожить человека считалось недостаточным. Обычно истязали свою жертву при жизни и глумились над его телом после смерти. Как общее правило, расхищали одежду, запрещали хоронить и бросали в свалочные места. Это делалось не потому, что данные лица в чем-либо особенно провинились. Если были признаки обвинения, они сводились обычно к расплывчатому обвинению в “кадетстве” и “противобольшевизме”. Всецело же они были направлены против духовенства именно как против священнослужителей. Считалось необходимым “убрать попа”, “убить попа как собаку”, “похоронить по-собачьи”, требовалось “накрошить мяса из архиерея”.

Священника слободы Михайловка — Иоанна Штурбина, выходившего со святыми дарами из дома умирающего, которого напутствовал о. Штурбин, красноармейцы остановили, поместили около него караул с винтовками и в течение получаса во дворе чинили ему допрос и обыск.

Когда в той же слободе стали готовиться к похоронам убитого священника о. Лебедева, накануне уже поползли слухи, что завтра пересбьют всех священников и потребуют, чтобы о. Лебедева хоронили “по-собачьи”.

Пасхальная заутреня 1918 года в церкви при станции Раковка была прервана красноармейцами, прибывшими с целью отобрать у народа пасхи, яйца и прочее и “кстати остричь попа”.

Замечалось иногда стремление облечь убийство в форму закономерного акта народного гнева. Такая инсценировка имела место при расстреле священника Андрея Казинцева. Немедленно по занятии хутора Владимирова отряд красноармейцев появился у квартиры священника и привел его на площадь. Собирали народ. Когда образовалась кучка человек в 50, командующий отрядом спросил присутствовавших, нужно ли оставить священника или убрать. При этом он пояснил, что суд будет короткий: если хотят оставить — оставят, если желают убрать — пуля в лоб. При этом командир обратил внимание присутствовавших, не будет ли в священнике нужды ввиду поста и приближающейся Пасхи. Он предложил вместе с тем решить дело поскорее, так как отряду пора уходить, и здесь же потребовал подводы. Народ стал расходиться, чтобы выполнить это последнее требование. Осталось человек двадцать горланов. Они и проголосовали поднятием рук формулу командующего “убрать попа” и решили участь отца Казинцева.

Красной нитью проходит стремление поколебать и оскорбить религиозное чувство верующего, возможно сильнее осквернить его душу. Поэтому врывались с обысками не только в частные жилища, не щадя при этом высших представителей Церкви, — вторгались в церкви и производили там бесчинства и разгромы.

На хуторе Шебалине в Осиевской единоверческой церкви был произведен настоящий разгром. Взломали железную кассу; разбивали кружки для сбора пожертвований в пользу больных и раненых воинов и в пользу вдов и сирот; уничтожили библиотеку; вырывали листы из книги записей браков; уничтожали брачные документы; рассыпали Святые Дары, изломали ковчежцы с запасными дарами; изломали на престольный крест; стреляли в иконы; зачем-то обрезали у подризников рукава, изрезали священническое облачение, у другого облачения обрезали подкладку;

изорвали церковную завесу; изрезали покров на престоле, выпоров подкладку.

В Крестной церкви Донского архиерейского дома разлит по полу Святое Миро, частицы мощей были рассыпаны и растоптаны красноармейцами, ходившими по церкви в шапках и с папиросами в зубах.

В Новочеркасском кафедральном соборе в алтаре матросы надевали траурную митру, стараясь прикрепить к ней красноармейскую кокарду, и под площадную брань сбросили на пол плащаницу.

Семинарская церковь в Новочеркасске по всем признакам служила местом попойки, так как на другой день были обнаружены по всему храму валявшиеся окурки, объедки хлеба, банки из-под консервов и бутылки.

Следственным материалом устанавливаются такие и подобные им действия в отношении 1) церкви Донского архиерейского дома, 2) Новочеркасского кафедрального собора, 3) церкви на хуторе Персиановско-Грушевском, 4) Никольской церкви хутора Ильинского, 5) церкви хутора Островского, 6) Осиевской единоверческой церкви на хуторе Шебалина, 7) церкви Новочеркасской мужской гимназии, 8) Тихоновской церкви станицы Кривянской, 9) церкви станицы Хомутовской, 10) церкви в Персиановке, 11) Семинарской церкви в Новочеркасске, 12) церкви села Староселья, 13) церкви при станции Раковка, 14) Преполовенской церкви в станице Гниловской, 15) Николаевской церкви Усть-Койарского хутора, 16) Святоникольской церкви хутора Генералова, 17) церкви хутора Алексикова, 18) Успенской единоверческой церкви хутора Калача, 19) Пантелеймоновской церкви хутора Летовского.

Этот обзор далеко не полон. Причиной является то обстоятельство, что расследование по необходимости касалось незначительной сравнительно части территории Донской области, очищенной от большевиков.

Остальная часть области в настоящее время находится под их владычеством. Население, возмущенное большевистским режимом, в отдельных местностях восстало против советской власти. Летчик, возвратившийся из командиров-

ки в район восстания, привез сообщение о том, что большевики, заняв станицу Мигулинскую, устроили в местной церкви “венчание священника с кобылой”. К морде лошади, приведенной в церковь, подносили крест, как бы давая прикладываться. Гремел оркестр музыки. Священника и жену его заставили плясать. В конце концов, священника расстреляли.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в порядке, установленном Уставом уголовного судопроизводства.

Составлен 18 мая 1918 года, в г. Екатеринодаре.

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**по делу о злодеяниях большевиков в станицах
Лабинского отдела и в гор. Армави́ре**

Лабинский отдел Кубанского края с городом Армави́ром, в котором сосредоточено административное и военное управление всего отдела, подчиненное назначенному атаману отдела, состоит из 67 станиц и хуторов, имеющих свой местный административный орган в лице станичного атамана и двух помощников по гражданской и строевой части, избранных казачьим населением; органом, направляющим хозяйственно-административную жизнь станиц, является станичный или хуторской сбор уполномоченных, избираемых от каждого десяти казачьих домохозяев. Местная судебная власть принадлежит назначаемым мировым судьям и избираемым казаками станичным судам.

Неказачье население станиц, хотя бы и оседлое, не имело права участия в направлении административной деятельности местных властей и соборов. Население это носит на Кубани общее название “иногогородний”, такими иногогородцами считаются по преимуществу промышленники, торговцы, ремесленники, фабричные и заводские рабочие, затем собственники усадеб в станицах, ведущие хозяйство на наемных у казаков землях или нанимающиеся рабочими в казачьи земледельческие хозяйства и, наконец, крестьяне, приобретшие землю целыми товариществами. Число иногогородних в станицах с населением свыше 3000 жителей обычно значительно превосходит число казаков; в стани-

цах, менее населенных, соотношение между числом казаков и иногородних обратное.

Неполноправие иногородних вызывало в их среде некоторое неудовольствие, но явно враждебное настроение иногородников к казачеству стало постепенно выявляться только после февральского переворота 1917 года. Этим появившимся антагонизмом между иногородними и казаками воспользовались искусно большевики, захватившие власть в Лабинском отделе в течение января и февраля месяцев 1918 г.

Руководители большевиков первоначально направляли своих агитаторов в наиболее крупные станицы; агитаторы проникали в неказачьи войсковые части и разрушали в них дисциплину, затем направляли свою деятельность на возбуждение иногородних против казаков и, наконец, образовывали в станицах бесчинствующие шайки, с которыми местные власти по малочисленности своей не могли без помощи гарнизона справиться. Уличные бесчинства, грабительские налеты и убийства проходили безнаказанно: авторитет атаманской власти падал, большевистские банды росли. Терроризированное население отовсюду слышало, что сильная власть, способная оберечь его от опасности, только может быть создана Советами и комиссарами.

По этому плану состоялся захват власти в станице Лабинской; в январе месяце в эту станицу прибыл большевик Рындин, зачислившийся рядовым в местном гарнизоне; весьма быстро он образовал около себя круг сочувствующих большевизму солдат; с ними начал он пьянствовать, буйствовать, грозить расстрелом мирных жителей, наконец, Рындин в один день беспричинно и бесцельно убил трех лабинцев, после чего, под охраною части гарнизонных солдат, приехал на вокзал, ограбил там кассу на 4000 рублей и уехал из станицы. Казачьим всадникам, пытавшимся задержать Рындина, воспрепятствовали те же солдаты.

Рындина сменил иногородний из села Мостового — Мирошниченко, уголовный преступник, каторжанин. Последний с помощью прибывшего с ним красноармейского отряда и местной подготовленной Рындиным войсковой части, а

также используя разожженную неприязнь иногородних к казакам, сместил лабинского станичного атамана, себя объявил комиссаром и учредил Совет солдатских и рабочих депутатов.

Хотя агитаторы и энергично готовили почву для захвата большевиками власти, но все же вследствие устойчивости казачьего населения большевикам приходилось для захвата власти прибегать к красноармейской воинской силе. Например, в станицу Каладжинскую был введен отряд из 300 вооруженных красноармейцев, сместивших станичного атамана и назначивших двух комиссаров: по военным делам — бродягу Шуткина и по гражданским — босяка Клименко; митинговым порядком был тут же образован совдеп.

Станица Владимирская была внезапно окружена отрядами красноармейцев с орудиями и пулеметами. Колокольным звоном население было собрано на площадь, где прапорщик Дахов, командир отрядов, потребовал признания советской власти. “Как было не подчиняться, — говорит старый владимирский казак, — когда на станицу смотрят орудия и пулеметы”.

Как только власть в станицах переходила к большевикам, так немедленно назначенные комиссары отдавали приказание отобрать оружие у казаков и арестовать наиболее видных влиятельных казаков и почти всегда местных священников. Аресты насчитывались десятками, в некоторых станицах сотнями. Арестованные большими группами запирались в погреба, им не давали горячей пищи, а стража постоянно издевалась над заключенными, входила неожиданно в погреб, щелкая ружейными затворами, била прикладами, колола штыками. После двух-трех дней часть арестованных выпускалась на свободу, часть задерживалась на недели, часть отправлялась в Армавирскую тюрьму, часть освобождали по внесении штрафа; разрешение дел было в ведении или трибунала, или военно-революционного суда, или комитета, состоявших при военном комиссаре; членами этих трибуналов, комитетов, судов бывали сплошь темные элементы из иногородних и красноармей-

цев. В числе арестованных в станице Лабинской был и бывший обер-прокурор Святейшего синода Саблер, которого после двух дней ареста освободили из-под стражи, но затем спустя месяца два Саблера арестовали и по требованию из Москвы выслали его туда.

Центральный орган, направлявший деятельность большевистских совдепов в станицах Лабинского отдела, находился в Армавире; там были комиссары разных наименований, но с распоряжениями армавирских властей станичные совдепы мало считались. Комиссаром юстиции было приказано упразднить всех мировых и станичных судей и избрать судей народных; требование упразднения было выполнено повсюду, а избрали народных судей только в 18 станицах из 67. Судьями оказались: портные, сапожники, слесаря, столяры и только один юрист, Иван Семенович Козловский. С января по октябрь месяц судьями не разрешено было ни одного дела. Образовавши комиссариаты, совдепы, поставив в станицах вооруженные отряды, большевики принуждены были изыскивать средства оплачивать поддерживающих силою советскую власть. Финансовые мероприятия были всюду одни и те же: во-первых, контрибуции, для получения которых более состоятельные жители заключались под стражу и освобождались только по внесении наложенной суммы и, во-вторых, так называемые обыски и реквизиции, в действительности же, повальный грабеж частного и общественного имущества. Ограблению подвергалось казачье население, награбленное имущество разбиралось не только лицами, входящими в состав советской власти, но и отдавалось наиболее безнравственной части иногороднего населения. Отнималось при этих грабежах все, начиная со скота, строевой лошади и кончая детской рубашкой; не найти в станицах не разграбленного хозяйства казачьего. Обыски были не только повальными, но и повторяемыми, в один и тот же дом врывались грабители-обыски по несколько раз, в одном случае дом подвергся 12 обыскам подряд. Наибольшее количество грабежей пришлось на сентябрь и начало октября 1918 г., когда большевики под давлением Добровольческой армии отступали из

станций Лабинского отдела. Угнана была тогда масса скота, лошадей, овец, увезены телеги, хлеб, сено; много ограбленного погибло: скот падал от болезней, лошади калечились неумелой ездой, овцы терялись в горах, телеги с грузом скатывались в кручи. Многоценное, собранное многолетним казачьим трудом добро не пошло во прок грабителям.

Большевики не щадили ни школьного, ни церковного имущества. Парчою, похищенною из церквей, большевистские всадники покрывали свои седла, был в станице Лабинской целый конный отряд Ковалева, сидевший на парчовых седлах.

Советские власти не только разграбили казачье имущество, но и разрушили казачье хозяйство, переделив землю казаков. Разделу подверглись все земли трудового казачества, собственноручно распахивавшего их. До большевистского передела на мужскую душу приходилось от 4 до 6 десятин земли. По новому разделу земли на все население станицы пришлось на душу кое-где по половине десятины земли луговой, а кое-где пришлось по клочку земли, шириною 6 сажень и длиною 120 сажень. Лишили даже этих незначительных клочков вдов и семьи казнённых казаков и казаков, ушедших в горы, обездолили их окончательно.

Урожай 1918 года большевики вооруженною силою заставили снять казаков-хозяев, а собранное зерно и солому поделили между всем населением. Работали постоянно под угрозой расстрела; в станице Вознесенской без всякой причины работавшие на поле казаки были подвергнуты расстрелу из пулеметов.

Разграблению подвергалось, кроме казачьего, имущество торгово-промышленных предприятий, несмотря на то, что предприятия были взяты в ведение комитетов. Последние весьма быстро привели дела фабрик и заводов к полному расстройству, производительность труда пала до ничтожности, предприятия закрывались, среди рабочих, потерявших заработок, стало мало-помалу проявляться все большее и большее противобольшевистское настроение.

Наименее большевики вмешивались в школьную жизнь станиц. Одно требование касалось воспрещения преподава-

ния в школах закона Божьего, и второе требование было об уничтожении книг с портретами царей не только русских, но даже и иудейских.

Многие церкви по месяцам стояли закрытыми, имущество из них расхищалось, священники почти все побывали под арестом в подвалах, священников избивали прикладами, издевались всячески над ними, несколько пастырей, любимых населением, были казнены большевиками. Запрещены были церковные браки, запрещены были погребения казаков, панихиды по ним, введены разводы народными судьями. Отвергая многие церковные обряды, большевики в то же время принуждали священников совершать торжественные погребальные службы по убитым красноармейцам, которых и хоронили в церковной ограде. В станице Каладжинской комиссар Клименко, разведенный народным судьей, заставил священника повенчать его церковным браком с иногороднею девушкой.

Повальные беззастенчивые грабежи казачьего имущества большевистскими властями, утеснение вообще казачества, глумление над Церковью и ее служителями, общее бесправие и беззаконие, охватившее станицы, принизили, обезволили трудящееся население и вызвали наружу дурные наклонности неустойчивой в нравственном отношении части иногороднего населения; кроме грабежей большевистских, начались грабежи взаимные, безделье захватило многих. День ото дня население деморализовалось все более и более. Сознание права заменилось сознанием грубой силы.

Произведенным весьма осторожным, всесторонним и точным исчислением имущественных убытков, причиненных большевиками населению, преимущественно казачьему, Лабинского отдела, установлено, что всего расхищено и уничтожено большевиками имущества в станицах и гор. Армавире на сумму 93 442 952 руб. 89 коп. По заключению Особой оценочной комиссии Лабинского отдела убытки, в действительности, значительно превышают указанную цифру.

Наиболее пострадавшими поселениями оказались гор. Армавир — убыток свыше 15 000 000 руб., станица Барсуковская — 14 000 000 руб., станица Николаевская — 10 000 000 руб., станица Прочноокопская — 7 000 000 руб., станица Сенгилеевская — 4 000 000 руб., станица Михайловская — 4 000 000 руб., станица Владимирская — 2 000 000 руб., хутор Гулькевичи — 2 000 000 руб., 12 станиц пострадало на сумму свыше 1 000 000 руб., 13 — свыше 500 000 руб., 16 — свыше 100 000 руб., и 7 — свыше 50 000 руб. Убыток остальных семи поселений менее 50 000 руб.

Расхищено хозяйственного инвентаря и продуктов сельского хозяйства на 45 653 055 руб. 83 коп. Предметов домашнего обихода на 24 903 028 руб. 06 коп., рабочего скота на 8 500 000 руб., предметов военного снаряжения и строевых лошадей на 4 691 181 руб. 97 коп., станичного общественного имущества на 6 897 036 руб. 71 коп., имущества торгово-промышленных предприятий на 2 345 984 руб. 65 коп., разрушено и сожжено построек на 2 951 751 руб. 50 коп., расхищено имущества и денег кредитных товариществ и общественных потребительских лавок на 791 704 руб. 83 коп., имущества церковного на 1 872 542 руб. 58 коп., имущества школ на 1 695 641 руб. 37 коп., взыскано с населения контрибуций 3 910 103 руб. 63 коп.

Всех хозяйств, подвергшихся в станицах ограблению, оказалось 49 009, в среднем, каждое хозяйство пострадало на 1 615 руб. Наиболее крупный убыток, выпавший на каждое хозяйство, выразился по станице Барсуковской более чем в 20 000 руб., по Новокавказской более 10 000 руб., по хутору Верхнегорлыкскому более 8 000 рублей.

Произведенное большевиками разрушение экономической жизни Лабинского отдела бледнеет перед ужасами массовых казней и отдельных многочисленных убийств казачков в станицах и мирных жителей Армавира, совершенных большевистскими властями в период с февраля по октябрь 1918 года.

Обследование казней произведено только по гор. Армавиру и 7 станицам отдела.

В гор. Армавире первым был убит большевиками командир 18-го Кубанского пластунского батальона. Изрубленный труп убитого лежал шесть дней на улице, собаки рвали его на части; казнь эта совершилась в начале февраля 1918 года. Спустя два месяца были казнены 12 офицеров, без суда и следствия, толпою солдат, арестованные большевистскою властью за контрреволюционность; 79 офицеров, арестованных вместе с первыми 12, были следственною комиссией переданы в распоряжение командира советского саперного батальона и пропали без вести. Нет сомнения, что они казнены во время похода. В числе двенадцати казнены генерал Коструков, полковник Давыдов, сотник Шевченко и три женщины из женского ударного батальона. В апреле месяце в Армавир прибыли 38 офицеров-грузин из Москвы с оружием и несколькими сотнями тысяч рублей. При них было разрешение на проезд с оружием в Грузию, выданное московскими комиссарами. Несмотря на это, армавирскими большевиками все офицеры были расстреляны.

В июле 1918 г. Армавир был взят дивизией генерала Покровского, войска были встречены армянским населением хлебом с солью; похороны офицеров, убитых под Армавиrom, армяне приняли на свой счет. Когда генерал Покровский по стратегическим соображениям оставил город, то туда вновь возвратились большевики. Начались массовые казни. Прежде всего изрублено было более 400 армян-беженцев из Персии и Турции, ютившихся у полотна железной дороги, изрублены были тут и женщины, и дети. Затем казни перенеслись в город. Заколото штыками, изрублено шашками и расстреляно из ружей и пулеметов более 500 мирных армавирских жителей без суда. Убийцы убивали жителей на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями. Убивали отцов на глазах дочерей, мужей перед женами, детей перед матерями... Армянин Давыдов был убит у себя в квартире, его жену красноармейцы заставили тут же готовить им обед и подать закуску. 72-летний старик Алавердов был заколот штыками, присутствующую дочь принудили играть убийцам на гармони-

ке. На улице красноармейцы поставили глубокого старика Кусинова к стенке, чтобы его заколоть штыками. Проходивший другой старик обратился к палачам с просьбою пощадить жертву; красноармейцы зарубили обоих.

17 июля 1918 года после отхода добровольческих войск из гор. Армавира большевистские военные отряды заняли оставленный город и немедленно один из них окружил дом Персидского консульского агентства, над которым развевался персидский национальный флаг. Подошедшие красноармейцы сорвали флаг и потребовали выхода к ним агента Персидского консульства Иббадулы-Бека, который в форменном консульском мундире с погонями вышел на крыльцо своего дома; едва консульский агент появился перед красноармейцами, как раздалось несколько выстрелов, Иббадула-Бек упал, его стали рубить шашками и, в конце концов, подняли тело на штыки.

После совершенного убийства отряд ворвался в помещение агентства и похитил оттуда деньги, принадлежащие как лично убитому, так и персидскому правительству. Похищены были также драгоценности жены Иббадулы-Бека на сумму около 200 000 рублей. Во дворе консульства находилось в то время 310 персидских подданных, искавших там убежища, из них 270 мусульман и 40 христиан.

Всех скрывшихся под защиту персидского флага большевики-красноармейцы тут же во дворе расстреляли из пулеметов. Трупы были зарыты частью во дворе консульства, частью в двух могилах, вырытых под кручей между скотобойней и кладбищем.

Из числа армавирских жителей были казнены бывший атаман отдела Ткачев и учительница; их вывели в поле, заставили вырыть себе могилу и в ней обоих закололи штыками, засыпав полуживых землею. Ужасы армавирских казней довели многих женщин до полного умопомешательства.

В станице Чалмыкской казни казаков начались 5 июня 1918 года, длились несколько дней. 5-го числа после неудачного выступления измученного казачества нескольких станиц против большевистских властей большая часть ка-

заков, принимавшая участие в этом восстании, ушла в юрты, а меньшая вернулась в станицу. Следом за отступившими казаками в станицу Чамлыкскую вошел красноармейский отряд, приступивший к розыскам и арестам казаков. Арестованных предавали казни без суда. Первую группу казаков перед закатом солнца большевики вывели на площадь у станичной церкви, выстроили они 38 молодых и старых казаков в две шеренги спина к спине, разомкнули их ряды, и сами выстроились двумя шеренгами по 35 человек против обреченных на казнь; по команде командира отряда комиссара Виктора Кроначева большевики бросились с криками “ура” колоть штыками казаков. Когда уже все жертвы оказались лежащими на земле, казалось, были все без признаков жизни, то палачи пошли за телегами, чтобы отвезти тела за станицу. Пока большевики уходили, двое израненных казаков — Карачинцов с 22 ранами и Мосолов с 9 ранами — успели отползти от покрытого кровью места казни и подозвали своих казаков, которые унесли спасшихся в станицу. Оба казака выздоровели; Карачинцов давал показание, Мосолов сражается у Царицына с большевиками. Спасся еще от неминуемой смерти казак Нартов. Его схватили большевики в поле и там избили прикладами и искололи штыками; один из красных ударил штыком лежавшего Нартова в лопатку, штык защемило так, что, поднимая ружье, поднял он и тело Нартова, чтобы высвободить штык, красноармеец ногою ударил в спину заколотого. Выжил Нартов, сутки пролежал в поле и на утро самостоятельно дополз до своих огородов.

12 июня партию казаков в 16 человек привели к кладбищенской ограде, за оградой была вырыта для них могила. Выстроили казаков, предварительно раздев их до рубашки и перекололи их всех штыками. Штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их землею заживо. Зарывали казненных казаки, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шашками казака Седенко, он застонал и стал просить напиться, ему большевики предложили попить крови из свежих ран зарубленных

с ним станичников. Всего казнено в Чамлыкской 183 казака, из них 71 казак подвергся особым истязаниям: им отрезали носы, уши, рубили ноги, руки. Трупы казненных по нескольку дней оставались не зарытыми, свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело.

В хуторе Хлебодаровском неизвестно за что был казнен учитель начальной школы Петров, зарубили его в поле шашками.

В станице Ереминской 5 июня было арестовано 12 казаков; большевики вывели их в поле, дали по ним три залпа и ушли. Среди упавших оказались пять казаков живых. Один из них, Карташов, имел силы переползти в пшеничное поле. Вскоре к месту казни пришли большевики с железными лопатами и ими добивали еще живых казаков. Свидетелю слышны были стоны добиваемых и треск раздробляемых черепов. На следующий день раненого Карташова нашли свои и отнесли скрытно домой. Большевики как узнали, что Карташов спасся, пришли к нему и хотели доколоть, но затем ограничились тем, что запретили фельдшеру под страхом смерти перевязывать раны казаку.

В станице Лабинской расстрел казаков начался 7 июня. Расстреляли ни в чем неповинных 50 казаков без суда и расследования. Расстреляли молодого офицера Пахомова и сестру его; когда мать пошла в станичное правление разыскать трупы убитых, ей ответили сначала грубостью, а затем застрелили и ее за то, что рыдала по сыну и дочери.

В тот же день на глазах жены и дочери был убит бывший станичный атаман Алименьев; ударом шашки красноармеец сначала снес черепную крышку, мозги выпали и разбились на куски по тротуару; вдова бросилась подбирать их, чтобы не дать схватить их собакам. Отогнал вдову красный палач, закричав: "Не тронь, пусть собаки сожрут". Просившим отдать тело для погребения дочерям казненного большевики ответили: "Собаке — собачья честь, на свалку его, будешь рассуждать так и тебя на штык посадим".

8 июня был убит офицер Пулин. На просьбу отца и матери дать тело похоронить, ответ был тот же, что и Пахомовым. В то же утро был исколот штыками на улице казак

Ефремов. Умиравшего нашли родственники. Они взяли его домой. Вечером узнавшие о том большевики ворвались в дом и закололи страдальца штыком в горло.

Руководил арестами и казнями горбатый злобный комиссар Данильян.

В станице Вознесенской первые расстрелы казаков — Хахаля и Рамахи — имели место еще в феврале месяце. С этого времени казаки жили под постоянною угрозою смерти, на всякую казачью просьбу у командира большевистского отряда был один ответ: “Видишь, вот винтовка, она тебе и Бог, и царь, и милость”. На митингах то и дело слышалось: устроить казакам варфоломеевскую ночь, вырезать их до люльки, т. е. до колыбельного возраста. До сентября, однако, больше казней не было. В конце этого месяца, когда большевикам пришлось уходить из станицы, угрозы стали осуществляться. В течение двух дней казнили 40 казаков-стариков, молодые успели уйти партизанами в горы. Казнили казаков поодиночке, казнили партиями, кого расстреливали, кого штыками закалывали, кого шашками изрубливали. Местом казни был выгон станичный, там у вырытых могил ставили обреченных на смерть и красноармейцы рубили им головы, сбрасывая тела в могилу. Палили в могилу живые казаки, их засыпали землей вместе с трупами. Казнили в поле у дороги старика священника отца Алексея Иевлева, убил его из пулемета большевик Сахно, а товарищ палач-красноармеец по прозвищу Дурнопьян разбил прикладом упавшему пастырю висок. Тело бросили, не зарыли, три дня оно лежало в одной сорочке на поле у дороги, собаки выгрызли уже бок, когда, по настоянию вознесенских женщин, бросили большевики тело убитого отца Алексея в общую могилу казненных. Казня священника, большевики говорили: “Ты нам глаза конским хвостом замазывал, теперь мы прозрели, увидели обман, будешь казнен, не надо нам попов”. Отец Алексей молча стоял перед палачами своими и только перекрестился, когда навели пулемет на него. Перед тем, чтобы зарыть тело казненного священника, большевик какой-то конный пробовал истоп-

тать его конскими копытами, да конь не шел на труп или же перспрыгивал его.

Убиты еще были в погребке арестованные офицер Числов из револьвера и казак Малинков ружейными прикладами. Тело офицера вывезли за станицу и бросили в навозную кучу, туда же скоро привезли три туши палых лошадей и бросили рядом с телом офицера. Свиньи и собаки изорвали лошадей и тело офицера.

В станице Упорной казни казаков длились с 7 июня до конца месяца. Убивали казаков на улицах, в домах, поодиночке, выводили партиями на кладбище, казнили там у вырытых могил; убивали в коридоре подвала станичного правления, всаживая казаку по три штыка в бок и вынося трепещущее тело на площадь, где собравшиеся толпы большевиков и большевичек кричали “ура” и рукоплескали зверству. Всего казнено в Упорной казаков 113.

В станице Каладжинской казни начались с первого дня властвования большевиков. Комиссарами здесь были военный бродяга Шуткин, валявшийся до этого больше пьяным по навозным кучам, и гражданский босяк Клименко. Они арестовали до 40 казаков, более видных и тех, с кем у местных большевиков были личные счеты; 26 человек освободили, а 14 казнили. Их выводили из станичного подвала поодиночке, командовали “раздевайся”, “разувайся”, “нагнись” и после двумя-тремя ударами рубили склоненную казацкую голову. Казненных сбрасывали прямо в овраг за станицей.

Следующие казни были 7 июня. Казнили казаков в числе 31 на краю оврага шашками, в овраг сбрасывали трупы и едва засыпали навозом, так что потом казачьи кости, растащенные собаками, находили в разных концах станицы. Тогда же связанного казака Кретьова привязали за ноги длинную веревкою к телеге и погнали лошадь вскачь по всей станице. Несясь по улице, сидевший в телеге большевик кричал: “Сторонись, казак скачет, дай дорогу”. Избитого, изуродованного, окровавленного казака Кретьова дотащили так до церковной площади и здесь казнили: один из красноармейцев воткнул казненному шашку в рот и, воро-

чая ею из стороны в сторону, приговаривал: “Вот тебе казачество”.

В станице Засовской 5 июня было большевиками арестовано 130 казаков; 30 казаков были заключены в подвалах станичного правления и 100 в местной школе. Прибывший большевистский отряд из станицы Владимирской стал вывозить арестованных из подвала и изрубливать их шашками; зарублены были тут казачьи офицеры Балыкин и Скрыльников. С остальными заключенными в школе поступили несколько иначе: казаков выводили поодиночке на площадь и спрашивали собравшуюся толпу “казнить” или “оправдать”, что громче раздастся, то и приводилось в исполнение; оправданных было четвертая часть. Казнимых раздевали до сорочки и тогда казаки принимались рубить шашками, рубили по всему телу, кровь струилась ручьем. С утра до вечера трупы грудami лежали на площади не убранными; только к ночи были вырыты могилы на кладбище казаками, выгнанными на работу красноармейскими штыками. Тела свозились на телегах к могилам, сбрасывались в могилу с трупами и живые казаки. Некоторые казаки доезжали до кладбища сидя, они просили дать умереть дома, их прикалывали или так же, как остальных, сбрасывали в могилы и зарывали заживо. Особенно долго выбивались из-под засыпавшей их земли казаки Мартынов и Синельников. Последний все просил, чтобы перевернули его лицом вверх. Привезенный на телеге казак Емельянов, весь изрубленный, подполз к ведру рывших могилу, выпил воды, обмыл лицо и стал вытираться бешметом. Заметил это красный и приколол штыком Емельянова. Всего казнено 104 казака. Во время коротких перерывов казни красные палачи заходили в станичное правление, брали приготовленную для них пищу обгабренными кровью руками и ели мясо и хлеб, смоченные стекавшей с их рук невинной казачьей кровью.

В станице Владимирской большевики приступили к казням 5 июня; всего казнено было за несколько дней 264 казака. Первым был убит на глазах дочери любимый наследником священник Александр Подольский; тело казненного

выбросили в поле. Казнили за то, что отец Александр будто служил молебен о даровании казакам победы над большевиками. После убийства священника красноармейцы обыскивали дома, огороды, поля, ловили всюду казаков, казнили их или на месте, или, собирая партиями, казнь производили на площади. Выводя казнимых, большевики заставляли их петь “Спаси, Господи, люди твоя” и после этого приступали к рубке казаков шашками; рубили так, чтобы удары были не смертельные, чтобы измучить подолее казака. Первые казни происходили без всякого суда, на четвертый день образовали большевики особый трибунал из босяков и бездельников; этот трибунал обрекал задержанного на смерть или же даровал жизнь за большой выкуп. Одному казаку, Пеневу, юноше 16 лет, большевики содрали кожу с черепа, выкололи глаза и только после этого зарубили страдальца.

Избавилось население Лабинского отдела от большевистской власти в конце сентября, ушли их отряды и увели с собою заложников; взяли они по 40—60 казаков от станицы; почти всем заложникам удалось бежать домой или в Добровольческую армию разновременно.

Не щадили большевики и казачьих жен. В нескольких станицах высекли более 30 женщин, секли их плетью по обнаженному телу. В станице Упорной плети были сделаны из телефонного кабеля.

Итоги большевистского властвования в Лабинском отделе таковы:

Земледельческие хозяйства разрушены по всему отделу.

Торгово-промышленные предприятия сократили свою деятельность или же вовсе закрылись.

49 000 домохозяйств разграблено.

Имущество уничтожено и расхищено на 94 000 000 рублей. Церкви поруганы, священнослужители избиты и несколько убиты.

Тысячи казаков перенесли тягостные, сопровождавшиеся издевательствами и насилием аресты в темных подвалах.

Суды уничтожены.

Казнено в гор. Армавире 1342 человека.

Казнено в 7 станицах отдела 816 казаков. Подвергнуты в этих же станицах сечению плетью более 30 женщин.

Истязания и массовые казни были и в остальных 60 станицах отдела, но они еще не обследованы.

Настоящий акт расследования основан на фактах, добытых Особой комиссией с соблюдением правил, изложенных в Уставе уголовного судопроизводства.

Составлен 17 июня 1919 г.
в г. Екатеринодаре

СПИСОК

некоторых из главарей большевистской власти
Лабинского отдела, состоявших в качестве
комиссаров, членов исполнительного комитета,
членов трибуналов, председателей совдепов

Город АРМАВИР. Портной Никитенко, ветеринарный фельдшер Гутнев, булочник Смирнов — братоубийца, латыш Вилистер.

Станица ЛАБИНСКАЯ. Каторжник Мирошниченко, пьяница Рындин, кровельщик Кошуба, прапорщики Штыркин и Дахов и бывший учитель низшей школы армянин из Закавказья Данильян.

Станица ЧАМЛЫКСКАЯ. Солдат Виктор Кропачев, казак Михаил Сопрыкин, вахмистр Дмитрий Касьянов, урядник Марк Цуканов, казак Иван Миронов, фельдшер Павел Ананьев и портной Антон Кириленко.

Станица ЕРЕМИНСКАЯ. Пришлый красноармеец Проскурня.

Станица ВОЗНЕСЕНСКАЯ. Иногородник без определенных занятий Сахно.

Станица УПОРНАЯ. Казак Дубровин, сапожники Иван Алейников, Федор Биглаер, вор-поджигатель Николай Кравцов, кузнец Иван Григоренко, солдат Крюков, казак

Киприян Забияка и уличные громилы Федор Бабаев, Сергей Столяров и Андрей Бондаренко.

Станица КАЛАДЖИНСКАЯ. Бродяга Шуткин, босяк Клименко.

Станица ЗАСОВСКАЯ. Прогнанный со службы почтальон бродяга Мартам Бривирцов.

Станица ВЛАДИМИРСКАЯ. Казак Семен Павлович Алексеев.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу о неудавшемся нападении большевиков
на поезд Французской миссии на станции
Великоанадоль и об убийстве там же офицеров
Добровольческой армии

В ночь на 15 февраля 1919 года мимо станции Великоанадоль Южных железных дорог проходил по направлению от Мариуполя к Дебальцеву поезд, в котором следовала Французская миссия. На этот поезд было организовано нападение третьей роты 6-го Советского полка, причем на линии железной дороги была задержана неизвестная женщина, которая, как потом оказалось, была подкуплена и подослана большевиками, поручившими ей перевести железнодорожную стрелку под поездом Французской миссии. Но по счастливой случайности нападение не удалось: поезд с Французской миссией миновал станцию минут за десять до прибытия туда большевиков, и нападение, подготовлявшееся на Французскую миссию, было совершено на встречный товарно-пассажирский поезд, прибывший на ту же станцию через несколько минут после появления большевиков. Тотчас по остановке поезда большевики открыли с перрона станции ружейный огонь по классному вагону, в ко-ем ехало более 20 офицеров и генерал Львов. Первый же вышедший из вагона офицер был тут же убит. Остальные в течение более трех часов отстреливались из вагона, пока, наконец, красноармейцы не подогнули его к пакгаузу, из-а которого зажгли вагон ручными гранатами. Горевший вагон был потушен железнодорожными служащими, после чего красноармейцы ворвались в него и, раздев и ограбив убитых офицеров, уехали в деревню Владимировку, где

помещался штаб 6-го Советского полка. При обстреле вагона кроме офицеров были убиты одна женщина и рабочий.

Через два дня станция Великоанадоль была отбита у советских войск частями Добровольческой армии. Несчастные жертвы большевиков представляли ужасное зрелище: пять трупов лежало в вагоне среди разрушенных ручными гранатами скамеек, а гринадцать трупов выброшены были на полотно железной дороги, и их поедали собаки и свиньи. Трупы были раздеты догола и обезображены, лица многих были исколоты штыками. Некоторые сами лишили себя жизни, на что указывают огнестрельные ранения в области височной кости.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

СВЕДЕНИЯ

по делу о вскрытии большевиками мощей Св. Сергия
Преподобного в Троицко-Сергиевской лавре,
близ Москвы

В № 82 издаваемой в Москве газеты Российской коммунистической партии "Правда" от 16 апреля 1919 года приведен под заглавием "Святые чучела" протокол вскрытия мощей Сергия Радонежского 11 апреля 1919 года. Протокол этот, судя по его содержанию, носит официальный характер и начинается с перечисления всех лиц, присутствовавших при этом новом неслыханном еще проявлении кощунства большевиков над религиозным чувством православного народа. В присутствии президиума и членов местного губернского исполкома, представителей партии коммунистов, членов "технической комиссии по вскрытию мощей", представителей волостей и уездов, врачей доктора медицины Ю. А. Гвоздиков и доктора И. П. Попова, представителей Красной армии, верующих, членов профессиональных союзов и духовенства была разобрана рака с мощами Св. Сергия Радонежского в Троицко-Сергиевской лавре близ Москвы.

В 20 час. 50 мин. по приказанию председателя Сергиевского исполкома финна Ванханена один из иеромонахов [Иона] и игумен лавры вынуждены были приступить к кощунственному акту вскрытия мощей одного из наиболее чтимых святых угодников Православной церкви. Те, которые посвятили свою жизнь молитве Преподобному Сергию,

должны были во исполнение приказания большевистского комиссара в течение около двух часов собственными руками разбирать покровы и мощи Св. Сергия, который более пятисот лет тому назад благословлял русский народ на борьбу с тяжким татарским игом во имя спасения и объединения.

А теперь большевистская власть покусилась на покой святых останков великого молитвенника земли русской, к мощам которого одно столетие за другим стекались со всех концов православного мира миллионы богомольцев для поклонения и благоговейной молитвы.

Даже в советской газете “Беднота” проглядывает то возмущение, с которым отнеслись к этому духовенство и народ. У стен монастыря собралась огромная толпа, а в самом храме, где покоились мощи, шло непрерывное бдение среди богомольцев, спешивших в последний раз приложиться к мощам, повсюду слышались рыдания и возгласы “мы веровали и будем веровать!”, а в это время в пределе храма устанавливался кинематограф, и несмотря на все протесты, кощунственный акт вскрытия мощей приведен в исполнение.

В 22 часа 30 мин. позорное дело было закончено. Протокол, скрепленный более 50 подписями, кончается указанием на то, что вскрытие мощей сопровождалось киносьемкой.

Имеются указания, что это не единичный случай вскрытия мощей, для чего, как видно из изложенного протокола, и организована даже специальная “техническая комиссия вскрытия мощей”. Так, в Ельце уже показывалось в кинематографе вскрытие мощей Преподобного Тихона Задонского. Из Ярославля сообщают, что в кафедральном соборе вскрыты мощи ярославских чудотворцев благоверных князей Василия и Константина, а в Спасском монастыре “князя Федора” и чад его Давида и Константина. По сообщению газеты “Беднота”, вскрыты и обследованы мощи двух угодников: Макария Жабинского, покоившиеся в Жабинской

пустыне, в трех верстах от гор. Белева Тульской губернии, и схимника Дмитрия, находившиеся в Георгиевском соборе в Юрьеве Владимирской губернии. После обследования мощи уничтожены. Кощунственным актом руководили местные комиссары.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ по делу о взрыве большевиками бомб на учебном судне “Рион”

Вступление в конце марта (по старому стилю) 1919 г. большевистских (коммунистических) войск Российской советской республики в пределы Крыма вызвало сильную панику среди жителей, опасавшихся обычных зверств красного террора и ужасов гражданской войны, а потому началась спешная эвакуация части гражданского населения и учреждений краевого правительства. В г. Севастополе утром 29 марта местный большевистский военно-революционный комитет издал и распространил прокламации, в которых приглашал рабочих прекратить работы по эвакуации и воспрепятствовать выходу судов в море.

В тот же день на Севастопольском рейде грузился беженцами и должностными лицами с их семьями большой трехтрубный океанский пароход, учебное судно “Рион”, водоизмещением около 13 000 — 14 000 тонн, принадлежащий ранее Добровольному флоту под названием “Смоленск”. Корабль по состоянию своих котлов и машин был лишен возможности самостоятельного движения, не имел электрического освещения, действовавших водопровода и помп.

Все палубы и обширные пассажирские помещения были переполнены несколькими тысячами людей с их имуществом, причем в публике все время передавались тревожные слухи о том, что большевики не выпустят в море “Рион”, что с пароходом может случиться несчастье и что его ждут “великие испытания”.

В 6 часов 40 минут вечера в эмигрантском помещении на второй палубе, близ трюма № 4, раздался оглушительный взрыв снаряда, причем через остекленный люк трюма вырвался сноп пламени с дымом, имевшим запах пироксилина, и посыпался дождь разбитых стекол. Силою взрыва на верхней палубе были изломаны части укрепительных кронштейнов и головки паровых тумб двух погрузочных лебедок, тела которых рухнули вниз. Внутри помещения стальные листы водонепроницаемой переборки, толщиной в 8 миллиметров, были выпучены и раздвинуты, а заклепки в соединениях вырваны, крепления наугольного железа изломаны, деревянная бортовая обшивка расщеплена, внутренние деревянные застекленные перегородки снесены со своих мест и частью разрушены. Стальная дверь переборки, весом в 18 пудов, была сорвана с двух своих петель и отброшена в соседнее помещение, где задержалась у вентиляционной трубы на расстоянии 21 фута от места своего прикрепления.

Хотя главная разрушительная сила газов направилась по пути наименьшего сопротивления наружу, через широкое отверстие трюмного люка, а начавшийся пожар был быстро потушен энергичными мерами судовой администрации, тем не менее от взрыва снаряда пострадало более 100 человек.

Расследованием отмечено 21 убитых и умерших от ран и 83 раненых, из числа которых 52 были помещены на французское госпитальное судно "La Navarre", причем среди них оказалось 24 мужчины, 13 женщин и 15 детей в возрасте от 4 до 12 лет. Большинство ранений было причинено в верхнюю часть тела, — в голову, шею, грудь и руки, нередко с повреждением костей, иногда с ожогами от газов. Многие получили повреждения от осколков стекла, причем у одного мальчика было обнаружено на голове до сорока таких ранений.

По заключению экспертов, взрывчатый прибор представлял собою аппарат, сделанный из меди или латуни, снаряженный каким-либо бризантным веществом и начиненный пулями неизвестного металла. Прибор в момент

взрыва был расположен около водонепроницаемой переборки, отделявшей эмигрантскую камеру от соседнего пассажирского помещения, на второй полке железной коечной сетки, на высоте 2 футов от пола.

Влияние этого взрыва на жизнеспособность корабля, не повлекшее за собой повреждений каких-либо существенных его частей, было, по мнению экспертов, весьма незначительным.

Происшедший взрыв подтвердил основательность тревожных ожиданий пассажиров и явился источником новых волнений и страхов. В жуткой темноте громадного многоэтажного парохода, с узкими проходами, коридорами и кабинами, тесно жались испуганные люди, ожидая каждую минуту нового, еще более страшного взрыва.

В 11 часов 40 минут вечера в средней части корабля, на второй палубе, между второй и третьей трубами в правом коридоре кают I класса два гимназиста почувствовали запах гари, о чем сообщили проходившему офицеру Маркову. В этом месте было обнаружено шесть бомб, соединенных между собою шнуром, с патроном и недогоревшим фитилем длиной в четверть аршина. Бомбы были завернуты в газетную бумагу и положены в самом углу совершенно темного коридора, близ каюты № 17.

Взрыв из этой части корабля, ввиду замкнутости помещения, обилия сухих деревянных частей, узости коридоров, близости угольных ям, а также бездействия машин, водопровода и освещения, грозил чрезвычайной силой разрушительного действия снаряда, большим пожаром и громадной паникой. Все прилежавшие помещения I класса были заняты почти исключительно женщинами и детьми.

По заключению экспертов при этом втором взрыве могли пострадать паровой трубопровод, часть котлов и экономайзеров.

В течение дня и вечера удалось задержать на пароходе матросов бывшей команды парохода "Рион" Дымкина, Маховского и Логинова, которые явились якобы за получением причитавшегося им содержания по службе и которые были заподозрены в соучастии во взрыве. Допросом этих

лиц установлено, что два других матроса того же корабля, Акулов и Вержинский, вошли в сношение с местной большевистской организацией в Севастополе и получили от нее взрывчатые вещества для взрыва парохода "Рион".

Когда ночью, по обнаружению новых бомб, было приказано Дымкину бросить их с баржи в воду, Дымкин, предполагая, очевидно, что бомбы ударные, метнул их на палубу под ноги офицеру Маркову и производившему дознание чиновнику Полетика, а сам стремительно вниз головой нырнул в воду, где и был убит.

При обыске, произведенном в 4 часа утра 30 марта в г. Севастополе, на Георгиевской улице, в доме № 10, в квартире Акулова и Вержинского, последних там не оказалось, и был задержан лишь квартирохозяин Ларионов с женой, а в общем сарае жильцов найдены три электрических прибора для адских машин. На допросе Ларионов заявил, что знал о готовившихся Акуловым и Вержинским на пароходе "Рион" взрывах двух адских машин в 7 часов вечера и в 12 часов ночи. Жена Ларионова подтвердила, что 29 марта Акулов и Вержинский в нетрезвом виде на минной пристани в 4 часа дня говорили ей, что сегодня они подорвут "Рион". Ларионова предупреждала о том Маховского, советуя ему не задерживаться на пароходе, так как там приготовлен буржуям "гостинец".

При производстве на пароходе розысков при помощи полицейской собаки-ищейки, последняя, обнюхав бумагу, в которую были завернуты найденные в коридоре I класса бомбы, пробежала по лестнице в кают-компанию, затем по верхней палубе, по лестнице вниз и дошла до канцелярии эвакуировавшегося судебно-уголовного отделения, где бросилась прямо на Логинова. Когда ему указали на поразительный факт его опознания, Логинов заявил: "Меня наказывает Бог и собака", но все же отрицал свою виновность во взрыве.

Расследованием установлено, что Ларионов являлся одним из активных большевистских работников, ездил в Мо-

скую и командовал отрядом матросов во время борьбы с казаками генерала Каледина.

При попытке к бегству с корабля "Рион" Маховский, Ларионов и Логинов были убиты.

Составлен 19 апреля 1919 года
в городе Екатеринодаре.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

КРАТКАЯ СПРАВКА о сожжении красноармейца казака Якова Чуса

17 апреля 1919 года на фронте у реки Манычи красные атаковали близ села Хомутовского сотню Запорожского полка и потеснили ее, причем при отходе был тяжело ранен в живот казак Яков Чус, которого вынести из боя не удалось, и красные захватили его в плен. Тогда они на виду у отступавшей сотни облили Чуса бензином и живого зажгли его.

По подходе резервных сотен запорожцы перешли в контратаку, выбили красных и нашли тело зверски замученного Чуса, которое было одето лишь в штаны и обуглено, особенно сильно на груди и около шеи.

Кожа на груди у Чуса около левой подмышки растрескалась; глаза лопнули, рот же был чрезмерно раскрыт и лицо сохранило выражение сильных мучений. Около тела была найдена пустая банка с запахом бензина.*

*) Из черновых материалов Комиссии: "По приказанию комиссара красноармейцы раздели раненого и начали расспрашивать его о расположении Добровольческой армии и о настроении тыла. Чус на все вопросы отвечал молчанием. Тогда красноармейцы принялись колоть его шашками и пистолетами, а затем облили его бензином и зажгли. Перешедшие в контратаку казаки увидели эту жуткую картину. С трудом удалось потушить шинелями огонь, но от доблестного казака остался почти обуглившийся труп. С трупа сняты фотографии и представлены в Комиссию по расследованию большевистских зверств." — Прим. ред.-сост.

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ
злодеяний большевиков в станицах Гундоровской и
Каменской Донецкого округа

В станице Гундоровской в течение 1918 и 1919 гг. большевистские крупные и мелкие разъезды были четыре раза: в прошлом году они побыли в станице первый раз три дня, и второй раз — один день; в 1919 году пребывание ограничивалось каждый раз несколькими часами. Несмотря на краткие властвования большевиков, население станицы жестоко пострадало. Все четыре раза станица подвергалась грабежу, причем первый грабеж был повальным; грабили богатых и бедных, грабили деньги, серебро, скот, повозки, домашнюю утварь, все до спичек включительно. То, что не удавалось увезти, уничтожалось или ломалось, билось. Разбили зеркала, стекла, посуду, ломали самовары, мебель. Что уцелело от первого погрома, то дограбывалось при последующих трех налетах. Скот уводили с собой, а частью резали на месте. Характерна глубоко внедрившаяся в большевиках страсть к мучительству; они даже убиваемых животных подвергают напрасным мучениям. Перед тем, чтобы убить корову, они вырезали ей язык, уши и вымя.

Подвергли ограблению и местную церковь, пострадавшую к тому же от большевистских снарядов. Взломан был денежный ящик, взломаны все кружки, из них похищены все деньги, расхищены многие ценные священные предметы. Не ограничиваясь корыстью, большевики глумились

над святостью храма, курили в нем папиросы, пили вино и посрывали иконы. Свое презрение к иконам большевики проявили и в частных домах, где иконы искололи штыками, с некоторых срывали ценные ризы, а самые изображения святых выбросили на улицу.

В первый же свой приход в апреле 1918 года большевики сожгли дом ушедшего священника, станичное правление, кредитное товарищество, техническое училище и массу казачьих домов. Казалось, говорит свидетельница Горюнова, что горит вся станица. На вопрос, зачем жгут дома, та же свидетельница получила от одного красноармейца ответ: “Надо обозначить свой фронт”. От другого: “Жжем буржуев”. Какие же “буржуи” под соломенной крышей, — допытывала Горюнова. “Все равно всех кадетов надо пожечь”, — ответил поджигатель. Сгорели многие усадьбы с хозяйственным инвентарем до тла, на местах пожарищ остались железо и пепел. Руководитель был “военный министр” Цаценко, портной из станицы Каменской.

В первый свой набег большевики увели с собой сотника Горикова и 28 казаков, всех отвели в Луганск и там расстреляли.

В последний, в апреле 1919 года, налет на Гундоровскую красноармейский разъезд убил старика Говорова, 70 лет, за то, что тот не мог указать, где находятся казаки. В тот же день разъезд, переодетый в добровольческую форму, спросил казака Борисова о расположении большевистских застав. Обманутый формой Борисов дал требуемые указания. Тогда красноармейцы вывели его из станицы к озеру и одетым бросили в воду. Борисов, будучи хорошим пловцом, сумел сбросить в воде валенки и верхнюю одежду и переплыть на другую сторону озера. Большевики дали по нему несколько выстрелов, причем ранили спасавшегося казака неотягощено в спину. Скрылся Борисов в лесу. Однако через несколько дней его выследили и убили.

Находившаяся вблизи Гундоровской станица Каменская была трижды в руках большевиков: с 10 по 14 января, с 28 того же месяца до 10 апреля 1918 года и с 19 апреля по 1 мая 1919 года. Первый кратковременный налет сопровож-

дался только отдельными неорганизованными грабежами и так называемыми реквизициями хлеба и фуража. Следующее двухмесячное пребывание красноармейцев тяжело перенеслось населением. Грабежи под видом обысков коснулись почти каждого дома. Не довольствуясь результатами, местная большевистская власть наложила на станицу Каменскую 2 000 000 контрибуции. Крупная цифра контрибуций оправдывалась тем, что в Каменской образовался целый кабинет министров: министр финансов — Пантюшка Временко, бывший ученик высшего начального училища, министр народного просвещения — псаломщик Андрей Горобцов, министр юстиции — студент 1 курса Башкевич и министр внутренних дел и военный — Ефим Щаденко, судившийся, сколько припоминает один из свидетелей, за сбыт фальшивых монет.

Для понуждения к уплате контрибуции был произведен арест 42 жителей, в числе их священник отец Николай Семенов. Последний вскоре был освобожден по требованию населения, причем он все-таки заплатил 1200 рублей, и только тогда ему было выдано удостоверение министром финансов, что “освобождается от всего”. Из остальных арестованных 29 человек были отправлены в г. Луганск и там казнены, трупы были брошены в каменоломни. Казни производились со зверскою жестокостью, отрезали уши, нос, выкалывали глаза, отрубали отдельные члены. При раскопке каменоломни 22 тела изуродованных до крайности были опознаны родственниками. В самой станице Каменской 28 января были убиты ученик коммерческого училища Кросса, отставной полковник Климов, отставной полковник Зубов и его сын, кадет 3 класса. Тела убитых, исколотые штыками (у Зубова 10 штыковых ран в голову и масса ран на теле), были брошены в грязь на улице, и большевики нарочно проезжали по ним телегами. Спустя некоторое время красноармейские власти объявили, что убиты названные лица по ошибке.

Перед последним занятием Каменской, большевики усиленно обстреливали церкви, объясняя это тем, что там находятся наблюдательные пункты противника, чего в дей-

ствительности не было и о чем они были прекрасно осведомлены. Во время литургии в Христорожественскую церковь попал снаряд, которым убило 6 молящихся и 20 было ранено. Шрапнельные пули пронизали святые иконы и иконостасы.

Вступившие в станицу в 1919 году [части], затем сменившиеся регулярными войсками большевиков, были дисциплинированы и не выходили за пределы реквизиций бесплатных хлеба и фуража. Но за каждой частью следовала так называемая “коммунистическая ячейка”, привозившая массу большевистской литературы и состоявшая из элементов самого низменного уровня умственного и нравственного. Во главе такой ячейки состоял какой-нибудь малограмотный хохол, с трудом переписывающий получаемые распоряжения. Эти-то “ячейки коммунизма” приступали к повальному грабежу и разрушению. Пять станичных церквей были разграблены и исковерканы, разгромлены народная читальня, народная библиотека, архивы. Особо глумлению подвергались народные верования, в домах иконы срывались и выбрасывались, в одном доме коммунист снял лампадку от икон, испражнился в нее и повесил опять перед иконою. Двух священников продержали под арестом, издеваясь над ними и подвергая побоям.

В церквях кощунники бросали на пол иконы, церковные свечи расхищали, ризы-облачения разрывали на куски, из кусков шили себе кисеты, покровы с престола срывали, выбрасывали плащаницы, Евангелия, антиминсы, уносили священные дорогие предметы. Похитив облачения, безбожники оделись в них, вывернув наизнанку, взяли кадило, наполнили табаком, зажгли и стали кощунственно изображать богослужение. Празднуя 1 мая, коммунисты оборвали бахрому и кисти у церковных хоругвей, чтобы украсить ими свои флаги. Руководителем был начальник Красной армии Романовский. Он собственноручно в церкви Реального училища сорвал завесу с царских врат, изодрал покров престола в алтаре, швырнул на пол Евангелие и антиминс. Кощунник Романовский на другой же день после злодеяния

заболел тифом и через 6 дней умер. Смерть эта произвела на население глубокое впечатление — Божьей кары.

За несколько дней до оставления в мае текущего года Каменской станицы красные арестовали около 40 человек, в том числе несколько женщин, в качестве заложников и отправили в станицу Глубокую, где собралось таких же заложников 115 и все помещены были в один тесный сырой амбар. Арестованные подвергались голодовке, оскорблениям, побоям, отправлялись на тяжелые работы. Некоторых ночью выводили и расстреливали. В тесно набитом заключенными амбаре половина была тифозная, большинство умирало, не имея никакой помощи, трупы умерших по суткам и более оставались невынесенными. Женщина крепкая, здоровая, Клавдия Попова, из состоятельной семьи, не выдержала, кончила жизнь самоубийством, бросившись в колодезь. Из 40 арестованных каменчан вернулось только двое. Судьба остальных неизвестна.

На этапе Каменская-Глубокая при переправе через Донец начальник военно-революционного трибунала зарубил замешкавшегося старика Григория Илларионова. Кроме него были убиты отставшие совершенно больные два молодых казака.

Все вышеизложенное основано на данных, добытых Особой комиссией в порядке, установленном Уставом уголовного судопроизводства.

Составлен 21 июня 1919 года,
в г. Екатеринодаре

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

**о злодеяниях большевиков, совершенных в 1918 и
1919 годах в Святогорском Успенском монастыре
Изюмского уезда, Харьковской губернии**

Нормальная жизнь в Святогорском Успенском монастыре, известном не только в Харьковской губернии, но и по всей России, была нарушена в 1918 году. В начале января Великокамышевахский земельный комитет Изюмского уезда, так же как и Богородичанский и Славянский комитеты, взяли на учет имущество монастыря, имеющего в различных местах свои отделения (скиты) с хозяйством и различными мастерскими. Взяв на учет монастырское имущество, комитеты начали немедленно ликвидировать его в свою пользу, а Великокамышевахский беспощадно рубил лес. Таким образом, вывезен был весь запас хлеба, а скот распродан. От пользования землей монастырская братия была устранена. Монахи, составляющие рабочую силу, подверглись принудительному выселению, и из 600 человек осталось от 200 до 300 из числа священнослужителей-стариков и часть монахов, укрывшихся в самом монастыре. Убытки обители, по самому скромному расчету, простираются до 250 тысяч.

Такое положение не спасло монастыря от дальнейших нападков. С февраля начинаются многочисленные обыски, всякий раз сопровождаемые грабежом. Уже 15 февраля в монастырь врывается вооруженная шайка человек в 15, как говорили местные крестьяне, преимущественно из изюмских милиционеров, требует контрибуцию в 15 тысяч руб-

лей и, обходя кельи, отбирает все, что им нравится. Контрибуции получить на этот раз грабителям не удалось.

26 марта вновь появилась партия большевиков. Под предлогом отыскания оружия большевики направились в пещерные храмы, где вели себя кощунственно, входя в храмы в шапках, куря папиросы, переворачивая престолы и сквернословя. К этому же времени относится конфискация церковной утвари, эвакуированной в монастырь из церквей Волынской и Виленской епархий. Отобрание этих предметов, по показаниям свидетелей, производилось необыкновенно грубо. Священные предметы с ругательством втискивались в ящики, из дароносицы были выброшены Св. Дары и растоптаны тут же. После обыска большевики направились к настоятелю, потребовали церковное вино и тут же его выпили. Уходя, они захватили с собой монастырскую лошадь.

К началу апреля относится зверское убийство монаха Ипатия, вышедшего за монастырские стены. По-видимому, он был ограблен и зарублен шашками бродячими большевистскими шайками.

В июне в скит при деревне Горожовке явились вооруженные грабители (от 5 до 8 человек) и потребовали от эконома скита монаха Онуфрия выдачи денег, вырученных от продажи монастырского имущества. Эконом заявил, что денег у него нет. Его вывели за ограду и тут же у ворот расстреляли. Другой монах, по имени Израиль, убит при попытке к бегству.

Ослабевший несколько во времена гетманства бандитизм поддерживался, однако, все время бродившими в окрестностях шайками большевиков, носившими в народе прозвище "лесовиков". К этому времени относится убийство нескольких лиц из духовенства Святогорской обители. В октябре 1918 г. из села в село переносилась особо чтимая в местности икона Святогорской Божьей Матери. Крестный ход остановился на ночлег в селе Байрачек. Здесь на помещение, занимавшееся духовенством, напала разбойничья шайка, взломала двери и выстрелами убила иеромонахов Модеста и Иринарха, иеродиакона Федота, проживавшего

в том же доме псаломщика местной церкви, хозяина дома и его дочь. Пять трупов лежало у подножия иконы, стоявшей в луже крови. Денег у монахов не оказалось. Но не один мотив грабежа руководил разбойниками, судя по словам одного из них во время убийства: "Вы молитесь, чтобы Бог наказал большевиков".

При уходе немцев деятельность большевиков немедленно оживилась. Уже 1 декабря нового стиля явилась шайка вооруженных людей с требованием выдачи оружия, имевшегося для самоохранения монастыря. Оружие было выдано. Тогда ожидавшая результатов переговоров банда человек около 100 ворвалась в монастырь и приступила к грабежу монастырского и братского имущества. Из монастырской кассы похитили 7 тысяч рублей, у монахов отнимали одежду, обувь, белье, часы и проч. и все награбленное увезли на монастырских же шести лошадях, захватив при этом еще два экипажа.

Дни 2 и 3 января 1919 года были самыми тяжелыми для Святогорского монастыря и вместе в тем днями самого напряженного кощунства и издевательства над православной религией и насилия над священнослужителями и монахами обители. 2 января, около трех с половиной часов дня, на 16 подводах приехали к монастырю красноармейцы числом до 60 человек. На груди и на винтовках у них были красные ленты. С гиканьем ворвались они через ворота гостиницы и, обругав площадной бранью заведующего гостиницей монаха, избили его прикладом и рассеялись по корпусам монастыря. Начался грабеж с самыми невероятными издевательствами. В это время шло богослужение в Покровской церкви. Несколько красноармейцев ворвались в храм в шапках, громко требуя настоятеля и выдачи ключей от монастырских хранилищ. Было предъявлено требование о выдаче 4 миллионов контрибуции и отнято 4 тысячи денег, бывших в монастырской кассе. Красноармейцы разбились на мелкие партии с целью повального обыска и грабежа монастырских помещений. У настоятеля монастыря архимандрита Трифона разбросали всю обстановку и вещи, с бранью и угрозами оружием требуя денег. Обыски, грабежи

и издевательства шли одновременно во всех кельях. У монахов отнималось их имущество до последней рубашки и сапог включительно. Разламывались и бросались на пол иконы, монахи принуждались курить и танцевать в коридорах. От одного из них (монах Иосиф) под угрозой расстрела требовали, чтобы он ругал Господа и Божью Матерь, а после отказа заставили курить, побоями принуждая затягиваться глубже. Избитая, ограбленная и поруганная братия стала собираться во главе с архимандритом в храме для богослужения. Но и туда все время врываются красноармейские банды, в шапках и со свечами в руках, осматривая ноги молящихся и отнимая казавшиеся им годными сапоги. Около 2 часов ночи, когда, казалось, наступило некоторое затишье, приступлено было к совершению литургии.

Литургию служил архимандрит в соборе с другим духовенством. Во время ектении в храм ворвалась партия красноармейцев. Один из них вскарабкался на амвон и с криком: “Довольно вам молиться, целую ночь топчетесь, долой из церкви” — повернул назад за плечи провозгласившего ектению иеродиакона. По усиленным просьбам архимандрита и братии дано было позволение окончить литургию. Но красноармейцы не покинули храма. Во время пения херувимской песни они входили к престолу и продолжали осматривать сапоги молящихся. Братия, ожидая дальнейших страданий и даже смерти, причастилась Св. Тайне. К концу обедни в храм ворвалась новая банда красноармейцев. Один из банды, держа в руках ножницы, крикнул: “Стой, ни с места, подходи по очереди, буду стричь всех” — и немедленно отрезал волосы одному из монахов. Монахи пытались бежать. Другой красноармеец вскарабкался в алтарь, открыл царские двери и, стоя в них, закричал: “Не выходи, стрелять буду”. Одновременно красноармейцами производились грабежи, кощунства и издевательства во всех помещениях монастыря. В квартире архимандрита красноармейцы спали, укрываясь епитрахилью, в помещении казначея искололи портреты иерархов русской Церкви. Издевательства и насилия продолжались повсюду. Нескольким монахам остригли волосы и бороды, побоями заставляли

плясать, курить и даже пить чернила. Утром, когда вновь началась обедня, красноармейцы не допустили богослужения. Ворвавшаяся шайка набросилась на священнослужителей и стала вытаскивать их в ризах из храма, но, уступая просьбам священников, позволила им разоблачиться. Затем все во главе с архимандритом были выведены из храма. С архимандрита сняли сапоги, дав ему какие-то опорки, и, несмотря на мороз, выстроили всех в ряды перед храмом. Началось сопровождаемое побоями и непристойной бранью издевательское обучение монахов маршировке и военным приемам.

В это время в соседнем храме кощунствовала другая шайка красноармейцев. Один из них, надев ризу и митру, сел на престол и перелистывал Евангелие, а другие, тоже в ризах, кощунственно представляли богослужение, то открывая, то закрывая царские двери на потеху своим единомышленникам. Храм был осквернен испражнениями у свечного ящика. Камни и образки с митр и икон — все было похищено. Все награбленное было вывезено из монастыря на 38 подводах. В это же время были ограблены поголовно все монахи “больничного хутора”, расположенного рядом с монастырем.

Во время управления большевиков по распоряжению Изюмского исполкома на Богородичанскую волость была наложена контрибуция в размере 80 или 85 тысяч. Богородичанский исполком потребовал в счет этой контрибуции 50 тысяч с монастыря. Братия собрала для уплаты этой контрибуции 10 тысяч рублей, а 5 тысяч было уплачено из монастырских сумм.

В монастырь весной 1919 года была прислана из Петрограда колония детей разного возраста, до 18-тилетнего включительно, и расположена в двух монастырских корпусах. Колонией, численностью до 350 человек, заведует коммунист Полторацкий, ведя воспитание в соответствующем коммунизму духе. Все иконы из занятых корпусов удалены, посещение церкви запрещено.

Во время отступления своего в конце мая настоящего года большевики еще раз посетили Святогорский мона-

стырь. Сначала явился какой-то военный и, называя себя генералом Шкуро, требовал указать ему настоятеля, а затем вошла партия, потребовав 50 тысяч контрибуции. При этом заставляли иеромонаха Иоанна класть голову под удары шашки. Иеромонах отделался тем, что отдал насильникам бывшие при нем 40 рублей и получил два удара нагайкой.

При отступлении большевики обрезали волосы на голове и бороде иеромонаха Нестора и Вонифатия, в поле убили монаха Тимолая и рубили оставшегося в живых с отрубленными пальцами послушника Моисея.

Настоящий акт расследования основан на фактах, добытых Особой комиссией с соблюдением правил, изложенных в Уставе уголовного судопроизводства.

Составлен 17 июля 1919 года
г. Екатеринодаре

**ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ**

СВЕДЕНИЯ

о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории

Вечером 14 января 1918 года на взморье вблизи Евпатории показались два военных судна — гидрокрейсер “Румыния” и транспорт “Трувор”. На них подошли к берегам Евпатории матросы Черноморского флота и рабочие севастопольского порта. Утром 15 января “Румыния” открыла по Евпатории стрельбу, которая продолжалась минут сорок. Около 9 часов утра высадился десант приблизительно до 1 500 человек матросов и рабочих. К прибывшим тотчас присоединились местные банды, и власть перешла в руки захватчиков. Первые три дня вооруженные матросы с утра и до позднего вечера по указанию местных большевиков производили аресты и обыски, причем под видом отобрания оружия отбирали все то, что попадало им в руки. Арестовывали офицеров, лиц зажиточного класса и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров. Арестованных отводили на пристань в помещение Русского общества пароходства и торговли, где в те дни непрерывно заседал временный военно-революционный комитет, образовавшийся частью из прибывших матросов, а частью пополненный большевиками и представителями крайних левых течений г. Евпатории. Обычно без опроса арестованных перевозили с пристани под усиленным конвоем на транспорт “Трувор”, где и размещали по трюмам. За три-четыре дня было арестовано свыше 800 человек. Обхождение с арестованными было наглое, грубое, над ними издевались и первый день им ничего не давали есть. Бывали случаи, когда при задержании на-

носили раны и избивали до потери сознания. Так, при задержании капитана Литовского полка Адама Людвиговича Новицкого ему были нанесены тяжкие побои и причинены остросрежущим орудием две глубокие раны в полость живота, после чего он был в числе других утоплен в море.

Трудно и почти невозможно было избежать ареста, так как всюду шныряли автомобили с вооруженными “до зубов” матросами. Матросы эти с вымазанными сажей лицами или в масках разыскивали и арестовывали по указаниям местных жителей скрывавшихся офицеров и всех заподозренных в контрреволюции.

Из местных евпаторийских большевиков в судьбе многих арестованных большую роль сыграла преступная семья Немичей, которая целиком вошла в состав судебной комиссии, заседавшей на “Труворе” в первые дни арестов. Комиссия эта была выделена революционным комитетом и разбирала дела арестованных. В нее помимо других вошли: Антонина Немич, ее сожитель Феоктист Андриади, Иулиания Матвеева (урожд. Немич), ее муж Василий Матвеев (солдат школы стрельбы по воздушному флоту и бывший начальник штаба красных), Варвара Гребенникова (урожд. Немич). На офицеров комиссия определенно смотрела как на контрреволюционеров. Командир “Румынии” матрос Федосеенко, бывший председатель этой комиссии, часто говорил: “Все с чина подпоручика до полковника — будут уничтожены”.

Николай Демышев — бывший председатель Евпаторийского исполнительного комитета — о роли Матвеевых в этой комиссии выражался так: Иулиания Матвеева при опросе арестованных на “Труворе” определяла “степень контрреволюционности”, а сам Матвеев — степень “буржуазности”. Сперва всех предназначенных к убийству перевозили на катерах с “Трувора” на “Румынию”, которая стояла на рейде неподалеку от пристани. Казни производились сначала только на “Румынии”, а затем и на “Труворе” и происходили по вечерам и ночью на глазах некоторых арестованных. Казни происходили так: лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после

издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт и воду. Бросали массами и живых, но в этом случае жертве отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и кистей. Помимо этого связывали и ноги в нескольких местах, а иногда оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали к уже перевязанным рукам и ногам (подобный случай был с утопленным на “Румынии” капитаном гвардии Николаем Владимировичем Татищевым). К ногам привязывали “колосники”.

На некоторых трупах, выбрасываемых морем, при судебно-медицинском осмотре было обнаружено, что в том месте на шее, где была веревка, сохранилась странгуляционная борозда, что указывало на удушение. Были трупы с рваными ранами, с простреленными черепами (у графа Владимира Николаевича Мамуна), с отрубленными руками (у бывшего сыщика Евпаторийской полиции Абдувелли Нурмамбет Оглу), с оторванными головами (у вольноопределяющегося Михаила Иосифовича Мельцера).

Казни происходили и на транспорте “Трувор”, причем со слов очевидца, картина этих зверств была такова: перед казнью по распоряжению судебной комиссии к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного под конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооруженных красноармейцев и вели на так называемое “лобное место” (место казни). Тут жертву окружали со всех сторон вооруженные матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезывали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки, и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь, и на каждую казнь уходило 15—20 минут. Во время казней с палубы в трюм доносились неистовые крики, и для того, чтобы их заглушить, транспорт “Труворт” пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море. За три дня, 15, 16 и 17 января, на транспорте “Труворт” и на гидрокрейсере “Румыния” было убито и утоплено не менее 300 человек. В

числе других были утоплены: подполковник Константин Павлович Сеславин, помещик Порфирий Порфириевич Бендебер, граф Николай Владимирович Татищев, штабс-ротмистр Федор Федорович Савенков, штабс-капитан Петр Ипполитович Комарницкий, полковник Арнольд Валерианович Севримович, подполковник Евгений Алексеевич Ясинский, жена инженера Мамай (по первому мужу Крицкая), подполковник Николай Викторович Цвилленев, титулярный советник Александр Владимирович *лицкий, штабс-капитан Николай Романович Лихошерстов, подпоручик Александр Владимирович Гук, подпоручик Константин Викторович Хмельницкий, граф Владимир Николаевич Мамуна (он погиб героически, изобличая большевиков), полковник Александр Николаевич Выгран и много-много других.

Перед казнями на “Румынии” также заседала комиссия из матросов, пополненная представителями евпаторийских большевиков. Присутствовали среди других Антонина Немич, Варвара Гребенникова, Николай Демышев и другие. Антонина Немич ободряла матросов и сама присутствовала при казнях. Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что собственноручно бросил в море за борт 60 человек. В 20-х числах января с уходом в Севастополь “Румынии” и “Трувора” в Евпатории организовалась власть исполнительного комитета в составе председателя, солдата Николая Демышева — видного лидера большевиков, его товарища Христофора Кебабчианца, начальника штаба Матвеева, начальника Красной армии Семена Немича и председателя следственной комиссии матроса Виктора Грубе. В ночь на 24 января из евпаторийской тюрьмы, куда для дальнейшего содержания с пароходов были переведены арестованные, были вывезены на автомобилях и расстреляны 9 человек и среди них: граф Николай Владимирович Клейнмихель, гимназист Евгений Капшевич, офицеры Борис и Алексей Самко, Александр Бржозовский и др. Установле-

*) Утрачены две первые буквы фамилии. — Прим. ред.-сост.

но, что лица эти были убиты матросом Федосеенко при участии Грубе, Бреславца, Черенкова и других. С одним из расстрелянных — Бржозовским — произошел такой случай: когда тело его подтягивали к приготовленной могиле, он, будучи только ранен, приподнялся и просил не добивать, но Федосеенко лично его пристрелил. Глумлениям над этими жертвами не было предела, от них отобрали все ценное, перед увозом перевели в одну камеру, объявили, что сейчас всех уничтожат, дали им возможность написать предсмертные записки, но по назначению не передали. Тогда всех убитых в эту ночь были брошены с пристани в море, причем к ногам были привязаны тяжести, чтобы тела не всплывали.

После устройства варфоломеевских ночей в различных городах Крыма открыто стали поговаривать о том, что "власть что-то готовит", что существуют какие-то списки. В ночь на 1 марта из города исчезло человек 30—40. Как выяснилось впоследствии, вечером 28 февраля в штабе состоялось тайное совещание, на коем был выработан список лиц, предназначенных к убийству. На этом совещании, помимо других, присутствовали Демышев, Кебабчианц, Грубе, Семен Немич, комендант города севастопольский рабочий Владимир Насиловский и др. На совещании было 15—17 человек. Пострадали в эту ночь, главным образом, лица лажиточного класса и человек 7—8 офицеров и среди них барон Герт. Намеченных к убийству арестовывали красноармейцы, коим Семен Немич выдавал записки с указанием фамилий. Арестованные сперва доставлялись в тюрьму, где от них отбирали все ценное, а затем ночью на грузовых автомобилях увозились за 5 верст от города, где и расстреливались на берегу моря. В убийствах в эту ночь принимали участие и матросы с посыльного судна. Установлено, что перед увозом жертв на расстрел матросы связывали жертвы веревками и увозили группами по 8—10 человек. Через несколько дней после этих убийств штабом было объявлено, что на город совершили нападение анархисты и, арестовав граждан, увезли их в неизвестном направлении. При раскопке могилы и при осмотре трупов оказалось, что тела

убитых были зарыты в песке, в одной общей яме глубиной в один аршин. За небольшим исключением, тела были в одном нижнем белье и без ботинок. На телах в разных местах обнаружены колото-резанные раны. Были тела с отрубленными головами (у татарина помещика Абиля Керим Капары), с отрубленными пальцами (у помещика и общественного деятеля Арона Марковича Сарача), с перерубленным запястьем (у нотариуса Ивана Алексеевича Коптева), с разбитым совершенно черепом и выбитыми зубами (у помещика и благотворителя Эдуарда Ивановича Брауна). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подтаскивании одного за ноги к общей яме он вскочил и побежал, но свалился заново сажень в двадцати, сраженный новой пулей.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением правил, установленных Уставом уголовного судопроизводства.

24 июня 1919 года
г. Екатеринодар

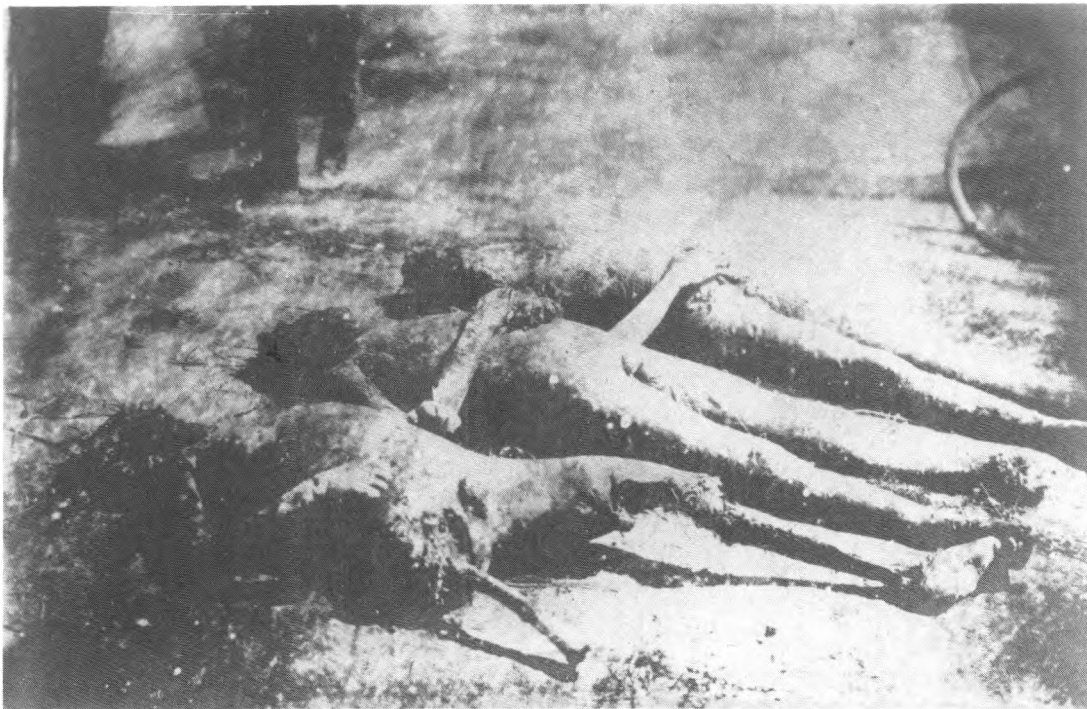
Труп, найденный во дворе херсонской ЧК.
Голова отрублена, правая нога перебита, тело сожжено

Изуродованные трупы жертв херсонской ЧК

Староста деревни в Херсонской губернии Е. В. Марченко, замученный в ЧК

Трупы замученных у одной из станций Херсонской губернии.
Изуродованы головы и конечности жертв

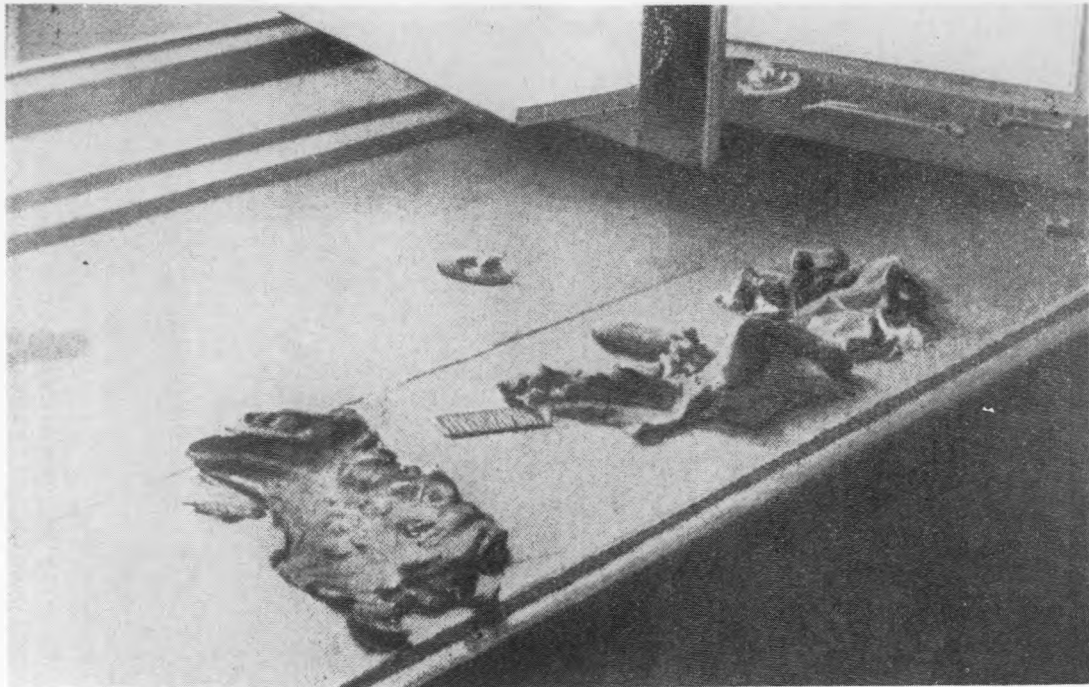
Труп полковника Франина, замученного в херсонской ЧК в доме Тюльпанова на Богородской улице, где находилась херсонская чрезвычайка

Трупы заложников, найденные в херсонской ЧК в подвале дома Тюльпанова

Капитан Федоров со следами пыток на руках.
На левой руке след от пулевого ранения, полученного во
время пыток. В последнюю минуту сумел бежать из-под
расстрела. Внизу фотографии орудия пыток, изображен-
ные Федоровым

Найденная в подвале харьковской ЧК кожа, содранная с рук жертв при помощи металлического гребня и специальных щипцов.

Кожа, содранная с конечностей жертв в доме Рабиновича
на ул. Ломоносова в Херсоне, где пытала
херсонская чрезвычайка

Палачи. Участники “Варфоломеевской ночи” в Евпатории
и расстрелов на “Румынии”. Казнены белыми

Палачи. Участники “Варфоломеевской ночи” в Евпатории
и расстрелов на “Румынии”. Казнены белыми

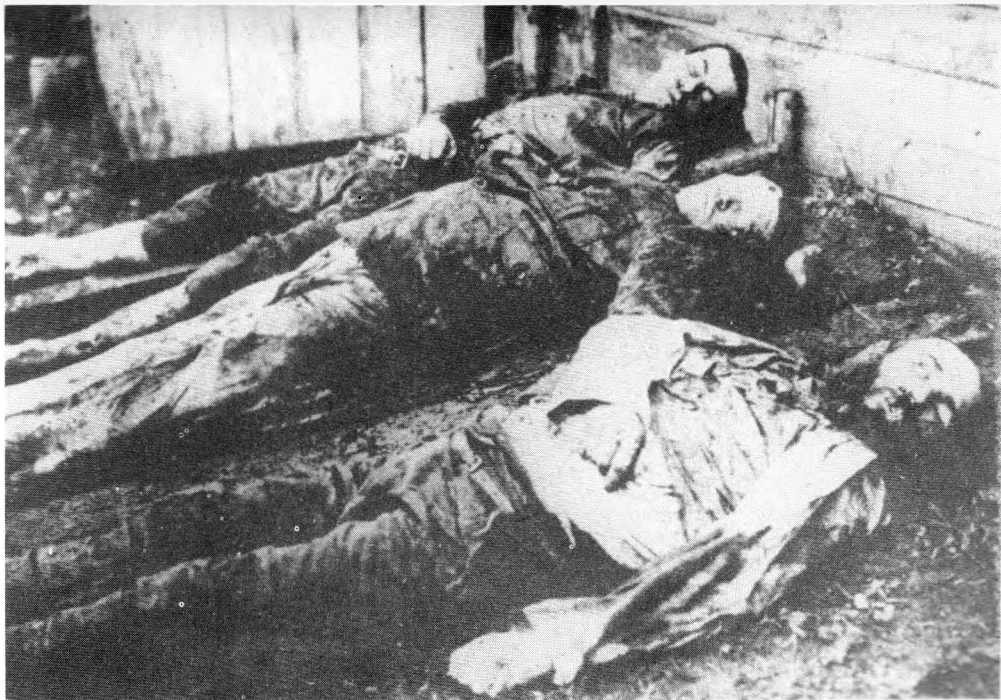
Палачи херсонской ЧК

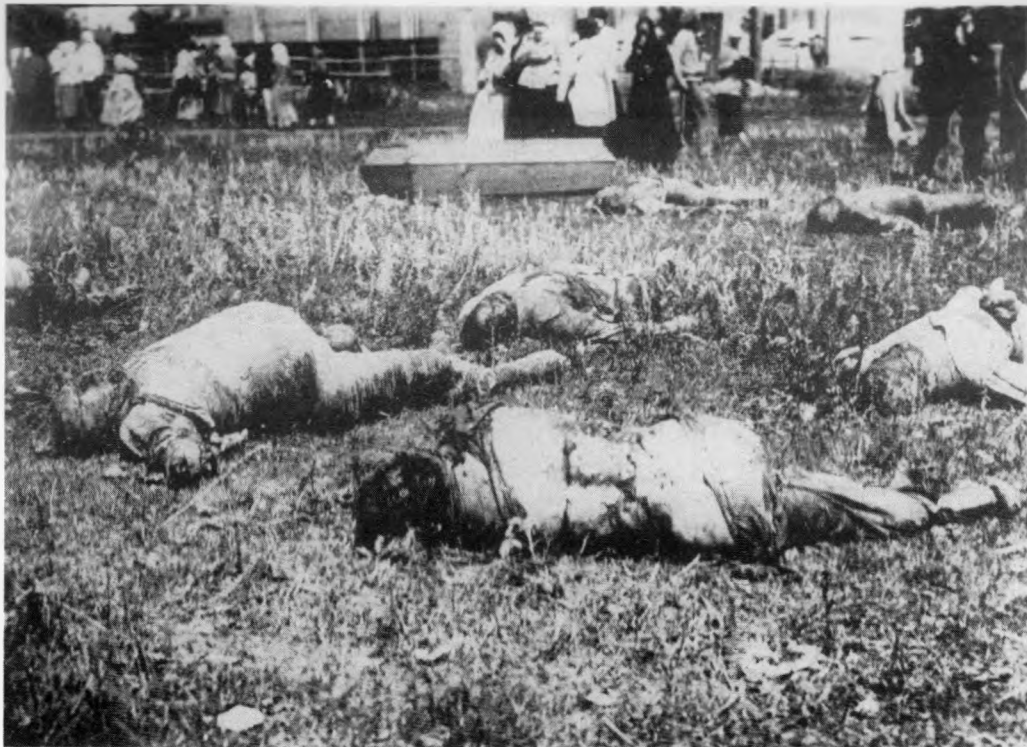
Дора Евлинская, моложе 20 лет, женщина-палач, казнившая в Одесской ЧК собственными руками 400 офицеров

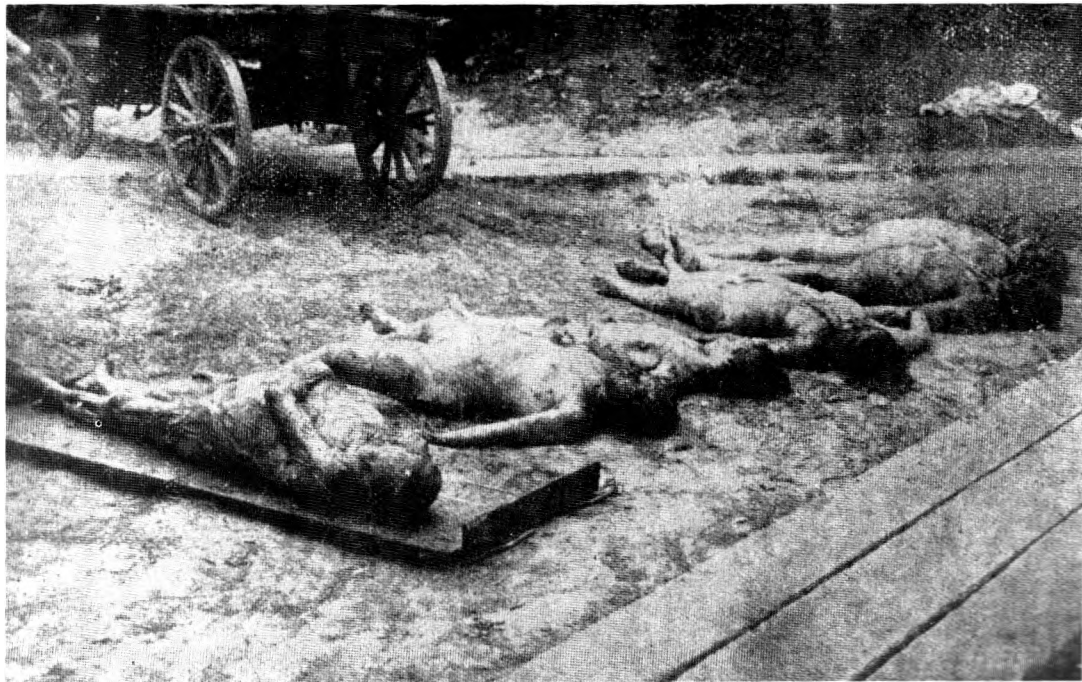
Степан Афанасьевич Саенко, комендант концентрационного лагеря в Харькове

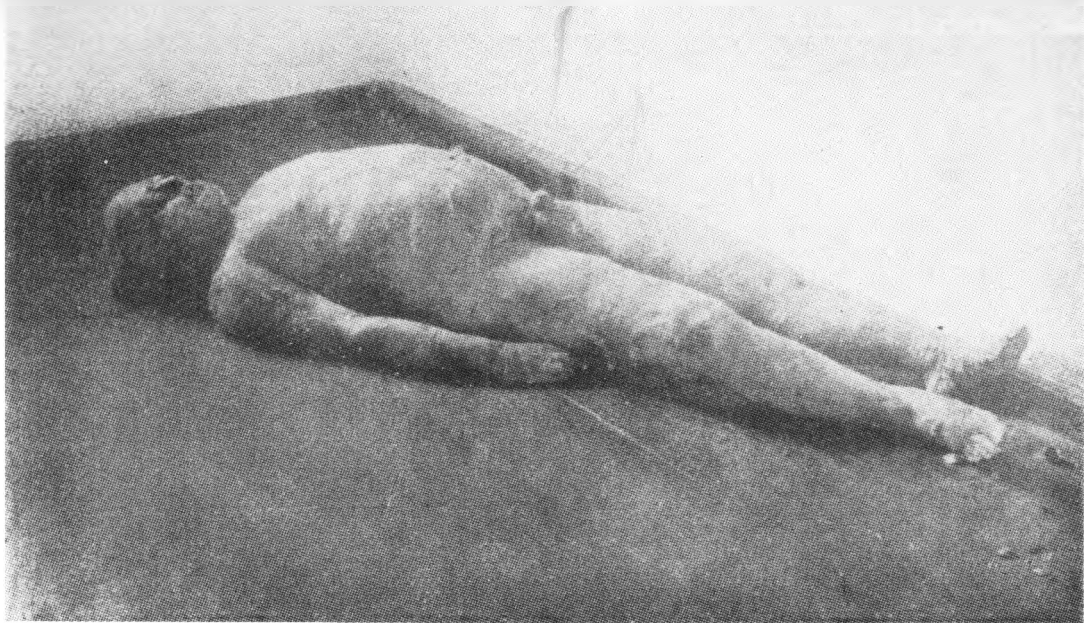
Трупы заложников, расстрелянных в харьковской тюрьме

Харьков. Трупы заложников, умерших под пытками большевиков

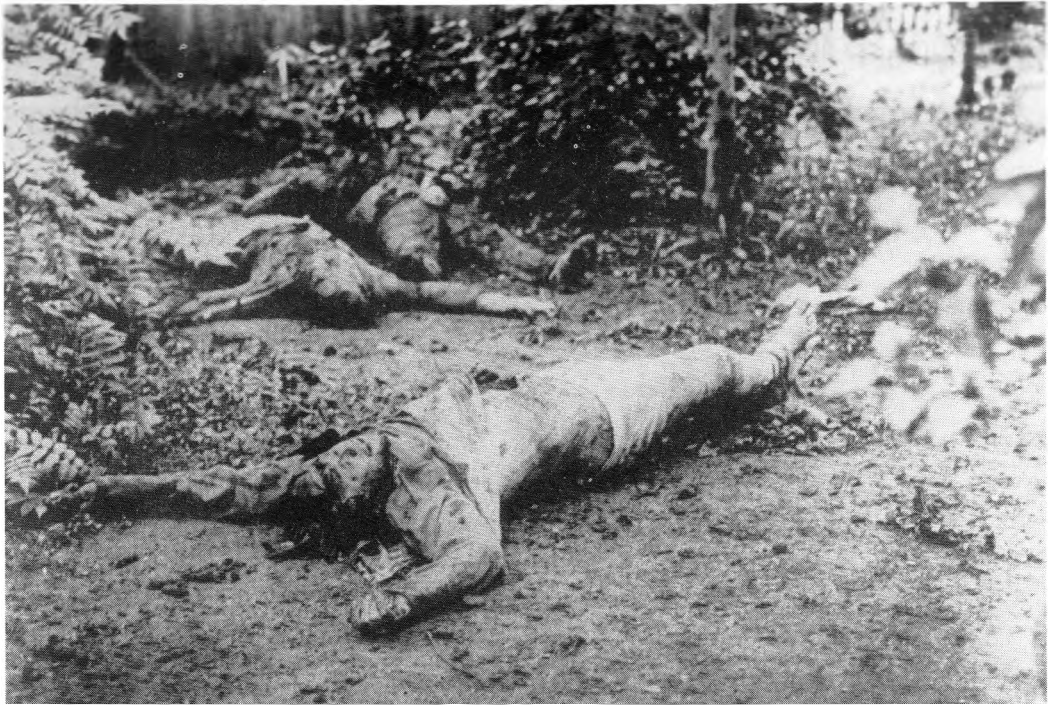
Харьков. Трупы замученных женщин-заложниц. Вторая слева С. Иванова, владелица мелочного магазина. Третья слева — А. И. Карольская, жена полковника. Четвертая — Л. Хлопкова, помещица. У всех живо взрезаны и вылушены груди, половые органы обожжены и в них вставлены уголья

Харьков. Труп заложника, отставного генерала Путята. С правой руки содрана кожа, изувечены половые органы

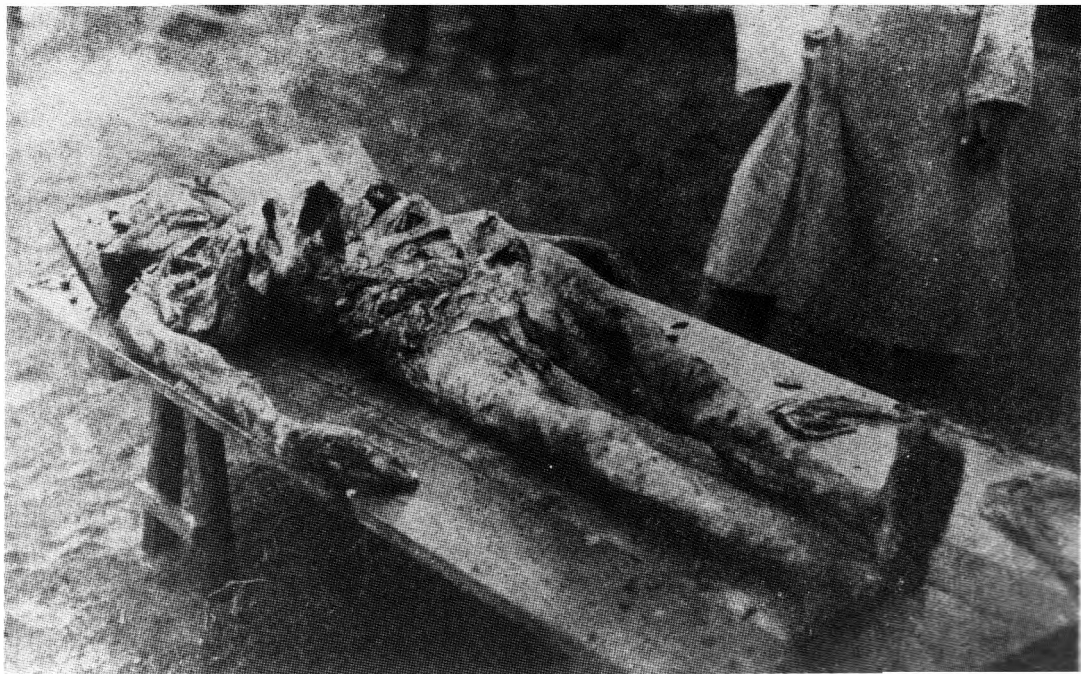

Харьков. Тело заложника поручика Боброва, которому палачи отрезали язык, отрубили ~~руки~~ части
рук и сняли кожу вдоль левой ноги

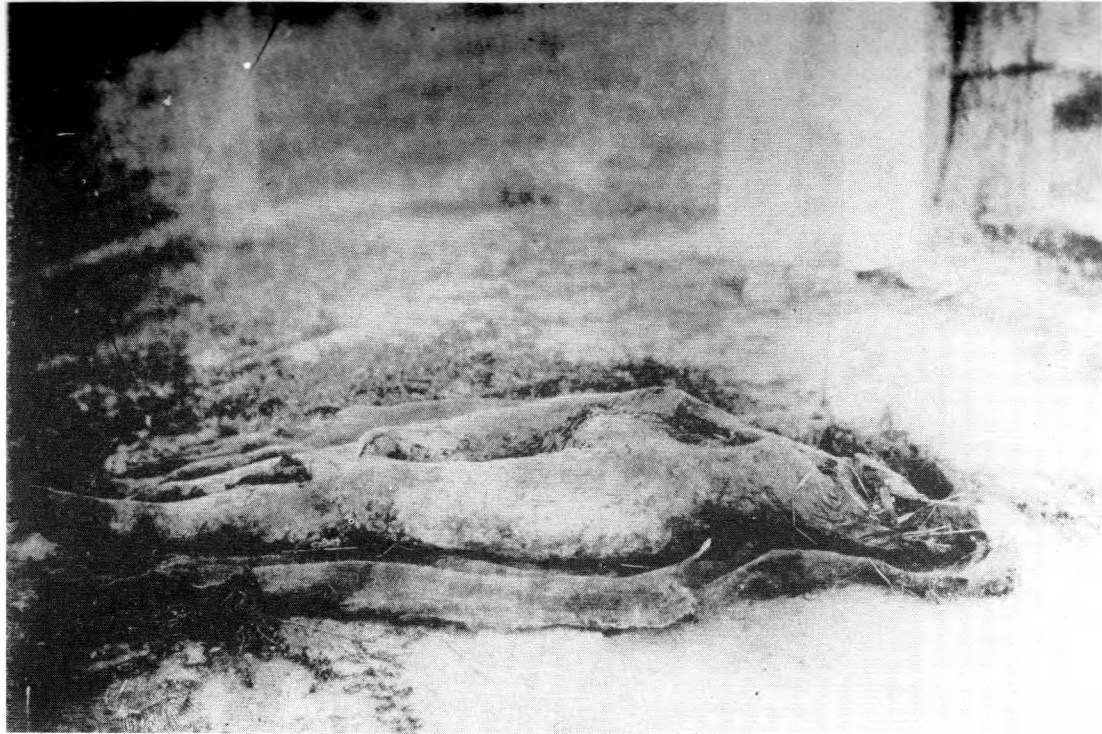

Харьков, двор чрезвычайки. Труп заложника И. Пономаренко, бывшего телеграфиста. Правая рука обрублена. Поперек груди несколько глубоких надрезов.

На заднем плане еще два трупа

Труп заложника Ильи Сидоренко, владельца модного магазина в городе Сумы. У убитого переломаны руки, сломаны ребра, взрезаны половые органы. Замучен в Харькове

Станция Снегиревка, под Харьковом. Труп замученной женщины. На теле не было найдено одежды. Голова и плечи были отрублены (при вскрытии могилы найдены так и не были)

Харьков. Трупы убитых, сваленные в телегу

Харьков. Трупы замученных в ЧК

Двор харьковской губчека (Садовая улица, 5) с трупами казненных

Раскопки одной из братских могил у здания харьковской ЧК

Харьков. Раскопки братской могилы с жертвами красного террора.

Тела трех рабочих-заложников с бастовавшего завода. У среднего, А. Иваненко, выжжены глаза, отрезаны губы и нос. У других — отрублены кисти рук

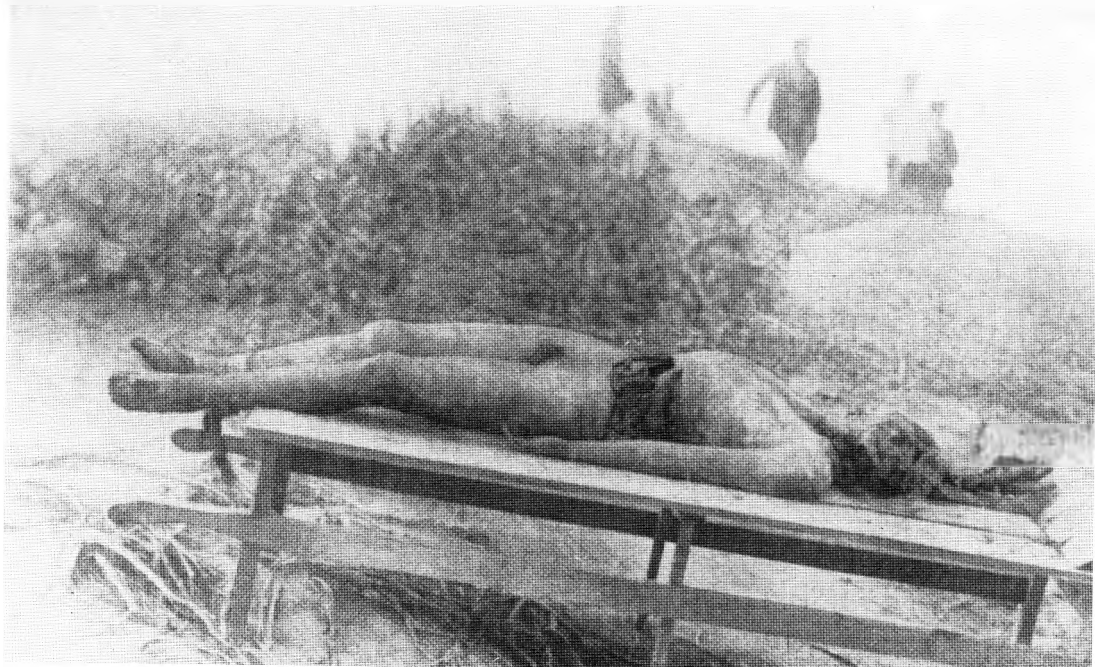
Труп офицера, убитого красными

Тела четырех крестьян-заложников (Бондаренко, Плохих, Левенец и Сидорчук). Лица покойников страшно изрезаны. Особым изуверским образом изуродованны половые органы. Производившие экспертизу врачи высказали предположение, что такой прием должен был быть известен только китайским палачам и по степени своей болезненности превышает все доступное человеческому воображению

Слева труп заложника С. Михайлова, приказчика гастрономического магазина, видимо, зарубленного шашкой. Посередине тело засеченного насмерть шополами, с перебитой нижней частью спины, учителя Петренко. Справа труп капитана Агапова, с вывороченными ранее описанной пыткой половыми органами

Труп 17-18-летнего юноши, с вырубленным боком и изувеченным лицом

Пермь. Станция Георгиевская. Труп женщины. Три пальца правой руки сжаты для крещения

Сибирь, Енисейская губерния. Трупы замученных жертв большевистского террора. В энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР” (М., 1983, с. 264) эта фотография, в несколько ином ракурсе, дана как образец “жертв колчаковщины” в Сибири в 1919 году

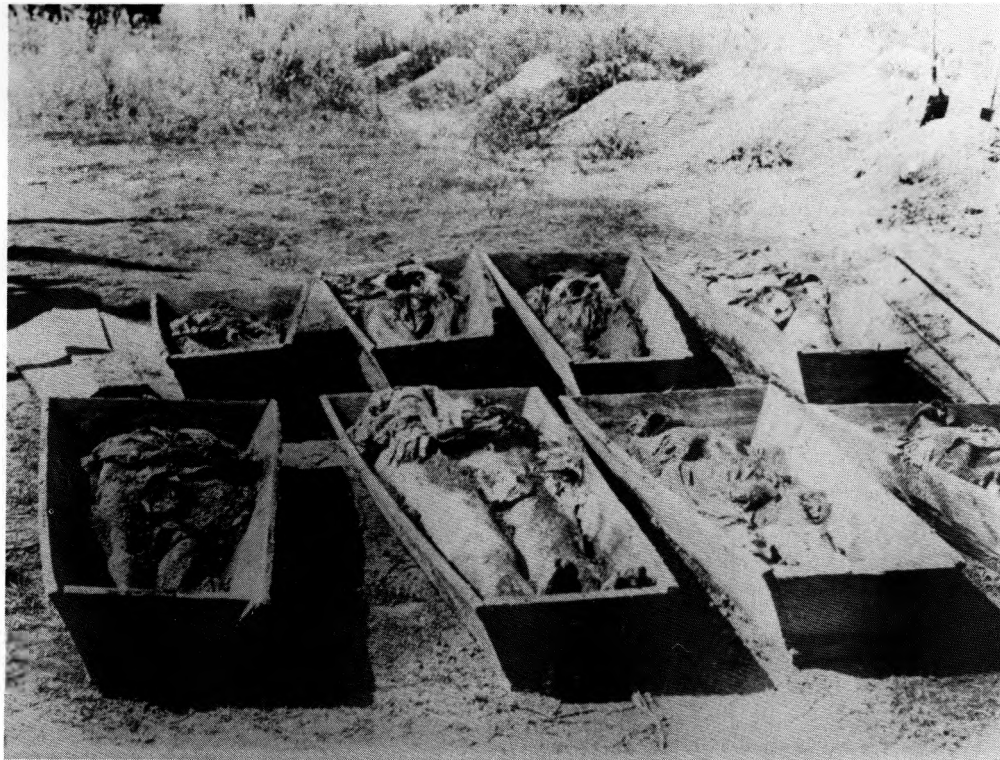
Доктор Беляев, чех. Зверски убит в Верхнеудинске. На фотографии видны отрубленная кисть руки и изуродованное лицо.

Енисейск. Пленный казачий офицер, зверски убитый красными
(сожжены ноги, руки и голова) красными

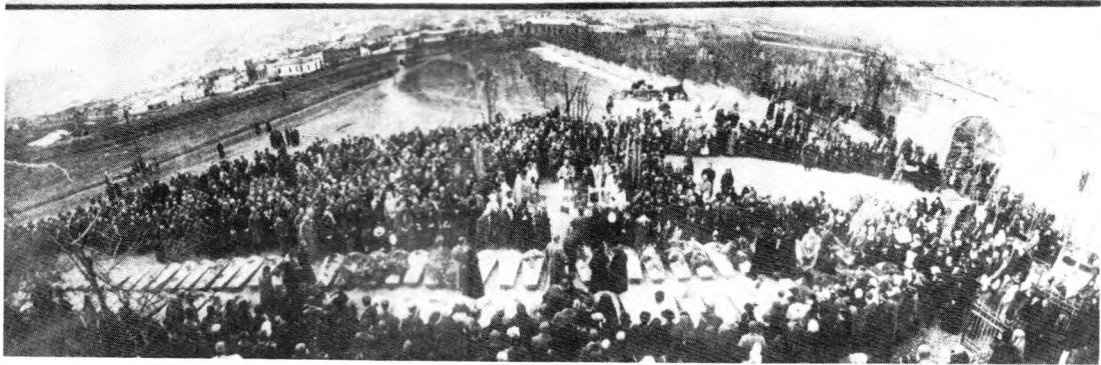
У жертвы перед смертью были перебиты ноги

Одесса. Перезахоронения жертв из братских могил, раскопанных после ухода большевиков

Пятигорск, 1919 год. Раскопки братских могил с трупами заложников,
казненных большевиками в 1918 году

Пятигорск, 1919. Перезахоронение жертв большевистского террора. Панихида

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

ВЫПИСКА

об отношении большевиков к магометанской религии,
из дела о злодеяниях большевиков
в Ставропольской губернии

В распоряжении Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России имеется протокол допроса духовного муллы аула Камыш-Буруна Ногайского уезда Аджи-Антакаева о насилиях большевиков над духовенством и религией ногайского народа. Показания муллы дословно подтверждены окружным кадием (епископом) ногайского народа Умаром-Эфенди Кенжимуратовым, народными головами ногайского народа Абдуллой Аджиевым, Акборды Ибрагимовым, Стамбулом Отемисовым и председателем Чрезвычайного духовного совещания Толкоевым.

Территория ногайского народа, согласно показаниям этих лиц, была занята в 1918 году большевиками, подвергшими насилию народ и открывшими гонение на его религию. Так, в середине 1918 года во время вечернего намаза был задушен в своем доме народный кадий (епископ) ерисанского народа Умар Газы Кулунчаков и зарезана жена его Аджи Ханум. Все имущество его было разграблено. Несколько дней спустя зарублен большевиками законоучитель Эфенди-Нур-Магомет Эсполов, председатель Ногайского комитета помощи Дорбовольческой армии. Вместе с Эсполовым убит был в Ачикулаевской ставке мулла Ахей из аула Канчигалы. В том же июне 1918 г. убиты были: духовный мулла Суйнтли-Юсупов вблизи аула Бияш и духовный мулла Махмуд Эфенди-Амембаев в ауле Иргакли.

Из всех мусульманских мечетей ногойского народа, число которых превышает 50, не осталось ни одной, не оскверненной и не разграбленной. Все они носят следы разрушения и не посещались жителями во время власти большевиков. Все церковное имущество было разграблено. В ауле Махмуд Мектеб в главной соборной мечети была устроена стоянка для лошадей и отхожее место для красноармейцев. Священная книга Коран была разорвана и употреблялась красноармейцами в качестве клозетной бумаги.

Таковы документальные данные Особой комиссии об отношении большевиков к духовенству и религии ногойского народа.

Настоящая выписка основана на данных расследования, произведенного Особой комиссией с соблюдением правил Устава уголовного судопроизводства.

Составлен 7 июля 1919 года
г. Екатеринодар

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

СВЕДЕНИЯ

о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности)

13 января 1918 года г. Ялта и ее окрестности после четырехдневного сопротивления со стороны вооруженных татарских эскадронов и офицерских дружин были заняты большевиками, преимущественно командами матросов с миноносцев “Керчь” и “Хаджибей” и транспорта “Прут”.

Немедленно, закрепившись здесь, большевистский военно-революционный штаб приступил к аресту офицеров. Последних доставляли на стоявшие в порту миноносцы, с которых после краткого опроса, а часто и без такового, отправляли или прямо к расстрелу на мол, или же помещали предварительно на один-два дня в здание агентства Российского общества пароходства, откуда почти все арестованные, в конце концов, выводились все-таки на тот же мол и там убивалось матросами и красноармейцами.

Расследований о расстреливаемых никаких не производилось; пощады почти никому не давалось; бывали два-три случая, когда заключенные, считавшие себя обреченными, неожиданно освобождались, причем причина освобождения оставалась столь же неизвестной, как и причина заключения. Так спаслись от смерти генерал-лейтенант Смольский и барон Врангель. Содержавшиеся же вместе с ними генерал Ярцев, полковник Тропицын, ротмистр Стош, поручик князь Мещерский и вольноопределяющийся Ловейко были выведены на мол и там убиты. Между прочим, выяснилось, что отставному полковнику Тропицыну было внесено в вину, будто он стрелял из окна, а ротмистру Стошу предъявлено обвинение в том, что он выступил с удостове-

рением несправедливости обвинения Тропицына. Полковник Ковалев был арестован по указанию члена Совета солдатских и рабочих депутатов Берты Зеленской, будучи доставлен на миноносец "Керчь", арестованный на пароходе Ялта-Севастополь, был выброшен в открытое море. Утоплен полковник Ковалев за то, что будто в 1905 году принимал участие в антисемитском движении в городе Евпатории.

Не всегда задерживавшие матросы и красногвардейцы доставляли арестованных офицеров на миноносцы. Нередко они убивали своих жертв на улицах, на глазах жителей, и тут же ограбляли трупы. На улице был убит прапорщик Петр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого орудийным огнем санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направились татарские эскадроны. Оборвав труп убитого, матрос приколол убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню. Из того же санатория был уведен красногвардейцами офицер Поликарпов, которого расстреляли на молу, не представляя его на миноносцы "Хаджибей" или "Керчь", где заседал какой-то комитет матросов. Ни болезнь, ни раны, ни увечность не служили защитой против зверств большевиков: в революционный штаб был доставлен несколько раз раненный в боях с немцами юный офицер на костылях, его сопровождала сестра милосердия. Едва увечный воин вошел в комнату, где сидел красноармеец Ванька Хрипатый, как тот вскочил и на глазах сестры из револьвера всадил офицеру пулю в лоб; смертельно раненный юноша упал, стоявший тут же другой большевик, Ян Каракашида, стал бить несчастного страдальца прикладом тяжелого ружья по лицу.

Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умерщвлено до ста офицеров, не принимавших никакого участия в гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях. Большинство убитых офицеров с привязанными к ногам тяжестями бросались с мола в море. Трупы безвинно казненных были извлечены с морского дна и

похоронены в братской могиле через пять месяцев, когда Крым оказался занятым германцами.

Кроме офицеров подвергались убийству и отдельные жители города. Достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы красноармейцы и матросы немедленно открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты домовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетвовавшись пролитую неповинную кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу.

Одновременно с арестовыванием офицеров военно-революционный штаб предпринял повальный обыск квартир для отобрания оружия. Прикрываясь этой целью, красноармейцы и матросы в действительности предались беззастенчивому грабежу. Разграблению подвергались гостиницы, санатории, магазины, лавки, склады, частные квартиры. Имущество расхищалось красноармейцами и толпой преступников, их сопровождавших; стоимость уничтоженного, испорченного и похищенного во время этих грабежей имущества по одному гор. Ялта достигла цифры, превышающей миллион рублей. Перед разграблением санатория Александра III таковой был сначала обстрелян орудийным огнем миноносца "Керчь", причем на ходатайство главного врача санатория пощадить больных и раненых, находившихся в ней, получился ответ: "В санатории одни контрреволюционеры, санаторий должен быть уничтожен так, чтобы камня на камне не осталось". Угроза, впрочем, до конца не была доведена, обстрел прекратился, но зато приказано было администрации эвакуировать всех больных из санатория в течение двух часов. После эвакуации и начался общий разгром всего имущества этого ценного учреждения. Награбленное по гостиницам, магазинам, складам и квартирам добро меньшею частью попадало в распоряжение комитета большевиков, а в большей части присваивалось обыскивателями. Подобным разгромам, кроме Ялты, подверглись Алушта, Алупка, Дереккой, Бахчисарай, Массандра и другие близлежащие селения. Дереккой перед грабежом

был обстрелян артиллерийским огнем миноносца; население бежало в горы, и когда спустя сутки вернулось к своим домам, то увидело, что матросами все их имущество уничтожено. Жители, пользовавшиеся до того достатками, внезапно оказались бедняками.

После нескольких дней описанного разбойничества, производившегося без письменного соизволения комитетов или красного штаба, начались новые обыски, якобы легализованные коммунистической властью, т. е. обыски по мандатам большевистской власти. Мандаты эти выдавались, однако, без разбора и подписывались, начиная с председателя комитета и кончая помощником секретаря. Целью этих обысков было поставлено отобрание в распоряжение власти драгоценностей у богатых “буржуев”. В действительности, и эти обыски были маскированным разбоем. Забирались при обыске не только драгоценности, наличные деньги, но и всякое другое имущество, дорогостоящее и легко сбываемое. Большая часть драгоценностей, отбираемая у “буржуев”, не попадала в кассы советской власти, ибо грабители предпочитали продавать их в уцелевшие почему-то ювелирные лавки или даже дарить их своим любовницам. Обыски производились во всякое время дня и ночи, сопровождалась они всегда угрозами “расстрелять”, “отвести на мол”, “засадить в тюрьму”. Малейшая лишняя просьба или возражение — и дуло револьвера у виска, штык у груди, приклад над головой. Обыскивалась одна и та же квартира разными группами по два-три раза. Бывали случаи, когда одно и то же лицо было обыскиваемо семь раз. Обыскиватели ничем не стеснялись, шарили повсюду, снимали одежду, раздевали женщин. Узаконенные грабители не могли допустить того, чтобы обыск не дал результата. Нет драгоценностей — отнимались деньги, нет денег — отбиралось платье, белье. Население изо дня в день нищало. Такой легализованный грабеж длился все время большевистского властвования в Ялте и захватил он все ее окрестности, нигде не было спокойной жизни, день и ночь население было в тревоге. Убытки от обысков исчисляются миллионами рублей.

Пополняя свою кассу грабительскими способами, коммунистический комитет не упустил и обложения “буржуев” контрибуцией в 20 000 000 рублей. Неуплата контрибуции, как объявил комиссар Батюков, должна повлечь расстрел по приговору военно-революционного трибунала. Встревоженное до последних пределов население образовало в Ялте, Алуште и Алушке из состоятельных лиц комиссии, которые приняли на себя добровольно сбор контрибуционных взносов. В состав лиц, подлежащих обложению комиссии, включали тех, кто определял свое имущество в сумме не менее 10 000 рублей. По Ялте таких имущих оказалось около 600 человек. Естественно, громадная цифра контрибуции не могла быть собрана. Удалось в продолжение трех месяцев внести в казначейство большевиков около 2 000 000 рублей. Хотя взыскание и производилось путем самообложения через особую комиссию, но оно все-таки было сопровождаемо со стороны большевистских комиссаров вечными угрозами расстрела или заключения в тюрьме. Едва происходила какая-либо задержка в поступлении денег, как тотчас же комиссары распоряжались насильственно отобрать у таких-то и таких-то лиц все находящиеся при них деньги. Если денег не оказывалось или сумма была недостаточно велика, то следовало новое распоряжение — засадить в тюрьму, пока не будет заплачена назначенная сумма. Подобные аресты длились иногда три-четыре дня, а иногда и недели, пока арестованному не удавалось найти за себя выкуп. Был случай, когда одна дама, у которой насильственно было отобрано 100 000 рублей, все-таки подверглась заключению в тюрьме в течение трех недель.

Не ограничиваясь указанными способами увеличения средств своего казначейства, большевики сделали распоряжение по всем банкам снять с текущих счетов “буржуев” все суммы, превышающие 10 000 рублей, и перечислить их на текущий счет комитета в Народный банк.

Проведена была также большевиками национализация имений и домов, сопровождавшаяся распродажей, расхищением работ и прежде всего захватом всех оборотных хо-

действенных денежных сумм, находившихся на руках у владельцев или же лежавших на текущих счетах в банке. Результатами национализации явились полный упадок и полное расстройство культурного хозяйства с убытками, исчисляемыми сотнями тысяч рублей.

Наконец, перед бегством из Крыма в последних числах апреля большевики вооруженною силою похитили всю денежную наличность в сумму 1 200 000 рублей из кассы Ялтинского отделения Государственного банка.

Властвование коммунистического комитета привело и достаточное, и недостаточное население Южного берега Крыма к паническому бегству. Так как разрешение выезда было обусловлено представлением доказательств исполнения "гражданского долга перед советской властью", т. е. уплаты каких-либо сборов, то многие малоимущие жители Ялты вносили в Комиссию по сбору контрибуций мелкие суммы в 5-10-15 рублей, хотя к тому по своей несостоятельности и не были обязаны, лишь бы заручиться каким-либо удостоверением об исполнении повинности, скорее получить возможность выехать за пределы Крыма и вырваться из-под гнета ялтинского коммунизма.

Прекратившиеся одно время расстрелы вновь возобновились ко времени приближения германцев. Так, в Ялте без какого-либо разбирательства были схвачены два торговца-татарина, Осман и Мустафа Велиевы, отвезены на автомобилях в Ливадию и там на шоссе убиты. Ограбленные трупы брошены в виноградники. У Османа Велиева оказалось несколько штыковых ран и была вырезана грудь, а у брата его Мустафы голова была раздроблена ударами приклада. Один из убийц, красноармеец Меркулев, на вопрос сестры убитых, где увезенные братья, ответил: "Мы их убили как собак".

Приближение немцев и украинских частей к Ялте от Симферополя вызвало надежды у населения Ялтинского побережья на скорое избавление от большевистского ига и вместе с тем толкнуло татарскую молодежь, сумевшую скрыть оружие, образовать отряд и выступить к Алуште наперерез уходившим красным частям. Отряд образовался

слабый, всего в 100—120 бойцов. Плохо организованный, он выступил преждевременно. Украинцы и немцы были еще не близко, помощи не успели прислать, и потому после первого же столкновения отряд рассеялся по горам. Выступление это оказалось роковым для татарского населения Гурзуфа, Алушты, Кизильташа и других мелких сопредельных поселков. Красноармейцы, сознавая, что дни их власти в Крыму сочтены, принялись с особенною злобою уничтожать имущество этих селений и убивать попадавших в их руки татар, не успевших скрыться вместе с молодежью в горах. Поселки поджигались, и когда хозяева прибегали из своих горных убежищ, чтобы попытаться спасти остатки последнего достояния, большевики устраивали засады и убивали несчастных погорельцев целыми партиями, заставляя затем кого-либо из оставшихся татар зарывать трупы, даруя за этот труд жизнь.

Трем братьям Муратам в Алуште пришлось под угрозой винтовок зарыть 19 трупов своих соплеменников. В Гурзуфе было убито более 60 стариков-татар, трупы брошены незарытыми, на дорогах, улицах, в виноградники. Родственникам, решавшимся разыскивать своих убитых близких, нередко приходилось прекращать поиски из-за угроз красноармейцев. Совершение погребений было опасным, не было пощады даже духовным лицам: в Гурзуфе и Никите были убиты во время погребального богослужения два муллы.

В селе Кизильташ, подожженном с нескольких сторон, были перебиты вернувшиеся из гор татары, преимущественно старики. Последние в числе 15 человек собрались у дома Аджешира с тем, чтобы попытаться упросить гурзуфский Совет солдатских и рабочих депутатов о прекращении дальнейших поджогов. Собравшиеся были окружены красными злодеями, четверо: Аджешир, Джемиль, Али-Уссейн и Али-Бекар были тут же сожжены в подожженном доме, а остальные, связанные попарно, были погнаны красноармейцами по шоссе, а затем в поле перебиты. У двоих убитых оказались отрезанными уши и нос.

После бегства большевиков из Крыма была образована Крымско-татарским парламентом следственная комиссия с участием двух юристов, которая в течение месяца произвела краткое обследование апрельских злодеяний большевиков, совершенных на Южном побережье Крыма. Протоколами этой следственной парламентской комиссии устанавливается, что в районе обследования за два-три дня апреля месяца убито мирных жителей более 200, уничтожено имущества, точно зарегистрированного, на 2 928 000 рублей. Общий же ущерб, причиненный большевиками татарскому населению Алушты, Кизильташа, Дерекоя, Алупки и более мелких поселков по приблизительному подсчету превышает 8 000 000 рублей. Тысячи жителей оказались нищими.

Управление Южного побережья Крыма во время властвования там большевиков с конца января по апрель 1918 года сосредоточивалось в исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, в военно-революционном комитете, штабе и следственной комиссии, причем мероприятия советских учреждений проводились в жизнь через комиссаров, заведовавших отделами военным, внутренних дел, юстиции, финансов, домовым и квартирным, здравоохранительным и продовольственным и т. п. Комиссары входили в состав комитета. Управителями, заставившими население выстрадать тяжкое иго преступной советской власти были: Булевский, Жадановский, Брискин, Слуцкий, Гуревский, Гуров, Сосновский, Озолин, Станайтис, Ткач, Гук, Григорьев, Попов, Малыкин, Плотников, Григорович, Проценко, Биргенгоф, Бобновский, Друскин, Сахаров, Тененбойм, Захаров, Иерайльштенко, Игнатенко, Гарште, Федосеев, Гробовский, Козлов, Тынчеров, Аконджанов, Алданов, Александров, Харченко, Пустовойтов, Альтшуллер, Драчук, Батюк и Ванька Хрипатый. Установить личности перечисленных правителей не удалось. Известно, что почти все, если не все, получили лишь начальное образование не выше четырехклассного городского училища и состояли нижними чинами в армии или флоте.

Настоящий акт расследования основан на данных, добытых Особой комиссией с соблюдением правил, изложенных в Уставе уголовного судопроизводства.

Подлинный за подписями председателя Особой комиссии мирового судьи г. Мейнгарда, товарищей председателя и членов Особой комиссии.

С подлинным верно:

секретарь Особой комиссии

(подпись)

председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России

(подпись)

члены Особой комиссии

(подписи)

СПРАВКА

Особой комиссии по расследованию злодеяний
большевиков при главнокомандующем вооруженными
силами на Юге России

Глумление большевиков над телом убитого
генерала Корнилова

31 марта 1918 года под гор. Екатеринодаром, занятом большевиками, был убит командующий Добровольческой армией, народный герой, генерал Корнилов.

Тело его было отвезено за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая армия оставила колонию Гнадау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики.

Большевики первым делом бросились искать якобы “зарытые кадетами кассы и драгоценности”. При этих раскопках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики, увидав на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать задержавшаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольческой армии, которая по предъявлении ей большевикам трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп подполковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина, на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами. Воздух оглашался отборной бранью. Ругали покойного. Отдельные увещания

из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогали. Настороение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей советской власти, Золотарев, появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами [из Темрюкского полка]. Появились фотографы, и с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая рвалась на части, и обрывки разбрасывались кругом. “Тащи на балкон, покажи с балкона”, — кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: “Не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве”. Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. “Тетя, да он совсем голый”, — с ужасом заметил какой-то мальчик, стоявший рядом с ним женщине. Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ замолчать и, когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп без сомнения принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб. “Посмотрите и увидите”, — приглашал он сомневающихся. Кроме того, он указывал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, “а так простых солдат не хоронят”, — заключил он. И действительно, приходится считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом именно генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади перед гостиницей Губкина продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: “Стой, буду стрелять из пулемета!” — и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Наконец, отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось. К трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивших труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Через несколько дней по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженных; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженные звонили и требовали денег “на помин души Корнилова”.

5 апреля в екатеринодарских “Известиях” на видном месте была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами: “16 апреля, в 12 часов дня, отряд т. Сорокина доставил в Екатеринодар из станицы Елизаветинской труп героя и вдохновителя контрреволюции ген. Корнилова”, далее в заметке говорилось: “После сфотографирования

труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению”.

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой армии прибыли из Екатеринодара в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и подполковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой. Нашелся в ней один только небольшой кусок соснового гроба.

Председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России

г. Мейнгард

АРХИВ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО АГЕНТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

1) Некоторые материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков на Юге России за 1918 год.

2) Некоторые сводки сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков, зарегистрированных Информационной частью Отдела пропаганды за 1919 год.

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЕ БЮРО ОСВАГ,

30 марта 1919 года, № 1617

г. Екатеринодар, Екатерининская улица, "Бристоль"

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 2

В газетах помещены душу ледяющие подробности о казни архиепископа Макария Гневушева в г. Смоленске. Казнь совершена по приказу советской Чрезвычайной комиссии, во главе которой стоял бывший повар Ячкин.

О предстоящей участи владыке Макарию было объявлено только в день самой казни, а в 12 час. его в рясе, как был, так и отправили в контору "Чрезвычайки".

Глумясь над личностью владыки, над его званием и верою, архиепископа Макария посадили в общую арестантскую, обрили и обстригли наголо; священнические одежды с него сняли и надели на него старую грязную рваную солдатскую шинель; обули в дырявые сапоги и в 5 час. вечера

отправили в “Чрезвычайку”, откуда владыка болес не возвращался.

Расстрел русских офицеров на станции Дачная. В январе 1919 года, близ станции Дачная, в имении г. Наумова было расстреляно более 30 членов Добровольческой армии, взятых петлюровцами 18 декабря 1918 года в плен в бою при Александровском участке в г. Одессе.

Издевательства, которым подвергались несчастные мученики перед смертью, возмущают душу. На Дачной их всех поместили в мужской уборной, осыпали бранью и бросали в лица пленных навоз. Тут же в зале устроено было для видимости заседание суда под председательством некоего “Тима”. Расследованием установлено, что начальником дивизии петлюровцев Дяловецким и сотником Яновым расстрел пленных был “все равно” предрешен заранее. С осужденных сдирали новые шинели, фуражки и отбирали все ценное, ругали и били. Около 3-х часов их повели в усадьбу Наумова, где была приготовлена яма. Священник села Гниляково о. Михаил Федотьев, присутствовавший при последних минутах осужденных, свидетельствует, что несчастные приговоренные были одеты в солдатскую форму без погон, некоторые были в штатском, один в светлом офицерском пальто. Все были угнетены, у некоторых были слезы. Все в один голос пожелали исповедаться и причаститься.

После приобщения Св. Таин добровольцев поставили в шеренгу, и 40 петлюровцев в присутствии полковника Мамчура дали три залпа в несчастных русских офицеров, которые, по признанию самих петлюровцев, умирали мучественно.

27 января при официальном осмотре места этой зверской казни картина представлялась в следующем виде: в саду усадьбы из ямы длиною около 15 аршин, шириною около 3-х аршин торчали череп, две руки до локтя, ноги, часть туловища, части шинелей и др. платья. Из ямы извлечено 28 мужских трупов, скелет с черепом и отдельный череп — большинство покровов мацерировало; местами совершенно сошло. На трупах грязное, кровавое белье и верхнее платье; раны забиты грязью. На голове одного трупа

проломы прикладом; у другого лицо совершенно изуродовано.

Офицеры 1 и 2-го батальона Добрармии Одесского района опознали трупы унтер-офицеров Козяна и Заболоцкого, чиновника Довецкого, подпоручика Томсона, вольноопределяющегося Милионевича и доктора Брусиловского, рядового Станислава Элсмонтоновича, поручика Александра Гвоздикова, рядового Рябшудка, охотника Владимира Слободинского, штабс-капитана Августа Лесев, поручика Руденко и Виталия Ясивского.

В "Известиях" сообщается о кощунстве, совершенном в Петрограде. Глубоко чтимая всеми жителями народная святыня, икона Казанской Божьей матери украдена из Казанского собора. Советские газеты, глумясь над чувством веры русского народа, цинично объявили, что если икона чудотворна, то возвратится и сама.

Заведывающий Информационной частью

Полковник:

(подпись)

За заведывающего Бюро информации:

(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ № 53434,
17 ноября 1919 года г. Ростов-на-Дону**

**ОБЩАЯ СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ**

Воронеж. Лицо, прибывшее из Воронежа после вторичного занятия его красными, передает следующие подробности о поведении их в городе. Тотчас после прихода красных в город прибыла Чрезвычайка, пополненная членами уездных комиссий. Чрезвычайка назначила поголовный обход

города с целью выяснения контрреволюционеров, бежавших с казаками. Те семейства, члены которых оказывались налицо, что было большой редкостью, ибо около трех четвертей всего населения покинуло город перед его занятием, оставались в покое. Тех же, родственники или близкие которых были в отсутствии, арестовывали и затем всех поголовно расстреливали. Было несколько случаев, когда расстрелянными оказывались беременные женщины.

Гомель. По словам прибывающих из Гомеля, там работает шесть эвакуированных Чрезвычайек: Киевская, Харьковская, Бахмачская, Кременчугская, Миргородская и местная. Раскрываются несуществующие заговоры, особенно польские. Ежедневно расстреливается 40—50 человек.

Расстрелян по обвинению в польском заговоре почти весь Гомельский Красный крест, а также много железнодорожников.

Гарнизон города состоит из двух рот спартаковцев и четырех рот китайцев.

Москва. Из Белгорода сообщают, что в Москве расстреляны 19 представителей кооперативов, более 100 человек заключены в тюрьму. Так же поступают большевики с представителями кооперативов и в других городах советской России. Декретом советского правительства все кооперативы запрещены и преобразованы в продовольственные организации. Только те служащие кооперативов, которые приписались к коммунистам, сохраняют свои места.

Расстрелы под музыку. Часто во время расстрелов полковой оркестр исполнял музыкальный номер. Один из музыкантов рассказал следующий случай, имевший место во время расстрела. Когда оркестр по обыкновению исполнял номер, все осужденные были выстроены в ряд на краю могилы: руки и ноги каждого были привязаны один к другому так, чтобы они все вместе падали прямо в могилу. Затем солдаты-латыши дали залп, целясь в шею, и когда все упали, могила была засыпана. Как вдруг рассказчик увидел,

что могила начала шевелиться. Не будучи в состоянии выдержать этого зрелища, он упал в обморок и был немедленно схвачен большевиками и обвинен в сочувствии пленникам. Он едва не был расстрелян, и его спасло лишь то, что товарищи из музыкантов отметили, что он вообще нездоров.

Кисловодск. В Кисловодске арестован рабочий Ткач, обвиняемый в причастности к большевизму. На следствии Ткач сознался, что он поджег в Бургустане церковь и вместе с другими красноармейцами надевал священные облачения на лошадей.

Нежин. В Чернигове перед занятием его нашими войсками красные расстреляли свыше 1500 человек интеллигенции, преимущественно преподавателей школы и общественных деятелей. Производились повальные обыски с целью отыскания интеллигенции. Попутно красные грабили квартиры, забирая белье, одежду и ценности.

В октябре 1918 года при отступлении из Ставрополя поручик пулеметной команды Самурского полка Добармий Игорь Соболевский, геройски бросившись спасать оставшийся на фронте пулемет, заблудился и пропал без вести.

Как оказалось, несчастный офицер, тяжело раненный, остался на поле битвы и затем случайно попал в дом Павла Селикова в ауле Сенжал. Большевистский изувер этот без всякой жалости к беззащитному, по его собственному выражению, “так ахнул его с печи, аж черти засмеялись”, бил его и топтал сапогами, пока тяжело раненный не испустил дух.

Ничего не зная о случившемся, убитая горем мать обратилась ко всем газетам с просьбой сообщить о судьбе сына, и вот, цинично оповещая о своем изуверстве, большевик-зверь сообщает ей письмом, что труп сына ее, офицера, он закопал в огороде и сам приедет, чтобы покончить с ней, если она покажется заблуждающейся как сын.

Житель г. Ейска г. Рудченко, безвинно пострадавший от большевиков, рассказывает:

“6 апреля 1918 г. я был арестован на дому за тост в честь генерала Корнилова и представлен “товарищу” Бахметенко, тогдашнему царьку города Ейска, окруженному целым штатом приспешников. Пошептались они между собою; слышно было, как тов. Милехин говорил: “Прямо в порт его — раков ловить”. Однако отправили пока в милицию”.

8 апреля к Рудченко пришли посредники торговаться об освобождении за 3000 руб. Предложение было отклонено; его стали вызывать в следственную комиссию и решили предать суду военно-революционного трибунала как опасного контрреволюционера и врага советской власти.

В тюрьме его раздели, обыскали и посадили в одиночку, но туда же поместили полковника Шуберта и одного купца. 22 апреля около 6 час. вечера в ворота тюрьмы ввели арестованных мужчин, в том числе 5 офицеров и одного священника. Все были окружены большим отрядом конных и пеших красноармейцев. Один из матросов подбежал к священнику, ударил его и закричал: “Давайте его мне, я его расстреляю”. Все арестованные оказались арестованными за то, что случайно попались в Ейске, возвращаясь с кавказского фронта домой. 30 апреля ввиду слухов о приближении казаков караулу было приказано расстрелять всех политических, выпустить всех уголовных и затем бросить тюрьму.

В ночь на 1 мая слышались выстрелы, сторожа разбежались, но не надолго. Утром часовые опять были на местах.

4 мая вечером, в 10 часов, в тюрьму приехала Чрезвычайная комиссия советской власти в количестве 40 человек и начала следствие. Прежде всего принялись за 2-ю камеру, где находились более состоятельные арестованные. На допросе предлагали 2—3 вопроса, затем председатель решал пустить их в расход, если они офицеры, и обвиняемые приговаривались по голосованию к расстрелу. Так погибли штабс-капитан Виктор Пархоменко; поручик Голушко Федор из гор. Верхнеднепровска; прапорщик Михаил Вдов из

г. Очакова; прапорщик Александр Новиков из Феодосии; поручик Анатолий Воронков из Мариуполя; отец Евгений Главацкий, священник 220 пехотного полка; вольноопределяющийся Александр Рошальский; кассир Калужского государственного банка; Абрам Ремпель из г. Бердянска; Петр Письменный, гусар из Юзовки; чиновник земского союза. Всех этих лиц на рассвете вывели к морю и расстреляли.

6 мая комиссар Мицкевич приехал в тюрьму в шнурованных сапогах одного из расстрелянных офицеров — Пархоменко.

После неудавшегося наступления на Ейск тюрьму набили казаками окрестных станиц, а несколько дней спустя схватили прапорщика Ченчиковского, станицы Камышеватской, не дали ему одеться, увели без фуражки и бросили в ретирадную яму. Руденко просидел еще до 11 июля, ежеминутно ожидая жестокой расправы бандитов советской власти.

11 июля к тюрьме подъехало несколько шикарных фаэтонов Чрезвычайной комиссии. Во главе комиссии стоял член шайки так называемых “Степных дьяволов” каторжанин Колпаков и начальник контрразведки, тоже каторжанин, Колосов. “Наши минуты, — рассказывал Руденко, — были уже сочтены”. Но вот неожиданно приходит смотритель и советует задарить комиссию. Начался торг, и Руденко сговорился с матросами за 1000 рублей. Не прошло и 5 минут, как его вызвали в комиссию. Там “товарищ” Хижняк громогласно заявил, что комиссия не имеет права отнимать жизнь ни у кого. Купленный матрос-коммунист угрозил перестрелять всех, если тронут Руденко, и Руденко был освобожден.

На утро, осведомившись об отходе всей шайки, Руденко был еще раз в тюрьме и там узнал, что ночью “чрезвычайные” благополучно приговорили к расстрелу бывших в камере № 3: прапорщика Якова Назаренко из станицы Привольной; Михаила Кириченко, чиновника станицы Должанки; Федора Чепелянского, прапорщика станицы Каневской; Сергея Бугоя, казака той же станицы; Георгия

Коновалова, казака станицы Привольной. Всех их вывели за тюрьму и поставили к стенке. Прапорщик Чепелянский выступил вперед и крикнул: “Эй вы, каторжане, стреляйте верней!” Раздался залп, и все пали мертвыми. Бандиты отправились за остальными. Георгия Леднева убили в камере, Михаила Комаренко — в уборной, казака станицы Камышеватской Бурлака — у выхода из тюрьмы вместе с поручиком Иваном Ветровым, ейским купцом Семёном Мордеевым и земским деятелем Анатолием Кличенко. Убивали как разбойники.

По данным, сообщенным г. Руденко, в отряде красноармейцев Ейска и большевиков состояли комиссар отряда Федька Мицкевич, каторжанин, отбывший 8 лет заключения за подделку кредиток; Хомяков, матрос, просидевший 12 лет на каторге за убийство семьи во Владивостоке. Комиссар отряда Жлобы, фамилия неизвестна; комиссар контрразведки Колосов, без носа, осужденный к восьми годам каторги за убийство девушки; Колесников, член Совета Ейска — известный вор; Воронин, сидевший в Ейской тюрьме за поножовщину. Готаров, сын известного ейского вора; Васильев, матрос, помощник комиссара флотилии, каторжник. 6 членов Чрезвычайной комиссии — каторжане, отбывшие 8-10-летнюю каторгу за участие в шайке “Степных дьяволов”.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ИНФОРМАЦИОННАЯ ЧАСТЬ**

**31 марта 1919 года г. Екатеринодар, Екатерининская
50, гостиница “Бристоль”**

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 3**

7 марта 1918 года в станице Ключевой Екатеринодарского отдела был собран обычный митинг “товарищей”. Толпа заподозрила некоторых из участников в контрреволюционности, и шесть человек из жителей этой станицы были арестованы и отправлены в г. Майкоп. По дороге партию арестованных встретил Кургано-Лабинский революционный отряд, который немедленно же потребовал расправы с беззащитными. Тут же в станице Черниговской собрали революционный суд из местных советских комиссаров и представителей разбойного отряда. Что можно было ждать от этого собрания каторжан? Арестованных, разумеется, поспешили выдать красноармейцам, которые только того и ждали. Несчастных обреченных вывели за станицу, на глазах у них вырыли яму и, изрубив всех на мелкие куски, побросали их в общую могилу. По официальным данным расследования Майкопской комиссии, зверски изрублены были Александр Кривцов, Леонтий Копыка, Павел Мурочка, Григорий Маляр, Илья Белый и священник Тертиганов.

В отношении от 23 апреля 1918 года за № 1722 военно-революционный комитет станицы Абинской подтверждает факт расстрела Ивана Щербака, Александра Мороза, Дмитрия Изюмского, Федора Васильева, С. Романиенко, Федора Малого, Григория Коломийца и Ивана Тюпы.

Расстрел совершен был в станице Крымской Крымским полесвым штабом, к которому означенный комитет обра-

тился с просьбою о выдаче тел родственникам для погребения.

11 марта 1918 года был зверски убит штабс-капитан Мозговой. Он проживал в г. Сумы Харьковской губернии и, не желая подчиняться советской власти хулиганов, не снимал погон, ходил в форме, но на всякий случай носил при себе ручную бомбу. В конце концов, большевики все-таки арестовали его, избили, искололи штыками и отправили в мертвецкую.

Там, однако, штабс-капитан Мозговой очнулся, выполз на улицу и добрался до больницы. Врач приказал приставить к спавшемуся караульных, которые вместо охраны полумертвого от ран, беспомощного офицера стали издеваться над своею жертвою. Один из них насмешливо спросил у офицера, где у него сердце, приложил винтовку к его груди и без всякого сожаления выстрелом в упор добил несчастного мученика.

11 марта 1918 г. в гор. Сумы Харьковской губернии кадет Сумского кадетского корпуса Сайманов был арестован красноармейцами за ношение формы и отправлен в комиссариат. После краткого допроса кадета отвели на местную Голгофу, железнодорожную станцию. Избитый и измученный дороною молодой кадет едва успел открыть дверь при входе на вокзал, как палач-красноармеец шашкою отрубил ему голову. Труп кадета был брошен в яму и зарыт так небрежно, что ноги торчали над землею.

Михайлов-Воронович сообщает жуткие подробности о гибели Султана Крым-Гирея.

Пробираясь с небольшим отрядом к себе на родину через Туапсинский округ, Султан Крым-Гирей был захвачен большевиками и арестован в станице Калужской.

Через Горячий Ключ его провезли в селение Княземихайловское. Там обрадованные ценной находкой большевики выказали всю степень своего восторга. Сперва эти полудикие русские хамы били князя розгами и истязали его

в течение нескольких дней. Попытки его были самые ужаснейшие, не поддающиеся описанию. Наконец, звериный мозг большевика придумал “достойную” казнь Султана. Они привесили его за ноги к дереву, разложили под ним костер и сожгли Султана Крым-Гирея живьем.

Родной брат его Магомет погиб такую же смертью. Третий [брат], Султан Доулет-Гирей вместе с присяжным поверенным Канатовым, полковником Маркозовым и др. был схвачен в Горячем Ключе, перевезен в аул Габукай и там заколот штыками одновременно со 180 черкесами того же аула, восставшими в их защиту.

Наконец, четвертый [брат] — Султан Каплан-Гирей был захвачен в своем хуторе Исабанахабль, за Кубанью, близ Екатеринодара, и зарублен шашками предателей России большевиков.

Так погибли от руки этих злодеев славные сыны свободы из семьи Гиреев.

В Киеве местною радиостанцией перехвачено было сообщение, адресованное из Москвы русскому посланнику Иоффе в Берлин. В нем передавалось: “После покушения на Ленина никто не был расстрелян. В Москве 5 сентября расстреляно только 25 главных реакционеров: бывший министр внутренних дел Хвостов, бывший министр юстиции Щегловитов, бывший директор Департамента полиции Белецкий, священник Восторгов, помощник тайной полиции.

После покушения на Ленина в г. Курске приказано было произвести массовые расстрелы и аресты. Расстрелян предводитель дворянства Офросимов, бывший член Государственной думы Шетохин, председатель Биржевого комитета Сапунов, член Землеустроительной комиссии Кругликов. Особенный террор проявлен по отношению полицейских чинов.

Из Москвы сообщают, что в Витебске вместе с Бочкаровой, начальницею Добровольческого женского отряда,

сформированного против немцев, расстреляно семь человек, в том числе видный белорусский деятель Григорович.

Газета “Беднота” сообщает, что за участие в белогвардейском заговоре расстрелян Бронислав Подскачик.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

2 апреля 1919 года № 1708

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 4**

После восстания в Ейском отделе в станицу Новошербиновскую прибыл карательный отряд большевиков, который с диким гиканьем ворвался в станицу под предводительством Лебедева и Богданова. Жители упали на колени. У них потребовали выдачи виновных.

Едва вышел прапорщик Черный, как пуля пробила ему голову. Суда и допроса почти не производили: “контрреволюционер”, “содействовал кадетам”, — и в расход. Священник Мелиоропский, уже оправданный, был все-таки расстрелян. Г. Катков расстрелян совсем без суда. Григорий Сушко был “по ошибке” расстрелян вместо Саввы Гришко. Отряд заявил: “Некогда тут валандаться, все равно”.

20 мая отряд ушел дальше, увея с собой арестованных. В двух верстах за городом их раздели, выстроили и решили расстрелять по очереди, чтобы “чертовы кадеты намучились”, хотя все эти жертвы пали совершенно невинно. Вся вина состояла в том, что они были офицеры. Покончив с

этими безоружными, бандиты двинулись дальше по станциям, оглашая окрестности пением революционных песен.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

2 апреля 1919 года № 1709

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**ОБЩАЯ СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ**

Московский журнал "Московские думы" сообщает, что за первые числа сентября большевистские власти расстреляли 765 белогвардейцев. Аресты, а затем расстрелы производились по заранее составленным спискам. Ежедневно в Петровском парке расстреливается по 10—15 человек. Списки жертв более уже не печатаются. Приговоренные содержатся в подвалах Чрезвычайки. По распоряжению Чрезвычайного бюро по борьбе с контрреволюцией арестовывают жен и детей скрывшихся офицеров, коммерсантов и банкиров. К ним предъявлялось требование сообщить местопребывание скрывшихся родных. В случае отказа заложниц и детей расстреливали.

В официальных сообщениях Чрезвычайка откровенно говорило, что заключение в тюрьмы цели не достигало, так как контрреволюционеры скрывались и снова продолжали свою деятельность.

Расстреляны офицеры: Парфенов, Сидоров, Душак, Коленко, Розенфельд, Ольгин, Ильевский, Белоусов и Флеров.

Из Курска сообщают, что расстрелы там происходили в здании Пивоваренного завода Вильма. К небольшой кирпичной стенке были одновременно подведены член Городской думы Шетохин, председатель Обоянской земской управы Грибников и председатель биржевого комитета Сапунов. Шетохин первый подошел к Сапунову, обнял и расцеловал его; в это время раздался залп, и все пали мертвыми.

У Нижнего Новгорода, по приказу Троцкого, на Волге была расстреляна орудийным огнем и пулеметами баржа, шедшая вверх по реке с беженцами из Самары. На барже находилось множество женщин и детей. Пощады не было никому. Пытавшихся спастись вплавь красноармейцы расстреливали с берега ружейными залпами. Крики добиваемых женщин и вопли несчастных детей более часу оглашали реку. Погублено свыше 450 человек. Советская власть не желала принимать в Совдепию лишних нахлебников.

18 сентября советским газетам телеграфировали из Костромы: Чрезвычайной комиссией раскрыт монархический заговор, два главаря расстреляны, следствие продолжается. Расстреляно семь участников Ярославского мятежа.

Корреспонденты "Монархиста" сообщают, что с 7 по 14 сентября в Смоленске расстреляно семь помещиков и присяжный поверенный Глинский за "участие в заговорах и взносе крупных сумм на организацию". Кроме того расстреляны священники Рожевцев и Орлов "за участие в восстании" в Бельском уезде.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

2 апреля 1919 года № 1710

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**ОБЩАЯ СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 6**

Первым революционным советским полком был издан мандат № 80 следующего содержания: “Дано сие тов. Бояринову на право реквизиции девушек от 16 до 25 лет, что подписью и приложением печати удостоверяется. Командир роты (подпись неразборчива). Председатель подполковник Зиновьев. Печать: 1-й революционный советский полк.

Товарищ Александр Бояринов с этим диким безнравственным мандатом был представлен комиссару юстиции 1 июня 1918 года в 9 час. 30 мин. вечера.

Временно ворвавшись в Юзовку 20 марта 1919 года, большевики в течение 5 дней подвергли город полному разграблению. Разгромлены магазины, квартиры, похищены платья, обувь, белье. Обувь и платья снимали с прохожих на улицах, захвачены все ничтожные запасы продовольствия, имевшиеся в городе. Все население голодало все 5 дней. По доносу местных жителей расстреляно несколько десятков человек. Революционный комитет запретил убирать их трупы, и они валялись на улице несколько дней.

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

2 апреля 1919 года № 1711

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

ОБЩАЯ СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 7

Из точных данных, добытых Особой комиссией по расследованию злодеяний большевиков, усматривается, что 23 сентября 1918 года в Пятигорске большевиками был опубликован первый приказ со списком в 32 человека арестованных ими заложников, среди которых находились, между прочим, представитель Американского посольства Номикос, представители Сербской миссии Медич, Маркович, Рисанович и секретарь Сербского посольства Нестерович. Все эти заложники должны были быть, согласно приказу, “расстреляны в первую очередь при попытке контрреволюционного восстания и покушения на жизнь вождей пролетариата”. При арестах большевики производили повальные обыски, якобы для отыскания оружия и компрометирующих бумаг, а на деле для отобрания денег и драгоценностей. У Есаула Колосовского, например, было увезено 7 вожов вещей; у полковника Карташева отобрано 4 дюжины столового серебра, белье, вино и т. д.; у барона де Форжет — платье, белье, серебряные вещи; у барона Медем все золотые и серебряные вещи; у Дериглазовой — все ее платья и платья членов ее семьи, серебро и другие вещи, отбиралось почти все имущество, и людей доводили буквально до нищеты. Не было никакого даже намеса на правосудие. Лица, служившие в Чрезвычайной комиссии, совершенно открыто, с удивительною наглостью и цинизмом, требовали за освобождение арестованных известные суммы. Инструктор Чрезвычайной следственной комиссии

Кравец, например, требовал с графини Бобринской за освобождение ее сына 50 000 руб. Секретарь той же комиссии Стельмахович требовал с жены полковника Шведова 100 000 руб. за освобождение ее мужа. Большевистский следователь Александров требовал с княжны Багратион-Мухранской 200 000 руб. за освобождение ее отца, а начальник гарнизона г. Пятигорска Литвинский требовал за освобождение ее брата 10 000 рублей.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

2 апреля 1919 года № 1712

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 8**

Г. Михайлов-Доронович в “Вестнике Добрармии” 29 июля 1918 года (№ 31) описывает факт неслыханной бесчеловечности большевиков в Армавире. По линии от Армавира к Ставрополю стал броневик Добровольческой армии и большевикам хотелось во что бы то ни стало нанести ему вред. Решили пустить паровоз и сбить броневик.

В Армавире был один известный всему городу умалишенный С. Б. Каспаров. Вот этим-то больным несчастным и решили воспользоваться новоявленные звери-большевики. Его посадили на паровоз и пустили машину полным ходом. Паровоз мчался как сумасшедший и со всею силою врзался в насыпь. Убитого Каспарова выбросило на 12 сажен в сторону. В кармане у него найдена была карточка “Комиссар юстиции г. Армавира”.

Сотрудник газеты “Кубанец” в № 17 от 3 октября 1918 года сообщает следующие факты из злодеяний большевиков:

В Курской губернии, разгромив имения у помещиков, большевики содрали шкуры с лошадей и, не убив мучившихся и истекавших кровью животных, пустили их “на волю”. Животные еще два дня ходили по белу свету.

В Харьковской губернии, в Сумском уезде один большевик потребовал у многосемейного соседа-крестьянина молока, а у него было шесть человек детей, молока не хватило, и крестьянин отказал. Большевик смолчал, а ночью подкрался и вырезал у коровы язык.

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
17 апреля 1919 года № 1947

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 9

Из Анапы сообщают о жестокой расправе большевиков 9 марта 1918 года с присяжными поверенными Домантовичем и Рудским. Оба они были арестованы прибывшими в Анапу из Новороссийска матросами-большевиками и увезены на пароходе, направлявшемся в Новороссийск; по дороге Домантович и Рудский были расстреляны без суда и тела их выброшены в море. Домантович был арестован матросами по донесениям о нем бывшего комиссара продовольствия Арнольда Рутенберга, сводившего с Домантовичем личные счеты как с бывшим комиссаром милиции, а все

обвинение Рудского состояло в том, что он высказывал в печати антибольшевистские взгляды.

12 августа 1918 года убито большевиками два казака. Одни из станицы Аналок — Илья Некоз, другой — [из] Натугаевский станицы — Иван Бромосевич. Убийство Некоза учинено было с истязаниями — его подстрелили, а затем изрубили шашками, после чего сняли всю одежду и обувь.

Убийства эти совершены в лесу при уходе большевиков с Таманского фронта. При проходе большевиков через станицу Натугаевскую жители пострадали на 80 тыс. 170 рублей. У них были отняты лошади, хлеб, сено (фураж, дрова, уничтожены виноградники, бахчи, посевы и проч.). Насильно были взяты в обоз 80 подвод с подводниками и угнаны в Терскую область. Четыре человека, бывшие с подводами, пропали без вести или умерли в плену.

Жители Мариуполя сообщают следующие подробности занятия города большевиками. В начале марта, как только из Мариуполя (1919 год) вышли последние части добровольцев, в город ворвалась большевистская конница и, забыв о преследовании, принялась грабить большие дома. Три дня по городу шла непрерывная стрельба: “товарищи” пускали в расход “буржуев”.

С первого же дня начались аресты и обыски. Не было дома, где бы не было арестованного, при обыске страшно издевались над обывателями. Благодаря обыскам 30% жителей разорены окончательно. В порту в земской больнице осталось 11 сыпнотифозных офицеров и солдат-добровольцев. Большевики четырех из них узнали и расстреляли этих местных и тяжело больных, а остальных приказали довести до ближайших хуторов, чтобы оттуда дотащить в штаб. К счастью, им удалось бежать, и они были спасены.

В ограде церкви Марии Магдалины были похоронены три артиллерийских офицера. При отступлении добровольцы сняли кресты с могил, но большевики приказали указать эти могилы, вырыли трупы, изрубили на куски и выбросили в свалочные места.

При своем отступлении большевики объявили, чтобы все мужское население от 18 до 40 лет уходило с ними, угрожая в противном случае расстрелом на месте. До 10 000 человек было угнано как стадо баранов. Так же насильно были угнаны заводские рабочие и население из слободки.

В селении Мангуш, где насчитывается 11 000 дворов, остался один мужчина.

При занятии Ялты большевиками в апреле 1919 года первым их делом была расправа с местным священником о. Николаевым, пользовавшимся в Ялте большим уважением и известным своими проповедями против большевизма. Несмотря на уговоры уехать перед приходом большевиков, о. Николаев не захотел покинуть своей паствы. Он был арестован большевиками и повешен в городском саду.

Начальник Информационной части

Бек

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

22 апреля 1919 года № 2088

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 10**

Корреспондент "Кубанского слова" от 17 апреля 1919 года передает со слов инженера, выехавшего в октябре 1918 года из Петрограда, следующие факты об отношении большевиков к православным святыням, пастырям Церкви. Казанский собор превращен в народный кинематограф, иконы в нем завешаны, а протоиерей собора о. Орнатский

расстрелян вместе со своими сыновьями. Вообще, все духовенство Петрограда частью взято на рытье окопов, частью расстреляно или разбежалось.

В Курске, где тот же инженер был арестован по дороге из Москвы и посажен в тюрьму, ему пришлось быть свидетелем кошмарной расправы большевиков с молодым священником 26 лет, академиком. Он был приговорен к смерти, в то время, когда его вели к расстрелу по коридору тюрьмы, красноармеец проткнул ему живот штыком. Несчастного священника расстреляли в бессознательном состоянии.

Приводим список пастырей Православной церкви, погибших от руки большевиков. Имена эти взяты из длинного списка, содержащего более 20 имен епископов и 500 имен священников, пострадавших от ярости большевиков.

Список этот собран архиепископом Силивестром Омским, запрототолирован на Киевском Покровском Соборе и разослан всем государствам Европы.

1. Епископ Варсонофий, викарий Новгородский — убит. Он шел на расстрел, раскрыв руки крестом, в него не попала ни одна пуля; тогда красноармейцы в ярости бросились на него и зарубили штыками.

2. Епископ Лаврентий, викарий Нижегородский — расстрелян.

3. Архиепископ Андроник Пермский — зверски замучен. Ему выкололи глаза, обрили, водили по улицам и закопали в могилу живым.

4. Архиепископ Василий Черниговский и

5. Епископ Матвей были посланы для производства дознания об убийстве архиепископа Андроника Пермского, на обратном пути они были остановлены красноармейцами, которые отобрали у них бумаги, а затем убили их.

6. Епископ Дарнава Тобольский — расстрелян.

7. Епископ Андрей (Ухтомский) — по слухам, расстрелян.

8. Митрополит Владимир Киевский — расстрелян 20 января 1918 года.

9. Епископ Митрофан, викарий Владимирский, 75 лет — расстрелян.

10. Епископ Гермоген Тобольский замучен в одном из западных городов Сибири весной 1918 года. Мучили его так жестоко, что брат его, присутствовавший при этом, молил мучителей скорее убить епископа, за что и его расстреляли еще до кончины епископа.

11. Брат Епископа Гермогена, Ефим Долганов — протоиерей Петропавловского собора в Петрограде.

12. Епископ Макарий Орловский — расстрелян в Вязьме или Смоленске. Он шел на расстрел с пением псалмов и произнес перед своей кончиной одухотворенную речь, предав анафеме большевиков.

13. Протоиерей Восторгов — расстрелян. Перед смертью он произнес горячую речь, которая даже на красноармейцев произвела столь сильное впечатление, что они отказались стрелять. Протоиерей был убит китайцем.

14. Отец Павел Денежный, священник Верхнего Такмака — убит. Подробности его кончины следующие. Отец Павел с 8-летним сынишкой приехал в железнодорожную школу для уроков Закона Божьего. Когда он вошел в помещение начальника станции, то оказалось, что там сидят несколько большевиков, имевших с ним личные счеты. Они бросились на о. Павла, грозя его убить. Священник просил одного — разрешения отвести ребенка к знакомым. Это было ему разрешено. По возвращении его убили, задушив, после чего раскатали его тело и выбросили в окно прямо в выгребную яму. Родным запретили похоронить его тело, которое и пролежало в навозе в течение трех дней.

31 октября 1918 года в боях под Ставрополем был убит доброволец-пулеметчик Корниловского полка Борис Гарин. Труп его был обнаружен случайно поручиком Самурского полка Уваковым и писарем Управления ставропольского военного начальника Волковым среди больших окопов около Лысой Горы.

По их свидетельству на трупе добровольца Гарина были явные признаки того, что он был зверски добит большевиками. У него было ранение правой стороны груди, перерезано горло и правый глаз выколот.

В Мариуполе творимые большевиками зверства после занятия города в марте 1919 года не поддаются описанию. Сразу начались розыски “кадетов”, несколько человек были найдены в подвалах и на месте изрублены. С офицерами расправлялись так: на плечи гвоздями прибивали погоны, в лоб вбивался гвоздь с широкой шляпкой, что должно было изображать кокарду.

Вообще, меры для издевательств и насилий у большевиков не было. Так, например, трупы убитых добровольцев выкапывали из могил и бросали в мусорные ямы, а трупы расстрелянных добровольцами арестантов одели во взятые у “буржуев” фраки и манишки и похоронили на их месте.

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

2 мая 1919 года № 2484

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 11**

Прибывшие из Одессы беженцы рассказывают следующие ужасающие подробности большевистской резни в Одессе.

Войдя в город в марте с. г., большевики объявили, что желающие выехать из города могут собраться в порту, откуда они будут направлены на пароходах. Поддавшиеся на эту провокацию представители местной интеллигенции, буржуазии и офицеры с семьями собрались в порту, и многие были посажены на пароходы. Но в момент отправления пароходов французские и русские команды бросили их на произвол судьбы. На суда, переполненные беженцами, вор-

вались красноармейцы и начали резню, насилуя женщин, расстреливая ни в чем не повинных пассажиров. Многие офицеры-беженцы сами расстреливали своих жен и детей, кончая свою жизнь самоубийством, не желая подвергнуться большевистским издевательствам.

Ужасы этой резни, устроенной большевиками, не поддаются описанию.

В захваченной большевиками части Донской области красные реквизируют зерно, муку, оставляя на душу до нового урожая по четверть фунта в сутки.

В слободе Михайловке на элеваторе и мельнице Вебера реквизировано и вывезено в Совдепию 200 000 пудов зерна.

В той же слободе Михайловке (Усть-Медвединского округа) был зверски расстрелян пьяными красноармейцами слободской священник отец Михаил и два его сына за то, что он служил обедню казакам.

После расстрела жители похоронили священника в церковной ограде, но красные выкопали труп и бросили за ограду, а церковь опечатали.

В станице Богаевской во время пребывания большевиков наблюдались грабежи и насилия над женщинами и детьми. При уходе большевиками уведено из станицы 50 женщин.

По полученным кружным путем сведениям, настоятель Свяжского монастыря епископ Амвросий был избит большевиками и полуживым привязан к хвосту лошади. Мученика волочили по всему городу, изрубили и части выбросили.

Начальник Азовского пункта Освага сообщает, что большевики при оставлении Торговой в апреле с. г. насильно увели с собой 200 женщин.

Эвакуируясь из селений, большевики разбивают в церквях все иконы. В одной из церквей они на иконе Св. Николая прибили ему ко рту папиросу и сделали на иконе над-

пись: “Кури, пока мы тут, кадеты придут, папирос не дадут”.

Большевики, издеваясь над всяким проявлением религиозного чувства, не пощадили и магометанской святыни. Ими похищены из главной мечети Петрограда Коран калифа Омара, величайшая святыня магометан.

Из села *Горькая Балка* Медвежинского уезда передают следующее.

19 апреля 1918 года крестьяне Голек и Тандура, начальники карательных отрядов, в сопровождении толпы местных крестьян расстреляли священника о. Соболева, ктитора Минько и псаломщика Слинко. Священнику о. Богданову нанесено тяжелое пулевое ранение в руку, сделавшее его калекой. Крестьяне-большевики обвиняли притч в оказании помощи Добрармии.

Село Воронцово-Александровское Святокрестовского уезда. 4 июня 1918 года о. Виктор Дьяковский и с ним 17 человек жителей села и окрестностей по приговору “революционного суда” за контрреволюцию расстреляны из пулемета. Перед расстрелом приговоренные сами должны были рыть себе могилу.

Село Преградное Медвежского уезда. 21 ноября 1918 года толпой красноармейцев расстрелян председатель общества “Взаимопомощь” Дятлов за то, что останавливал крестьян от эксцессов.

Начальник Информационной части
полковник
Заведующий отделением сводок
штабс-ротмистр

Бек

(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

11 мая 1919 года, № 2821

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 12**

Дон. В Мечетинском районе пятидневное пребывание красных сопровождалось беспощадными грабежами, зверствами и насилиями. Большевики в домах не оставили буквально ничего: забраны скот, хлеб, одежда и т. д. При отступлении красные насильно увели много женщин и девушек. После их ухода найдено несколько трупов стариков, зверски изрубленных красноармейцами. Пострадали от них как богатые, так и бедные. О “товарищах” жители говорят теперь со скрежетом зубным и горят жаждой мести.

По словам беженцев из занятых большевиками станиц, красные беспощадно грабят мирных жителей; за критику советской власти в одной станице расстреляно 130 стариков. Большевики приступили к мобилизации женщин, которых остригают и заставляют нести военную службу наравне с красноармейцами.

Донесение Донского штаба рисует картину большевистских зверств в восставших станицах Верхнедонского округа. В хуторах и станицах, занятых коммунистами, “жиды-комиссары” поголовно истребляют все казачье население, дома сжигают, женщин, детей и стариков вырезают, предварительно измучив и отрубив им руки и ноги. Многих женщин сжигали живьем, зажигая на них платье. В действительности этих фактов приходилось убеждаться, когда отбивали хутора. Трупы женщин и детей, обгорелые, с от-

рубленными руками, оставались на улице и пожирались свиньями.

Все хутора Мигулинской станицы по правому берегу Дона выгорели почти до тла. От самой Мигулинской осталась третья часть домов.

Казаки района восстаний в письмах к родным сообщают следующие факты: красноармейцы забирают добро из сундуков, хлеб, скот, лошадей. Насилуют десятилетних девочек. Где крепкий двор — настилают соломы, нагоняют овец и все поджигают. В станице Веренской расстреляли 1500 человек. Найдены инструкции, в которых сказано, что надо стереть с лица земли все казачество.

При отступлении из Егорлыцкой красные насильно увели с собой 55 девушек-казачек.

Прибывшие из Ялты сообщают, что зверски большевиками убит популярный священник Сергей*.

В Ставропольской губернии в селе Сергиевском в июне 1918 года военным комиссаром села Тимофеем Шашкиным изрублен житель того же села Патрыкин за то, что протестовал и уговаривал жителей не платить красноармейцам 80 тысяч рублей контрибуции.

В середине июля 1918 года жители села Сергиевского Иван Хромов, Павел Ефромонко, Гавриил Авдиенко и Александр Новиков были приговорены к смерти красноармейцами за контрреволюционность. Зарубили их шашками. В этом суде принимал участие и военный комиссар Шашкин.

В селе Александрия Благодарненского уезда в июле 1918 года крестьянин Аким Леликов был приговорен дивизией Жлобы к смерти за контрреволюционность. Приговор был приведен в исполнение Антоном Поздаковым, Иваном Шаповцовым и Макаром Севрюком, которые закололи штыками Леликова.

В селе Журавском Александровского уезда 15 апреля 1919 года местной большевистской организацией убиты во-

*) Фамилия не поддается прочтению.

достной старшина и писарь за сочувствие Добровольческой армии.

В селе Величавое Святокрестовского уезда в начале апреля 1919 года восставшие большевики в несколько дней обезоружили туркмен и зверски зарезали 67 человек из них на службу в Добровольческой армии.

Изгнанные из Риги советской властью 25 тысяч беженцев, находящиеся на одном из островов Рижского залива, терпят страшную нужду во всем. Заболеваемость и смертность среди них достигли ужасающих размеров.

Начальник Информационной части
полковник

Бек

За заведующего бюро сводок
мичман

Сер. Красовский

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

15 мая 1919 года, № 8578

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 13

Дон. По словам летчиков, прилетевших из центра восстания казаков Верхнедонского округа, причиной восстания были ужасные насилия, чинимые красными. Так, в одном из хуторов Вешенской станицы красные отрезали язык у одного старого казака, дерзнувшего указать на их насилия, прибили гвоздем этот язык к его подбородку, во-

дили его в таком виде по всей станице, а затем зверским образом убили его.

В Карпинской станице красные увели 1000 девушек, заставили их рыть окопы, а затем обесчестили. Когда же казаки начали наступление против Карпинской станицы, большевики выгнали этих девушек впереди своих цепей и расстреляли всех их пулеметным огнем. В Вешенской станице красные обесчестили одну женщину, затем заперли ее в хате вместе с пятью малыми детьми, обложили соломой и зажгли.

В этой же Вешенской станице красные устраивали дикие пьяные разгулы оркестра и музыки, называя их вечеринками, причем заставляли являться на них всех гимназисток и вообще всех подростков-девушек. Когда же многие отцы, зная, какими оргиями кончаются эти вечеринки, отказались пускать на них своих дочерей, то красные издали специальный декрет, грозивший немедленным расстрелом отцам, дочери которых не будут являться на вечеринки. Почти все несчастные девушки, бывшие на вечеринках, были изнасилованы.

Летчик огласил еще ряд писем от верхнедонцов к родственникам и близким, проживающим в Новочеркасске, в которых приводится много фактов возмутительных насилий и надругательств красных. Установлен также именной список 600 казаков, расстрелянных большевиками и затем опознанных при взятии станиц восставшими.

В одной из станиц с целью изничтожить казачество вырезали животы у беременных женщин, хватали детей за ноги и разбивали им головы о столбы, руководствуясь, очевидно, декретом Ленина о том, что все казаки от 9 до 80 лет должны быть сметены с лица земли. (Декрет этот был найден после оставления большевиками станицы.)

На Дону в хуторах, занятых большевиками, производятся аресты подозрительных и буржуев, арестованных отправляют в тюрьму в Миллерово, где по произволу трибунала они расстреливаются. И исключению не подлежат даже тяжело больные и женщины. Так, в хуторе Чеборовском взят с постели больной старик Исидор Воротынцев и его

жена и доставлены в Миллерово, где на третий день они были расстреляны. В том же хуторе арестована и расстреляна вдова казака Ксения Еремина за то, что у нее один сын офицер, а другой учитель и оба в армии против большевиков.

Близ Армавира в селении Георгиевском большевистской организацией, именующей себя "зеленые братья", в апреле сего года ранен и зарыт в землю живьем известный священник.

Начаник Информационной части
полковник
за завсудующего отделением сводок
мичман

Бек

Красовский

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

21 мая 1919 года, № 3297

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 14**

На Дону после отхода добровольцев из села Старобешев там случайно остался раненый доброволец Чеочих, житель села Большая Каракуба; он был выдан красноармейцам местными большевиками и зарублен. Труп его валялся в течение трех дней около реки Кальмиус и был растерзан собаками. В хуторе Качуренском та же участь постигла двух раненых добровольцев Ивана Семеновича Дупака и Алексея Лукича Дубака, они были добыты местными большевиками.

Пьянства и разгул большевиков в занятых станицах сопровождалось кощунственными актами: красноармейцы надевали на лошадей священнические ризы и с площадной бранью открывали стрельбу по кресту и куполам церквей.

Хутора подвергались сильному разграблению. Все движимое имущество увозилось, а что нельзя было увезти разбивалось. Так, например, на Качуренском хуторе сложная молотилка была расстреляна из пулемета.

В селе Старобешево были разграблены квартиры Асланова и Криесбева, так как их сыновья служили в Добровольческой армии.

Член войскового круга станицы Мечетинской Долбин рассказывает, что большевиками был зверски замучен в станице Мечетинской семидесятилетний старик Тихон Кожов, а Семен Беликов, 70 лет, той же станицы увезен неизвестно куда.

Бежавший из Борисоглебска казак рассказывает, что в селе Кандалы был арестован большевиками священник этого села за будто бы плохие отзывы о Ленине и Троцком; после долгих мытарств он был отправлен в Борисоглебск и там расстрелян. А псаломщика села Кандалы обвинили в том, будто бы он передал казакам какие-то сведения. Несчастливого схватили и избили до полусмерти. Долгое время красные держали его в тюрьме, где секли его шомполами.

Беженцы станицы Филоновской рассказывают, что из трех священников станицы двое решили уйти при вступлении красных, третий же остался. Большевики расстреляли оставшегося священника, двух же других поймали и бесчеловечно их замучили, выколол глаза и перебив ноги.

В других местах они заставляли священников таскать пятипудовые кули, подгоняя их плетью.

В Усть-Белокаметвенской станице большевики расстреливают казаков, женщин и девушек насилуют, увозят в тыл якобы для работы, но многих из них находили мертвыми в балках.

Сдавшиеся солдаты и офицеры 4-го Сердобского полка рассказывали повстанцам Верхнедонского округа о тех ужасах, каким подвергнуты были большевиками офицеры

и интеллигенция гор. Сердобска. Все находившиеся в городе офицеры и интеллигенция были арестованы и приговорены к расстрелу. Родственникам осужденных назначено было в определенный час свидание. Когда перед тюрьмой собралась толпа жен, красноармейцы стали вызывать их по фамилиям и отозвавшейся бросали половые вырезанные органы ее мужа.

В Чебоксарах, куда ночью ворвался латышский отряд, большевики устроили "Варфоломеевскую ночь". Вся интеллигенция, офицеры и духовенство были перебиты, а группы подвергались глумлению насильников. Дома жилищных владельцев были сожжены, магазины разграблены.

В Глухове у одного из местных крестьян был брат офицер. Латыши, узнав об этом, хотели арестовать этого офицера, но дома его не нашли, а застали только его мать и брата. Последний подвергся ужасной пытке: ему постепенно отрезали пальцы, уши, язык и выкололи глаза. Семья его также подверглась зверствам. Из пяти человек остался в живых только один грудной ребенок.

В гор. Ставрополе 8 мая 1918 года был мученически казнен тифлисский гражданин прапорщик 12-го запасного полка Александр Мирзоев. Казнен он был красноармейцами во время повальных обысков по приказу Прокомедова, Коппе, Ашихина. Труп его был опознан на "Холодном руднике" знакомыми его жены. Труп был изуродован: нос отрезан, пальцы ног и рук отрублены, на животе следы штыков. Труп Мирзоева был погребен только 22 мая, после долгих и унижительных просьб его родных. Причиной казни послужило то, что он был офицер и что у него оказалось два револьвера. Обыск был произведен по доносу одного из граждан дома, где квартировал замученный Мирзоев.

В селе Спицевском Ставропольского уезда в первой половине апреля 1919 года дезертирами советского фронта убиты Егор Чернобровкин и замучен самооборонец Алексей Зайцев. Зайцеву сначала выкололи глаза, потом, после истязаний, закопали живым в землю. Во главе этой красноармейской шайки был Леон Немчиков, Захар Куликов, Игнатий Пономорев, два брата Пантюшкины, под предводи-

тельством бывшего комиссара села Кеноповки Федора Пономарева.

Во время пребывания большевиков на Кубани в 1918 году среди других были убиты:

В станице Раевской 6 августа 1918 года казак Стефан Миронович Кулин во время производства большевиками реквизиции.

В станице Джигинской (немецкой колонии) в начале июня 1918 года убиты большевиками Иван Клеп, Александр и Иван Рейнске.

В станице Варениковской казак С. М. Сергиенко убит бомбою 10 августа 1918 года. Урядник С. М. Сергиенко убит за то, что был сторонником казачества.

Зверски зарублены 17 мая 1918 года казаки Ф. П. Герасимов и Х. А. Руденко за то, что они были сторонниками казачества и противниками большевизма.

Правление школы, товарищество и жители станицы пострадали от большевиков на сумму 740 387 руб.

В станице Крымской в марте 1918 года был арестован станичный атаман Петр Иванович Левченко и посажен в караульное помещение станичного правления. 22 марта в это помещение ворвались большевики: Иван Челомбит, Иван Гончаров и Яков Долгуша. Они набросились на станичного атамана и начали наносить ему удары штыками по всему телу и отрубили ему руки и ноги. На третий день после этого истязания станичный атаман умер.

Начальник Информационной части
полковник
Редактор

Бек
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

30 мая 1919 года, № 3616

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 15**

Кубань. По сообщению казака Девосеева, в станице Владимирской убит большевиками его отец Артем Девосеев за то, что сын его был в партизанском отряде. Сначала большевики били его прикладами, а потом застрелили и мертвого уже кололи штыками.

По словам казака Синилова, в той же станице были убиты большевиками три брата Синиловых при следующих обстоятельствах. Когда большевики потребовали от населения рыть окопы и стали вызывать на работу, из одной избы вышел Андрей Синилов и сразу без всякой причины был расстрелян большевиками, которые потом глумились над его телом. Другой брат его, Григорий, убежал из станицы и несколько дней скрывался, но затем вернулся домой. Когда большевики об этом узнали, они его схватили и хотели зарубить его шашками, но ему раненым удалось вырваться, он прожил еще пять дней, спрятавшись в яму, где на пятый день в страшных мучениях умер. Третьего — Гавриила — зарубили вдали от Владимирской.

В той же станице был заколот 70-летний старик-казак, которого четыре большевика спереди и сзади кололи штыками. Несмотря на страшный крик и мучения старика, большевики закололи его до смерти. Покойника взяли за ноги и поволокли на улицу, где он пролежал целые сутки.

В этой же станице был казнен священник о. Александр и четыре брата Осеевы. Всех замученных, расстрелянных и

казненных в станице было около 700 человек. Все эти казни были произведены между 5 и 10 июля 1918 года.

Перед уходом большевиков из Мариуполя в мае с. г. ими была устроена “социализация женщин”. Были оцеплены все людные места города, и все девушки и женщины, не успевшие или не сумевшие скрыться, попали в руки сначала уже подгулявших комиссаров, а затем к солдатам. Все они были изнасилованы, часть замучена, а многие оставшиеся в живых покончили с собой.

Всюду массовое заражение венерическими болезнями.

Дон. В хуторе Грачинском Гундуровской станицы казачки Анастасья и Пелагея Нежиловы и Ксения Толмачева за отказ делить любовь с красными были зверски ими убиты и вывезены за хутор.

Красные, выгоняя женщин и девушек на окопные работы в районе станицы Каменской, старались всех живущих в одном хуторе направлять верст за 20 от их хутора, чтобы свободней издеваться над своими жертвами.

Казак Новониколаевской станицы Баладин, служивший стражником в Талаковской волости Таганрогского округа, был арестован и убит большевиками в Сартане. О его смерти казачка, случайно видевшая картину казни, рассказывает следующее. Баладин, увидевший казаков среди красных, закричал: “Позор Дону, вы продаете казаков!”. Красные набросились на него с криком: “Кто ты такой?”. “Я казак станицы Новониколаевской Всевеликого войска донского”, — был гордый, бесстрашный ответ. “Зарубим”, — закричали красные, замахнувшись шашками. “Я умираю, но кровь казачья никогда не умрет”, — прокричал Баладин и в ту же секунду был засечен шашками.

В Ташкенте в январе 1919 года произошло восстание против советской власти, и весь город был в руках восставших, но 2 января к большевикам подошли новые силы, они ворвались в город и в течение недели продолжали убивать жителей в домах и на улицах. По точному подсчету всего расстрелянных русских и мусульман оказалось до 6 000

человек. В числе расстрелянных было 147 гимназисток, которые во время боев перевязывали раны, масса 14-летних гимназистов и других детей. Целые семьи были уничтожены как “буржуи”.

Расстрелянных собирали в кучи, снимали с них одежду и обувь и выбивали штыками с зубов золотые коронки. Один из большевиков — Толкачев — перестрелял один до 300 человек. Этот же Толкачев предлагал бросить трупы расстрелянных собакам. В числе расстрелянных был брат Керенского, занимавший в Ташкенте должность товарища прокурора Палаты.

Через неделю расстрелы на улицах прекратились и начались обыски и аресты. Было арестовано до 700 человек, которых ежедневно по 10—12 человек убивали в бане Ташкентской областной тюрьмы.

Казак Бедай, пробравшийся из Царицына, рассказывает, что он там слышал о расстреле в Москве большевиками 5 000 детей, больных сапом.

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
10 июня 1919 года, № 3989

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 16

Британская военная миссия при адмирале Колчаке сообщает следующее: “Особой комиссией освидетельствовано изуродованное тело прапорщика 16-го татарского полка Аминева, раненным взятого в плен красными войсками во время недавнего боя под Уфой. Комиссией обнаружено, что

этому офицеру еще при жизни были нанесены следующие ранения: глубокий разрез через весь лоб до самого черепа, и кожа загнута вверх в виде скальпа; восемь легких штыковых ран в грудь и три глубоких в лицо, а именно, в нос, лоб и правый глаз; последняя рана оказалась смертельной, так как штык прошел насквозь через шею”.

Прибывшие с Донского фронта офицеры передают как безусловно достоверный факт, что большевики, озлобленные последними неудачами при отступлении, начинают теперь разбрасывать банки с консервами. При исследовании консервов с безусловной очевидностью было установлено, что они содержат в себе бациллы чумы и холеры или отравлены трупным ядом.

Количество, оставленных большевиками при отступлении зараженных консервов часто довольно внушительно. Наши солдаты уже предупреждены об этой дьявольской мести большевиков, и консервы поэтому не достигают желательного для коммунистов эффекта.

При попытке большевистских бандитов поднять восстание в Керчи в мае сего года они проникли в город, минуя стражу, окружили дома, населенные офицерами, арестовали последних и устроили над ними полевой суд; до суда они избивали, пытали и калечили несчастных, а после суда расстреляли. В числе расстрелянных после арестов, пыток и суда оказался капитан Болли. Труп его найден в следующем состоянии: руки изрублены, ребра переломаны. Есть аналогичные раны и на других погибших офицерах.

Список расстрелянных большевиками после взятия Одессы в марте с. г.:

1. Баранов Тихон Демьянович, бывший политкомиссар Заамурского пограничного конного полка.
2. Буливский Федор Константинович.
3. Будник Леонид Григорьевич.
4. Будник Янкель Израилевич.
5. Войцеховский Николай Иванович.

6. Гончаренко Кузьма Петрович.
7. Гончаров Пантелей Иванович.
8. Гончарова Мария Парфентьева.
9. Громова Анастасия Бенедиктовна.
10. Гулин Никифор Семенович.
11. Загер Андрей Яковлевич.
12. Зуйков Александр Васильевич, бывший офицер.
13. Зуков Василий Алексеевич, член Союза русского народа в Одессе.
14. Зуков Григорий Васильевич.
15. Павел Иванович.
16. Ковалев Антон Павлович.
17. Кучеров Павел Филиппович.
18. Левицкий Митрофан Николаевич, член Союза русского народа в Одессе.
19. Малахов Илья Афанасьевич, член Союза русского народа.
20. Радченко Михаил Давидович, бывший пристав гор. Одессы.
21. Родзевич Нина Пантелеймоновна, член правления Союза русского народа.
22. Садов Федор Андреевич.
23. Слипченко Александр Михайлович, бывший офицер.
24. Соколовский Михаил Александрович.
25. Фон дер Ховен Сергей Васильевич, бывший полицеймейстер гор. Харькова и Одессы, бывший полковник.
26. Эттингер Симон Леопольдович, бывший офицер.

В Воронеже 20 апреля сего года было произведено вскрытие мощей Св. Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Вскрытие производилось при большом скоплении народа. Красноармейцы эти мощи надевали на штыки, производили кощунства и надругательства. Это продолжалось целую неделю. Священники-монахи до 50 лет несут определенное время трудовую повинность наравне со всеми, роют окопы, подметают улицы и исполняют всякие другие черные работы.

Советские “Известия” пишут об извлечении мощей в соборе св. Софии в Новгороде, Троицко-Сергиевской лавре и других монастырях. Священников, отказавшихся от удостоверений, якобы кости сгнили, расстреливали. Китайцы стогнали народ присутствовать при кощунстве. Церкви буд-дуют обращены в театры.

Приехавший из Вятки передает, что там в женском монастыре собор превращен в казармы, а иконы, ризы с которых ободраны, свалены в кучу среди улицы.

В Киеве большевики по отношению к Церкви и религии сделали то же, что и в Совдепии: отменено преподавание закона Божьего в школе, сняты иконы в общественных учреждениях и школах, выселены монахи и монахини из монастырей и священники из своих помещений. Происходит чудовищное кощунство — вскрывают гробницы угодников и чудотворцев Киево-Печерской лавры.

За начальника Информационной части
статский советник
Редактор

(подпись)
(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

12 июня 1919 года, № 4071

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, “Бристоль”

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 17**

Дон. В станице Константиновской жена офицера Сорокина и жена бывшего атамана Дьяконова были изрублены и исколоты штыками. Жена доктора Евсеева изнасилована открыто. Ефимова, девочка 15 лет, изнасилована группой

при обыске. Реалист Харламов, 15 лет, расстрелян без всяких причин.

По показанию жителей станицы Морозовской, большевики производили казни, главным образом, холодным оружием: отрубали головы, руки, распарывали грудь и животы. Всего убито в станице 1000 человек. Из точных сведений, добытых в хutorском правлении, на хуторах Верхнем и Нижнем Крюкосе, Ермаковской станицы расстреляно 15 стариков 50—70 лет. На хуторе Николаеве Чертковской станицы — 24 человека, из них учитель Кузнецов, псаломщик Иванов и священник Карпачев. Много морозовцев казнено по доносу некоего казака Благородова, мстившего за то, что хutorское общество выгнало его как мошенника из местной потребительской лавки. Николай Николаевич Карнеев и сын его Иван выданы также большевикам родственниками по злобе. Казачку Елену Благородову, беременную, убили вместо мужа, бежавшего из тюрьмы, в то время как жена приносила ему пищу.

В бытность большевиков в станице Морозовской председатель и члены ревкома убивали под видом борьбы с контрреволюцией отдельных лиц, контрреволюционная деятельность которых безусловно не была доказана. В возмутительной форме приводились в исполнение приговоры. Осужденных рубили шашками и прикалывали штыками.

В станице Платовской красные, заняв станицу, забрав хлеб, фураж и вообще все то, что можно было увезти, разгромили ее, разбивая дома, разваливая [...] станицу жители нашли в колодце 10 трупов: 9 калмыков, в числе их один гилюн и один православный священник станицы Каргальской Первого Донского округа. Имена и фамилии убитых и обстоятельства, при которых совершены убийства, не установлены.

Хутор Потапов Даниловской станицы. Часть жителей, бежавших от большевиков, была ими отрезана и насильно возвращена в хутор. Здесь были расстреляны казаки Саран Поссанович Архаков и Мусин, убит прикладом ста-

*) Несколько строк документа утеряно. — Прим. ред.-сост.

рик Иван Вланов. Все эти лица убиты при следующих обстоятельствах: красные производили обыски, во время которых вымогали деньги, и получив недостаточное количество денег от указанных лиц, убили их.

Станица Кутейчиковская. Часть жителей при наступлении большевиков не успела уйти и была настигнута ими под станицей Великокняжеской. Из числа захваченных расстреляны: станичный атаман Шарапов, помощник станичного атамана Акушанов, Шубинов, Сарай и Васанов, Габме и Муусив. Первые два расстреляны как представители местной власти, а остальные при вымогательстве у них денег. Кроме того, обнаружены следующие надругательства над святынями калмыков: сожжена Хурули в станицах Платовской, Кутейчиковской, Башлаевской, Иловойской и две в Денисовской.

Войсковой штаб сообщает, что во время пребывания красных на станции Цимлянской там было расстреляно 753 человека. Большинство расстрелянных — старики Маринской и Николаевской станиц.

В Юзовском районе. Во время господства советской власти в марте месяце с. г. в селе Сергеевке помощником Махно — Петро был созван сельский сход, на котором Петро произнес речь. Во время его речи местный лавочник крестьянин Семен Литвинов сказал ему: “За что вы боретесь и проливаете кровь русского народа — за евреев”. Бандит Петро, не ответив крестьянину ни слова, выхватил шашку и тут же на глазах всей толпы изрубил Литвинова на куски. Там же Петро было совершено убийство двух старых стражников, тела которых были брошены в овраг около станции Удачной. Хоронить их не разрешили в течение двух недель, после чего было дано, наконец, разрешение, но с условием похоронить без всякого обряда.

На станции Удачная зверски были убиты красноармейцами местные крестьяне лавочник Григорий Никитович Ушаков и сын его студент Алексей. Семья Ушаковых находилась на полевых работах, где они были арестованы красноармейцами и отведены в местный исполнительный комитет, где в ту же ночь, 14 мая с. г., они и были зверски убиты,

сначала отрубили им нос и уши, а потом наносили побой тупым орудием и, наконец, расстреляли.

Киев. По постановлению киевской Чрезвычайки расстреляны известный профессор Флоринский и много видных ученых.

Крым. По сообщению приезжих, в Симферополе большевиками вырезана половина интеллигенции.

В. и. д. начальника Информационной части
статский советник
редактор

(подпись)

(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

19 июня 1919 года, № 4243

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 18**

Дон. В станице Минютинской "ревкомом" было конфисковано имущество жителей, ушедших из станицы. Разграблено и реквизировано много хлеба и вещей. Зажиточные были выселены из своих домов, которые были заняты "ревкомом". Школы повсеместно были разгромлены, а также имущество учителей.

В станице Морозовской находился военный трибунал 9-й армии, и туда отправляли для расстрела всех противоречащих советской власти. Никто оттуда не возвращался.

В станице Морозовской способ расправы большевиков со своими жертвами был "китайский". В станице были устроены ямы, над этими ямами укреплены бруссы, к которым за

руки и ноги привязывали жертву. Далее начинались пытки, выкалывали глаза, кололи булавками, отрезали уши, нос, рубили руки и ноги, затем жертва убиралась и на ее место привязывалась другая и т. д. Эти ямы пропитывались и наполнялись кровью.

В Никитовке большевики, выгоняя на работу, интеллигенцию назначали на самую грязную работу.

На станции Горловка были расстреляны два штейгера из местных рудников и один офицер, который был болен и поэтому не мог следовать за нашими войсками.

В станции Нижнечирской большевики расстреляли 100 человек, из них 5 детей. Взято заложниками 80 стариков.

В станции Есауловской расстреляно 7 стариков, много уведено за красноармейцами. В окрестностях найдено много обезображенных неопознанных трупов.

Ст. Кательниково была центром большевистского правосудия. Здесь ежедневно производились расстрелы как местных жителей, так и привозимых из станиц и хуторов. Большинство расстрелянных — старики, много женщин. Точно установить число жертв невозможно, но, по словам жителей, особенно окраин, видевших партии приговоренных, число расстрелов достигает 1000 человек. Бывали случаи, когда к месту казни приводили партии в 100 человек. Расстрелы производились днем и ночью исключительно коммунистами. В числе коммунистов было 7 женщин. Этим женщинам в награду за ревностную службу торжественно вручены были револьверы.

По словам лиц, заслуживающих доверие, большевики, занимавшие Луганск и окрестные селения, окончательно восстановили против себя население, даже фабрично-заводское. Особенно же терроризированы женщины. Во всякое время дня и ночи в здание Чрезвычайки вызывались под разными предлогами по заранее составленному списку девушки от 15-летнего возраста и замужние женщины. Там они насиловались комиссарами, по преимуществу китайцами и латышами. Затем красноармейцы везли их в кабаки,

рестораны, заставляли пить с ними водку и споенных, истерзанных отправляли в участок, оттуда развозили по домам. Некоторых женщин заставляли принимать кокаин и другие наркотические средства, под влиянием которых заставляли подписывать акты бракосочетания их с красноармейцами-коммунистами. То же проделывалось под угрозой застрелить из револьвера. Повенчанных большевистским способом, несмотря на протесты, увозили, сдавали комиссарам, вообще обращались, как с вещью. Одним из многочисленных примеров является дочь вдовы Зинаида Трофимовна Вебер, 18 лет. Насильно взятая командиром 213-го Оргиевского полка Беловым, Вебер бежала и скрывалась до прихода наших войск. Много женщин, вызванных в Чрезвычайку, бесследно исчезло.

В Каменской большевиками расстреляны мировой судья Иванов, церковный староста Жданов, 70 лет, за то, что у него сын офицер; торговец Ларионов, больной тифом, был стащен с постели, его избили прикладами и бросили в реку, кроме них расстрелян стражник, надзиратель тюрьмы, Дубовицкий, жена казначея Владимирская и много других.

Беженец из Киева рассказывает о кошунствах большевиков следующее. Они заранее выкрали мощи, а затем заставили священников всенародно открывать пустые раки, чтобы выставить их в шарлатанском виде. Кошунственная церемония была снята для кинематографа и демонстрировалась бесплатно народу. На одном из собраний было решено утилизировать какой-нибудь храм под собрания. Один из присутствовавших, указавший на пригодность для этой цели синагоги, был расстрелян.

В Екатеринославе был запрещен церковный звон. Исключение допускалось с особого разрешения комиссара.

В Ромнах, Полтавской губернии, царство большевиков ознаменовалось обычными зверствами. В первый же день [после прихода большевиков] было арестовано около 20 человек, из которых 5 расстреляно. Среди расстрелянных — бывший начальник милиции поручик Корниенко. Трупы расстрелянных были отправлены в городскую больницу, где на другой день было обнаружено, что поручик Корниен-

ко жив; его перенесли в палату. Члены Чрезвычайки, узнав об этом, немедленно явились в больницу. Несмотря на протесты больных и врачей, вытащили поручика Корниенко во двор и перед окнами палаты расстреляли. Во главе роменской Чрезвычайки стоял известный каторжник Перелагав, обвинявшийся в убийстве целой семьи с целью грабежа.

В городе Изюм, Харьковской губернии, очевидцы передавали о поголовном ограблении семейств, у коих родственники пошли к “кадетам”. Говорили, что жена полковника О. была зверски истерзана: ей сначала отрубили пальцы, а затем прокололи штыком живот, несмотря на то, что она была беременна. По указанию мальчишек расстреливали совершенно невинных людей.

Прибывшие из Ялты сообщают о расстреле большевиками священников Шукина, Батенова, Владимирского, торговца Фангопуло и Окунева, владельца гостиницы “Франция”.

В деревне Дерской был найден пулемет. Вследствие этого расстреляно 22 татарина.

При отступлении от Сарапуля, как сообщают лондонские газеты, большевики расстреляли большое количество женщин, жен и сестер офицеров, сражавшихся в армии Колчака. Заколот был также один полуторогодовалый мальчик.

В. и. д. начальника Информационной части
статский советник
Редактор

Ю. Шумахер
(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ**

29 июня 1919 года, № 4338

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 19**

Харьков. Во время пребывания большевиков в Харькове там царил такой террор, что многие сходили с ума от всех переживаемых кошмаров. Особенным зверством отличался комиссар Саенко, к счастью, пойманный добровольцами. Расстреливали беспощадно, не исключая женщин и детей.

На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. А на другой день на том же месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей и так до верху. Потом начинался следующий ряд этого же коридора. Говорят, что в одном из таких коридоров лежало до 2 000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди.

По словам прибывшего из Харькова, последний период пребывания советской власти в городе ознаменовался необычайной вспышкой красного террора.

Харьковская Чрезвычайка, насчитывавшая до 1500 агентов, работала вовсю. Ежедневно арестовывались сотни лиц. В подвальном этаже дома, в котором помещалась Чрезвычайка (по Сумской ул.), имелось три больших комнаты. Эти комнаты всегда бывали переполненными до такой степени, что арестованным приходилось стоять.

В распоряжении Чрезвычайки имелась специальная китайская рота, которая пыталась арестованных при допросах и расстреливала обреченных. Ежедневно расстреливалось от 40 до 50 человек, причем последние дни эта цифра сильно возросла.

В числе других большевиками расстреляны бывший иркутский губернатор Бантыш с сыном, генералы Нечаев и Кусков и князь Путятин. По приблизительному подсчету большевиками расстреляно в Харькове свыше 1000 человек.

В концентрационном лагере на Чайковской улице вырыто тридцать три трупа расстрелянных большевиками заложников. Большевики не только расстреливали заложников, но и рубили их шашками у вырытых могил, закапывали живыми в могилы, бросали в канализационные колодцы. Подземные казематы заливались водой, в которой тонули заложники.

Установлено, что расстреляны (но трупы пока не найдены) капитан Сорокин, торговец Величко.

По рассказам очевидцев, трупы зарыты во дворе дома № 47 по Сумской ул., где помещалась комендатура Чрезвычайки. Здесь должны быть зарыты трупы бывшего сотрудника "Новой России" капитана В. Г. Плаксы-Ждановича и коммерсанта Шиховского, расстрелянных в один день.

Тех, которые после расстрела еще подавали признаки жизни, Саенко собственноручно приканчивал кинжалом.

На Сумской и Чайковской улицах помещения полны трупного запаха. Жертвы большевистских зверств расстреливались у самых "Чрезвычайек" и тут же погребались, причем тела убитых едва засыпались землей.

В подвале дома по Сумской улице № 47 обнаружена доска, на которой приговоренные к смерти записывали последние слова. Имеются некоторые подписи: Кулинин, Андреев, Знаменский, Бробловский.

Дом, в котором еще так недавно помещался концентрационный лагерь для буржуев и контрреволюционеров и где зверствовал садист Саенко, окружен рвом и колючей изго-

родью. Проникнуть в дом можно только через маленький мостик. Весь дом в настоящее время совершенно пуст.

Во дворе дома устроены две грандиозные братские могилы, в которых расстрелянных погребали одного над другим. Сколько тел предано земле в этих братских могилах, пока установить не удалось.

Продолжаются раскопы могил жертв красного террора. Пока вырыто 239 трупов. Протоколом судебно-медицинского исследования установлены факты погребения живых, издевательств и пыток.

Волчанск. Получены сведения, что в городе Волчанске большевики перед уходом расстреляли 64 заложника, находившихся в распоряжении "Чрезвычайной" комиссии. Среди расстрелянных начальница женской гимназии и видные общественные деятели.

Расстрелы киевлян. Киевская Чрезвычайная комиссия, руководимая Сорокиным, культивирует систему расстрелов. Убито много видных общественных деятелей, которые были обвинены в фантастических заговорах против советской власти. Из числа видных киевлян кроме профессоров Армашевского, Фломинского, расстреляны офицеры, кн. Грубецкой; хорошо известный киевлянам г. Размитальский; директор городского банка Цитович; присяжный поверенный Палибин; киевские финансисты Пенес и Рубинштейн; присяжный поверенный Лурье и много других. Лукьяновская тюрьма и все другие арестантские помещения забиты арестованными.

Террор в Одессе. 400 человек за неуплату контрибуций отправлено на принудительные работы.

Всюду на Украине большевики занимаются грабежом и насилиями. Так, к одному богатому мужику явились красноармейцы и потребовали от него 40 000 рублей. Тот мог дать только 4 000. Не удовлетворившись этим, красноармейцы связали мужика и его жену и принялись свечую жечь им пятки.

Расстрелы в Петрограде. По полученным сведениям в Петрограде по постановлению Чрезвычайной комиссии были расстреляны штабс-капитан Ганыч, лейтенант флота

Паскевич, полковник Четыркин, балтийский командир заградителя "Лена" Брун, Кутейников, мичман Овчинников, лейтенант флота Штейнgetter, Чаусов, мичман Кучинский, офицеры Центрального штаба Сибиряков, Зубчанинов, Попов, Сергеев, Чайковский, Надыпов, Капорцов, Зейков, Дурнов, Карасюк, Васильев, Иванов, Далаыпин-Шайлеков, Рогачев, Котов, Большаков, Хмызов-Смирнов, Выхолков, Ястяков, Сафронов, Борисов, Акимов, Анто-Самсонов. Приговоры подписаны председателем Скороходовым и секретарем Чудиным.

Кроме того, по постановлению той же Чрезвычайки были расстреляны сотрудники "Русского знамени" Лука Злотников, И. В. Ревенко, Л. Н. Бобров, В. Н. Мухин, А. Д. Гарявин, Н. А. Ларин и др.; офицеры: Р. Р. Депнер, Н. С. Сурмонов, Я. Я. Тягунов, Д. Н. Карпов, В. К. Коспелецкий, Н. Б. Шкловский, С. М. Помочников, М. П. Базыкин, П. С. Беляков, Г. И. Газан и др.

В окрестностях Перми найдены тела графини Гендриковой и г-жи Шнейдер, которые сопровождали царскую семью во время ее путешествия из Омска в Екатеринбург. Они под конвоем были доставлены в Пермь, где и погибли от рук большевиков.

Вр. исп. об. начальника Информационной части
статский советник
редактор

Шумахер
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

6 июля 1919 года, № 4628

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 20

Харьков. По мере раскопки могил и расследований злодеяний большевиков, обнаруживаются все новые и новые жестокости последних над своими жертвами. При раскопках найдено 18 человек с вырванными зубами и вколоченными под ногтями гвоздями.

В конторе "Вечернее время" получено два снимка с вырытых на улице Чайковского трупов. На первом изображены останки рослого широкоплечего человека. Лицо, насколько можно разглядеть, искажено предсмертной гримасой, зубы стиснуты. Две колотые раны на груди и отрубленная кисть левой руки. Поодаль еще труп; так дальше еще и еще. На втором снимке на первом плане труп с вывернутыми руками и ногами, за ним еще труп, а дальше — женщина с отрезанной правой грудью.

Крым. По рассказам жителей деревни Новопокровки, по занятии ее большевиками в апреле и мае с. г. первым требованием комиссаров, явившихся в крестьянские хаты, было: "Убрать эту грязь вон!" — с выразительным жестом в сторону икон. Большинство комиссаров были евреи, которые с особенной ненавистью относились ко всем предметам культа.

По словам крестьянина-очевидца, во время нашего отступления в начале апреля с. г. красные захватили вольноопределяющегося и сына священника, нещадно били их. Вольноопределяющемуся вырезали на плечах погоны и затем обоих расстреляли. Там же были захвачены две женщи-

ны, пробиравшиеся в район, занятый Добрармией, красные, изнасиловав, убили их.

В Севастополе во время пребывания там большевиков расстреляны среди других: 1) полковник Смирнов (инженер), 2) купец-еврей Окунев, 3) его сын, 4) сын генерала Кстрица. Судьба другой партии, состоящей из 160 человек, неизвестна. По непроверенным сведениям, из них расстреляны: корабельный инженер генерал Константинович и мичман военврач Кнорус (бывший председатель Центрофлота).

Бердянск. В начале января этого года из Бердянска в село Новоспасовку были посланы офицеры с двумя пулеметами для производства мобилизации. Трех из них поймали большевики и убили двух на месте. Третьего замуровали в хате, а затем через трубу лили до тех пор воду, пока он не захлебнулся. Позже был обнаружен его замерзший труп.

По словам приехавшего из Екатеринослава инженера Андреева, пережившего там весь ужас большевизма (кошмар, не поддающийся описанию), в Екатеринославе расстреляно более 5000 человек как контрреволюционеров.

Батум. "Туркестанские советские известия" от 24 июня сообщают о расстреле большевиками двух армянских полков, действовавших раньше с добровольцами, а затем перешедших на сторону большевиков. Последние разоружили оба полка и расстреляли всех армян поголовно. Список расстрелянных занимает 3 страницы и подписан чрезвычайным комиссаром Туркестана Казим-Бекком.

Станица Усть-Медведицкая. В период советской власти большевиками в станице зверски расстреляны: 1) войсковой старшина Хрипунов, 2) полковник Авраамов, 3) предводитель дворянства Коротков, 4) подьесаул Прозоровский, 5) начальник почтово-телеграфной конторы Прилепин; урядники: 6) Петр Субулов, 7) Георгий Зрянин, 8) Василий Новгородсков; казаки: 9) Степан Широков, 10) Павел Гуляев, 11) Яков Широков, 12—13) Александр Урасов с женой, 14) Анисим Овсянников, 18) Венедик Натамоткин, 19) Василий Алифанов, 20) Филипп Красноглазов,

21) Василий Попов, 22, 23, 24) Динич Флоров с двумя сыновьями.

В станице Глазуновской расстреляны: 1) Иван Давыдович, 2) Николай Загородков, 3) Сергей Соколов. Последний изрублен шашками местными красноармейцами.

В станице Цимлянской расстреляно 753 человека, в Кулищакской — 10 человек, в Чертковской — 34 человека.

Вр. и. д. начальника Информационной части
статский советник
редактор

Ю. Шумахер
Малиновская

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

28 июля 1919 года, № 5227

г. Екатеринодар, Екатерининская 50, "Бристоль"

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 23**

Дон. Станица Морозовская. 5 июля в станице Морозовской погребено 200 трупов, преимущественно местных жителей, замученных большевиками. В числе жертв — 10 женщин, 3 священника: о. Николай Попов, о. Агафон Горин, о. Александр Карапчов и отец, мать и сестра полковника барона Медема. Несчастные жертвы были страшно изрублены и все, за исключением женщин, обнажены.

Станица Урупинская. По всему округу за время пребывания большевиков расстреляно более 7 000 человек, которые погребены на горе за Ольхами. В семи могилах погребено по 1000 человек в каждой. Станица сильно разграблена:

красные одинаково грабили и богатых, и бедных, забирая, хлеб, сено, лошадей, скот и пр.

Черноморье. Меленковский уезд. В крестьянском восстании были замешаны 8 реалистов в возрасте от 12 до 16 лет. Всех их направили в Муром. После телеграммы из центра о немедленном расстреле “контрреволюционеров” поздно ночью всем заключенным был вынесен смертный приговор, и рано утром дети были расстреляны в присутствии прибывшей к казни из Москвы специальной Чрезвычайной комиссии. Этот случай так повлиял на крестьянство, что они в тот же день растерзали двух комиссаров — Чернышова и Лившица. На другой день в городе был объявлен красный террор и расстреляно 260 заложников.

Екатеринослав. Из рассказа спасшегося от расстрела. В одну из особенно темных ночей из подвалов было вызвано 7 арестованных офицеров. Вместо того, чтобы “разменять” их тут же во дворе, их повели на улицу, где ждали с потушенными фонарями два автомобиля. Посадили, связав им предварительно руки. Долго кружили по темным улицам и наконец выехали в поле. Там расковали, поставили трех часовых, и вручили им лопаты, заставили рыть для себя могилы. Сами ушли к автомобилям, зажгли фонари и принялись играть в карты. Осужденные копали долго, когда они кончили, палачи бросили игру и веселой гурьбой подошли к ним. Заставили раздеться догола и тут же поделили между собой одежду. Выстроили осужденных перед ямой и пьяные, шатаясь стали “шалить”: то поднимут винтовки, то опустят. В этот момент одному из офицеров пришла смелая мысль: за несколько секунд до выстрела он бросился в яму. Тотчас же на него после глухого треска скатились тела его товарищей и прикрыли почти всего. Один из красноармейцев, чтобы убедиться, что все мертвы выстрелил еще в яму и попал в ногу единственному живому. Но тот не шевельнулся. Когда успокоенные красноармейцы укатили на автомобиле, офицер выбрался из ямы и бросился бежать.

Через несколько дней он был найден крестьянами в 20 верстах от города, полуголый, весь в крови, с диким выражением лица и совершенно седыми волосами. Через не-

делю, оправившись, он пробрался через ряд большевистских войск в Добрармию.

Царицын. 5 и 6 июля производились раскопки могил замученных и расстрелянных большевиками. Картина потрясающая: судорожно переплетенные руки и ноги, трупы найдены на полуаршинной глубине. По данным медицинской экспертизы, многие погребены заживо. На кладбище на кирпичном заводе обнаружено 63 трупа. Все они зарыты в середине сентября 1918 года, когда здесь вспыхнуло восстание против советской власти. Среди расстрелянных много офицеров и одна женщина — г-жа Петрова, на квартире которой происходили собрания алексеевцев.

Курская губерния. Белгород. В декабре месяце здесь мерзко умерщвлена целая семья кн. Гагариных. Сначала убили отца, он был с седой бородой. Сын не захотел бросить отца, и его зарубили тоже. Мать сошла с ума, и когда пришли за ней, спросила, скоро ли поезд. “Идет, скоро”, — ответили палачи и изрубили ее. Убили не сразу. Несчастные долго мучились, а потом три дня лежали во рву непогребенные.

Курск. В осажденном Курске большевиками объявлен красный террор. Расстреляли заложников, судебных чиновников, среди расстрелянных председатель палаты Крылов.

Петроград. “Таймсу” сообщают из Гельсингфорса о массовом расстреле восставших на заводах рабочих.

Приехавший в начале июля из Петрограда сообщает о положении в красном Петрограде. Массовые расстрелы стали обычным явлением, расстреливают за появление на улице позже 7 часов вечера по советскому времени.

Латыш Петерс, назначенный начальником штаба, довел красный террор до неслыханных ужасов. “Правда” ежедневно публикует десятки фамилий лиц, расстрелянных за контрреволюционность или просто непочтительные отзывы о советской власти. Ю. Нахамкис пишет в “Правде” о необходимости, в случае оставления Петрограда, уничтожить всех, не пожелавших покинуть последний вместе с советскими войскам.

Москва. Все священники мобилизованы для унижительных работ, часто [для очистки] выгребных ям, мытья казарм и пр.

Волоколамск. Произошло восстание мобилизованных. Восстание подавлено с кровавой жестокостью: 400 солдат изрублено, предводитель ефрейтор Савин зарыт в могилу живым.

Вр. и. об. начальника Информационной части
статский советник
редактор

Шумахер
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
17 августа 1919 года, № 110074
г. Ростов

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 24**

Дон. Ст. *Усть-Медведицкая*. За период советской власти в станице большевиками расстреляны: Бельскова Ирина, Ульянов Иосиф, гимназист Егоров, Дмитрий Безчетков, Михаил Широков, Евдоким Мордвин, Ермолай Кадыков, Иван Кадыков, Матвей Коршунов, Прокофий Десяткин, Анастасия Феофилова, Максим Мазрин, Андрей Жаркин, Яков Широков, Иван Сычев, Иван Пасторов, Христофор Пастушков, Виссарион Любогов, Леонид Земцов, Иван Лашенков, Иван Фролов, Иван Филатов, Семен Бритиков, Петр Янко, Константин Маевский, Виссарион Попов.

Терская область. *Грозный*. При производстве ремонта в женском монастыре найдены три человеческих скелета. По

меткам на белье двух скелетов были опознаны Михайловский и М. Х. Павленко, проживавшие в 13 участке и расстрелянные по приговору грозненской Чрезвычайки в начале гражданской войны прошлого года за антисоветское выступление по поводу мобилизации. У третьего скелета нет головы.

Харьковская губерния. Волчанский уезд. Слободка Великий Бурлук. Во время пребывания там большевиков были расстреляна целая семья кн. Вадбольского, всего в числе девяти человек, из которых две 80-летние старухи и одна юнна-англичанка. Несчастные были убиты при следующей обстановке: их раздели догола, привели за домовую церковь, зажгли свечи, приказали стать на колени и молиться, а затем под свист и крики начали отрезать им уши, рубить шашками, и когда жертвы теряли сознание, их пристреливали. После казни домовая церковь обращена в развалины.

Кутаисский уезд. Слобода Николаевка. В слободе расстрелян местный священник, которого большевики сначала взяли на паровоз и заставили обслуживать топку. Когда он, изнемогая от работы, упал, они разрешили ему помолиться, а потом стащили его в кусты и там расстреляли.

Сумы. По словам присутствовавших при раскопках могил, в которых были зарыты жертвы большевистского красного террора, тела харьковских заложников найдены в могиле № 1 на высоком холме, вблизи вокзала. При осмотре жертв оказалось, что большинство жертв погибло от сабельных ударов и лишь немногие от огнестрельных ранений в затылочную часть головы. Е. Н. Жевержесв был зарублен шашкой. Установлены кроме того следы ударов прикладами. На одном из трупов обнаружены 9 сабельных ранений, причем совершенно отрублена голова, руки и ноги и разрублена грудная клетка. Судя по наружным следам, жертвы перед казнью подвергались издевательствам. В могиле № 2 найдено около 10 бесформенных трупов. В числе их у пяти головы совершенно отделены от туловища и отрублены руки и ноги. В могиле № 3 оказалось 4 трупа, № 4 — 6 трупов, у забора — 3 трупа. Вчера в Сумах приступили

к вскрытию могил возле семафоров и на старом кладбище, где, по словам местных жителей, погребено много жертв красного террора.

Полтавская губерния, г. Полтава. Предполагается нахождение и откапывание трупов жертв большевистского террора. Начаты раскопки за кладбищем. Пока там в одной яме обнаружено 9 трупов, среди коих опознаны тела: штабс-капитана Левченко, подполковника Якобсона и матроса Ковальчука. Обстановка расстрела такова: приведя своих жертв к месту казни, палачи поставили их на колени у самого края ямы, долженствовавшей служить им братской могилой, лицом к яме. Потом некто в черной маске, одетый матросом, стал подходить к жертвам вплотную и расстреливать их в затылок. Люди падали в яму и их закапывали, не считаясь с тем, убиты они или еще живы.

Штабс-капитан Левченко всю дорогу кричал, чтобы оповестили жену об его расстреле, за что его, раненного на войне, на костылях, били прикладами так, что он найден весь в кровоподтеках.

Лубны. Перед приходом добровольцев совершено красными кошмарное убийство. В Спаско-Преображенском монастыре перебиты настоятель игумен Амвросий, казначей иеромонах Аркадий, духовник епископ Иларион, иеродьяконы Исаия и Дамиан. Перебиты монахи в общем числе до 20 человек. Все старцы 60—70 лет. Остальная братия пряталась как могла. Из Полтавы выехала Особая комиссия для расследования убийств. Отданы распоряжения о похоронах убитых.

Киев. По полученным сведениям, в Киеве расстреляны известные педагоги Науменко, Раич и Янковский.

Одесса. Одесская советская газета сообщает, что в Одессе в доме Галли на Решильевской улице был найден в погребке склад оружия, не сданного по требованию советской власти. Все жильцы дома были расстреляны в виде примера другим. Как в последствии удалось выяснить “Одесской правде”, оружие оказалось коллекцией, спрятанной еще в 1917 году офицером, покинувшим Одессу.

Одесские беженцы рассказывают небывалые ужасы прошедшего там красного террора. Расстреливались без разбора представители интеллигенции.

Расстреляны генерал Эбелов, после трехмесячного тюремного заключения, генерал Федорович, бывший киевский губернатор, председатель судебной палаты Демьянович, полковник Осипов, Веерпольский, Иванченко, Хлебников, Шумский, две француженки агенты-информаторши.

Расстреляно 200 поляков-заложников.

Вр. и. об. начальника Информационной части
статский советник
редактор

Ю. Шумахер
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
26 августа 1919 года, № 110195
г. Ростов-на-Дону

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 25**

Одесса. Из авторитетного источника сообщают, что в подвалах одесской "Чрезвычайки" найдены орудия пыток, много трупов замученных. Среди орудий пыток обращают внимание особые приспособления цепей для растягивания конечностей. Английское командование привело в застенки "Чрезвычайки" команды своих кораблей. Орудия пыток произвели на английских матросов тяжелое впечатление.

Херсон. Население с ужасом вспоминает зверства большевистской Чрезвычайки, свирепствовавшей с присездом в Херсон двух китайцев, специалистов пыток, препарировав-

ших живых людей, снимавших кожу с ног и рук, втыкавших булавки под ногти. Последние дни большевиками было убито много общественных деятелей с целью парализовать общественную жизнь после ухода большевиков из Херсона.

Николаев. К коменданту являются беспрестанно для регистрации офицеры, укрывавшиеся в окрестных селах и деревнях от большевиков. Они рассказывают ужасы. Пылают деревни, зажженные большевиками. Матросы уничтожают крестьянское добро, сжигают весь хлеб за невозможностью унести его с собой. Расстреливается домашний скот; разрушаются сельскохозяйственные машины. Там, где раньше крестьяне восставали против большевистских властей, большевики, не встречая мужчин в деревнях, переносят злобу на женщин и детей. Например, в одной деревне, где население перебило отряд коммунистов, большевики раздевали донага женщин и с издевательствами заставляли их идти перед пьяной толпой. Найдено много трупов детей с отрезанными конечностями.

Кременчуг. В Кременчуге продолжают раскопки расстрелянных и замученных большевиками. Число убитых, по мнению жителей, доходит до 2 500 человек. Выкопана группа расстрелянных телеграфных служащих: 5 мужчин, 1 женщина. Расстрелы производились большей частью матросами. Приговоренного сажали на край могилы и стреляли в затылок. Когда могила наполнялась телами убитых, начинали заполнять следующую.

Пенза. Лицо, прибывшее из Совдепии, рисует картину жизни в Пензе. В кафедральном соборе коммунистами устроен клуб, где устраиваются концерты, семейные вечера для коммунистов и их родственников. В архиерейском доме помещается Чрезвычайка, которая производит расстрел днем и ночью. Масса интеллигенции и духовенства расстреляна, оставшиеся мобилизованы на общественные работы. На Соборной площади был поставлен памятник Карлу Марксу, который охраняется китайцами и латышами. Но в одну ночь памятник был разрушен. Начался красный террор. Было арестовано 156 офицеров и посажено в тюрьму вместе с уголовными преступниками. Последние разбежа-

лись, и когда некоторые были пойманы, то выдали офицеров, организовавших будто бы восстание против советской власти. Все 156 офицеров расстреляны. Матрос, стоявший на посту на месте расстрела, лично передавал, что он не мог перенести картины ужаса и бежал с поста. Во время террора у власти стояла коммунистка Бош, ныне находящаяся в Астрахани.

Киев. В известиях Киевского исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, напечатан список расстрелянных в Киеве местной Чрезвычайкой: проф. Армешевский, Башин И. А., Бедуиневич А. М., служащий Юго-Восточной железной дороги; Бох Н. С., преподаватель гимназии; Бесбиль А. П., заведующий бухгалтерскими курсами; Бубнов Г. К., купец; Буравкин А. Я., бывший содержатель "Большой национальной гостиницы"; Бочаров Е. А., статский советник; де Векки Н. Е., домовладелица; Дембицкий И. М., купец; Данилов Г. К., купец; Калкин Н. Д., служащий Юго-Восточной железной дороги; Григорьев Аркадий Моисеевич, присяжный поверенный, поручик артиллерии; Иванов Н. Ф., бывший окружной инспектор Киевского учебного округа; Коноклин Б. В., купец; Купянский Н. Ф., инженер домовладелец; Манинков М. Т., присяжный поверенный; Можаловский П. М., товарищ прокурора; Молодовский Г. Г., домовладелец; Неклюдов И. И., бывший вице-губернатор; Новиков А. Ф., директор Третьей гимназии, член Государственной думы; Приступа Г. И., присяжный поверенный; Печенов К. Г., служащий железной дороги; Раич Н. И., товарищ председателя окружного суда; Рудаков П. Г., домовладелец; Садовский Ф. Г., служащий железной дороги; Слинко А. Т., 80 лет; Станков В. В., купец; Стахов; Суковкин Н. И., бывший киевский губернатор; Тихонов К. В., домовладелец; Тоболин А. А., бывший директор Государственного банка; Цитович А. Л., домовладелец; Щеголев С. Н., публицист.

Вр. и. об. начальника Информационной части
статский советник
редактор

Ю. Шумахер
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
9 сентября 1919 года, № 110427
г. Ростов-на-Дону

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 26**

Дон. Бахмутский уезд. Насилия большевиков над священнослужителями. Во время своего пребывания в Бахмутском уезде большевистские деятели и красноармейцы учинили целый ряд зверств и насилий над представителями Православной церкви.

В селе Новобахмутовке 24 марта 1919 года был убит священник Троицкой церкви отец Тимофей Стадник при следующих обстоятельствах. Около 4 часов дня, когда в местной церкви начался звон вечерний, в дом названного священника ворвались три вооруженных красноармейца и потребовали от священника выдачи денег, якобы находящихся у него. Никаких денег у священника при обыске найдено не было. Тогда красноармейцы причинили священнику тяжкие побои и приказали ему следовать за ними в штаб. В это время пришло еще несколько красноармейцев, которые вывели священника в кустарник возле церкви и там его расстреляли. В это время другие красноармейцы разграбили весь дом священника и вместе с лично ему принадлежащими вещами похитили находившуюся у него в доме дарохранительницу, из которой выбросили Святые Дары, а также лжицу и наперсный крест священника. Кроме того, теми же красноармейцами похищена церковная печать, которая и пропала.

В селе Скотоватом, 18 марта 1919 года, в день вступления большевиков в означенное село, партия красноармейцев в числе 15—20 человек ворвалась в квартиру священни-

ка о. Николая Тугаринова, окружила его в кабинете, приказала раздеться и повела в зал, где грозила убить его, что было бы, вероятно, приведено в исполнение, если бы неступился один из красноармейцев. В этот день о. Николай отделался лишь пропажей кошелька с деньгами. 10 марта священник снова подвергся обыску и грабежу и снова грозил расстрелом, обвиняя его в том, что он спрятал в церкви 60 "кадетов". По требованию красноармейцев священник и церковный староста отперли храм, куда красноармейцы вошли с папиросами в зубах, в шапках и с винтовками. Они обшарили всю церковь, открыли престол, украли с престола крест, раскрывали Евангелие, раскрыли жертвенник и разбросали священные сосуды. Из алтаря они похитили дароносицу и, выбросив из нее Святые Дары, обратили последнюю в табакерку. Красноармейцы умышленно стреляли в иконы и повредили изображение Божьей Матери и Св. Дмитрия. В течение последующих затем дней красноармейцы снова врываются в дом священника, ставят его к стенке и грозят расстрелом, требуя от него выдачу им церковного вина.

Саратовская губерния. Царицынский уезд. Хутор Букатин станицы Царицынской. 31 июля состоялись торжественные похороны казака-добровольца Астраханского партизанского отряда И. В. Фирсова, 22 лет, зверски зарубленного красными, вместе с другими шестью казаками, около села Балыклей. Мать покойного, получив известие, что ее сын "пал в бою с красными" при занятии Балыклей вторично нашими частями, нашла могилу, где в кучу были набросаны отдельные куски изрубленных тел. Некоторые части тела мать опознала по кресту и цепи на шее, а также по остаткам белья на отдельных обрубках. Собрав куски зарубленного и избитого тела сына, она с разрешения местных властей доставила останки, хотя и не всего тела, для похорон в хутор Букатин.

Наглядное доказательство зверств большевиков, имевшее место почти на глазах у всех, произвело сильное впечатление на жителей хутора Букатина и как последнюю дань мученически погибшему казаку на похоронах собра

лось все население хутора как казачье, так и крестьянское. При хоре певчих и оркестре штаба Кавказской армии тело покойного было предано земле.

Черниговская губерния. Близ станции Бахмач найдено тело, выброшенное большевиками из поезда, генерала И. Н. Четыркина, увезенного большевиками при эвакуации Полтавы как заложника. Тело генерала с воинскими почестями похоронено в Бахмаче.

Елизаветград (Херсонской губернии). В Елизаветграде отыскано и предано земле тело бывшего екатеринославского губернатора Эрдели, брата главноначальствующего Торско-Дагестанского края. Большевики арестовывали его три раза. Четвертый раз арестованный генерал Эрдели был подвергнут мучительным пыткам: под ногти вбивались иголки, затем ногти срывались вовсе с кусками тела. Останки замученного были брошены в помойную яму.

Вр. и. об. начальника Информационной
части статский советник
редактор

Ю. Шумахер
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
16 сентября 1919 года, № 110509
г. Ростов-на-Дону

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 27

Дон. 6 сентября. Миллерово. Беженцы Хоперского округа сообщают, что красные в занятых казачьих станицах и хуторах вырезают поголовно все оставшееся население. Ка-

заки вначале попробовали остаться дома, но когда в столице Михайловской красные вырезали всех оставшихся стариков, женщин и детей, то после этого в покинутых селениях не осталось ни одной казачьей души. Все уходят за боевую линию.

Саратовская губерния. Царицын. При высадке в Царицыне красными десантами 23 августа с канонерок между Пушечным и Французским заводами матросы прежде всего бросались поджигать дома и насиловать женщин. Оставшиеся в городе семьи большевиков начали грабить вагоны и лавки на базаре. Через час, когда налет красных был ликвидирован, патрули сотнями задерживали грабителей, бегжавших с мешками к Французскому заводу.

Киев. Ужасы киевской Чрезвычайки не поддаются описанию. В последнее время царил ужасающий террор с самыми утонченными пытками. Работали в Чрезвычайке преимущественно женщины. В день ухода большевиками расстреляно 1500 человек, заключенных в Лукьяновской тюрьме.

Из чинов судебного ведомства по приказу Чрезвычайка расстреляно 30 человек. В городе существовало 7 Чрезвычайка. В последнее время был выдвинут проект, который не успели, однако, осуществить: разбить город на 24 участка с отдельной Чрезвычайкой в каждом.

Оставляя Киев, большевики разгромили адресный стол и сожгли все домовые книги. Выяснено, что большевики проектировали обратить Владимирский собор в дешевую столовую. Приход добровольцев помешал осуществлению этой кощунственной затеи. Выяснилось, что в последние дни перед оставлением города большевиками отправлены в Москву большие эшелоны заложников; среди них много офицеров, отказавшихся служить в Красной армии.

В разных частях города продолжают раскопки; из Чрезвычайка извлекаются все новые и новые трупы замученных и заживо погребенных людей. Судебными властями установлена наличность специальной Чрезвычайки на Пушкинской улице дом № 25. Эта Чрезвычайка официально именовалась "Особым отделом штаба 12-й армии". Из

опроса швейцара и жильцов соседних домов выяснилось, что эти лица слышали звуки ружейных выстрелов, доносившиеся из двора этого дома, причем особенно часто стрельба была слышна последнюю неделю перед бегством большевиков из Киева. Свидетели удостоверяют, что трупы из этой усадьбы в течение недели каждую ночь вывозились на нескольких подводах. Подробным осмотром дома установлено, что арестованные содержались в подземных камерах, а расстрелы производились в сарае, где обнаружены следы запекшейся крови и окровавленное белье; предполагают, что в сферу компетенции Чрезвычайки входили дела преимущественно иногородних жителей Василькова, Винницы и других ближайших к Киеву местностей.

В Киеве был расстрелян большевиками член Греческого консульства в Москве М. Кудурис.

Относительно расстрела 127 человек на Садовой улице один из санитаров, работавший на уборке трупов, показывает:

Нас вызвали в 12 часов ночи. Когда мы приехали, то нам заявили, что обоза не надо, но санитары нужны, они будут для уборки трупов. Санитары обратили внимание на огромную яму, которая была вырыта в левом углу сада. У входа в сарай, где производились расстрелы, свидетели обратили внимание на гору одежды, снятой с убитых. Страшно было войти в сарай. Там была гора человеческих тел. Здесь лежали головой у стены и лицом вниз. Трупы были уложены штабелями: в первом ряду было пять или шесть ярусов, по мере приближения к двери ярусы уменьшались. У самых дверей трупы были сложены в один ряд, трупы были все раздеты. Судя по этим ярусам, несчастные мученики сами ложились возле уже застреленного и затем уже застреливались. Санитары выносили из сарая трупы и укладывали в яму, а красноармейцы засыпали.

Чернигов. По словам прибывающих из Чернигова лиц, там идут сплошные аресты русской интеллигенции, даже женщин и детей. Люди в ужасе бегут куда попало. Голодные встревоженные матери уводят из города детей. На всех

дорогах жестокие палачи ловят несчастных и прикалывают.

Одесса. Одесская Чрезвычайка отличалась не меньшим изуверством, чем киевская или харьковская. Казематы одесской Чрезвычайки продолжают осматриваться многочисленной публикой, лично наблюдающей на дворе Чрезвычайки до сих пор не высохшие лужи крови, отрубленные пальцы, стены, изрешеченные пулями при расстрелах и тому подобные остатки кровавого коммунизма. Английские матросы стоящих на одесском рейде крейсеров также произвели осмотр большевистского застенка. Особенным изуверством отличался секретарь одесской Чрезвычайки товарищ Воньямин, находивший удовольствие в копании ран у расстрелянных и даже полуживых людей.

Выясняется, что у большевиков были составлены списки лиц свободных профессий, подлежащих расстрелу. В первую очередь значились профессора. Во вторую инженеры, в третью адвокаты. В списках расстрелянных значится запись: Монзон расстрелян как крупный ювелир, бежавший из Москвы; Кальда "расстрелян в порядке красного террора".

Поляки, арестованные в огромном количестве, были отправлены в Киев, но ввиду захвата Раздельной какими-то повстанцами их вернули обратно, и часть освободили.

Врачей предполагали всех отправить в Киев, но не успели.

Офицеров расстреливали по жребию. Всего расстреляно в Одессе не менее тысячи людей. Председателем большевистского Совета обороны состоял дамский портной Красевский. Он отличался невероятной жестокостью и лично расстрелял десятки людей, помощником его был некий Камарин.

Омск. Газета "Русская армия" сообщает, что количество лиц, расстрелянных, замученных и убитых большевиками на Ижевских заводах, достигло 7 078 человек. Большинство этих жертв — рабочие. Среди расстрелянных много женщин и детей.

Екатеринбург. Последние беженцы, прибывшие из Екатеринбурга в Омск, рассказывают ужасные детали насилия [и] кровавого разбоя, которому большевики подвергли население немедленно после взятия этого города. Только за первые несколько дней большевиками было зарезано 2 800 жителей обоих полов; дома были разграблены красноармейцами: больше всего свирепствовал отряд, состоящий из мадьяр и китайцев.

Вр. и. об. начальника Информационной
части статский советник
редактор

Ю. Шумахер
(подпись)

**ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ
21 сентября 1919 года, № 11627
г. Ростов-на-Дону**

**СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ЗЛОДЕЯНИЯХ И
БЕЗЗАКОНИЯХ БОЛЬШЕВИКОВ № 28**

Киев. Американским генералом Джавидом осмотрены дома и церковь в бывшем губернском доме на Институтской улице, где помещалась губернская Чрезвычайка. Внутренность церкви совершенно опустошена, престол, иконостас и все образа в первые же дни установления советской власти были выброшены на улицу, из церкви большевики сделали допросную, вместо икон были повешены плакаты и наклеивались объявления.

Следственными властями получены сведения, что помимо официальных Чрезвычайек в Киеве существовали тай-

ные, в которых тоже производились расстрелы. Эти Чрезвычайки находились в районе Подола.

Лица, побывавшие последнее время в Киеве, передают: в Чрезвычайках, на местах изуверских пыток были устроены возвышения с креслами для любителей острых зрелищ. Советская власть устроила театр: на сцене выкалывали глаза и сажали в ящик с гвоздями, а в зрительном зале любовались этой картиной. Зрителей было много — все комиссары и комиссарши. Кругом валялись бутылки из-под водки и шампанского. Некоторые из зрителей впрыскивали себе для возбуждения морфий и кокаин. Иголки для впрыскивания найдены там же.

Далее сообщают, что известный палач “Роза” — как выяснилось, Эда Берг — получала за каждую умученную жертву по 150 рублей. Специальность Розы была такова: жертву втискивали в ящик, оставляя открытой голову; Роза прицеливалась и после целого ряда глумлений и плевков, стреляла прямо в лицо. Жертву полуживой закапывали. Затем вторая, третья и так далее. В промежутках Розе для подкрепления подносили бокал шампанского. Почувствовав усталость, Роза превращалась из палача в зрителя. Она усаживалась в кресле и с усмешкой на лице любовалась работой ее достойных товарищей.

Чернигов. По словам прибывших из Чернигова, там расстреляна Чрезвычайкой жена генерала Добровольческой армии Чайковского.

Чайковская была арестована Чрезвычайкой еще в конце мая, но скоро была освобождена. В конце июня, когда стало известно, что в операциях под Полтавой участвовал генерал Чайковский, она была снова арестована и расстреляна.

Херсон. В июне 1919 года агентами Чрезвычайки был задержан за нежелание предоставить лошадей в распоряжение красноармейцев крестьянин деревни Роксандровки Херсонского уезда Никифор Владимирович Потаченко, 24 лет. Согласно постановлению Чрезвычайки, приговорившей его к расстрелу, он в ночь на 15 июня был приведен в подвал во дворе дома Тюльпанова и расстрелян, после чего тело его было зарыто в том же подвале. Однако, как

оказалось, Потаченко был зарыт в землю живым, т. к. причиненные ему огнестрельные ранения не были смертельными. Воспользовавшись тем, что сверху него было мало земли, Потаченко с трудом выкарабкался на улицу и в одном лишь оставленном на нем белье стал убежать. Вскоре он был задержан красноармейским патрулем и агентами Чрезвычайки. В ту же ночь, в том же подвале, Потаченко был расстрелян и закопан, но и на этот раз, как оказалось, живым. Потаченко, отличавшийся, по словам видевших его, большой физической силой, вновь выкарабкался из могилы и вновь бежал, причем на этот раз ему удалось скрыться во дворе дома Гозадиной, расположенном вблизи того дома, где помещалась “Чрезвычайка”. Но и это не спасло Потаченко от смерти. С наступлением дня его место пребывания было открыто какой-то женщиной. Эта женщина испугалась вида полуголого мужчины, испачканного землей, производившего впечатление полупомешанного, и поспешила дать знать полиции. Потаченко был вновь задержан и после того, как рассказал обо всем происшедшем, был отправлен полицией в городскую больницу. Вместе с тем, боясь ответственности за укрывательство “преступника”, полиция сообщила о случае в Чрезвычайку. Часов около 12 ночи в больницу явились агенты Чрезвычайки и, несмотря на протесты дежурных врачей, вывели Потаченко в поле и расстреляли его в третий раз, причем на этот раз уже окончательно.

6 августа того же года “Чрезвычайкой” была арестована жена офицера г-жа М., 23 лет, за то, что муж ее, будучи насильно мобилизован коммунистами, бежал с военной службы. В первые дни агенты ничего не предпринимали в отношении М. и лишь ограничивались замечаниями: “Вот ты была офицерская жена, а теперь будешь общая, гражданская, наша коммунистическая”. На третий день, часов в 12 ночи, в камеру к М. вошли три коммуниста, завязали ей глаза и спустились с ней в подвал. Здесь они сняли повязку с ее глаз, совершенно ее раздели и в присутствии еще двух коммунистов, по-видимому, поджидавших ее в подвале, вложили ей в рот дуло револьвера, затем вынули его и

сейчас же начали стрелять над самым ее ухом. Когда под влиянием всех этих издевательств и пыток М. потеряла сознание, палачи привели ее в чувство, а затем поочередно изнасиловали ее. После этого они подняли ее с пола, начали допрашивать о местонахождении ее мужа, вновь начали стрелять у самого ее уха и опять насиловать.

Так издевались они над нею в эту ночь 7 раз, и в следующую ночь то же самое, после чего под влиянием тревоги, вызванной приближением к городу отряда добровольцев, освободили ее.

19 июля 1919 года агентами “Чрезвычайки” был арестован штабс-ротмистр Николай Федоров, 28 лет. Через полчаса после его ареста в камеру, в которой он находился, внесли станок, ворот, скамью и валик. Вслед за тем палачи приказали Федорову отвернуть рукава рубахи, поставили его в станок, просунули сквозь две дыры в станок его руки, туго перевязали их проволокой и при помощи поставленного впереди станка стали вытягивать ему руки, нанося ему при этом удары по рукам хлыстом, а затем стали делать ему уколы иглами в руки, чем вызвали сильное кровотечение. После этого Федорова положили на покатую скамью и стали наносить ему особым валиком удары в области печени, пока Федоров от боли не потерял сознания. Тогда мучители стали отливать Федорова водой, а когда он пришел в себя, они вспрыгнули ему в область позвоночного столба какую-то жидкость, отчего спина его сильно вздулась и он не мог ни сидеть, ни лежать, ни ходить. С наступлением ночи, часов около 4-х утра, коммунисты объявили Федорову, что он приговорен к расстрелу и повели его за город. Когда они были уже в степи, Федоров, воспользовавшись тем, что красноармейцы стали закуривать, бежал и, несмотря на то, что одною из выпущенных в него пуль, он был ранен в руку, ему удалось скрыться в кукурузном поле.

Начальник Информационной части
полковник
редактор

Бек
(подпись)

ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ
СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННАЯ

11 августа 1919 года, № 528

г. Таганрог

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ОДЕССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

22 июня в цирке состоялся митинг на тему “Диктатура пролетариата и коммунистическая партия” с участием представителей украинского правительства, исполкома и партии. К 4 часам дня собралось около 150 человек. По прошествии получаса публика начала выражать свое неудовольствие стуком и хлопаньем, но на арене никто не появлялся. К началу шестого часа набралось еще человек сто народу. 75 процентов собравшихся — евреи. Вообще около 50 процентов — женщины. Есть дети, рабочих мало, красноармейцев — ни одного. В 5 час. 20 мин. на середину вышел офицерского типа человек при шашке и заявил, что задержка произошла ввиду того, что устроители митинга до сих пор не явились. Затем он объявил митинг открытым. Перед публикой появился здоровенный парень с зычным голосом, произнесший краткую, но очень категорическую речь:

“Так как власть принадлежит теперь рабочим и беднейшим крестьянам, то, значит, беднейшие крестьяне и рабочие имеют власть. Власть ими приобретена стараниями коммунистической партии, а потому и должна осуществляться последней. Прочие партии идут на соглашательство с буржуазией, а потому враждебны большевикам-коммунистам. Существующие теперь Советы были организованы наскоро, в ближайшем будущем последуют перевыборы: выбирать следует только коммунистов, так как только они сохраняют власть рабочим и беднейшим крестьянам.

Коммунисты широко развили свою работу с 1905 года, после свержения царизма они сразу “громко воскликнули: довольно войны”. Они подняли священное знамя. Они сказали “долой”. Однако теперь мы ведем самую ожесточенную войну. Это потому, что надо задушить гориллу контрреволюции и империализма. Советская власть не дремлет. В Одессе был комендант Домбровский. Он оказался плохим большевиком. Он арестован и будет судим революционным трибуналом. Если нужно будет расстрелять, его расстреляют, если его не надо расстреливать, его не расстреляют. Все силы должны быть напряжены в борьбе с контрреволюцией в тылу. Контрреволюции помогают меньшевики и эсеры. Их активная роль началась с провокационного убийства Мирбаха (самое интересное место в его речи). Они имели в виду вызвать Германию на военные действия против советской России. Если бы это случилось, революция была бы раздавлена. Теперь я получил ответственный пост коменданта г. Одессы, — говорит далее товарищ Мизикевич, — я железнодорожный рабочий. Моя цель истребить бандитизм и саботаж. Мы расстреливаем без стеснений и без стеснения говорим об этом. Ничто не должно нас останавливать в нашем стремлении сохранить и укрепить власть рабочих и беднейших крестьян, ибо эта власть нас самих и крестьян”.

Последовавшее затем выступление довольно слабого тенора тов. Лисенко было встречено гораздо более оживленно, чем выступление Мизикевича. Но превосходно исполненная русская песня Заревским по понятным причинам не вызвала энтузиазма.

Далее выступил какой-то польский коммунист, который заявил, что самое главное теперь — это узнать “что то есть коммуна”. Поговорив об этом минут пять, оратор не пошел далее того, что коммуна есть такое устройство, когда всем хорошо. Затем оратор заявил, что он имеет самые достоверные сведения, что польский пролетариат настроен коммунистически и скоро возьмет всю власть в свои руки, а также, что буржуазию надо стереть с лица земли.

После этого арена некоторое время была пуста. Наконец, вышел маленький еврейчик и сказал, что устроители

митинга до сих пор еще не прибыли, а потому митинг надо считать законченным.

ПОЛОЖЕНИЕ В ОДЕССЕ

август-сентябрь 1919 г.

После занятия Одессы войсками Добрармии цены на продукты первой необходимости резко понизились. Жизнь постепенно стала входить в нормальное русло. Налаживается правильное освещение, водоснабжение и движение трамваев. Обыватель и рабочий начинают постепенно приходить в себя после большевистского владычества.

Рабочий класс, являющийся всегда и всюду главным оплотом большевизма, черпающего в нем кадры работников, в Одессе определенно доброжелателен к Добрармии, принеший ему хлеб, воду и свет. Но, в то [же] время, возвращенные в его среде давней планомерной пропагандой социалистические идеи не позволяют ему отнестись к Добрармии с полной открытой симпатией. Для этого в рядах власти имеется слишком большое количество правых и кадетских деятелей, чтобы их имена не запугивали бы рабочих “потерей революционных завоеваний рабочего класса в будущем”. Поэтому отношение у рабочих к Добрармии выжидательное, нося одновременно с этим самый благожелательный характер. Отсутствует элемент полного доверия, какой легко может быть возвращен в рабочей среде, если власть тактично и умело к ней подойдет. Одним из факторов, могущих способствовать возвращению доверия рабочих к власти, может явиться планомерная борьба властей со спекуляцией, царящей в Одессе в невероятных размерах, благодаря чему цены на многие продукты (кроме хлеба) имеют тенденции не только не понижаться, но даже и повыситься. Беззастенчивая спекуляция специфических дельцов от Фанкони и Вобина вызывает определенное возмущение ра-

бочих против евреев, коих огромная масса населения считает единственными виновниками непрекращающейся дороговизны. Враждебное отношение населения к евреям достигло в настоящее время высшей точки. Бездеятельность властей в борьбе со спекуляцией, отягчающей жизнь населения, вызывает естественное возмущение, с одной стороны, и недоверие к их силам, с другой. Усилению недоверия к власти много способствует также полная бездеятельность администрации контрразведки в деле борьбы с местным большевизмом. Многие видные деятели большевизма, хорошо известные массам, либо не задерживаются вовсе, либо, после весьма краткого ареста, освобождаются властями, вызывая этим полное недоумение, возмущение и недоверие к власти в среде населения. И потому вполне естественными являются слухи о массовом взяточничестве чинов контрразведки, каковые имеют свои основания в некоторых действительно имевших место в Одессе фактах. О близорукости же власти говорит хотя бы тот факт, что в городе восстановлена еврейская боевая дружина, та самая дружина, которая первая после эвакуации французами Одессы весной этого года взяла власть в свои руки и производила расстрелы оставшихся офицеров. Восстановление непопулярной в массах ("жидовствующей", как ее называют в Одессе) демократической городской Думы еще более подтверждает массам мнение о власти близорукой, неосведомленной об истинных желаниях населения. Визит же одесского градоначальника генерала барона Штенгеля к бывшему товарищу городской головы Ярошевичу с целью убедить последнего не отказываться от поста одесской городской головы окончательно укрепляет это мнение.

В связи со слабостью, близорукостью и недоброкачеством одесских властей панические слухи, усиленно мулсируемые большевистскими весьма многочисленными агентами, предрекающими новое близкое (2—3 недели) завоевание Одессы Красной армией, имеют самое широкое распространение. Слухи эти в среде населения, привыкшего за время "красного" владычества больше верить слухам, чем печатному слову, порождают недоверие к военной мо-

щи Добрармии, к ее военным успехам и к возможности для нее удержать в своих руках Одессу при нажиме со стороны "красных". Подрывая подобными слухами авторитет Добровольческой армии, пользуясь бездеятельностью местных властей, подпольная разрушительная работа большевиков идет и в другом направлении. По сию пору, например, работают Пересыпский [и] Молдавский комитеты, обладающие большим количеством оружия и предполагающие выпустить в ближайшем будущем огромное количество прокламаций. По линии железной дороги повсюду разбросаны большевистские ячейки. В самой Одессе на полном ходу идет работа советской контрразведки и агитация среди железнодорожников и прочих рабочих. Агитация имеет свои определенные центры на станции Одесса-главная и Одесса-товарная. Одновременно с этим под самой Одессой, в каменоломнях сел Парубейск и Усатов устроены большие склады оружия, где находят себе пристанище и скрывающиеся красноармейцы.

Кроме усиленной деятельности советских агентов в Одессе, конспирирована деятельность и петлюровских организаций, располагающих огромными денежными суммами, которые идут главным образом на агитацию среди военных и железнодорожников. Так, например, известен случай переговоров по прямому проводу двух телеграфистов станции Одесса-главная с агентом петлюровских банд, занимавших тогда станцию Затишье, о присылке 3 миллионов карбованцев на агитацию в пользу Петлюры. Агитация петлюровцев деньгами особенно опасна тем, что среди солдат и офицерства Одесского гарнизона наблюдается весьма подавленное настроение, обуславливаемое несвоевременной уплатой содержания, задержка какового в связи с дороговизной ставит военнотружущих в крайне затруднительное положение.

Наряду с активной борьбой с Добрармией и ее властью большевистских и петлюровских агентов наблюдается и усиленное противодействие ими агитационной деятельности тех кругов, каковые стоят на платформе Добровольческой армии. Так, например, известными представителями

различных учреждений обществ скупатся, очевидно с целью изъятия из обращения, номера газеты "Крестьянское дело" (Херсонская ул. № 15), редактируемой членом Винницкого окружного суда Шевченко и издаваемой специально для крестьян размером [тиражом в] 15 000 экземпляров. Скупка номеров производится в самой конторе газеты, и, таким образом, ни один номер этого полезного издания не доходит не только до деревни, но даже до ближайшего газетного киоска.

Бездеятельность власти; нахождение неопытных людей на ответственных постах; широкое взяточничество, по слухам, процветающее в осведомительных органах; преступная недальновидность начальства; плохая организация административного и разведывательного аппаратов; отсутствие надлежащего контроля вновь поступающих служащих — все это факторы, благоприятствующие деятельности врагов Добровольческой армии и способствующие усилению того недоверия к власти, каковое наблюдается, например, в среде рабочих масс. И только искоренением подобных дефектов возможно пресечь разрушительную работу наших врагов и окончательно завоевать симпатии широких слоев, тем более, что в памяти населения Одессы еще свежи воспоминания о кровавых ужасах большевистского режима и предательской деятельности самостийников.

СПИСОК РАССТРЕЛЯННЫХ В ОДЕССЕ

Штейны Рафаиль и Иосиф — за выдачу австро-германским властям большевиков.

Сакр — за расстрел тов. Скибко

Скриценко и Шубинский — за организованное убийство мирного населения в Подольской губернии.

Д. Янцер — за убийство спартаковца.

Волков — за сотрудничество в осведомительном бюро при добровольцах и участие в активной борьбе с большевиками.

Скрипченко Александр — за службу в контрразведке при добровольцах.

Барон Штенгель Борис Федорович — на основании красного террора.

В ночь на 13-ое июля расстреляны:

Эбедов Мих. Ис., бывший начальник Одесского военного округа, как контрреволюционер и монархист.

Бирюков Николай Павлович, генерал-майор, бывший в мирное время командиром роты Его Величества Павловского военного училища, как контрреволюционер и монархист.

Гулькевич Леонид Орестович, генерал-майор, как контрреволюционер и монархист.

Федоренко Василий Тимофеевич, генерал-майор, как контрреволюционер и монархист.

Дорошенко Петр Яковлевич, действительный статский советник, как контрреволюционер и монархист.

Питаки Павел Константинович, штабс-капитан.

Билим Николай Павлович, статский советник, бывший инспектор тюрем в Херсонской губернии.

Набоков Евгений Михайлович, бывший пристав.

Гейдак Владимир Сергеевич, бывший пристав.

Левдигов Владимир Алексеевич, полковник.

Корбут Алексей Алексеевич, полковник.

Силис Петр Петрович, полковник.

Федоров Александр Васильевич, бывший письмоводитель осведомительного отдела при одесском градоначальнике Мустифине.

Шмицько Иван Фил., подпоручик.

Демиденко Павел Макарович, поручик.

Ципочка Влад. Андреевич, за руководство петлюровцами.

Малеванный Фл. Данилович.

Носик Павел Сергеевич, как контрреволюционер.

Григорович Эразм Григорьевич, военный чиновник, как контрреволюционер.

Шура-Шуров Федор Михайлович, поручик, как контрреволюционер.

Лемащинский Борис Федорович, офицер, как контрреволюционер.

Флоринский Георгий Сергеевич, помещик, как контрреволюционер.

Скипченко Николай Иларионович, как участник добровольческой контрразведки.

Баранов Николай Сергеевич, бывший прокурор Одесского окружного суда.

Демянович Николай Илар., бывший председатель департамента Одесской судебной палаты.

Недзвецкий Владимир Николаевич, бывший товарищ прокурора Одесской судебной палаты.

Чайковский Григорий Владимирович, прокурор Елецкого окружного суда.

Зайченко Иван Иванович, бывший председатель совета Южного монархического союза.

Зусович Яков Меерович, крупный капиталист, купец 1-й гильдии.

Янкелев Аарон, крупный капиталист, купец 2-й гильдии, в ответ на белый террор.

Шац Иосиф, крупный капиталист, купец 2-й гильдии, в ответ на белый террор.

Багров Евза Литманович, крупный капиталист, купец 2-й гильдии, в ответ на белый террор.

Елик Моисей Давидович, крупный капиталист, в ответ на белый террор.

Стибор-Мархоцкий, граф, как контрреволюционер.

Осипов Андрей, полковник, как контрреволюционер.

Белопольский Исай Борухович, как работавший в добровольческой контрразведке.

Голубов Дмитрий Васильевич, как работавший в добровольческой контрразведке.

Иванченко Илья Степанович, как работавший в добровольческой контрразведке.

Хлебников Леонид Владимирович, как работавший в добровольческой контрразведке.

Шумский Павел Николаевич, как работавший в добровольческой контрразведке.

Барталович Эльвира Антоновна, как сотрудник французской контрразведки.

Башняк Любовь Михайловна, как сотрудник французской контрразведки.

Ремих Карл Карлович, помещик, как контрреволюционер.

Фаац Карл Фридрихович, помещик, как контрреволюционер.

Зозуля Мина, помещица, как контрреволюционер.

Матвеев Хризант. Михайлович, бывший городской голова Николаева, как контрреволюционер.

Гомелаури Николай Иванович, служащий в гетманской варте, как контрреволюционер.

Струмеленко Фил. Семенович, как погромщик.

Зайцев Исаак Павлович, как контрреволюционер.

В ночь на 27 июля по постановлению Комитета обороны Одессы расстреляны:

Скрибан Николай Петрович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Дяников Тимофей Иванович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Лысенко Тихон Васильевич, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Губан Митрофан Иванович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Белоусов Андрей Анисимович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Низкоусов Владимир Иванович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Татаров Михаил Петрович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Калита Андрей Войцехович, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Калинин Михаил Григорьевич, матрос из черноморского полка матроса Стародуба.

Кальфа Самуил Аронович, купец 1-й гильдии, Одесса, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Понозон Шая Лейбович, купец 1-й гильдии, Петроград, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Фаминер Лазарь Эльевич, купец 1-й гильдии, Одесса, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Амбатьело Иван Панайот., домовладелец, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Выводцев Карл Михайлович, коммерсант, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Бурнштейн Фейтель Иосифович, коммерсант, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Кортопан Николай Адреевич, помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Шурмураки Ксенофонт Скарл., помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Дуланаки Петр Демьянович, помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Везне Андрей Иванович, помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Эслингер Иван Адамович, помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Эслингер Вильгельм Адамович, помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Роникер Михаил Эдуардович, граф, крупный польский помещик, в порядке красного террора в ответ на белый террор.

Братановский (он же Романенко) Борис Семенович, штабс-капитан, как контрреволюционер.

Черненко Прокофий Дукич, студент, как контрреволюционер.

Езиров Иосиф Фортунатович, бывший полицейский пристав, как контрреволюционер.

Нардык Петр Викентьевич, активный член Союза русского народа, как контрреволюционер.

Ершова Анна Иларионовна, активный член Союза русского народа, как контрреволюционер.

Стрельцов Павел Владимирович, студент, за ношение оружия без разрешения.

Клейтман Лазарь, коммунист, особый уполномоченный по снабжению 5-й совармии, за массовое хищение кожи.

Ленский (Абрамович) Исаак, коммунист, особый уполномоченный по снабжению 5-й совармии, за массовое хищение кожи.

Лопушинер Герш, сотрудник по снабжению 5-й совармии, за массовое хищение кожи.

Арестованы:

Крупенский Семен Михайлович.

Гагарина, княгиня, подвергалась пыткам за укрывательство мужа, как больная тифом отправлена в госпиталь.

Степанова, дочь Василия Алексеевича Степанова, была арестована, приговорена к расстрелу, но затем была освобождена.

Сов. секретно

СООБЩЕНИЕ ОДЕССКОГО ОТДЕЛЕНИЯ “АЗБУКИ” от 6/19 августа

В последней сводке одесского отделения “Азбуки” сообщают следующее.

На парусниках “Макар Ситников”, “Три Святителя”, “Мираж” и “Рассвет”, которые выдут из Одессы в море, поедут бегущие из Одессы большевики. На одном из этих парусников поедет группа: два мужчины и две женщины (у одной из женщин на шее четырехугольный медальон). Эта группа представляет собою большевистских агентов, пробирающихся в распоряжение Добрармии с целью произвести покушение на генерала Деникина.

Эти сведения были сообщены начальником одесского отделения “Азбуки” адмиралу Саблину за три дня до падения Одессы.

По словам курьера, привезшего информацию и выехавшего из Одессы за три дня до сдачи, есть основания думать, что названные лица уже задержаны рыбаками на Кинбурнской косе и переданы в распоряжение миноносца “Поспешный”, откуда и можно получить справку, те ли это лица.

ИЗ ОДЕССЫ В ЕКАТЕРИНОДАР

Доклад курьера организации “Азбука” “Киевлянина”

Для того, чтобы выехать из города, будь то обыкновенный смертный или советский служащий, необходимо предварительно являться в Чрезвычайную комиссию, где первым делом приходится вымаливать, в полном смысле этого слова, разрешение, а вторым — регистрироваться. Красноармейцы в этом случае более счастливы: они являются к коменданту, который не расспрашивает их, куда они едут и зачем, и не перерывает их вещей. Так было и со мной: комендант поставил на отпускном билете печать и указал время отхода эшелона.

2 июля отходил эшелон с полком имени Петра Старостина, который прибыл на товарную станцию в порядке с оркестром музыки. Его сопровождала огромная толпа, очевидно, родственников и знакомых.

Началась посадка по вагонам. Руководил ею начальник эшелона. Не обошлось, конечно, без ругани из-за места. Большинство красноармейцев — мобилизованные евреи. Они заявили, что почти все добровольцы, настроение у них, нужно заметить, весьма бодрое, беспрестанно из разных частей эшелона раздается пение “Интернационала”. Перед отходом эшелона было объединенное собрание ротных коммунистических ячеек, на котором между прочим было по-

становлено в случае тревоги не открывать самочинной стрельбы. Эшелон направился на Вознесенск, и для того чтобы попасть мне в Никополь, я пересел в Кисловке на поезд 50 украинского полка, шедший на Синельниково. В вагон попасть не удалось и пришлось ехать на платформе. Эта часть производит впечатление более крепкой, тем не менее резко бросается в глаза отсутствие дисциплины и хамское отношение к командному составу.

В Никополе спокойно. Красноармейцев на улицах почти не видно. Поражает сильный контраст в ценах на продукты с Одессой.

В Херсон прибыл утром, и в 12 часов я уже выехал на пароходе вверх по Днепру. Мои красноармейские документы не вызвали никаких сомнений и получать пропуск не составляло никаких затруднений. Я рассчитывал доехать до Никополя и оттуда в зависимости от положения на фронте пробраться либо к станции Пологи, либо в сторону Бердянска.

Спутником в Никополе у меня оказался красноармеец полка имени Пивчена с румынского фронта, неграмотный, деревенский мужик, прослуживший всю войну в уланском полку. В лице его я перед собой видел настоящий тип красноармейца, пропитанного насквозь коммунистическими теориями, но в то же время остающегося прежним неразвитым простым мужиком. В начале разговора, завязывающегося в каюте, он пытался отстаивать то, что ему напевали коммунисты, но после возражений большинства присутствующих он во многом стал соглашаться и в конце концов стал возмущаться некоторыми несправедливостями господства коммунистов-комиссаров и существующими порядками. Он ехал на отдых домой, но слухи о восстании крестьян по деревням того района запугивали, и он побоялся явиться в свою семью, опасаясь, что крестьяне расстреляют за то, что он хотя и защитник революции, но коммунист.

Пароход далее Каховки не пошел, и мне пришлось в ней засесть на несколько дней.

Каховка только что была очищена от банд Дорошенко и Павленко подошедшим из Крыма отрядом Попова, но вок-

руг нее было еще беспокойно. На место уничтоженных главварей появился новый "бандит" Ковалев, который загородил Днепр и дорогу на Мелитополь, оставив коммунистам свободный проход лишь на Перекоп. Не желая оставаться долго в Каховке, я пытался уйти пешком по направлению к Мелитополю, но в нескольких верстах от города меня захватила застава и возвратила обратно в город. Попытка пробраться к Никополю по правому берегу Днепра из города Береслава также кончилась неуспешно. Хотя начальник гарнизона и обещал населению ликвидировать не сегодня-завтра банду и очистить дорогу, я все же решил отправиться по железной дороге в направлении на Гениченск. Переход в 130 верст я сделал в 4 дня и на 5-й день вышел к станции Новоалексеевка. Дорога, к счастью, проходила через места пустынные, где кроме ровной голой степи на десятки верст вокруг ничего не видно. Но если приходилось миновать какие-либо хутора или деревни, то несмотря на мою демократическую внешность, многие считали своим долгом осведомиться, куда я и откуда иду. Благодаря всей неурядице, какая творится в этом крае, постоянным налетам банд и вообще обильно шатающегося подозрительного элемента, недоверчивость среди населения достигла крайних пределов. В имении Доринбург я был арестован по подозрению в шпионаже, но после долгого допроса и обыска был освобожден.

Придя в Новоалексеевку и увидя, что происходит отступление крымских советских войск, я решил задержаться на этой узловой станции и выждать удобного момента для прохода через фронт. Ознакомившись с Гениченском, я убедился, что проезд на фелюге на Арабатскую стрелу мне не удастся, т. к. после попытки Добрармии высадить десант большевики устроили несколько наблюдательных пунктов. Подойти навстречу крымской Добровольческой армии я не мог, т. к. мост через Сиваш большевики успели взорвать и вдоль берега устроена была позиция. Пришлось ожидать три дня, пока, наконец, обозначился отход большевиков. 17 июня днем я вошел в город Гениченск, который большевиками был оставлен ночью, в то время, как со стороны Ара-

бадской стрелки вошел эскадрон драгун. Я явился к начальнику отряда, назвал себя и просил оказать содействие для проезда в Екатеринодар. На третий день с первым отходящим военным судном я выехал в Керчь. По прибытию туда явился к коменданту города и просил выдать пропуск на пароход. Комендант на это потребовал документ Д. а., которого у меня не было; частный мой документ его не удовлетворил, и он заявил, что пропустит меня только в том случае, если на запрос в Екатеринодар получит утвердительный ответ. Через два дня ответа не было. Тогда я настоял отправить меня в Новороссийск каким угодно способом, и после долгих разговоров мне было выдано предписание явиться к коменданту в Новороссийск для дальнейшего следования в Екатеринодар, куда я прибыл 24-го числа, пробыв в общем в дороге 23 дня.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БЕСЕДА С ПЕТЕРСГОМ

В беседе с нашим сотрудником председатель ВЧК Петерс высказал следующие соображения по поводу прошлого и настоящего Чрезвычайной комиссии.

Со времени переезда Чрезвычайной комиссии в Москву нам пришлось, — говорит председатель комиссии Петерс, — провести огромную организационную работу, ибо вначале комиссия состояла фактически всего из четырех человек. В этой области дело далеко не благополучно. Наша ошибка заключается в том, что мы не создали контрольного аппарата в самом начале и дали самостоятельно образоваться уездным Чрезвычайкам. Теперь мы их лишили права расстрела и направляем все силы для организации благонадежного надзора за их деятельностью.

Главным принципом нашей работы является связь с массами. За настроениями ее следит специальная организация разведчиков, но вместе с тем мы уже добились того, что в целом ряде случаев сами рабочие зорко следят за деятельностью буржуазии и доносят нам при малейшем подозрении. Таким образом, работа наших агентов сводится преимущественно к проверке сообщаемых добровольных сведений.

Начатая против Чрезвычайной комиссии кампания в печати и в некоторых правительственных группах потерпела фиаско. Чрезвычайная комиссия не будет подчинена [наркому внутренних дел] Петровскому и останется в ведении Совнаркома.

Что же касается расстрелов, то я должен сказать, — продолжал гражданин Петерс, — что, вопреки распространенному мнению, я вовсе не так кровожаден, как думают. Напротив, если хотите знать, я первый поднял вопль против красного террора в том виде, как он проявился в Петербурге. К этому, я бы сказал, истерическому, террору при-

косновенны больше всего те мягкотелые революционеры, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать.

До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров.

Вы спрашиваете об амнистии? Нет, амнистии не будет. Мы просто усиленно разгружаем тюрьмы от неопасного элемента. Этим ведает теперь специальная комиссия.

Что касается арестованных меньшевиков, то мы разделяем их на активных и пассивных. Последние будут освобождены, первым же не будет пощады.

Теперь наступает самый острый момент для революции. Интернациональная контрреволюция готовит грандиозный поход против большевизма. Этот поход может снова окрылить притихшую русскую буржуазию, но я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которыми побледнеет все, что понимается под красным террором.

Утро Москвы, 4 ноября 1918, № 81

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ*

Дорогой Георгий!

Получила твое письмо и была, конечно, обрадована и поражена. Подумать только, куда занесла тебя судьба! Интересно будет потом встретиться, много интересного, я думаю, порасскажешь. Твое письмо я послала на прочтение Соне и Наташе Балакиной. Многое изменилось с тех пор, как мы расстались. Умерла моя сестра Шура. Мы застряли в Архангельске при белогвардейцах, куда я получила от тебя письмо из Лондона и ответила тебе на Лондон. Я вышла замуж, перенесла много горя, так как муж мой еле-селе уцелел. Теперь мы оба живем в Вологде, я служу в качестве химика в одном институте, а муж — агроном. Живем болс чем скромно, не по-прежнему. Устя с мамой в Петрограде. Устя учится в медицинском институте. Наташа с матерью тоже в Петрограде. Она тоже получила твое письмо. Балакин пропал на фронте без вести. Дочка ее умерла. Алеша Ев. жив, учится в Казани в медицинском институте. Наташа его видела. Ванечка тоже жив. Юдин женат на Тоне Девяткиной, у них два ребенка. П. Голиков тоже жив и здоров. Дейч сидит. Даша в Москве учится, Ксения в Москве, все такая же. Данин брат умер (муж Флоры Григорьевны). Умер Даниил Захаров от сыпного тифа. Много, много смертей. И не узнаешь ты людей, как не узнаешь Петрограда. Я осталась такою же и рада, что ты меня вспомнил. 13 и 14 годы — лучшие мои годы. А теперь живешь только личной жизнью. Горе одиноким. Впрочем, я не хотела бы быть за границей в эту тяжелую для родины годину и понимаю твое стремление вернуться. Я собираюсь все-таки жить в Петрограде на старом пепелище. И думаю, ты не пройдешь

*) Письмо, адресовано Г. Струмилло, правому социал-демократу, эмигранту. Хранится в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция Португейса, папка № 3, 1922.

мимо и когда-нибудь встретимся. А если хочешь мне доставить много радости, пошли из Америки чего можешь, а главное — сладкого. Живем без сахара, так как не по карману. Буду тебе очень признательна. Всего хорошего, искренне расположенная

Леля.

Адресуй так: Петроград, Васильевский остров, 16-я линия, д. 93.

Агнии Константиновне Федорушкиной для Лели.

III

ВОПРОС О РЕПАТРИАЦИИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ в связи с резолюцией, принятой Совещательным комитетом при верховном комиссаре д-ре Нансене 20 апреля 1923 года

Доклад В. П. Носовича

Разногласия представителей русских беженских организаций в происходившем 20 апреля заседании Совещательного комитета при верховном комиссаре д-ре Нансене по вопросу о репатриации вызвали серьезную тревогу в среде русской зарубежной общественности. Тревога эта находит себе полное оправдание как в деятельности верховного комиссара д-ра Нансена в области репатриационной проблемы, так и в обстоятельствах, сопровождавших ее постановку на разрешение Комитета.

Внесенным на повестку дня этого заседания докладам было предпослано обширное сообщение председателя Комитета верховного комиссара д-ра Нансена об его деятельности за истекший со времени предшествующего заседания период и о значении предложенных на рассмотрение Комитета вопросов. Соображения свои по поводу репатриации д-р Нансен приурочил к докладу представителя Jewish Colonization Association and Allied Organization г. Люсьена Вольфа "Об эвакуации еврейских беженцев в Польшу и Румынию". Доклад этот был посвящен положению русских беженцев еврейской национальности, временно обосновавшихся в Польшу и Румынии, впредь до получения возможности эмигрировать в другие страны, по преимуществу в Северо-Американские Соединенные Штаты и Аргентину, и оказавшихся под угрозой принудительного возвращения в советскую Россию в силу последовавших почти одновременно распоряжений Польского и Румынского правительств. В докладе г. Вольфа указывалось, что в отдельных

случаях к принудительной высылке было уже приступлено, причем одна из беженских групп, насильно вывезенная польской стражей в нейтральную зону, не была допущена в Россию русской стражей и оказалась, таким образом, в совершенно безысходном положении.

В последней части своего доклада г. Вольф упоминал, что многие из находящихся в Польше и Румынии беженцев выражают желание вернуться в Россию. Хотя таким образом репатриационная проблема, по смыслу доклада, возникла лишь в отношении этой последней части беженцев, г. Вольф в виде заключительного вывода представил на утверждение Комитета проект резолюции следующего содержания:

“Верховный комиссар приглашается войти в переговоры с Русским и Украинским правительствами в видах репатриации русских беженцев, выразивших желание вернуться на родину, при условиях, которые обеспечили бы за ними право на возвращение им русского гражданства и достаточную охрану, дающую им возможность восстановить свои жилища и возобновить свою общественную и экономическую деятельность”.

В упоминаемой выше записке своей верховный комиссар д-р Нансен изложил следующие данные по вопросу о репатриации.

Некоторые балканские казачьи организации довели до его, верховного комиссара, сведения, что несколько тысяч казаков, входящих в эти организации, желают вернуться на родину в Южную Россию и просят д-ра Нансена войти в переговоры по этому предмету с советским правительством. Последовавшие, согласно этому ходатайству, письменные сношения советского правительства с д-ром Нансеном завершились заключением особого соглашения, в силу которого советское правительство обязалось предоставить всем русским беженцам, репатриированным с согласия советского правительства под покровительством верховного комиссара, все без изъятия привилегии, предусмотренные декретами о всеобщей амнистии от 3 до 10 ноября 1921 года и притом без применения к репатриированным декрета от

15 декабря 1921 года и других распоряжений такого же характера. Вместе с тем советское правительство согласилось предоставить г. Джону Гордипу или другим надлежаще уполномоченным представителям д-ра Нансена свободно сноситься со всеми репатриированными в указанном порядке беженцами, дабы иметь возможность удостовериться в том, что перечисленные льготы им действительно предоставлены. Сверх того репатриированные беженцы получили право избрать представителей в количестве одного на сто и послать их за границу для осведомления своих соотечественников о мерах, принятых в отношении возвратившихся на родину. Все эти привилегии были дарованы исключительно выходцам с Дона, Кубани и Терека, добровольно пожелавшим вернуться на родину, численностью не более 2000 в месяц. Свои обязанности в отношении этих лиц советское правительство ограничило исключительно областью репатриации. Дополнительным соглашением от 22 декабря 1922 г. было установлено участие верховного комиссара в расходах по доставлению репатрируемых до русской границы. В отношении беженцев болгарских издержки на каждое лицо были определены в размере 17 шиллингов, из которых 10 шиллингов подлежали внесению из сумм верховного комиссара, а остальные семь доплачивались или самими репатриированными, или общественными организациями.

Сообщая эти данные о своей деятельности в области репатриации, д-р Нансен заявил себя "особенно счастливым, имея возможность удостовериться, что в общем советское правительство вполне добросовестно исполнило принятые на себя обязательства".

В установленном соглашении порядке уже возвращено около 6000 беженцев из Болгарии, причем до момента составления сообщения ни одного важного случая преследования со стороны советской власти репатриированных констатируется не было. К изложенному верховный комиссар присовокупил, что в том же порядке ему удалось вернуть на родину еще около 1000 русских беженцев из Греции, куда они проникли из Малой Азии.

Из приведенного сообщения, таким образом, явствует: 1) что верховный комиссар д-р Нансен неуклонно продолжал свою деятельность по репатриации русских беженцев, ассигнуя на эту надобность часть находящихся в его распоряжении сумм; 2) что правовое положение репатриированных было урегулировано особым соглашением верховного комиссара с советским правительством.

По поводу деятельности д-ра Нансена в области репатриации следует иметь в виду, что свой взгляд на эту проблему он еще ранее неоднократно, с полной определенностью, высказывал в своих рапортах Лиге Наций. Так, в рапорте своем от 15 сентября 1922 г. д-р Нансен писал буквально следующее:

“Верховный комиссар в своих разновременно представленных Совету рапортах настойчиво указывал, что репатриация большей, по крайней мере, части беженцев является единственным удовлетворительным способом окончательного решения проблемы, созданной присутствием в Европе значительного, доходящего до полутора миллионов, числа беженцев”.

В том же смысле, по утверждению рапорта, высказывалась и американская организация American Relief Administration. “Содействия верховного комиссара в этом вопросе, — писал далее д-р Нансен, — помогали и советское правительство, и представители беженских организаций, ссылавшихся на заявления многих находящихся в разных странах русских беженцев, которые выражают сильное желание вернуться на родину”. По поступающим к верховному комиссару сведениям, число беженцев, желающих вернуться на родину, велико. Так, в государстве сербов, хорватов и словенов их 7000, в Греции — 1500, в Константинополе — 4000, в Болгарии — 10000.

Приведенный рапорт д-ра Нансена был рассмотрен в Собрании Лиги Наций, имевшем место 28 сентября 1922 г. Высказанные в докладе соображения по вопросу о репатриации вызвали энергичные возражения представителя Швейцарии г-на Адора, указавшего на неопределенность репатриационной программы д-ра Нансена по вопросу о

допустимости репатриации принудительной. При последующих прениях д-р Нансен считал необходимым категорически заявить, что в своем докладе он имел в виду лишь тех русских беженцев, которые добровольно пожелают вернуться на родину. В связи с этим надлежит отметить, что в резолюции, принятой того же 28 сентября 1922 г. Собранием Лиги Наций по содержанию доклада д-ра Нансена, поставленные ему задачи ограничиваются исключительно областью правовой и материальной помощи русским беженцам.

Что касается затем упоминаемого выше соглашения верховного комиссара с советским правительством по вопросу об урегулировании правового положения русских беженцев, то под упоминаемыми в этом соглашении актами всеобщей амнистии от 3 и 10 ноября 1921 года разумеются, по-видимому: 1) подписанный 3 ноября 1921 г. и напечатанный под ст. 611 в № 74 советского Собрания узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. декрет под заглавием "Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских организациях"; 2) подписанный 4 ноября 1921 г. (а не 10-го того же месяца, как это указано в сообщении д-ра Нансена Совещательному комитету) и напечатанный под ст. 614 в № 75 того же сборника декрет "Об амнистии". Иных аналогичного характера актов ни в течение второй половины 1921 г., ни за первую половину 1922 года в советской России опубликовано не было.

По первому из этих декретов амнистированы и получили право вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными лишь те беженцы, которые "участвовали в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Булаховича, Пермикина и Юденича в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против советской власти и находящихся в настоящее время в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии". Приведенный декрет касается, таким образом, лишь ограниченного круга беженцев. Вместе с тем, применение его только к тем уча-

стникам военных организаций, которые вовлечены были в борьбу с большевиками путем насилия или обмана, связано с предоставлением власти широких полномочий отказывать в амнистии отдельным лицам.

Упомянутый выше декрет от 4 ноября 1921 г. “Об амнистии” издан был, как это видно из его текста, “в ознаменование четвертой годовщины власти трудящихся в связи с окончанием войны и переходом на мирное строительство”. Это — обычный акт о сложении и уменьшении ответственности за преступления. Он представляет, однако, крайне характерные для власти, его издавшей, особенности. Так, вопреки общепринятому приему прощения или смягчения участи виновных в совершении уголовно наказуемых деяний до определенного срока, декрет этот распространяется только на осужденных, подсудимых или обвиняемых и, таким образом, вовсе не касается лиц, в отношении коих преследование вовсе не возбуждено. Обстоятельство это приобретает особое значение в связи с тем, что на основании Уголовного кодекса РСФСР в советской России вовсе не погашаются давностью преступления, влекущие за собою смертную казнь или изгнание из пределов РСФСР, т. е. свыше 25% всех преступлений. Так как вместе с тем Уголовный кодекс РСФСР предоставляет суду неограниченное право облагать наказанием деяния, кодексом не предусмотренные, а вместе с тем в крайне широких и неопределенных выражениях определяет понятие государственного преступления, декрет об амнистии допускает применение самых суровых наказаний, до смертной казни включительно, к беженцам, проявившим хотя бы за границей свое несочувствие к советской власти в какой бы то ни было форме.

Этого мало — на основании пункта 5 декрета амнистия не распространяется, между прочим, “на деятелей антисоветских политических партий”. Как известно, такими партиями признаются в России все, кроме коммунистической. Не довольствуясь этим, декрет (ст. 10) уполномочивает органы, его применяющие, возбуждать перед президиумом ВЦИК ходатайство о неприменении амнистии по отноше-

нию к отдельным лицам, “освобождение коих может представить опасность для республики”.

Не приходится настаивать на том, что правовое положение репатриированных в советскую Россию не может быть признано сколько-нибудь прочным и при условии применения к ним указанных декретов.

Несколько иной характер носит принятое на себя большевиками обязательство не применять к репатриированным беженцам декрета от 15 декабря 1921 года или иных аналогичного характера. Как известно, декретом от 15 декабря 1921 г. (Собрание узаконений за 1922 г., № 1, ст. 11) русские беженцы объявлены лишенными прав советского гражданства. Неприменение его, таким образом, равносильно возвращению репатриированным этих прав, чем в конечном выводе и ограничивается область выговоренных верховным комиссаром привилегий в пользу репатриированных под его покровительством беженцев.

Наряду с этим, однако, по смыслу того же соглашения все остальные распоряжения большевиков, относящиеся к области имущественных и личных прав беженцев, не только оставлены в силе, но и получили признание верховного комиссара. Из числа этих распоряжений особое значение имеют содержащиеся: 1) в декрете от 19 ноября 1921 года (Собрание узаконений за 1921 г. № 18, ст. 111) и 2) во введенном в действие с 1 января 1923 г. Гражданском кодексе РСФСР.

Декретом от 19 ноября 1921 г. конфисковано и объявлено собственностью РСФСР “все движимое имущество граждан, бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени”. На основании Прим. I к ст. 59 Гражданского кодекса РСФСР, “бывшие собственники, имущество коих было экспроприировано на основании революционного права или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1921 года, не имеют права требовать возвращения этого имущества”. Так как за последовавшей национализацией земли Гражданский кодекс объявил отмененным само понятие недвижимого имущества, русские беженцы, в конечном выводе, лишены в советской России

права собственности на всё без исключения принадлежащее им имущество и при возвращении в советскую Россию могут лишь вновь приобретать таковое в пределах, допускаемых советскими декретами. Какого-либо ограничения в отношении имущества, привозимого репатриированными из-за границы, соглашением верховного комиссара с советским правительством не установлено.

Таково значение данных и соображений, приведенных в записке верховного комиссара д-ра Нансена Совещательному при нем комитету по вопросу о репатриации в связи с докладом г-на Вольфа.

Того же вопроса записка д-ра Нансена касается по поводу доклада представителя старой организации русского Красного креста д-ра Лодыженского о продолжающемся подготовке медицинского персонала для работы в советской России. Упоминая о докладе д-ра Лодыженского, д-р Нансен обращает внимание Совещательного комитета на приложенный к материалу заседания рапорт своего представителя в Москве д-ра Гордипа о поступившем к последнему предложении советского правительства предоставить русским студентам-беженцам, изучающим медицину в иностранных университетах, места врачей в советской России.

Обсуждение доклада Лодыженского, предшествовавшее рассмотрению доклада г-на Вольфа, послужило ближайшим поводом к поднятию в заседании Совещательного комитета 20 апреля 1923 года вопроса о репатриации.

В своих личных объяснениях д-р Лодыженский высказал, что приложенное к письменному материалу обращение советского правительства к д-ру Гордипу не содержит достаточных гарантий, при которых ныне же представилось бы возможным предпринять серьезные шаги для отправки в Россию медицинского персонала. На поставленный д-ром Нансеном прямой вопрос, какие возражения д-р Лодыженский имеет против принятия предложения советского правительства, д-р Лодыженский заявил, что предложение это крайне неопределенно, так как Советы не предоставляют никаких гарантий медицинскому персоналу, не включен-

ному в состав иностранных организаций, а при этом условии не представляется возможным советовать этому персоналу возвращаться в Россию.

Г-н Люсьен Вольф высказал, что врачебный персонал, набранный из беженской среды, мог бы работать в России при условии включения его в состав организаций под покровительством д-ра Нансена. По этому поводу д-р Лодыженский выразил уверенность, что если бы такое предложение было сделано, представляемая им организация отнеслась бы к нему с особенным вниманием.

Последующий обмен мнениями по возбужденному вопросу изложен в протоколе заседания в следующих выражениях:

“Председатель (т. е. д-р Нансен) замечает, что медицинский персонал во всяком случае пользовался бы защитой, которая предоставлена репатриированным в общем порядке. Представляется ли д-ру Лодыженскому такая защита недостаточной?

Д-р Лодыженский отвечает утвердительно, говоря, что она недостаточна.

Председатель полагает, что каждому беженцу следует предоставить возможность самому судить, считает ли он защиту достаточной или нет. Донские казаки пришли к положительному заключению и недавно вернулись в Россию.

Д-р Лодыженский замечает, что он говорит только от имени персонала старой организации русского Красного креста.

Графиня Панина того мнения, что сама редакция письма советского правительства указывает, что правительство это не очень желает возвращения в Россию медицинского персонала, о котором идет речь”.

Этим закончился обмен мнениями по вопросу о посылке медицинского персонала в советскую Россию. Резолюций по этому предмету постановлено не было.

По рассмотрении затем ряда других докладов, было приступлено к обсуждению приводимой выше резолюции, предложенной г-ном Люсьеном Вольфом по репатриацион-

ной проблеме. Г-н Вольф дополнительно доложил содержание полученной им от его организации в Варшаве телеграммы с извещением о том, что советское правительство согласно допустить возвращение на родину всех беженцев, покинувших Россию после 12 октября 1920 г. без законного разрешения и что советскому представителю в Варшаве уже даны инструкции возбудить перед польским правительством ходатайство об отсрочке принудительного выселения беженцев до 1 июня.

Далее в протоколе значится:

“Д-р Лодыженский спрашивает, относится ли предложенная г-ном Вольфом резолюция только к русским беженцам еврейской национальности, или ко всем беженцам.

Г-н Вольф отвечает, что она относится ко всем беженцам, которые имеются в виду в декрете об изгнании.

Д-р Лодыженский заявляет, что при таких условиях он не может присоединиться к резолюции.

Председатель спрашивает, что произойдет с этими беженцами, если польское правительство подвергнет их принудительной высылке.

Д-р Лодыженский отвечает, что необходимо будет представлять перед польским правительством, дабы оно разрешило им остаться или нужно переселить их в другие государства. Репатриация равносильна для них верной смерти.

Г-н Аберсон (представитель Всеобщего единения помощи евреям), поддерживая резолюцию г-на Вольфа, выражает желание внести в нее некоторые изменения. Он замечает, что на верховного комиссара возложена не организация репатриации беженцев, а лишь помощь тем беженцам, которые сами просят о возвращении на родину, так как этих лиц нельзя предоставить самим себе. Верховный комиссар должен получить от советского правительства гарантию в том, что вернувшиеся домой беженцы не подвергнутся преследованию; вместе с этим переговоры о репатриации должны происходить под руководством верховного комиссара. Сверх того, так как большинство репатриированных будет без средств, представится необходимым создать для них

возможность зарабатывать средства к существованию путем предоставления им после возвращения на родину орудий для работы. Им должна быть оказана помощь не только юридическая, но и практическая.

Что касается беженцев из русских евреев в Польшу, то 300 из них решили вернуться в Россию. Тем не менее не следовало бы допускать, чтобы вопрос о помощи репатрированным был использован как средство давления для сведения дела к ликвидации проблемы русского беженства в нежелательном смысле. В заключение оратор предлагает прибавить к резолюции г-на Вольфа после слов “в видах репатриации” слова “под покровительством верховного комиссара”.

Как видно из протокола, г-н Вольф против такого дополнения предложенной им резолюции не возражал. Председатель же к нему присоединился. Далее в протоколе излагается:

“Графиня Панина полагает, что надобности в резолюции нет. Верховный комиссар уже вел аналогичные переговоры и нет никакого основания особо упоминать о них в связи с русскими беженцами в Польшу.

Председатель замечает, что резолюция — общего характера.

Графиня Панина боится, что Комитет своей резолюцией особо подчеркнет одну из мер, способных разрешить вопрос о русских беженцах в Польшу. Это не единственная мера, которую нужно иметь в виду. А так как она наиболее легко выполнима, то возможно, что польское правительство прибегнет к ней тем более охотно, что она будет этим путем выдвинута на первый план.

Г-н Джонсон (помощник верховного комиссара) заявляет, что резолюция совершенно общего характера, доклад же о положении русских беженцев в Польшу составляет предмет другого номера повестки.

Г-н Вольф говорит, что меры по репатриации принимаются главным образом в Польшу и Румынии, где положение русских беженцев критическое. Следовало бы облечь д-ра

Нансена мандатом Комитета вступить в переговоры с советским правительством.

По статистическим данным, в одной Румынии 1030 беженцев высказалось за репатриацию. В других местах половина беженцев готова согласиться на возвращение на родину при невозможности быть отправленными в другие страны. Если бы верховный комиссар отказался облегчать репатриацию, он принял бы на себя очень серьезную ответственность. Известное число русских беженцев в Польше окажется в невозможности выехать в Соединенные Штаты до 1 июля ввиду паспортных затруднений. Некоторые беженцы вообще не в состоянии эмигрировать. Если бы предложение д-ра Лодыженского было бы принято, беженцы могли бы быть изгнаны в нейтральную зону и там погибнуть: уже имел место случай, когда в течение 48 часов группа беженцев болталась между русской и польской стражей.

Г-н Аберсон разъясняет, что, указывая число 300, он имел в виду только желающих возвратиться на родину русских беженцев еврейской национальности в Польше, а не других беженцев. С другой стороны, репатриация касается только тех беженцев, которые желают вернуться на родину.

Председатель говорит, что по его сведениям, общее число беженцев в Польше, желающих быть репатриированными, составляет 5000.

Д-р Лодыженский полагает, что Верховный комиссариат был создан для улучшения участи русских беженцев, а не для содействия их репатриации. Та общественная группа, которую он представляет, была всегда противницей идеи побуждения беженцев к возвращению в советскую Россию.

Председатель говорит, что Верховный комиссариат вовсе не побуждает беженцев возвращаться в Россию, а ограничивается оказанием им помощи в тех случаях, когда они сами желают это сделать.

Г-н Вольф замечает, что вопрос о помощи репатриированным в форме предоставления им орудий труда уже был рассмотрен представляемыми им организациями.

Г-н Аберсон, отвечая *г-ну Лодыженскому*, замечает, что ни одна из организаций не пожелала бы брать на себя ответственности в способствовании репатриации. Дело, таким образом, не в репатриации, а в оказании помощи тем, кто желает вернуться на родину. Может быть желательно, дабы избежать могущих иметь нежелательные последствия недоразумений, изменить редакцию резолюции. Он предлагает следующую редакцию: "Верховный комиссар будет уполномочен вести переговоры в видах обеспечения помощи русским беженцам, которые пожелали бы вернуться на родину в условиях" и т. д. по предложенной редакции. Такое изменение или иную равнозначную формулировку.

Д-р Лодыженский поддерживает свою точку зрения и говорит, что было бы неправильно оставлять детей беженцев без помощи в Болгарии по недостатку средств, а вместе с тем находить средства на репатриацию людей, безопасность коих на родине не может быть гарантирована. Дело помощи верховного комиссара должно быть ограничено нуждающимися в таковой европейскими беженцами.

Председатель замечает, что верховный комиссар не принимает на себя никакой финансовой ответственности в области репатриации: он будет только заботиться о защите репатриированных со времени возвращения в советскую Россию. Если *д-ру Лодыженскому* известны случаи, указывающие, что с репатриированными нехорошо обращались, ему следовало бы поставить об этом в известность верховного комиссара. Что касается русских детей в Болгарии, то верховный комиссар не принимал на себя никакой ответственности в отношении их, как это и указывается в сообщении Комитету. Несмотря на это, он сделал все возможное, чтобы им помочь.

Графиня Панина, признавая резолюцию в том виде, в котором она изложена *г-ном Вольфом*, имеющей чересчур общий характер и не могущей быть в этом виде поддержанной представителями Земско-городского комитета, предла-

гаст внести в нее поправку, точно определяющую ее значение.”

Комитет определил разрешение вопроса отложить на конец заседания. Обсуждение вопроса возобновилось внесением графиней Паниной проекта резолюции г-на Вольфа в измененном виде. Предложенная графиней Паниной редакция гласила:

“Имея в виду кризис, переживаемый в настоящее время русскими беженцами в Польше и Румынии, и надеясь, что верховный комиссар соизволит продолжать переговоры и шаги, уже предпринятые в целях устранения затруднений существующего положения, имея в виду, что известная часть беженства выражает пожелания возвратиться на родину, Совещательный комитет” и т. д. следовала резолюция в том виде, в котором она была внесена г-ном Вольфом.

По оглашении этого исправленного проекта, представитель Russian Relief and Reconstruction Fund г. Комлози обратился к д-ру Нансену с вопросом о том, “откажется ли он от попечения судьбы желающих возвратиться на родину беженцев, если никакой резолюции принято не будет”, на что д-р Нансен ответил отрицательно. Ввиду этого г-н Комлози заявил, что “при таких условиях он считает резолюцию бесполезной, так как существуют особые основания для того, чтобы не выражать своего мнения по этому вопросу в заседании Комитета”.

Как значится далее в протоколе, г-н Вольф внесенную графиней Паниной поправку поддержал. Председатель выразил готовность ее принять, а г-н Лодыженский заявил, что он против резолюции.

При голосовании резолюция в предложенной графиней Паниной редакции была принята Совещательным комитетом голосами всех против одного голоса д-ра Лодыженского, при одном воздержавшемся (г-н Комлози).

Таковы обстоятельства, вызвавшие и сопровождавшие разногласия по вопросу о репатриации представителей русских общественных организаций в составе Совещательного комитета при верховном комиссаре д-ре Нансене.

При обсуждении вновь поставленной на очередь перед русской зарубежной общественностью проблемы репатриации надлежит прежде всего отметить исключительно неблагоприятные условия, в которые в настоящее время поставлено русское беженство в связи с переживаемым кризисом мирового масштаба в областях как экономической, так и правовой. Ненормальность этих условий, крайне затрудняющая разрешение проблемы, явилась вместе с тем главной причиной разногласия, возникшего в среде представителей русских беженских организаций в Совещательном комитете при Верховном комиссариате по русским делам. В этом отношении достаточно указать на имевшийся в виду Комитета случай насильственного изгнания из пределов Польши группы русских беженцев, которая в течение 48 часов пробыла в нейтральной зоне, отгоняемая вооруженной стражей от границ обеих стран. Характерно, что с точки зрения действующих ныне почти повсеместно исключительных паспортных правил эти русские беженцы, самовольно перешедшие из советской России в Польшу, ныне утратили право на законное пребывание в каком бы то ни было государстве мира. Не подлежит сомнению, что указанные действия польского и советского правительства не могут быть оправдываемы никакими государственными и правовыми соображениями: им, в известной мере, можно лишь найти объяснение в переживаемом кризисе и притом в области не экономической, а правовой. Борьба с подобными явлениями несомненно представляет значительные, подчас непреодолимые, затруднения. Тем не менее учреждения, коим вверена охрана правовых и материальных интересов русского беженства, не должны единственно под давлением опасения принятия теми или иными правительствами репрессивных мер, отказываться от осуществления своей прямой задачи — защиты русского беженства от произвольных действий властей.

Между тем в настоящем случае совещательный орган при верховном комиссаре направил свои усилия к разрешению вопроса о судьбе беженцев в Польше и Румынии по линии наименьшего сопротивления, признав необходи-

мость их репатриации единственно ввиду вероятности неуспеха представительства перед польским и румынским правительствами об отмене предположенной ими насильственной высылки части беженцев в советскую Россию. Таким образом, и при сложившихся фактических условиях проблема репатриации может быть сколько-нибудь удовлетворительно разрешена лишь при непременном проведении правовых начал.

1. Главнейшее из них заключается в признании за русскими беженцами, ныне являющимися политическими эмигрантами, права убежища. Если в первое время после захвата большевиками власти, когда так называемое советское правительство еще не было признаваемо иностранными государствами, русские беженцы не могли быть вполне отождествляемы с политическими эмигрантами, то в настоящее время, после состоявшегося признания советской власти многими иностранными правительствами, целый ряд распоряжений большевиков создал для русских беженцев совершенно особое правовое положение в советской России, могущее быть охарактеризованным как постановление вне закона. Для государств, которые, подобно Польше, признали советское правительство, приведенный вывод не может быть оспариваем. Русские беженцы в этих государствах являются выходцами другого государства, оставившими родину по политическим побуждениям и не только подвергающимися опасности преследования за государственные преступления, но уже признанными советской властью политическими преступниками, лишенными как политических, так и имущественных прав. На основании советских декретов такому праволишению подвергнуты все беженцы, самовольно оставившие пределы России до определенного срока, вне всякой зависимости от побуждений, которыми руководился каждый отдельный беженец; а потому совершенно произвольным должно быть признано распоряжение польского правительства о предоставлении права убежища лишь таким русским беженцам, которые могут доказать наличие политических побуждений при оставлении советской России. Такой же характер русское беженст-

во сохраняет и в государствах, не признавших советского правительства. Отрицание правительствами этих государств правового характера власти большевиков и издаваемых этой властью распоряжений не устраняет само по себе юридического значения: а) оставления беженцами своей родины по соображениям политическим и б) наличия неизбежного преследования их в случае возвращения в советскую Россию за действия, направленные против власти большевиков. Таким образом, принципиально не отвергаемое до настоящего времени ни одним из европейских государств и нарушаемое лишь отдельными распоряжениями власти право политического убежища является правовым основанием для пребывания русских беженцев за границей.

2. Право политического убежища неразрывно связано с правом свободного избрания места жительства, а следовательно, и с правом свободного передвижения. Действующие в настоящее время паспортные правила, крайне ограничивающие эту свободу, обычно объясняются соображениями экономического и финансового характера. В отношении русского беженства соображения эти сами по себе не устраняют противоречия этих правил праву убежища. Прямым нарушением права убежища представляются существующие ныне особые стеснения права свободного передвижения в отношении русских беженцев.

3. Репатриация русских беженцев, как политических эмигрантов, является политическим актом, связанным с подчинением так называемому советскому правительству и признанием правового характера как власти большевиков, так и издаваемых ими декретов. Положение это само по себе не требует доказательств. Репатриационная политика верховного комиссара усиливает политическое значение предпринимаемых им в этой области мер. Этим, между прочим, объясняется удостоверенный самим верховным комиссаром факт принятия большевиками деятельного участия в организации репатриации беженцев.

Приведенные положения определяют отношения русских беженских организаций и русской зарубежной общественности к проблеме репатриации.

4. Политическое значение репатриации с точки зрения интересов коммунистической власти может быть расцениваемо различно. Несомненно, однако, что само беженство в своей борьбе за освобождение России от большевистского ига не имеет основания противодействовать возвращению в советскую Россию лиц, добровольно того пожелавших, вне зависимости от тех побуждений, которыми могут руководиться при этом отдельные лица. Принудительное пребывание их за границей может иметь лишь разлагающее влияние на беженскую среду, а потому содействие репатриации этих элементов не может быть отвергаемо. Однако такое содействие репатриации не должно выявляться во вступлении, хотя бы косвенно, через посредство третьих лиц, в какие-либо договорные отношения с большевиками, неизбежно связанные с признанием советской власти и правового характера их декретов, а также с принятием ответственности за судьбу репатрируемых в советской России. Совершенно иное значение имеет оказание материальной помощи лицам, возвращающимся в Россию по добровольному желанию на свой риск и страх, при том, однако, условии, чтобы оказываемая в этих случаях общественная помощь не была производима за счет средств, предназначенных на помощь беженству.

5. Репатриация может быть допускаема лишь при условии свободного согласия репатрируемых. Свобода такого волеизъявления определяется не только отсутствием принуждения или угрозы такового, но и сознательным отношением пожелавших вернуться на родину к созданным большевиками правовым и экономическим условиям жизни в советской России. Русская зарубежная общественность, в лице своих организаций и отдельных членов, должна поэтому прилагать все усилия к возможно широкому распространению в своей среде сведений о советской России. По этому поводу нельзя не указать, что данные, исходящие как от верховного комиссара д-ра Нансена, так и от г-на Вольфа об обстоятельствах, сопровождавших репатриацию нескольких групп беженцев, не могут не вызывать серьезных опасений. Прежде всего, статистические сведе-

ния о количестве русских беженцев в Польше и Румынии, “добровольно выразивших” желание вернуться в советскую Россию, по-видимому, свидетельствует о том, что Верховным комиссариатом в достаточной мере не учитывается то влияние, которое неизбежно оказали на свободу волеизъявления беженцев угрозы польского и румынского правительств насильно изгнать их из своих пределов подобно тому, как это фактически было выполнено польским правительством в отношении одной группы беженцев. В связи с этим не лишено значения то обстоятельство, что до настоящего времени наибольшее количество репатриированных усилиями д-ра Нансена относится к беженской группе, водворенной в Болгарии, где, как известно, положение беженцев было исключительно тяжелым.

Таким образом, представляется несомненным, что применяемый д-ром Нансеном метод репатриации не устраняет возможности принятия этих мер в отношении таких лиц, которые изъявили согласие вернуться в советскую Россию единственно под влиянием угрозы выселения насильственным. Еще в меньшей мере имеющийся материал свидетельствует о знакомстве репатрируемых с правовыми и экономическими условиями жизни в советской России. То обстоятельство, что верховный комиссар придает значение серьезной гарантии личной безопасности репатрируемых заключенным им с советским правительством соглашениям, свидетельствует, по-видимому, о недостаточном знакомстве Верховного комиссариата с указанными условиями. В этом отношении обращает на себя внимание последняя часть принятой Комитетом резолюции, в которой высказывается пожелание о предоставлении репатрируемым “достаточной охраны, дающей им возможность восстановить свои жилища и восстановить экономическую деятельность”. Пожелание это, по-видимому, лишено всякого реального значения при действии декретов, которыми русские беженцы лишены всего принадлежащего им в советской России имущества и даже права домогаться возвращения такового от третьих лиц. Введение приведенных слов в резолюцию может явиться источником заблуждения репат-

рируемых относительно ожидающих их в советской России условий существования.

СВОДКА

сведений об отношении советской власти к реэмигрантам

Реэмиграция, как таковая, началась с февраля 1921 г., когда французские власти в целях скорейшего рассредоточения русских военных контингентов (находящихся в лагерях Галлиполи, Лемноса и Кабаджи) начали усиленно пропагандировать идею возвращения на родину.

Первый эшелон репатрируемых, в общем числе до 1500 человек, был отправлен из Константинополя на пароходе “Решид Паша”, вышедшем из Константинополя в Новороссийск 13 февраля 1921 года. Через два месяца “Решид Паша”, вторым рейсом, отвез в Одессу около 2500 человек.

Первый эшелон репатриантов был принят советской властью с мерами чрезвычайной предосторожности. На берег высаживались ежедневно только небольшими партиями, почему “Решид Паша” задержался на новороссийском рейде около месяца. Всех высаживавшихся на берег, тщательно обыскивали, отбирали все деньги и ценные вещи и отправляли затем в ЧК.

Как общее правило, все офицеры и военные чиновники расстреливались немедленно в Новороссийске, а остальные должны были заполнить особый опросный лист, заключающий в себе 31 пункт. Для рассмотрения содержания заполненных опросных листов была учреждена при ЧК особая комиссия. Результаты работ последней комиссии выразились в следующем. Большая часть унтер-офицеров была расстреляна, а меньшая часть выслана в концентрационные лагеря на севере России. Рядовых солдат и казаков перевели на содержание в местный Новороссийский кон-

центрационный лагерь впредь до проверки правильности содержания опросного листа (в последнем, между прочим, требовалось указать предыдущую службу и место пребывания за последние три года, для каждого года отдельно, указать, имеются ли родственники в советской России, их адрес и пр.).

По мере поступления ответов с мест, происходило следующее: а) солдатам, давшим правильные показания в опросных листах, предлагалось поступить в Красную армию, а нежелающим предлагалось поступить на работу в Баку, на нефтяные промыслы, с обещанием отпустить домой через шесть месяцев. В случае отказа от обоих предложений такие лица продолжали содержаться в концентрационных лагерях; б) лица, давшие неправильные показания в опросных листах, немедленно расстреливались.

Таким образом, из общего числа 1500 человек, приехавших в Новороссийск на “Решид Паше”, в феврале месяце 1921 г. было расстреляно до 500 человек.

Второй рейс “Решид Паши” в Одессу большевики с внешней стороны постарались обставить помпезно. “Решид Паша” был встречен в Одессе оркестром, игравшим “Интернационал”, с парохода кричали “ура” и пр. Затем повторилась абсолютно та же процедура, какая была проведена большевиками в Новороссийске: снятие с парохода небольшими партиями, расстрелы лиц командного состава, опросные листы и пр.

Сведения, поступившие разновременно из различных источников, в том числе даже и из одесской большевистской прессы, определяют число расстрелянных репатриантов, прибывших в Одессу на “Решид Паше”, в 30%.

В дальнейшем репатриация носила до весны 1922 года уже отдельный и случайный характер, причем реэмигранты, прибывающие маленькими группами, либо имели возможность перед своим отъездом в советскую Россию заручиться тем или иным документом от представителей советской власти, либо, действительно не имея за собой никаких грехов перед советской властью, рассчитывали на благополучное возвращение домой. Последняя надежда обычно

венно не оправдывалась, как можно судить хотя бы по данным прилагаемых выдержек из частных писем.

Весной 1922 года в Болгарии начались гонения на русских и одновременно усиленная агитация за возвращение на родину. В результате сложившейся для русских мучительной обстановки, вновь начались попытки организованного возвращения эмигрантов на родину. Отправлялись партиями иногда численностью от 100 до 200 человек, частью в Одессу, а частью в Новороссийск. Обычно небольшими группами. Например, в мае месяце с. г. партия казаков в 180 человек отправилась из Варны в Новороссийск. Партия эта была посажена в карантин и тотчас же ограблена до нитки, офицеры были отделены и в тот же день расстреляны. В числе расстрелянных были: войска донского войсковой старшина Баранов, хорунжий Зорин, сотник Фомин, подъесаул Ковалев и др. Оставшиеся казаки были постепенно отправлены по своим станицам в распоряжение местных особых отделов для производства детального расследования об их службе в Белых армиях.

Частные письма, полученные простыми казаками из своих станиц, рисуют вполне определенную картину того, что ожидает возвратившихся на родину, даже таких казалось бы маленьких людей, как рядовой казак. Что же ожидает офицера, чиновника или просто интеллигентного человека — это не подлежит никакому сомнению: в лучшем случае — заключение в концентрационный лагерь в качестве заложника, подлежащего расстрелу при первом удобном случае.

В приложениях к настоящей справке даны копии выдержек из писем из советской России, адресованных в огромном большинстве простым солдатам и казакам. В этих письмах дается категорический совет: в настоящее время возвращаться в Россию эмигрантам нельзя, так как их ожидает расстрел или смерть в тюрьме.

Наша мамаша много пострадала — четыре месяца сидела в тюрьме, а дяди Ивана, дяди Симеона совсем нет. Были вместе с мамашей, сейчас их нет... Ты нам пишешь,

что будешь домой. Ну, смотря какое будет у Вас настроение. Если вы услышите какие слухи, что будет иное распоряжение и подходящая жизнь, а если так, как сейчас у нас живется, то лучше сидите на месте, потому, что таких людей здесь не желают... А может можно приехать к тебе, то пиши — я приеду к тебе с сыночком Мишей... (Усть-Лабинская, 29 июня 1922 г.)

Ты пишешь, чтоб тебе 2 или 3 ответа написали. Это для нас очень тяжело. Если одно письмо — 250 000, то где же столько денег взять на три письма. Возьми на арифметику — сколько будет денег... Теперь хлеб у нас порос травой... А сейчас есть нечего. Все меняют на хлеб что угодно, прямо на дурняка: за 2 фунта муки 1 одеяло; 10 фунтов — шубка, 20 пудов — 1 пара быков, ну прямо задурна берут; у кого хлеб есть, у того все есть, что хочешь... У нас, начиная от станции Казанской, на восход все станицы совсем голодные. В нашей станице пока еще песенки кричат, а там уже разговаривать не могут. Ты пишешь, что хотя страдаем, а чести не теряем... Коньячек выпивать дюже не надо... Если думаешь домой, то кто от Вас приезжает, то яко наг, яко благ, чисто и остаются. Так, что дюже не рискуй по одному ехать. Ты пишешь деньги не жалеете — да их нету... Хозяйство 1 конь, 2 коровы, 7 овец, была одна свинья, ну дак съели проклятые; 3 курицы, 2 цесарки, а нас 9 душ.

Приезжай домой, да не сам, а с армией, кроме никак нельзя, а без армии не езд и живи там, а то дома идет ты сам знаешь, что. Смотри в оба, домой не езд, не езд. Идут люди в другой мир. Догадайся как когда-то на станции перешли в другой мир 34 человека... Живи там до времени своего... Затем дорогие станичники и все дорогие кубанцы, держись, не езжайте никуда, бо приедете с одними ухами. Кто може знает ветеринарного фельдшера Кондрата Яковлевича Андреева. Он прибыл домой в одной исподней рубашке, без сподников, а за верхнюю одежду и говорить нечего... и... (Тифлисская, 3 мая 1922 г.)

Дорогой братец. Если имеешь кусок хлеба, то живи там. Я начальник дивизии, получаю 15 миллионов рублей денег и не могу прожить. Пуд муки стоит 14 миллионов... Сейчас

здорово волнуются солдаты и крестьяне. Говорят: обещали много всего, но ничего не дали. (Станица Лабинская 1922 г.)

Моя жизнь плохая. Сейчас у нас сильный голод... Кабы пришлось встретиться, то не узнал бы меня. Я здорова, но сил нет. Весь народ, как больной, не евши. Кто из казаков пришел, те все каются, но я буду просить тебя, старайся придти домой, хотя будем умирать вместе. Хлеба очень плохие, но в некоторых местах высек град, помешал с грязью. Ты пишешь, где Кузьма. Положил свою голову в гор. Краснодаре. Когда вы ушли, а он воротился и жил в стану, а кто-то доказал... (Отрадная, 6 июня 1922 г.)

Ты писал за дядю Василия и брата Михаила — их уже нет, убиты в 1921 году, и Дмитрий С. тоже убит в 1921 году. Потом, ты спрашиваешь, как мы живем и питаемся. Живем очень плохо, страдаем голодом. Едим сурепу, макуху и кочаны из кукурузы. Уже у нас нет ни одной коровы — проели. У нас пуд муки стоит 15 миллионов рублей, так что у нас деньги до того поднялись вверх, что уже спички коробочка стоит 50 тысяч рублей. А теперь, дорогой сынок, пришли нам с себя карточку. А относительно того, что ты спрашивал, чи ехать домой или нет, то мы советуем жить еще там... (Уманская, 6 мая 1922 г.)

Письма с Дона

Область сильно голодает, особенно северные округа. Сеять почти никто не собирался, так как семян нет: все было отобрано по продналогу. Весной власти из одной станицы посылали казаков в другую, иной раз верст за сто, за получением семян, но обыкновенно прибывавшие туда не только никаких семян не находили, но встречали жителей, едущих за семенами чуть ли не в их станицу.

Скота почти не осталось. У тех казаков, что раньше имели по 30—40 голов, теперь едва ли осталось по паре. В прошлом году жители городов продавали или обменивали в станицах свои вещи на хлеб; теперь наблюдается явление

обратное — в Новочеркасск и Ростов везут станичники ржане*, чтобы на базарах купить хлеба.

Людоедство факт, установленный даже в Новочеркасске, где продавали котлеты из человеческого мяса. Наблюдаются кошмарные сцены убийства матерями своих детей, чтобы не видеть их мучений, а затем самоубийства. Сообщающий знает два факта, когда, в одном случае, мать отравила всю семью, а в другом — задушила двенадцатилетнего сына.

Свиристуют эпидемии тифа, холеры и различных желудочно-кишечных заболеваний. Смертность приняла громадные размеры, особенно это заметно на железнодорожных станциях, где в день умирают десятками. Покойники на кладбищах лежат в очередях, ожидая похорон, а привозимых из больниц, без гробов, сваливают в кучи, где они лежат по несколько суток.

Мука, привозимая из-за границы для голодающих, им не попадает, а идет на Красную армию и для коммунистов. Настроение подавленное. На восстание надежды нет никакой. Вначале ждали прихода Краснова, теперь уже никого не ожидают. Удивление вызывает Западная Европа, до сих пор не могущая понять, что советская власть провалилась окончательно. Опасаются, что при приходе своих снова вспыхнет месть, а потому мечтают о каком-то третьем лице, которое установит порядок и справедливость, ибо с коммунистами расправится само местное население при падении власти (это учитывают евреи и массы бегут в Финляндию, Польшу, Западную Европу и Америку).

Отношение к интеллигенции стало хорошим. Начала распространяться подпольная литература, высмеивающая коммунистов, фельетоны Аверченко, юмористические рассказы, частушки, высмеивающие власть и проч.

В станицах террор не уменьшился и до сих пор производятся публичные казни, для чего станичники собираются набатным звоном, с церковной паперти предъявляется данному лицу обвинение, наскоро устраивается инсценировка

* Так в тексте. — Прим. ред.-сост.

суда и приговоров и тут же приводится в исполнение. Особенно свирепствовал террор во время и после рейда Назарова, который, кроме громадного вреда населению, ничего не принес, ибо где только проходил хоть один назаровец следом шла смерть и разрушение. За приют на ночь одного из назаровцев или даже за разговоры с ним старшие в доме расстреливались, дети выбрасывались на улицу, имущество конфисковывалось, а все постройки сжигались.

Всякое получаемое из-за границы письмо, навлекает подозрение в установлении связи с белогвардейцами (и порой влечет за собою преследование). Вернувшиеся из-за границы исчезают через 3—4 дня бесследно, так как во всяком вернувшемся советская власть видит врага, таящего контрреволюционные замыслы. Амнистия — это обман. По официальным заявлениям властей, их “последний враг — это беженец за границей, ибо он мешает установить связь с Европой, а ей — признать” их. Поэтому принимаются все меры к уничтожению эмиграции.

Вчера приехал из дому и опять в Петровск. Жизнь на Кубани страшно скверная. Голодовка полнейшая, а грабежи и убийства небывалые. Я тоже чуть было от нападения воров не пошел на тот свет. Отделался порядочным ранением. Пиши, как живешь, но отнюдь не в открытых письмах и тем паче не разглажьешь особенно, помня то, что если за тобой нет никакого контроля, то за нами их сотни. Ну, да ты, пожалуйста, пока что лучше не пиши, а то придут и заберут последний хлам. (Петровск Дагестанский, 25 апреля 1922 г.)

Я сидел в подвале. Сидел за то, что соседи сказали, что мой сын офицер... Сейчас тянут сильно налог. 15 пудов с десятины, 150 пудов готовить надо на осень... Хотя ты и соскучился, и мы соскучились, но я советую тебе, когда попало тебе хорошее место, то живи себе спокойно, а домой не ходи, потому что дома не дай Бог, что. А жена и дети твои не пропадут. (Кирпильские, 15 мая 1922 г.)

Подожди, родненький. Все идет постепенно к концу, но очень медленно. Но Бог дастждемся. Не торопись и сиди смирно. (Ялта, 25 июня 1922 г.)

Даня, домой не рискуй! ... Разлучила нас распроклятая русская революция. Жизнь у нас как-то ограничена... да вам, должно, понятно. (Станица Зассовская, 24 мая 1922 г.)

Ты просил сообщить, какие казаки дома... Какие не уходили и какие поприходили, все живут дома припеваючи, как "макуха в прессе". (Зассовская, 26 мая 1922 г.)

Прежде я пропишу о том, что письмо, которое было тобою пущено 27 марта, мы получили в конце Пасхи, 23 апреля по новому стилю. Премного благодарны за твое письмо и мы все рады были этим письмом до безумства. Но ничего не возрадовало нас так, как твои слова о дешевизне. Удивительно какая дешевизна и какая жизнь. Ах, две больших разницы между Россией и Болгарией. Ты просишь прописать, как в нашем краю на Кавказе. Легко нам сказать, но трудно описать, что творится. Ох, пропала Россия, пропал наш народ, пропала наша жизнь молодая. Голод до безумства, а именно товарищи довели. Вот, как ты знаешь, как мы жили, по сколько сеяли и по сколько было скота, кроме того какая сбруя была, затем теперь несем голод. Из десяти штук лошадей осталось полторы калеки, коров нет. Можно короче ответить телка годовичка, лошадь и жеребенок — и все хозяйство. Товарищи взяли 8 штук скота и до 300 пудов пшеницы. А теперь сидим и несем очень и очень невыносимую голодуху. Посев есть озимый четыре с половиной десятины, но трудно его ожидать. Как ты знаешь, Ставропольская губерния обширная страна, урожайное уютное место, самая хлебоборбная местность. В ней выкачено после вас силой хлеба тысячи миллионов пудов. А теперь там сильный мор и голод. Гибнут как мухи трудовые люди. Все уничтожено, запустел и Ставропольский край, зарастает мохом и полынем. Нет возможности описать гибель русских людей. Сильные грабежи, убийства. На степь не показывайся молодой человек — убьют бандиты. Новостей — книгу бумаги и тогда описать невозможно. Все очень дорого, невозможно жить... (Письмо получено терцами.)

Здравствуй дорогой брат А. М. Уведомляю тебя я, что я дома живу, но как живу, ты даже не имеешь представления. Самое главное, что это голодаю и страшно голодаю, и здо-

ровые никуда не годится, прямо тебе скажу, инвалид, болит грудь, и ноги не годны, еле хожу, жизнь невозможная, не знаю, переживу я или нет до нового урожая, только *нет*, навряд. Работать нечем, осталось одна пара быков и те нитакые, как нужно. Словом, гибель и гибель на каждом шагу ожидается, посеву почти нет и в будущем жить нечем. Если тебе известно что-нибудь про К., то пропиши, а ему если увидишь, скажи в каком я положении нахожусь в самом и ужасном. Если бы ты встретился, то не узнал бы меня: земля, пала, на 20 лет кажусь старше настоящего. Родители мои умерли без меня. Остался я один, помочи ожидать не откуда, погибаем, большое множество у нас умерло людей, причина смерти — голод, какой-то кошмар. Шлю тебе привет и желаю всего хорошего. Увидишь К., передай привет. Твой брат. (Письмо из Черкасского округа, Донской области.)

Один из офицеров, уехавший в 1921 г. с о. Лемноса, пишет: *Жизнь не плохая*, хлеба хватает до нового урожая, а там опять с хлебом да и “зеленый лук растет”. Последняя фраза, поставленная в кавычки, была у них условным знаком, что нужно читать не только по строкам, но и между строк. Вечером на огне были проявлены скрытые для простого глаза строчки, а в них оказалось следующее:

“Жить нельзя, голод и восстание. Не знаешь, куда присоединиться. Если присоединиться к коммунистам, то убьют восставшие, если пристать к восставшим, то не будет помилования от коммунистов. Не верьте политическим ораторам и партиям. Держитесь своей военной организации. Только она и спасет Россию”.

Плохо, жрать нечего, абсолютно нечего. У кого есть кое-что, проживает, отдает за крошки хлеба. Так, например, мы за зиму прожили два подворья, а за зиму ни разу не были сыты, а у кого ничего нет, тот обречен на голодную смерть. Охота на сусликов, собак — явление обыкновенное. Недавно приехала из Н-ой станицы... и рассказала, что две женщины (она называла их, но я забыл) убили отца и у них при обыске нашли человечье мясо, засоленное в кадушке, а жена Н. ела мясо своего умершего ребенка. Вообще на по-

чве голода столько можно собрать материалов, что и бумаги не хватит. Ты пишешь, что тебя тянет на родину, а В., вернувшийся от вас и служит на хорошем месте, говорит, что если бы он попал опять за границу, то никогда и ни за что не тосковал бы по родине и даже бы не вспомнил про нее ни разу. Тоже говорят все казаки, которые приехали от вас и вкусили голода. Я с своей стороны не советую тебе ехать сюда. Здесь делать нечего совершенно, а об учении и думать нечего.

Получил письмо... и ваш адрес, что вы на чужбине далекой работаете, живете, слава Богу, хорошо, и... тоскуете по родине... И я, и многие другие, как я, живем в "изгнании", живем плохо и также тоскуем по родным местам. Общее у нас с вами — тоска по родине, а не общее — у вас жизнь хороша, а у нас не красна. Да откуда ей быть красной, когда уже во многих местах начинается людоедство.

Дорогие, тоскуйте, но мудро тоскуйте по родине... Сидите пока, где сидите, работайте... У нас — мука, а у вас мука есть — а это лучше. Что лучше мука или мука? Хотелось бы вам многое шепнуть и рассказать вам да... Видал я решетки, сидел в лагерях, кормил вшей, голодал, доходило до потемнения в глазах, головокружения, ходил как пень... А самое нужное, не знаешь, когда же пустят к своим местам. Многие из нас по воле Бога и по воле людей приказали долго жить... Бывайте здоровы, дорогие, да хранит вас Бог. Будьте мудры до конца, наберитесь еще терпения. Мне и многим хуже вашего — помните это. Не одни вы тоскуете, а сотни тысяч... (Письмо казака из концентрационного лагеря.)

Письмо я получил от вас, за которое очень благодарю. А затем я вам сообщу за те семьи, кто выехал за границу. Совершенно ничего, будьте спокойны. Не о чем журиться. Все хорошо. А вы пишите, что домой можно ехать или нельзя. Это зависит от вас. Можно еще пока пожить там, хотя и поприезжали такие как вы. Но мой совет вам, друзья, живите еще пока. Я могу писать почаще вам письмо, и когда станет жизнь нормальна, то я сообщу вам. Нас здесь годуют. Понаедались до нельзя, аж, темно. С дорогой душой бы

к вам бы полетел, но теперь уже поздно. Уже мне томно... (Стараминская, 8 марта 1922 г.)

*Жизнь наша не улучшается, а все хуже. По приезде в Астрахань жили ничего, т. е. было на что жить, а теперь почти все прожили. Хотя мельничешка еще есть, но молоть нечего. Хлеба здесь не сеют. Да, к сожалению, у нас-то и сеять нечем и нечего. Сами хлеба почти не видим. Питаемся лишь только одной рыбой. Как дальше будем жить, не знаем. Ты писал, что желаешь помочь папе. Папа сказал так: если *возможно* что-нибудь помочь, то пришли посылку, что-нибудь съестное и только... (Астрахань, 27 марта 1922 г.)*

Скоро ли вы приедете домой. В нашем доме живут квартиранты. Приезжайте домой, а то наш дом разорят. Нам жить трудно. Нам не то что одеваться и также обуваться... Для всех нет хлеба, много голодных. Новостей очень много, но писать пока не будем. (Отрядная, 10 марта 1922 г.)

В Крыму после эвакуации русской армии

Лицо, выехавшее из Крыма в начале декабря 1921 года, сообщает. После эвакуации Крыма войсками ген. Врангеля, Крым был занят частями 4-й Красной армии. В частности в Феодосию вошли части 3-й, в Симферополь — 51-й, а в Севастополь — 46-й дивизий.

Немедленно особый отдел 40-й армии приступил к регистрации всех военных чинов, оставшихся в Крыму.

Первая регистрация

Приказ о регистрации, изданный Фрунзе, был составлен в таком тоне, что большинство военнослужащих истолковало его как амнистию и решило, что регистрация не представляет никакой опасности для явившихся на нее добровольно. Поэтому почти все оставшиеся в Крыму военнослужащие зарегистрировались и действительно первые дни, за исключением единичных случаев самочинных расправ со стороны красноармейцев, никаких репрессий не было.

Некоторые части, как например, войска 30-й дивизии, составленной из бывших “колпаковцев”, поражали своей дисциплинированностью, выправкой и вежливым обращением с населением. Эти войска напоминали скорее части дореволюционного периода. Красноармейцы из армии Буденного (дошедшие до Симферополя), наоборот, отличались хулиганским поведением и терроризировали население грабежами и убийствами.

Однако вскоре 30-я дивизия, в которую успело поступить небольшое количество офицеров, находящихся в районе Феодосии, была выведена из Крыма, и ее место заняла 9-я дивизия, обладавшая всеми отрицательными свойствами, присущими Красной армии.

Вторая регистрация и расстрелы

Вскоре по всему Крыму была объявлена новая регистрация военнослужащих. Все, явившиеся на эту регистрацию, были арестованы. Арестованные были разделены на две категории. В первую попали офицеры и чиновники безразлично, служившие или не служившие в белых армиях, и солдаты корниловской, марковской и дроздовской дивизий; во вторую категорию — солдаты других частей. Попавшие в первую категорию начали поголовно расстреливаться. Расстрел производился сразу большими партиями по несколько десятков человек. Осужденные выводились к месту казни раздетые и привязанные друг к другу и становились спиной к выкопанной ими же самими общей могиле, а затем расстреливались из пулемета. Убитые и раненые (часто недобитые) сваливались в эту могилу и засыпались землей. Были единичные случаи, когда уцелевшим от расстрела или легко раненым удавалось бежать. Этот массовый террор происходил одновременно во всех городах Крыма под руководством Особого отдела 4-й армии. Количество расстрелянных за эти дни по официальным советским данным:

Симферополь	около 20 000
Севастополь	около 12 000
Феодосия	около 8 000
Керчь	около 8 000
Ялта	около 4 000 — 5000

Кроме офицеров и чиновников, расстреливались и гражданские лица, заподозренные в причастности к белой армии, в особенности прибывшие в Крым во время гражданской войны.

Врачей ожидала та же участь, что и офицеров, но прибытие в Крым наркомздрава Семашко с распоряжениями из центра спасло их от поголовного расстрела. Полоса террора продолжалась до 1 мая 1921 года, постепенно идя на убыль еще с середины января. Кроме того, было расстреляно много гражданского населения в Северной Таврии.

Горе так велико, что хочется поделиться... Приехал грек, которого мы уполномочивали привезти мать или кого-либо другого. Слушайте печальную новость: в живых нет никого, кроме А. Г., сестры расстрелянной матери, и Д.; последние спасены своим отсутствием. Мать, бабушка с бабушкой убиты в доме, и дом был сожжен после *десанта*. Трупы их хоронились с соседями после четырех дней. Мать, перед тем как убить, жгли три часа свечами, допрашивая, где сыновья и муж. Она, очевидно, говорила им правду, а они думали, конечно, что мы в горах. За что же убили? Эх безумцы, изверги. Мстить, мстить и мстить. Только в бое спасение. Отец страшно убит горем. Сказал, что едет в армию при первом зове.

Грек говорит, что жизнь ужасная, что-то невероятное. Люди бродят, как тени, и в глаза говорят большевикам, что они мерзавцы. Народ готов сменить Советы хоть на самого черта и подчиниться ему, дабы был порядок и хлеб. (Афины, 30 апреля 1922 г.)

Милый Дядя. К Таниным безотрадным словам я еще хотела бы добавить много безотрадного, но “боюсь как бы гусей не раздражить”, да и вас не разочаровать, ведь вы такой оптимист, верите в то, что достаточно быть здоровым

и живым, а в остальном “всяк человек кузнец своего счастья”.

Ой, как мы раньше в это верили, а теперь ни-ни. Ты хочешь так, а кто-то заставляет делать иначе. Тебе грустно, а велят радоваться и т. д. Но это еще пустое. А самое главное, у нас голод, люди мрут как мухи; хоронят их не единицами, а возами, в 50—60—70 человек сразу в одну яму. Где были ямы, шлинища, лесопильные овраги — там новые могилы, зарытые на две четверти. Собаки разрывают и на этой почве бесятся. На этой неделе бешеные собаки искусили 13 человек. Лечить нечем. Ужас, ужас, ужас... На вашем месте я, да и многие не рвались бы так домой, даже очень многие хотели бы уехать отсюда, лишь бы не жить в своем отечестве. Великое чувство любовь к Родине, но у нас *сейчас его нет*. Нам непонятна неприкосновенность личности. Каждый гражданин “свободной” России не гарантирован за свою жизнь. Прожил день, ночь, слава Богу. Ну еще что вам напороть. Мы живы и здоровы, верим в будущее хорошее. Мы ожидали, что вы приедете со щитом, а называется вы хотите придти на щите. Жаль. Даже жить не хочется. Да простит вас Бог. Простите за небрежность письма. Темно, керосина нет. *Ваша Нина*. (Баталпашинский отдел. 18 мая 1922 г.)

Милый мой друг... Ты пишешь, что тебе очень хочется вернуться домой. Ты потому так говоришь, что, верно, не знаешь нашей жизни. Ведь это сплошной ужас, сплошное страдание. Мы медленно погибаем. Все, кто не принадлежит к партии коммунистов, разуты, раздеты, голодают, живут в разрушенных домах и с тупою покорностью ждут своего конца. Коммунисты едят, пьют, веселятся, швыряют направо и налево деньгами, и всякому, кто неосторожно выскажется против них, грозит тюремное заключение и смерть. У нас ограбили в городе все церкви и говорили, что деньги, вырученные от продажи церковных предметов, пойдут на покупку продовольствия для города, но все это ложь, ибо после ограбления пьянство и разгул усилились и коммунистические содержанки появились в бриллиантах, снятых с икон. Монастырь у нас упразднили и на монастыр-

ском соборе сняли крест и заменили его красной звездой. Молиться нам негде: из шести церквей в городе служба происходит только в одной, а другие запечатаны, а священники арестованы за то, что не хотели выдать святые предметы: чаши, лжицы, копия и пр. Все люди в городе, за исключением коммунистов, ходят, как тени, от голода и нравственных мучений. Одежда вся изнасилась, *а новой делать нельзя*, так как нет материалов, а если можно их найти, то простая ситцевая рубаша стоит миллион рублей. Ходим так: зимой на себя наворачиваем все тряпки, что есть в доме, а летом, т. е. теперь, надеваем прямо на голое тело рубаху из мешков. Обуви нет, носим туфли из кусков сукна, а летом босиком. Мыла нигде нельзя достать, поэтому мыться нечем. Нет иголок, ниток, почему все ходим в дырках, как прежде ходили нищие. И ород наш имеет странный вид: все деревянные заборы снесены на топливо, так, что по всему городу можно ходить не по улицам, а насквозь. Деревянные дома тоже почти все разобраны. Каменные дома переполнены, потому что все жители собраны туда. Поэтому грязь, теснота страшная. Мы, например, живем 8 человек в одной комнате. Уборных нет, а все ходят за своей нуждой прямо на улицу, почему по городу местами нельзя пройти. Если и есть в городе хорошие дома, то они заняты коммунистами и их семьями. Там есть и электричество, а мы сидим в темноте, так как ни свечей, ни керосина ни за какие деньги не достанешь. Вот наша горькая жизнь, а ты хочешь приезжать. Зачем. Ведь ты нам все равно не поможешь. Тебя сейчас же угонят в концентрационный лагерь на испытание, а оттуда два выхода: или на тот свет, если ты не сочувствуешь коммунизму, или на фронт, т. е. в Красную армию. Дома из приезжающих никого не оставляют. Сиди лучше и жди, Бог даст, кончится же скоро такая мука.

Очень мне жалко детей. Они, бедные, растут, не видя радости, а только видят преступления, смерть и кровь. Школы есть, но только по названию. На самом деле там ничему не учат, ибо нет учебников, нет учителей. Старых учителей советская власть забраковала, а новые сами еще

должны учиться. Сидят бедные дети разутые, раздетые, голодные. Что из них выйдет, Бог один знает.

Газет нам не дают читать никаких, кроме советских, а там все хвалят советскую власть. Кому хвалят? Нам! Да мы сами все на своем горбу несем. Господи! Да неужели же никто не видит, что Россия погибает. Пишут в советских газетах, что вы, беженцы, все не ладите между собой; что вы не поделили? Помните, что все то, что испытали вы, все это капля того, что переживаем мы, и вам надо помнить это крепко. Надо быть за одно, мы ведь от вас ждем спасения. Сами мы уже не люди, а призраки. Вот ты и смотри сам — надо тебе ехать или нет. По-моему, жди, надейся на Бога и терпи. Придешь тогда, когда можно будет жить и работать, а теперь не стоит.

Ты хочешь прислать нам денег. Не делай этого, потому что все равно мы или ничего не получим, или получим половину, а то и меньше. Месяц тому назад нам жена моего брата прислала 2 000 000 рублей, но на почте нам выдали только миллион, а другой без объяснения причин удержали. Почему, за что, об этом спрашивать не приходится у наших властей. Ответ все равно не получишь, а если будешь настаивать, то можешь угодить в тюрьму. Посылок тоже не присылай. Они исправно доходят только в Москву, а затем за ними надо ехать туда. Съездить же в Москву все равно, что на Северный полюс. Раньше езды было 5—6 часов, а теперь — 8—10 дней, да перед посадкой на поезд надо на станции ждать дня 3—4. Кто едет теперь куда-нибудь, тот возвращается совершенно больной, ибо в поездах так тесно, что приходится стоять. А попробуй постоять 5—6 дней. Затем ты можешь получить посылку, а по дороге у тебя ее отберут. Жаловаться же некому. Одним словом, мы все рабы, каторжники, что хочешь, но только не люди. Опять говорю — сиди там, пока можно, а то придешь, только больше причинишь и себе, и нам *муки и горя*. Мы пока знаем, что хоть ты живешь по человечески, а то и ты зверем сделаешься. (Калужская губерния, 1 мая 1922 г.)

Дорогой Гриша! Меня страшно беспокоит то, что написали в прошлых письмах, т. е. ехать тебе домой сейчас,

по-моему, незачем. Вчера всех, приехавших оттуда, арестовали и услали в город, дальнейшая их судьба неизвестна. Пока не выясню и не напишу тебе, ты не выезжай.

На днях решится моя судьба, т. е. будет судить ревтрибунал. Если только судьба спасет, то я сейчас же еду в Уманскую, оттуда тебе напишу все-все, и тогда, ты будешь знать, что делать. А пока наши страшно не советуют тебе ехать.

Уже совершенно смирилась с тем, что может постигнуть меня. Смерть является радостью. Если и жалею где-то в глубине души, так только о том, что может быть не увижу тебя. А как хотелось бы встретиться и только сказать тебе все. Все равно, если даже не станет меня, то тебе все расскажут, ты поймешь и не осудишь. А ведь так может быть, что меня не станет... А впрочем, пусть будет, что будет, все равно жизнь уже потеряла для меня свою прелесть.

Миша на таком же положении, как и я. Мама заболела, полагаю от переживаний. Всегда твоя Д. (Екатериновская, 1 августа 1922 г.)

Копия

Здравствуйте, дорогие спасители родины, нашего Тихого Дона. По просьбе выборных казаков станиц: Чернышевской, Усть-Медведицкой, Усть-Хоперской, Распопинской, Клецкой, Перекопской, Острожской, Иловлинской, Качалинской, Малодельской, Островской, Голубинской, Нижне-Чирской, Есауловской, Великокняжеской, Денисовской, Гундоровской, Милютинской, Морозовской, Усть-Калитенской, Каменской, Раздорской, Мелиховской, Ольгинской, Хомутовской, Егарлыцкой, Мечетенской, Платовской — сговорились как один и заклиняем себя ради спасения родного Дона поднять восстание и перерезать всех коммунистов за своих братьев, которых они задушили и порасстреляли, когда возвратились из-за границы, чтобы взяться за мирный труд, а они их повесили, лишь мы случайно убегли из Ростова, а теперь организовались и к нам присоединяются все казаки. Теперь мы просим, как-нибудь сделайте десант, а мы туда будем гнать и соединяться. Ез-

жайте только с оружием в руках, не думайте, что раньше было, теперь вас со слезами и радостью примут и женщины и дети, ждут вас, чтобы присоединиться и бить проклятых коммунистов. Я был в губернии, разговаривал с рабочими и отрядами Антонова, все как один сказали и говорят, чтобы Врангель шел, или еще кто, или казаки, то мы все как один порежем и разобьем коммунистов и поставим Царя и будем жить лучше по-старому. Довольно покушали свободы, чертовы мы дураки, поверили, мы чертом смутили темный народ. Все, кто приезжает из-за границы, если не уйдет как-нибудь, не убежит, когда его поведут в ЧК, то вешают или душат теперь тайно веревкой, но вместо расстрелов теперь душат тайно, чтобы народ не знал, а ночью на автомобилях увозят в степь, бензином или серной кислотой поливают и сжигают. Голод сильный, кушать нечего, мы в лесу живем, нас сейчас человек [...]*. С нами Миронов Филипп Казьмич, мы его посекали, и он поклялся быть казачком и душить комиссаров: 4 января сделал налет на Фролов, 27 коммунистов побили, 4 комиссара повесили, взяли 64 миллиона денег, сала, галет американских, спирту, табаку, папирос, население очень благодарило, и мы и они нас очень уважают и помогают, кто чем может. Недавно, 9 февраля, на станции Липки свалили под откос поезд с продуктами коммунистов, сахар, крепа, сардины, консервы, винтовки, патроны. Все, что надо выбрали, а остальное казаки забрали. Идите скорее, просите снарядов и вооружение, и главное — продуктов с собой. Весь народ русский ждет как избавителей. Впереди должны быть полковые иконы, знамена, и если можно, то больше знамен, потому уже сделали оповещение и тайное предупреждение в каждый почти хутор области Донской и еще агитация идет на Кубани. Теперь Кубанские тоже покушали ще хай ли черт со свободой коммунистами и большевиками як наши казаки придут, то мы их пыдем бити и начнем освобождать народ от них. Идите к нам на помощь. Красная армия тоже накануне

*) Из конспиративных соображений при перепечатке документа получателями были опущены цифры и имена. — Прим. ред.-сост.

развала идите, не бойтесь, что нас мало, нам нужно только спаянные закаленные полки, простите, что на такой бумаге пишем, потому что не было и нету. Я казак [...]*. Я организовал с осени отряд и вот уже 115 коммунистов истребил и 64 комиссара, а нас [...] человек, то теперь стали побаиваться говорить вступать комиссарам, хутора все без власти сейчас.

Пишем письмо, не знаем дойдет ли оно или нет, а может быть Бог даст и поможет дойти. Недавно прибыл из-за границы казак [...] станицы [...]*. Он сказал, что в Болгарии Донские части Гундоровский, Калединский, Назаровский, Военное училище, Корниловский, сообщают войска около 15 000. Так что же вы сидите, идите, мы зовем Вас.

25 июля 1922 г.

[Подписи выборных]

Копия с подлинным верна, что подписью с приложением печати удостоверяю. Товарищ председателя Донского войскового круга станичный атаман Белградской станицы и председатель сбора станичных и хуторских атаманов.

Белград, 15 сентября 1922 г.

Г. Янов

От президиума съезда станичных и хуторских казачьих атаманов в Югославии

В “Лигу Наций” доктором Нансеном вносится проект репатриации русских беженцев, в частности казаков, в советскую Россию. Известно также, что посредником между Советом народных комиссаров и доктором Нансеном по вопросу о казаках является некий граф де Шайля.

По уполномочию представителей казачьих станиц и хуторов в Югославии, президиум съезда названных представителей самым энергичным образом протестует как против проекта доктора Нансена, так и против участия лиц, подоб-

*) Из конспиративных соображений при перепечатке документа получателями были опущены цифры и имена. — Прим. ред.-сост.

ных графу де Шайля, ничего общего с казачеством не имеющих.

Русские казачьи войска, обладающие громадными землями на территории русского государства, существующие в течение многих столетий и в настоящем известные Европе своей трехлетней вооруженной борьбой с интернациональной коммунистической властью, ее никогда не признают. Власть группы лиц, именующих себя народными комиссарами России, рассматривалась и рассматривается казачеством как власть насильническая, разрушившая русское государство и народное хозяйство, как власть, которая управляла и управляет страной при помощи террора, обмана и хитрости, наконец, как власть, вошедшая в пределы России в период мировой войны с золотом германского генерального штаба — достойная презрения и беспощадной кары. Никаким обещаниям такой власти казачество поверить не может. Кроме того, в распоряжении президиума съезда имеются многочисленные и вполне достоверные доказательства расправ коммунистов с возвращающимися в Россию казаками: они или расстреливаются, или заключаются в концентрационные лагеря, в коих умирают от голода и эпидемий, или насильственно мобилизуются в Красную армию, предназначенную внести ужас смерти и разрушения в Европу при первой к тому возможности.

Потерпев неудачу в борьбе с Советом народных комиссаров, казачьи войска Дона, Кубани, Терека, Астрахани и Урала покинули свои родные земли со своими войсковыми кругами и Радой (парламентами) и войсковыми атаманами, свободно избранными всем казачьим населением казачьих областей.

Только эти учреждения и лица и объединенная казачья общественность в виде Общеказачьего съезда представителей станиц и хуторов — могут говорить от имени русского казачества, находящегося за границей.

Граф де Шайля — не казак, авантюрист, изгнанный казачеством из своих рядов, возможно, имеющий полномочия, но от большевистских казачьих организаций, прикрывающихся теми или другими названиями — не является

тем, кто представляет широкую казачью массу за границей. Всякие сношения с ним и договоры через него нами признаются недействительными для казачьих войск. Что касается гарантий, которые могут быть представлены Советом народных комиссаров по репатриации, то разве забыть опыт международных конференций в Генуе и Гааге.

Разве “Лига Наций” располагает властью над красной Москвой, творящей свое ужасное дело?

Между тем принятие высоким учреждением проекта доктора Нансена возможно бросит измученных тоской по Родине и тяжелым беженским положением казаков на неизбежную гибель и смерть, и в их мучениях и крови будут повинны могущественные и культурные государства, представленные в “Лиге Наций”.

Не заявить об этом мы, представители казаков, не можем, так как к тому нас обязывает честь и совесть.

Председатель генерал-майор

Тов. председателя казак

Секретарь полковник

Г. Янов

Персианов

М. Сменов

15 сентября 1922 года.

Белград. Югославия.

Копия

Господину Лодыженскому

Просим Вас от имени донских, кубанских и терских казачьих станиц в Югославии заявить энергичный протест против проекта д-ра Нансена о репатриации. Возвращающиеся в советскую Россию казаки подвергаются ужасным репрессиям: расстрелу и ссылке в концентрационные лагеря, в коих гибнут массами. Гарантии большевиков — ложь. Принятие “Лигой наций” проекта Нансена равно убийству тысяч людей, самоотверженно боровшихся во имя культуры и права на свободную жизнь в своих землях.

Президиум сбора станичных и хуторских казачьих атаманов в Югославии.

Председатель генерал-майор
Тов. председателя казак
Секретарь полковник

Г. Янов
Персианов
М. Сменов

12 сентября 1922 г.
г. Белград. Югославия

Копия

После отсылки наших предположений о плане эвакуации, я не получил из Парижа ни одобрения, ни возражения на свои представления. Из ряда телеграмм вижу, однако, что Вами вполне понята серьезность, если не трагичность, положения, и сделаны возможные шаги к облегчению нам осуществления намеченных нами мер. Пока никаких следов воздействия в этой области интервенции в Париже не видно. Но, может быть, причина этого в медленности отношений.

Спешу сообщить о Нансене, которому поручено нам помочь и о Международном Кресте и здешних представителях Лиги Наций, так как о Полумесяце я уже доносил подробно, а относительно французского командования еще ничего неизвестно.

Надеяться на покровительство здесь Международного Красного Креста совершенно бесполезно, пока представителем его является Бюрнье, отношения которого точно уже определены и известны. Нельзя и говорить не только о желательности подчинения его управлению “наших организаций”, но не следует вовсе ни о чем его просить, и никакого даже “protection” (как было сказано в первой телеграмме), не будет. Он окружен враждебными беженству элементами и никакой идеи, кроме репатриации, у него нет, причем нет и никаких средств, по крайней мере на что-либо доброе для русских беженцев. Вот почему я и телеграфировал, что до перемены состава — при настоящем делегате — обращение под его эгиду нежелательно. К сожалению, по сведениям

Земского союза и городов, их главари сделали уже те шаги, по поводу которых Красный Крест только запрашивал еще меня, и мы здесь опасаемся, не вышло бы разногласия.

Лига Наций, может быть, и не будет, говорят, уже здесь в руках Бюрнье. Называют его заместителем Чайльза (или Кречь), помощник Нансена. О них хорошее у нас мнение, но пока, до приезда Нансена, от Лиги Наций добра мы не видели вовсе... И ждали “самого” с нетерпением, хотя и без радужных надежд.

Ему составлен и подан меморандум от русского комитета, в котором более или менее выразились единомышленные пожелания беженства нашего, причем, за публичным отказом Нансена, после инцидента с Адором от насильственной репатриации, этот больной вопрос мы решили было оставить в стороне.

Сегодня состоялась наша беседа с Нансеном... И как ни подготовлены мы все были к неблагоприятному впечатлению этой встречи, действительность превзошла все наши самые пессимистические представления. Главное же, что вопрос о репатриации всплывает теперь вновь, косвенно, но с исключительной твердостью, хотя Нансен и повторил нам о его решении не думать о насильственной отправке русских в совдепию. Каким же образом получается такое положение?

Начну с того, что еще вчера в Совете проктора Нансен уже заявил, что, как передал ему Хамид Бей, президент Croissant Rouge и представитель здесь Кемаль-Паши, русским, всем *без изъятия*, как и грекам, будет предложено оставить Турцию во что бы то ни стало. Дальше, вчера же в совершенно частной беседе с одним лицом Нансен “будто бы” выразил удивление, почему русским не ехать в Россию:

“Теперь там правит свободный народ, бывший столь угнетенным ранее... растет народное благосостояние, невозможны те бедствия от недородов, которые при царском режиме приводили к вымиранию миллионов, крестьянство счастливо. Все это светлые явления — преддверие светлого будущего”.

Прибавляю “будто бы” он говорил так, потому, что несмотря на видимую достоверность свидетеля, отказываюсь верить такому факту. В отчетах Нансена факты людоедства ведь запротоколированы, смерти, Чека, расстрелы, высылка интеллигенции, преследование Церкви и веры — все это не выдумки и ему известно... Остается думать, если это было говорено, уже и вправду не с рамоликом ли мы имеем дело, как это думают люди, близко видевшие Нансена, и как, пожалуй, можно думать по его внешнему виду и речам.

Но вот, наконец, сегодня мы и сами услышали эту речь и что же? Нансен заявил официально, что 1) требования *камелистов категорические и касаются выезда отсюда всего русского*; 2) что все усилия Лиги Наций достигнуть согласия какой-либо страны на прием русских пока безуспешны и даже безнадежны; 3) что средств у Лиги Наций на помощь беженцам где-нибудь или здесь “пока” не имеется; 4) что сложность вопроса превышает все его силы и разумения, и он будет иметь беседу об этом с господами комиссарами, т. к. выселение должно объять всех греков и армян и вообще христиан; 5) что он о насильственной репатриации не думает, но хотел бы организовать безопасное возвращение в Россию для тех масс, которые теперь двинутся туда по доброй воле (из Греции 3000?) и намерены туда пересечь; 6) что он рад и счастлив служить делу помощи беженцам (?) — чем может.

Наш преосвященный председатель за это поблагодарил его и спросил, не знает ли он чего о судьбе патриарха. Но сей осведомленный в русских делах и аккредитованный Европой знаток положения в стране чистосердечно признался, что ничего об этом не знает и не может сказать, жив ли представитель всей нашей русской Православной церкви.

Совершенно обескураженные этими сообщениями, смысл которых если я сгустил, может быть, краски слов Нансена, передававшихся нам не очень-то точно и подробно переводчиком, однако, общий смысл которых сводится к тому, что, вопреки прежним заявлениям Хамид-Бея, турки не желают терпеть нас здесь, а никуда нас никто не принимает и никуда не могут вывезти, кроме России, — мы все

собрались немедленно на совещание при участии и Нератова, и всех представителей всех организаций и несколько часов “проговорили”. Но пришли только к выводу, что надо ждать событий и того, что скажут “союзники”.

Можно ли поверить, что теперь, когда считается достигнутым мир, и “будто бы” достойный Великой Англии — как широко вещает об этом английское правительство, европейский христианский мир допустил бы — не насильное, а договорное установление такого порядка, при котором ни один христианин никакой нации не мог бы жить в Турции?! К чему же тогда и свобода проливов, и все эти военные приготовления. Большого ведь не мог бы потребовать и новый Омар Завоеватель, разбив вдребезги всю пригнанную сюда армаду. И, конечно, дело вовсе не в таком требовании турок, которое возбудило бы, пожалуй, вновь только что улаженный вопрос в войне, и даже российские Советы не могли бы, в качестве друзей и союзников Кемаля, идти на такой отказ от всех прав русских даже жить в Турции, прав веками завоеванных?! Да и может ли мыслиться в XX веке, на европейском материке, такой закрытый для всей Европы, как бы китайской стеной изолированный, угол, в котором и сами турки без европейских денег, торговли, науки и пр. пр. сварились бы в собственном соку.

Очевидно, я в этом глубоко убежден, дело идет только об изгнании беженцев русских — без российско-советских паспортов, по требованию не Турции, а друзей, управляющих турками из России. И такое требование будет принято, войны не вызовет и только для нас окажется и применимым, и целесообразным, и гибельным?

И вот, нынешний, последней минуты, фазис беженского вопроса. Эвакуация — без средств, без прав куда-нибудь направиться не только массой, но даже единицами! Таковы грустные мысли, охватывающие всех нас при общем здесь шуме и торжестве мира или перемирия.

Из Сербии я получил милые письма Евреинова, обещающего сделать все возможное, но пока не успевшего еще ни в чем. Без “реверса” едва ли пустят туда даже сенаторию. Послал ему письма успокоительного содержания, что все,

что здесь мы имеем и имели бы для сенатории, передадим ему, да и вовсе он может ее не открывать, лишь бы вывел персонал. Подсчитываем, во что обойдется перевозка имущества и излишков госпиталя. Выходит около 3000 турецких лир, и водою, и железною дорогою — все одно на одно. Пытаемся зафрахтовать судно. Но риск большой. При теперешних условиях истратим деньги и в нужный момент судна не будет — вещь, при эвакуации, обычная. Русские, греки все одно. Много суетился Лежнев, желая участвовать в такой операции, найти товар, ехать сам со своим добром и развалившимся предприятием (лесное дело). Оказалось, что он участник — на 100 лир! Это при стоимости судна 3000 тыс. лир. Земской союз не хочет везти “своего” добра (это главное присвоенные им ЦОК медикаменты и разный инвентарь и люди) морем, чтобы не везти его дальше через всю Сербию. Главное же, даже на инвалидов обещают “рассмотреть” по приезде Братова, а ему лично вот уже 3 недели безрезультатно приходится хлопотать и ждать для себя одной визы.

Из Греции любезно дали 100 виз. Милые, и добрые, и отзывчивые Демидовы. Но кого туда отправишь? Все боятся ехать туда, зная о наплыве беженцев, о дороговизне жизни, о горестях беженского там устройства. Но для многих это будет выходом. Спасибо им.

В Болгарию никак не могли до сегодня добиться разрешения отправить наших 60 хроников — с персоналом и добавочными теперь 90. Наконец, получилось разрешение, назначена отправка и снова отменена за мобилизацией вагонов. А Ильдизские бараки уже должны были быть сданы туркам и частью сданы. Все сбиты в кучу (всего там 520 коек). Вчера сломали церковь и сдали этот барак! Сегодня же приехал сюда Фельдман — хлопотать о средствах. Все предварительные расчеты сломаны действительностью. О положениях и бедствиях наших инвалидов рассказал ужасы, самолично подтвердив все, что писалось сюда. Но теперь бывшие наши инвалиды уже кое-как устроились. Надолго ли? Всё, что послал ему последующими транспортами Баратов, устроено. Множество не инвалиды, а спекулянты,

скупившие инвалидные паспорта и визы, громадное число контрабандистов, вызывающих понятное отвращение болгар. Положение в Болгарии сквернейшее. Резниченко и тут был арестован. Верхи армейские все разгромлены. Фельдман не чувствует себя в безопасности. Между тем “туда” и только “туда” собираются еще добыть для беженцев визы.

13 октября (30 сентября ст. ст.) 1922 г., пятница

Перевод с польского

Министерство внутренних дел

Циркуляр № 11

Ко всем господам воеводам, комиссару правительства столичного города Варшавы, делегату правительства в Вильне, директору V департамента министерства внутренних дел в Познани.

В дальнейшем развитии изложенного в циркулярах № 19 от 5 декабря 1922 г. № ГВВ 7928 и № 21 от 28 декабря 1922 г. № ГНВ 8644 отношения, стремящегося к более последовательному и успешному действию по вопросу о выселении с территории Речи Посполитой прибывших из России и Украины нелегальным путем массы иностранцев, постановляю:

А. Полномочия, данные в силу циркуляра № 21 административным властям 1-й инстанции на территории воеводств Новогрудского, Польского, Волынского, Тарнопольского, Станиславовского, Львовского, Белостокского и земли Виленской, предоставляющие этим волостям право выселения путем безапелляционного решения и предоставления убежища всем прибывшим после 12 октября 1920 г. нелегальным путем из России и Украины иностранцам не польской национальности распространить, начиная с 15 ап-

реля 1923 г., на административные власти 1-й инстанции во всех остальных воеводствах Речи Посполитой Польской.

В связи с вышесказанным еще раз обращаю внимание господ воевод на недостаточно энергичные действия в этом отношении, как это показала дотеперешняя практика властей и исполнительных органов, которые ведают выселением, и приглашаю вас к более интенсивной в этом направлении работе.

Б. Одновременно, ввиду препятствий технического характера, какие возникают при применении циркуляра № 19 от 5 декабря 1922 г. № ГВВ 7928 в недалекий срок, 1 марта, что могло бы помешать правильному и точному исполнению оного и отразиться пагубно на всей акции, устанавливаю вместо срока 1 марта, обозначенного в вышеупомянутом циркуляре, срок 15 апреля — для окончательной ликвидации пребывания прибывших нелегальным путем из России и Украины иностранцев, зарегистрированных в списке № 2.

Ввиду перемены срока циркуляра № 19 в содержании оного должны произойти следующие изменения:

1) Все лица не польской национальности и не имеющие польского гражданства, прибывшие в Польшу нелегальным путем из России и Украины в промежуток времени с 12 октября 1920 года по 1 июля 1921 г. (эвентуально по день прекращения регистрации) и зарегистрированные в списках № 2, имеют право оставаться на территории Речи Посполитой по 15 апреля 1923 г.

2) Все паспорта образца № 2 на выезд из Польши должны быть продлены по 15 апреля 1923 г., за исключением паспортов, выданных для следования в Соединенные Штаты Северной Америки, срок коим надлежит продлить по 1 мая 1923 г. при одновременном ограничении права пребывания владельцев этих паспортов по 15 апреля 1923 г. — что надлежит отметить в паспортном документе на письме и за подписью административной власти 1-й инстанции.

3) После 15 апреля 1923 г. паспорта образца № 2, выданные на этот срок, теряют силу документа и должны быть отобраны у лиц, которые не использовали таковых, а вла-

дельцы этих паспортов (см. ч. 1, п. 1) подлежат принудительной высылке из границ Польши путем, указанным в циркуляре № 19.

4) Постановления циркуляра № 19, касающиеся лиц, пользующихся правом убежища или возбудивших ходатайства о признании за ними этого права, остаются в силе.

При этом с особенным ударением напоминаю, что выдача (подтверждение) права убежища лежит на обязанности исключительно и единственно ответственных политических властей и что вмешательство и притязания в этом отношении политических организаций не должны быть допускаемы.

В связи с пребыванием лиц, пользующихся правом убежища, не подлежащим в отношении срока и впредь никаким ограничениям, надлежит принять во внимание следующие обстоятельства.

Некоторые административные власти 1-й инстанции установили самостоятельно практику замены "карт убежища" (образца, предписываемого п. 6, ч. 1 циркуляра № 6) на "карты побыту", своевременно установленные распоряжением от 18 сентября 1919 г. о регистрации иностранцев в воеводствах б. Конгресунки. В выданных "картах побыту" это обстоятельство очень часто не отмечается, т. е. отсутствует официальное удостоверение в том, что владельцы пользуются пребыванием в Польше на основании права убежища.

Во избежание случаев лишения прав убежища лиц, получивших документы взамен прежних документов с отметками об этом праве, а также для того, чтобы избежать применения к этим лицам принудительной высылки после срока 15 апреля, предписывается:

а) немедленно прекратить практику выдачи "карт побыту" взамен "карт убежища" и вообще удержания "карт убежища"; б) по пребыванию лиц, у которых эти "карты" отняты, немедленно возвращать таковые; в) рекламации лиц, у которых отняты "карты убежища" в других административных округах, поскольку эти рекламации внесены до 15 апреля 1923 г., рассматривать безотлагательно и сово-

купно с соответственными учреждениями возможно скоро, даже по телеграфу; г) независимо от этого предписываю немедленно по получении сего циркуляра составить на основании имеющейся регистрации именные списки; д) лицам, коим выдано право убежища и выданы документы с удостоверением этого права; е) лицам, пользующимся убежищем и проживающим в настоящее время на территории отдельных уездов.

В этих списках надлежит обозначить рубрику и свидетельства о пользовании правом убежища, и число свидетельств, и кроме того, в списках “б” — власть, выдавшую свидетельства.

В списках надлежит особо отметить лица, принадлежащие к категории “б”, интернированных, которые получали “карту убежища” на основании циркуляра № 5 от 18 февраля 1922 г. № 7 ГВВ 649.

Срок присылки списков в министерство внутренних дел не позже 1 апреля 1923 г. Отчеты о совершении ликвидации пребывания выходцев, зарегистрированных в списке №2, составленные по форме, указанной п. 6 циркуляра № 19, ожидаю к 15 мая 1923 г.

Министр
Варшава 9 февраля 1923 года.

Сикорский

Монитор польский, № 35 от 13 февраля 1923 г.

СИБИРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТРЕХРЕЧЕНСКАЯ ГОЛГОФА

Три месяца тому назад на китайской территории, вблизи советской границы, в местности, известной под названием Трехречье, “совершено чудовищное преступление, которое все должны заклеить словами гнева и протеста”, — читаем мы в Харбинском воззвании социалистических группировок.

Действительно, то, что произошло в Трехречье, — чудовищно и кошмарно. Оно не может быть оправдано никакими доводами чувства или разума. И то, что Трехреченский погром над мирным крестьянско-казацким населением произведен под руководством красного командования, по директивам каких-то центров, — еще более подчеркивает всю невероятную кошмарность того, что произошло, и от чего, в силу своего органического дефекта — аморальности, большевистская власть не может гарантировать и на будущее время.

Трехреченский погром — не единственный случай в кровавой практике большевиков. И если темой своего обозрения я взял это кошмарное событие, то это, во-первых, потому, что во времени это кровавое событие последнее и, во-вторых, территориально оно слишком отдалено, где-то на Дальнем Востоке, у китайской границы, чтобы иметь возможность более подробно разобраться в том, что там действительно произошло.

Россия воюет с Китаем, правда, без объявления войны. Какие-то “белые” помогают против России китайцам... Интересы России, красные, белые, китайцы, — все это переплетается в какой-то клубок, который надлежит распутать, чтобы получить истинное представление о том, что же действительно произошло где-то в неведомом нам Трехречье.

Но, прежде чем заняться этим, я позволю себе в кратких чертах охарактеризовать район, где произошли эти кровавые события. Впервые этот район привлек наше внимание в связи с теми короткими сообщениями в газетах о событиях, которые произошли в Трехречье.

Что же такое Трехречье? Трехречьем называется один из районов Барги (западная часть Хэйлудзянской провинции Северной Маньчжурии), расположенный в долинах рек Гана, Дербула и Хаула, впадающей в реку Аргунь.

Эта провинция, по последним газетным сведениям, обрывившая свою независимость от Китая, лежит между 47° и 54° северной широты и 115° — 122° восточной долготы.

Границами ее служат на востоке — Большой Хинган, от реки Амура до горы Соелчжи, на юге — от горы Соелчжи граница идет на северо-запад к реке Халхе, затем к озеру Буир, пересекая его по середине в юго-западном направлении, идет далее полукругом к озеру Цзунсубурга. На западе от озера Цзунсубурга граница идет прямо на север и оканчивается у Забайкалья на одной параллели со станцией Харонор, Забайкальской железной дороги, где и сворачивает на восток до станции Маньчжурия Китайской-Восточной железной дороги. Далее граница идет по реке Аргуни.

Общая площадь Барги равняется 155 599 кв. км., т. е. примерно равна, даже несколько больше, площади Чехословацкой республики. Географические и климатические условия Барги определили и строй ее хозяйства. В соответствии с резким различием естественных условий северо-восточной и юго-западной частей Барги различно и хозяйственное использование территории. Основным промыслом населения в горах северо-восточной Барги является лесное дело. Расположенные на юго-западе Барги степи до самого последнего времени использовались как пастбища. Как в горах, так и в степи развит пушной промысел. Расположенные на западе реки и озера делают возможным промысловое рыболовство.

Если к перечисленному добавить разработку ископаемых и отметить наличие в крае некоторого количества про-

мышленных предприятий, занятых обработкой местного сырья (кожи, леса и т. д.), то этим перечнем может быть закончена хозяйственная деятельность населения Барги.

В силу целого ряда обстоятельств Барга до настоящего времени стоит вне решительного натиска колониционных волн. Массовая китайская колонизация только теперь подкатывается к большому Хингану и пока еще не перевалила через горный хребет. Несколько лучше обстоит дело с русской колонизацией, которая в значительной своей части обусловлена режимом советской диктатуры, побудившей значительную часть забайкальцев переселиться в Трехречье. Другая часть русского беженства — вышедшего из Сибири и Приморья — расположилась в пристанционной полосе Барги.

Надо сказать, что знакомство русских с Баргой, или как теперь называют Хулунбуиrom, относится задолго до мировой войны, когда забайкальские казаки пригоняли сюда свой скот на выпас, заготавливали сено, “зверовали” и пр.

Во время мировой войны, а в особенности гражданской, забайкальские казаки и крестьяне стихийно устремились в Баргу. Сначала волна эмигрантов осела в долинах реки Аргунь, а затем стала спускаться по рекам Гану, Дербулу и Хаулу, достигнув железной дороги в районе станции Якеша.

В гражданскую войну, начиная с 1919 г., еще при власти атамана Семенова, сельские хозяева-скотоводы, жившие в долинах реки Аргуни с семьями, скотом и домашним скарбом, группами и в одиночку перебираются на китайскую сторону и, наконец, оседают вокруг старых заимок в ожидании лучшего времени у себя на родине.

Однако надежда на скорое возвращение домой все откладывается и откладывается, и эмигрировавшее население приступает к распашке земель для посева хлеба, так как отдаленность района от производящих центров и дороговизна привозного хлеба побуждают заняться земледелием. Особенно сильный толчок к распашкам дали годы гражданской войны (1918—20), когда русские эмигранты при-

ступили к распашке земли не только в Трехречье, но и в окрестностях станции Якеши и в долине Мяньюхе.

Так впервые в Барге, где преобладающим населением являются кочевые и охотничьи племена, зарождается земледелие, которым вскоре, наряду с русскими эмигрантами, начинают заниматься и китайцы.

Чтобы узаконить явочный порядок распашки баргинских земель русскими, хайларское вице-консульство еще в 1914 г. заключило с местными властями соглашение о предоставлении права аренды земельных участков в Барге русскими "сроком до 12 лет для посевов вдоль р. Аргуни от Старого Цурухайту до Меректа, а также по реке Хайлар и ее притокам и вдоль линии КВЖД".*

По этому соглашению русским подданным предоставлено право возводить постройки на арендованных участках.

Порядок пользования землей для русских эмигрантов до 1926 г. заключался в выборке разрешительного свидетельства у местных китайских властей, которое носило странное название "Условие найма рабочих для засева земли". Арендатор земли называется рабочим, а фактически, по смыслу условия, он является арендатором на один посев из части урожая.

С 1926 г. условия пользования землей в Трехречье, согласно постановления начальника Хулунбуирского округа, вновь изменяются: эмигранты могут оставаться и заниматься сельским хозяйством только при условии принятия китайского подданства или поступления в так называемые "наемные рабочие" к китайскому обществу, арендовавшему у правительства район Трехречья.

Эти условия, однако, не распространяются на другие районы. Там по-прежнему земледелием может заниматься каждый, получивший разрешение от местных властей.

Эмигранты Трехречья после долгих обсуждений решили перейти в разряд "наемных рабочих", так как не считали возможным для себя изменять свое подданство. Для совет-

*) См. В. А. Кормазов. Барга. Экономический очерк. Харбин. 1928, с. 197.

ских граждан, жителей Забайкалья, достаточно “пропуска, полученного от китайских властей на переход границы”. И уплатив арендную плату, они могут приступать к обработке облюбованного участка земли.

Земли в Барге исключительно плодородны. Еще в 1910 г. Хулунбуирский Даоинь Сун Сяолян писал: “Здесь почва черноземная с незначительным содержанием песка; засухи и наводнения не причиняют забот, и это — превосходное место для заселения”.

Русский земледелец-колонизатор быстро оценил преимущества этого района и предпочтительно стал заселять Трехречье. И в сравнительно короткий период времени пустынный район Трехречья, заселенный русскими эмигрантами, бежавшими от притеснения большевиков и их разорительных приемов обложения, стал неузнаваемым, превратившись в населенный, земледельческо-скотоводческий район, куда потянулись с товарами и за сырьем торговцы, и о Трехречье заговорили, как о богатом, быстро экономически развивающемся районе Хулунбуирского округа.

В самом деле, к северу от КВЖД в настоящее время имеется до 60 русско-китайских поселков с числом хозяйств 1 300 и населением до 7 000 человек. Здесь, впрочем, русское население (эмигранты) не превышает 35% общей численности населения этой части района. Обратную картину дает район Трехречья (Ган, Дербул, Хаул) — здесь русские эмигранты составляют 9/10 общего количества населения, а 1/10 приходится на китайцев.

В частности, число хозяйств и численность населения по долинам рек Трехречья представляется в таком виде:

В долине р. Гана имеется девять русских поселков с 202 хозяйствами и 1 130 лиц обоего пола (число китайских хозяйств — 18 и 85 лиц обоего пола).

В долине р. Дербула — восемь русских поселений с 151 хозяйством и 865 жителями обоего пола (число китайских хозяйств — 27 с 115 жителями обоего пола).

В долине р. Хаула — 4 селения с 22 хозяйствами и 135 жителями обоего пола (китайских хозяйств нет).

Таким образом, всего в Трехречье насчитывается 21 селение с 375 хозяйствами и 2 130 жителями обоего пола.

Население района Мергело-Хайларской долины состоит преимущественно из русских эмигрантов — забайкальских казаков, бурят и тунгусов (китайцев нет). В пяти поселениях этого района насчитывается 183 хозяйства и 115 юрт с числом населения обоего пола русских — 1 200 и бурят — 610.

К югу от железнодорожной магистрали русские обосновались в бурятском (Уолетском) хошуне, в долине р. Чинхэ, численностью до 40 заимок с населением до 250 человек.

Всего, следовательно, по речным долинам насчитывается 799 русских хозяйств с 4 619 населением обоего пола.

Во всей же Багре насчитывается 80 000 человек населения. Причем на первом месте идут кочевники-монголы — до 28 тыс. чел., второе место занимают русские — 23 тыс.; затем китайцы — 18 тыс. и остальное падает на бурят, тунгусов, дауров, орочен, якутов и др.

Основное занятие русского населения Барги, и в частности, Трехречья — скотоводство, земледелие и промыслы (главным образом, охота на пушного зверя).

За последние годы начинает развиваться маслоделие и торговля.

Обширные пространства остречных лугов в прекрасных долинах рек Аргуни, Трехречья и Мергела, общественные пастухи, хорошая урожайность трав и незначительная арендная плата за выпас и сенокос — все это создаст благоприятные условия для скотоводческого хозяйства русских эмигрантов и дает возможность увеличивать и без того уже многочисленные стада.

В долинах указанных выше рек (Аргуни, Трехречья и Мергела) насчитывается: лошадей — 6 326, рогатого скота — 21 728, овец и коз — 55 796, свиней — 1 600, что даст в среднем на одно хозяйство: 8 лошадей, 27 голов рогатого скота, 69 овец и 2 свиньи.

Рогатый скот в русских хозяйствах играет значительную роль. За последнее время усиленно стало развиваться

промышленное маслоделие, продукция которого находит большой сбыт в Харбине.

Начало маслоделию в Барге было положено русскими эмигрантами — забайкальскими казаками в 1920 г., когда, перекочевав с многочисленными стадами в богатейшие пастбища Трехречья, они приступили к кустарной выработке масла, спрос на которое с закрытием пограничной полосы значительно возрос в Маньчжурии.

Из 17 маслодельных заводов, насчитывающихся в настоящее время в Барге, вне пограничной полосы отчуждения — в Трехречье и к северу от станции Якеши, к Мергелу, имелось — 9 заводов и 7 отделений по скупке масла. Молочное стадо в Трехречье в Мергело-Хайларской долине составляло — до 5 тыс. голов.

Теперь с разорением маслодельных заводов и угоном скота, произведенными красными, производство масла в значительной степени подорвано, и трудно думать, что оно в скором времени будет восстановлено.

Общий размер посевной площади в Барге ничтожен, не превышает 6,6 тыс. га (6 522 дес.) или на 100 душ оседлого населения приходится 16 га. Из этого количества наибольшая распашка наблюдается в Приаргуньи, затем идет пристанционная полоса — район станции Якеши и Мяньюдхе, и последнее место занимает Трехречье.

В частности, размер посевной площади хлебных и технических культур для 1926 г. распределяется так:

Пристанционная полоса	1 138 га, или 1 035 дес.
Приаргунье (с Усть-Уровым)	4 642 га, или 4 220 дес.
Трехречье	742 га, или 675 дес.
Всего	6 522 га, или 5 930 дес.

Ввиду высокого качества трехреченской пшеницы (натура ее самая высокая в крае — 140 зол.) она пользуется большим спросом на Харбинском рынке (для кондитерских изделий).

Производится попытка, и довольно удачная, посева льна и табака в Трехречье, что открывает перед русским

населением новые возможности в сельскохозяйственном сбыте.

Лес — богатство Барги. Западный склон Большого Хингана на всем своем протяжении от р. Амура до южной пограничной части покрыт девственной тайгой. Площадь под лесом равняется, приблизительно, одной пятой общего пространства. [Из] древесной растительности [большая часть] приходится на даурскую лиственницу, затем идет белая и черная береза с ничтожной примесью осины.

Лесные концессии в Барге появились в 1914 г., в период автономии Барги, когда состоялось соглашение между монгольскими властями и российским вице-консулом в Хайларе о предоставлении русским гражданам в эксплуатацию лесных площадей. Договоры концессионеров с монгольскими властями впоследствии были подтверждены соглашением Пекинского правительства.

Общая площадь концессий, а также пространство, занятое подделовым лесом, по четырем концессионным предприятиям равно 22,7 тыс. кв. км. (20 тыс. кв. верст), в том числе, подделовым лесом — 7,3 тыс. кв. км.

Этими общими данными я мог бы закончить хозяйственно-экономическую характеристику Барги, и в частности — Трехречья. Нужно, вообще, отметить, что Хулунбуир в экономическом и торговом отношении представляет большой интерес для широких коммерческих кругов, и не только русских. Как известно, Барга ежегодно выбрасывает на рынок на 4,5 млн. мест. долларов пушнины. Продукты скотоводства — шерсть, мясо, молочные продукты также составляют важную статью дохода не менее чем на 4—5 млн. мест. долларов (100 золотых руб. — 13 мест. долларов).

Богатые лесные площади Хулунбуира обещают большое будущее для лесопромышленности.

Ежегодная добыча рыбы в хулунбуирских озерах достигает 300 тыс. пудов, причем этим не исчерпываются все возможности.

Кроме того, большой интерес представляют полезные ископаемые, в частности, золото, уголь, железо, мрамор, известь, гипс, горный хрусталь, сода и соль. Эта область,

впрочем, исключительно для приложения промышленного капитала.

Коммерсанты же могут в надлежащей степени развить торговлю, снабжая население Барги разными товарами взамен пушнины и продуктов животноводства.

Русские эмигранты за сравнительно короткий период времени легко приспособились к местным особенностям и превратили пустынный край в населенный, земледельческо-скотоводческий район.

Слухи о Трехречье далеко разнеслись по всему Забайкалью, Приамурью и Маньчжурии. Сюда потянулись с товарами коммерсанты, и о Трехречье заговорили как о богатом и многообещающем крае.

Какой поучительный урок! Русских эмигрантов в Трехречье от родины отделяла только пограничная река Аргунь. Живя, в сущности, рядом с Забайкалем, почти в одинаковых естественно-географических условиях, но под разными политическими системами управления, забайкальцы и трехреченцы, однако, находились в резко противоположных условиях хозяйственной жизни: первые страдали от голода и были постоянно под угрозой ЧК, вторые — жители Трехречья — скоро забыли нужду и личными усилиями нерегламентированного свободного труда создали свое благополучие, которому стали завидовать те, кто не мог свободно уйти из-под коммунистической опеки в родном крае.

В головах этих обездоленных людей нередко, вероятно, вставал вопрос: “Почему?” И, вероятно, потому все чаще и чаще, коммунисты стали уделять внимание трехреченцам, которых они обратили в “белобандитов”, якобы под видом мирных жителей концентрирующих свои силы для нападения на советскую родину. По адресу трехреченцев сыпались страшные угрозы, которые, наконец, и были приведены в исполнение.

Между тем, как вы видели, трехреченцы никакого отношения к “белобандитам” не имели. Укрываясь от гражданской войны, русское население Трехречья меньше всего собиралось нападать на Россию. И до, и после советско-китайского конфликта [из-за КВЖД] население Трехречья

продолжало оставаться нейтральным и чуждым какой-либо политики.

И характерно, что попытки со стороны организаторов белых отрядов втянуть в свои отряды население Трехречья встретили со стороны последнего решительный отпор; а один из таких отрядов, пытавшийся хозяйничать в районе, жители просто насильно выдворили из своих пределов. И вот — над этим мирным населением разразилась неожиданная катастрофа.

Кровавый набег на Трехречье, как теперь выяснилось, не был случайным нападением отдельной шайки погромщиков-партизан или грабителей, а является организованным набегом коммунистических военных частей ГПУ, сделанным одновременно в нескольких пунктах. Переправа через реку Аргунь была совершена в один день, 28 сентября. Отряд, разгромивший поселки Цанкур и Тынэхэ, прошел предварительно от реки Аргуни около 150 верст и потом только 1 октября явился в населенный район и учинил свою расправу. Что же касается другого отряда, вышедшего сразу в населенный район на берегу Аргуни в 300 верстах от Халара, то там расправа имела место еще 28 сентября.

В этот день отряд красных, состоявший из набранных в районе Нерченска молодых коммунистов и местных бывших каторжан, но предводительствуемый военным командованием Красной армии, переправился на правый берег Аргуни под прикрытием моторного катера, вооруженного пулеметами.

Переправившийся отряд численностью около 200 человек встретил на китайском берегу сопротивление небольшого китайского cordона, численностью в 10 человек, стоявшего в поселке Домасово.

В результате этого столкновения начальник cordона и 6 человек солдат были убиты и лишь четверо, отстреливаясь, успели отойти.

Тем временем красные ворвались в поселки и приступили к расправе над ничем не повинным населением.

Поселок Камары подвергся немедленному же разграблению; почти все жители, не успевшие бежать и не ожидав-

шие над собой расправы, были уничтожены, а имущество их разграблено и дома сожжены.

Во время этого налета коммунисты проявили исключительную жестокость и зверски убивали мужчин, женщин и детей.

Перешедши в соседний поселок, Домасово, насчитывавший несколько десятков дворов и являющийся в этом районе самым крупным и богатым, отряд красных окончательно озверел.

Расстреливали и убивали на месте не только мужчин и женщин, но и малолетних детей.

Были случаи, когда детей хватали и с высокого берега бросали в волны Аргуни, посылая "спасать родителей". Когда же в одном случае обезумевшая мать, бросившись за ребенком, выплыла с ним, то тут же на берегу прикончили и мать, и ее ребенка.

Ворвавшись в дом местного хуторянина Зырянова, эти звери не остановились перед убийством его трехмесячного сына. Ребенка, заплакавшего в люльке при появлении красноармейцев, один из вошедших выхватил из люльки и разорвал на глазах матери пополам.

Ограбив и уничтожив целый ряд прибрежных по Аргуни беженских поселков, красные переправились обратно на свой берег, увезя с собой все награбленное имущество. Все дома были сожжены и поселки почти сравнены с землей.

Трупы расстрелянных остались валяться на улице, где их пожирали свиньи и собаки.

Та же примерно картина кровавого разгрома рисуется при нападении второго отряда на поселок Тынэхэ и Цанкыр, в составе 50 человек.

Отряд красных пришел на хутор на рассвете 1 октября. Предводитель банды был одет во все красное. Даже имел красные сапоги. Всех жителей собрали на площадь. Затем, отделив женщин, красные приказали им возвратиться в дома и заняться приготовлением чая для отряда.

Мужчин же они повели на бугор, где находилось кладбище, и тут расстреляли их из пулеметов. Тех, кто остался жив, добивал начальник.

Перед расстрелом он обратился к мужчинам с вопросом:

— Знаете вы, кто мы?

— Товарищи... знаем... — был ответ.

— Зачем, вы ушли от нас из СССР?

Потом началась казнь.

В числе банды был некий казак Топорков. Его родная сестра была замужем за одним из жителей хутора. Сестра на коленях просила не убивать ее мужа, но бандит ответил ей на это:

— Тебя не трону, возьму с собой и прокормлю, а его убью.

Из мужского населения поселков Тынэхэ и Цанкыр осталось в живых только трое. В Цанкыре спасся Пешков — он успел надеть женскую одежду и взять на руки ребенка.

Когда к нему в дом ворвались красные, то на вопрос где муж, пересодетый Пешков ответил: “Уехал на покос”.

В Тынэхэ один из казаков спасся чудом. Пули только его задели, и он был завален трупами.

Зверски умучена семья Кругликова. Они ехали по тракту из Цанкыра в Хайлар на пяти подводах со сливочным маслом, когда их настигли красные бандиты и перебили, привязали к телегам, забросали сливочным маслом и подожгли. Обгоревшие трупы Кругликова, его жены и трех ребятишек были вскоре найдены в степи.

По последним сведениям, разгромлены поселки Тынэхэ, Цанкыр, Камары, Домасово, Наждин, Кули и Лабдарин.

В пятницу 4 октября в пять часов утра в хутор Тынэхэ вновь ворвались советские кавалеристы и учинили вторичный разгром. Они взяли по выбору женщин и 50 лучших лошадей и угнали их к советской границе. Судьба пленных женщин пока неизвестна.

Всего по приблизительным подсчетам пока установлено убитых в Тынэхэ — 64, Цанкыре — 24, Домасово — 50. Советские информаторы сообщают, что разбиты “белогвардейские отряды” и при этом указывают, что убито 140 человек “белобандитов”.

По сведениям, полученным харбинской газетой “Рупор” из иностранных источников, зверская расправа с русским населением в Трехречье была произведена по инициативе Доненко, назначенного недавно из Москвы членом Реввоенсовета Дальневосточной армии и начальником ГПУ. Доненко в прошлом — чекист, известный своими зверствами в период гражданской войны на юге России.

Зверское избиение беззащитного и мирного русского населения хуторов и селений Трехречья советскими отрядами глубоко взволновало всю русскую часть населения Харбина и линии Китайской Восточной железной дороги. Русское население Дальнего Востока, как и иностранцы, считают трехреченскую бойню беспримерным преступлением даже для советской власти.

В ряде обменов мнений между общественными организациями определилось солидарное решение в необходимости поставить в известность культурный мир о факте нового злодеяния советской власти. С этой целью русские общественные группировки Харбина и других мест решили отправить телеграммы воззвания к политическим деятелям и руководителям государственной жизни Китая, Японии, Соединенных Штатов, Англии, Франции, Италии, Германии и др. стран.

Потоки крови безвинно истребляемого населения Трехречья, кровь детей — вызывают к человеческой совести. Голос русского протеста должен быть услышан культурным миром. Иначе звериный закон должен восторжествовать и утвердить свое господство. Но этого не может и не должно быть...

В Хайларе и Якеши к 20 октября уже сосредоточилось около 1 200 беженцев. Кроме того, несколько тысяч человек двинулись с насиженных мест и не могут попасть к линии КВЖД вследствие небывалого разлива рек. Это же обстоятельство лишает возможности вывести скот, главное достояние крестьянского населения Трехречья. В большинстве случаев население Трехречья не имеет возможности собрать свой урожай, который в некоторых местах достигает 300 пудов с десятины, оставив свои нивы необранными.

Разоренное, лишенное крова, потерявшее близких и родных, замученных большевиками, население разбегается по лесам Трехречья, направляясь к линии железной дороги, спасая свою жизнь от ужасов перенесенного разгрома.

Помимо той части населения Трехречья, которая бежала из районов, подвергшихся нападениям красных, осталось много поселков в самом центре Трехречья, откуда население не имело возможности выбраться. Между ними и линией железной дороги остается пространство примерно в 160 километров. С севера эти поселки совершенно открыты для нападения красных, так как большинство переселенцев-эмигрантов оттуда вышло, но и западная граница не менее открыта для вторжения красных, особенно после раскола.

Таким образом, русское население находится под непосредственной опасностью повторения октябрьских кровавых событий. Для спасения населения, скота и хлеба нужны быстрые мероприятия и большие средства.

В Харбине, Шанхае и др. местах создались комитеты помощи трехреченцам. Организуется материальная и медицинская помощь пострадавшему от большевистского погрома населению.

На одном из распорядительных заседаний постановлено просить русскую и иностранную общественность о помощи пострадавшему населению от красного террора.

Ряд русских общественных организаций, в том числе и политические группировки (социалисты, группа "Крестьянская Россия" и др.), обратились с особым воззванием к населению и общественному мнению Европы и Америки.

"Во имя гуманности Китай предоставил святое право убежища русским крестьянам, дал им возможность мирным трудом зарабатывать кусок хлеба, — читаем мы в обращении к народам мира Харбинского комитета помощи трехреченцам. — Большевистская власть без объявления войны Китаю внезапно послала своих солдат на китайскую территорию — отнять это последнее убежище у русских изгнанников и тем надругаться над обычаем убежища, который освящен вековой историей человечества...

Произвол, насилие и надругательство над человеческой личностью всегда вызывали протест и возмущение у всех культурных народов...

Мы верим, что мировая совесть осудит и заклеяет неслыханное злодеяние наших дней.

Мы просим вас:

1) Заявить и поддержать, где следует, решительный протест против вышеописанных кошмарных злодейств и принять все зависящие меры против возможности их повторения.

2) Войти с предложением к правительству Китайской республики о создании международной комиссии для расследования зверств над мирными жителями Трехречья, нашедшими право убежища на территории Китая.

3) Предложить своим национальным благотворительным организациям, во имя милосердия, прийти на помощь разоренному населению Трехречья”.

Комитетом разосланы телеграммы-протесты всем правительствам Западной Европы и Америки, Китая и Японии.

“Никто не должен уклоняться от выполнения своего долга человека и гражданина. Никакими мотивами не может быть оправданы пассивность и молчание.

Все граждане без различия подданства и положений, все трудящиеся и интеллигенция, русские эмигранты и советские подданные — все должны принять участие в кампании общественного протеста. Всеми должно быть сделано все, чтобы разбудить совесть человечества, чтобы взоры всего мира привлечь к трагической участи распинаемых в Трехречье наших соотечественников”, — читаем мы в обращении социалистических группировок г. Харбина.

Воззвание дальневосточной группы “Крестьянская Россия” после подробной информации о событиях в Трехречье заканчивается следующим обращением:

“Жертвы московских палачей — несчастные женщины и дети — вопиют о защите.

Люди, мир, Лига Наций, Второй Интернационал, социалистические и буржуазные правительства, назначайте

срочно комиссию для расследования злодеяний московских палачей...

Люди, верующие в Бога, — на заупокойную панихиду по несчастным жертвам.

Социалисты — на митинги протеста против зверских убийств московских палачей.

Крестьяне всех стран, — шапки долой перед свежей могилой наших братьев-тружеников, расстрелянных московскими палачами”.

По инициативе Харбинского русского студенческого общества был организован митинг протеста и выработано обращение к народам мира.

“Мы обращаемся ко всем вам, — говорится в этом обращении, — культурные, просвещенные и просто честные люди Европы, Америки, Азии и Австралии. Если вы уважаете себя и привыкли следовать велениям голоса совести, — открыто заявите на весь мир, что вы все, по крайней мере, хоть осуждаете эти неслыханные коммунистические зверства...

Просим всех без исключения русских людей, рассеянных во всех странах мира, присоединиться к нашему протесту...”

Да, молчать нельзя. Нужно громко кричать о трехреченских жертвах коммунистического режима. Необходимо, чтобы голос русских беженцев, призывающих к протесту и помощи, был услышан, наконец, просвещенным европейским и американским обществом.

“Мы считаем весьма важным, чтобы русская демократия в Европе организовала по этому поводу широкую кампанию, дабы сделать ее авторитетной для широких демократических и социалистических кругов Европы, — читаем мы в письме социалистических группировок, напечатанном в журнале “Дни”, — Европа слабо, видимо, верит выступлениям правой эмиграции. Только ваш авторитетный голос русского демократического социализма может придать этой кампании силу и значение в глазах трудящихся Европы.

В основу этой кампании нам, с места, кажется, могут быть положены следующие начала:

1) Советский отряд учинил расправу не на территории СССР, а на чужой территории, вторгнувшись в глубь Китая на 150 верст.

2) В этом районе расположены только русские беженские поселки забайкальских казаков, и никаких других населенных поселков нет.

3) Значит, совправительство отправило отряд для расправы специально с русскими мирными беженцами, чем нарушило право убежища.

4) Расправа была ужасна по своей бессмысленности и жестокости. Убивались все — женщины, дети, стар и млад.

5) Расправе подверглись поселения совершенно мирных беженцев, не проявлявших за все десять лет после гражданской войны никакой активности против СССР.

6) Войны нет. Убиваются не солдаты враждебной стороны, а совсем посторонняя третья сторона.

Эти сформулированные вкратце положения совершенно отвечают объективному положению вещей”.

С момента советско-китайского конфликта население Трехречья, как мы видели, занимало нейтральное положение. На попытку привлечь их в состав отрядов, формируемых белыми, они откровенно заявили: “Воевать против СССР мы не будем, там наши родные и знакомые, да и вообще нам противна братоубийственная война. Домой вернемся, когда там прекратится грабеж и будет порядок”.

Это настроение не могло не быть известно коммунистам. Они прекрасно понимали, что политически Трехречье для советской власти не опасно. Оно было опасно, как живое свидетельство того, как можно при условиях хозяйственной свободы вольготно жить и увеличивать свое хозяйственное благосостояние.

В информации “Крестьянской России” определенно указывается, что именно это благополучие эмигрантского бытия в Китае и было тем живым укором хозяйственной политики большевиков, который они никак не могли спокойно переносить. Тем более, что забайкальцы открыто

стали говорить представителям советской власти: “Как же так, наши мужики, живущие в Китае (Трехречье), имеют хлеб, скот и год от году все богатеют, а у нас год от году все хуже и хуже”.

Теперь пример сытой деревни уничтожен. Большевики могут торжествовать: но это торжество диких варваров, которые не хотят понять и осознать того, что они творят. Это — безумные изуверы, которые не понимают и никогда не поймут законов человеческого общества: принципы права и справедливости! Поэтому было бы тщетно призывать к их совести.

Но призыв к совести культурного человечества, к совести тех, кто сегодня и, быть может, завтра будет сидеть за одним столом с теми, кто вчера, сегодня и завтра беспрерывно устраивает в малых и больших размерах “Трехреченские погромы”, должен быть направлен.

Я не обольщаюсь, что этот призыв найдет должный и быстрый отклик. Но не нужно забывать, что объединенными силами международного общественного воздействия вопрос о недавних палестинских событиях привлек мировое внимание и дал положительный и отнюдь не только моральный эффект.

Мы не требуем большего: если моральная совесть культурного человечества осудит это преступление и вопрос о Трехреченских событиях будет, как и о палестинских событиях, внесен в сессию Лиги Наций, наше чувство и совесть будут удовлетворены, поскольку в этих фактах мы будем видеть живой интерес к жертвам большевистского погрома и моральное сочувствие к пострадавшим.

Мы хорошо понимаем, что не только в призыве к совести мира наше спасение. Оно в живом чувстве родины, в дружной и действенной борьбе за ее политическое освобождение и хозяйственное преобразование!

Международная совесть должна реагировать на кровавую баню в Трехречье, и на нас в значительной мере лежит обязанность неумолчно, настойчиво требовать этого внимания.

Дело идет отнюдь не о мести и не о каре. Трехреченские события — только небольшой эпизод, кровавый и ужасный, но не исключительный, лишний раз только показывает, что там, на востоке Европы, происходит истребление народа политическими изуверами, действия которых морально должны быть — раз и навсегда — осуждены современным человечеством.

Русская демократическая эмиграция решительная противница каких-либо вооруженных интервенций против России, в чем нас беспрестанно обвиняют большевики, но русская зарубежная демократия за интервенцию моральную, за осуждение политического бандитизма и изуверства западноевропейским общественным мнением. В этом наше моральное обязательство перед теми, кто вынужден под большевистской тиранией жить и творить новую, свободную и национальную осознанную, мощную, и в силе своей — великодушную Россию.

[П. Доценко]

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПАВЛОВСКОГО (ЯКШИНА) агента ГПУ, арестованного в Германии в 1929 году

В 1901 году я поступил в реальное училище в одном из городов Центральной России. В 1905 году вступил в нелегальную организацию партии эсеров, работавшую в том же городе. В 1906 году, 1 марта, я был арестован “за принадлежность к преступному сообществу” по обвинению в преступлении, предусмотренном 2-й частью 102 ст. Уголовного уложения.

После девятимесячного предварительного заключения в ноябре 1906 года приговором Саратовской судебной палаты был присужден к 3 годам заключения в крепости, причем время предварительного заключения (9 месяцев) мне зачтено не было. По освобождении из тюрьмы я поддерживал связи с организацией в течение последующего времени. В начале войны я был на военной службе. После 1-й революции я как старый эсер был привлечен к работе Керенским в Смольном по охранению революционного порядка. Немедленно после Октябрьской революции (1917 г.) я под фамилией Якшина был назначен в Петроградскую ЧК на должность помощника уполномоченного Особой группы, причем на мне лежали обязанности по борьбе с контрреволюцией. За это время мною в Петрограде были раскрыты две фабрики фальшивомонетчиков, организация контрабандистов, скупщиков краденого и спекулянтов.

В марте я был назначен в Москву в ВЧК на должность уполномоченного Особой группы секретно-оперативной части ВЧК, причем на моей обязанности лежали борьба с контрреволюцией и преступлениями по должности. В этот период времени мною была раскрыта вся организация, сделавшая знаменитый взрыв в Леонтьевском переулке (анархисты), за что получил от Реввоенсовета республики золотые часы с надписью: “Т. Якшину за борьбу с контрреволю-

цией от Реввоенсовета республики" и назначен в 1919 году в январе месяце на должность особоуполномоченного Центрального управления Особых отделов Южного и Юго-Западного фронтов, находящегося в г. Харькове, Губернаторская ул., д. 14. Начальником Управления состоял Ефим Георгиевич Евдокимов, секретарь Семен Семенович Дукельский, начальником активной части состоял Михаил Петрович Фриновский (родом из Краснослободска, Пензенской губернии). В то же время председателем ВУЧК (Всеукраинской чрезвычайной комиссии) в Харькове, Митроносицкая площадь, д. 7, состоял Василий Николаевич Манцев. Надлежит отметить, что Центральному управлению Особых отделов Юж[ного и] Юг[о]-Зап[адного] фронтов, в коем я состоял, приданы были функции учреждения, имеющего право контролировать и наблюдать действия не только ВУЧК, но и самого Совнаркома (например, произведенный мною обыск и арест служащих в канцелярии председателя Совета народных комиссаров Раковского, уличенных в преступлениях по должности и т. д.). После окончания гражданской войны Центральное управление Особых отделов Южного [и] Юго-Западного фронтов и все подчиненные последнему Особые отделы были расформированы, и личный состав был размещен по соответствующим ЧК. Но Центральное управление вошло в состав Всеукраинской чрезвычайной комиссии под названием Особого отдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии, и начальником последнего был назначен Евдокимов, а я был назначен начальником Закордонного отдела Особого отдела Всеукраинской чрезвычайной комиссии. Мне было предложено организовать Закордонный отдел.

На меня как начальника Закордонного отдела была возложена задача установления наблюдения за антисоветскими тайными группировками и организациями в целях парализования их вредной деятельности в пределах советской России, а также освещение деятельности иностранных разведок внутри и за границей.

В частности, в задачи Закордонного отдела, во главе которого я стоял, входило мало того, что разрушение пла-

нов антисоветских организаций, но и внедрение в массы всех народов идей, полезных для Советов. По распоряжению Москвы я обязан был разместить тайных резидентов в Европе и Малой Азии (главным образом, Германия, Польша, Румыния, Балканы, Турция), освещать через этих резидентов возможные для использования большевиками политические моменты, а также для внедрения в иностранную прессу составляемых в Москве и Харькове подтасованных сведений, сводок и сфабрикованных документальных данных.

Для этой работы я воспользовался левой фракцией "Полей-Цион", существовавшей в то время в Сов[етской] России под именем ЕКП (Еврейской коммунистической партии) с Центральным комитетом в Москве, Кузнецкий Мост, д. 14.

Предварительно я вступил в официальные переговоры с председателем Еврейской компартии Авербухом, проживавшим в Москве, и председателем комитета Евр[ейской] компартии Правобережной Украины Самуилом Бездежским и Брайхманом (псевдоним по ЧК — Владимировский), резидентом в Берлине.

После ряда совещаний с этими лицами выяснилось, что организация, во главе коей стоят Авербух и Бездежский, является организацией мировой, имеющей колоссальные связи во всем мире, уже работавшей для Разведывательного управления Революционного военного совета республики и имеющей уже готовый разведывательный и оперативный аппарат с многочисленным штатом во всех странах. Оба указанные лица были приглашены мною на службу: Авербух — в качестве моего помощника по закордонной части, Бездежский — в качестве уполномоченного с местопребыванием в Киеве и секретарь ЦК Евр[ейской] компартии Геринг в качестве уполномоченного в Одессу.

При переговорах по этому поводу Авербух, предъявивший мне мандат своего ЦК ЕКП, каковым уполномочил Авербуха вести со мной переговоры эти, вначале предложил мне всю разведывательную и информационно-оперативную работу вести через ЦК ЕКП, т. е. вся ответствен-

ность за всю работу должна быть возложена на ЦК Евр[ейской] компартии как юридическое и ответственное лицо, а не на отдельных членов ЕКП. Однако от этого предложения я отказался и предложил работать в моем отделе на положении обыкновенных сотрудников ВУЧК, на что они и согласились.

Сделал я это потому, что при такой системе ведения работы легче контролировать деятельность отдельных сотрудников. Мною были утверждены составленные ими проекты схем резидентур за границей, связи, переправ и штаты сотрудников. На всю эту оперативно-разведывательную работу за границей мною отпускалось под отчет периодически и ежемесячно вперед золотыми монетами, платиной, бриллиантами и другими ценностями на сумму около 100 000 рублей (золотом). Таким образом, открылась работа тайных резидентур в Константинополе, Польше, Румынии, Балканах и в Берлине.

На основании донесений этих резидентов моей канцелярией составлялись сводки в нескольких экземплярах, которые представлялись лично председателю ВУЧК, председателю Совнаркома Раковскому и отправлялись в Москву в ВЧК.

Летом 1922 года в Польше произошел арест всего состава Закордонного отдела Центрального комитета КПБУ (Коммунистической партии большевиков Украины), вследствие чего последовал дипломатический конфликт с Польшей и обмен нотами Польского правительства и НКВД (Народного комиссариата по иностранным делам). Польша потребовала немедленной ликвидации всех закордонных отделов на территории Украины и Центр[альной] России. Раковский уведомил польское прав[итель]ство, что требование это будет исполнено. На самом деле все осталось по-прежнему, и лишь вверенный мне Закордонный отдел был переименован в 5-е отделение Особого отдела ВУЧК, во главе которого я и остался. Функции и задачи этого учреждения остались те же самые.

После установления дипломатических сношений с Польшей и с большинством европейских стран, куда выеха-

ли полномочные представительства в апреле 1922 года, ВУЧК было переименовано в ГПУ (Государственное политическое управление), а вверенное мне 5-е отделение было переименовано в Иностранный отдел секретно-оперативного управления ГПУ, во главе которого я и остался, исполняя те же обязанности и задачи. Одновременно со мной во главе такого же учреждения в Москве в ВЧК был поставлен сначала Могилевский, потом Трилиссер. Часть нелегальных переправ и лиц, обслуживающих связи, была упразднена и заменена дипломатическими курьерами, а значительная часть резидентов была назначена на легальные должности советников и секретарей полпредств. Ввиду обнаружения колоссальных злоупотреблений пограничных властей, в том числе пограничных Особых отделений ГПУ, Разведывательного управления Реввоенсовета республики и т. д., каковые учреждения производили хищения и злоупотребления, как, например, один из заведующих нелегальных переправ — Айзенштейн по кличке “Лихой” — один из лучших моих сотрудников, как оказалось, занимался тем, что периодически грабил и убивал беженцев, проходивших через его район, куда он сам же их заманивал возможностью за дешевую цену их переправить тайно за границу, а потом трупы их бросал в колодезь, причем при расследовании оказалось, что он убил более 450 человек беженцев, в том числе женщин и детей, трупами коих был набит один из самых глубоких колодцев до самого верха. В деле оказался замешанным начальник Разведывательного управления Реввоенсовета республики — Северный (настоящая фамилия Менахес), который пользовался результатами работы Лихого, получая от последнего проценты с убитых и ограбленных и всевозможные товары и спиртные напитки, переправляемые Лихим контрабандой из Польши. Ввиду того, что все эти лица являются партийными, дело о Северном было замято, а вслед за сим было замято и дело о Лихом. Северный получил даже повышение — он был назначен членом коллегии ГПУ под видом “контакта” работы ГПУ и Разведупра.

В тот же период времени было обнаружено хищение казенных и подотчетных сумм и подлоги целого ряда сотрудников ЕКП, состоящих на службе у меня в Иностранном отделе. Мною была послана ревизия в Киев и Одессу во главе с моим уполномоченным Абрамовичем и Мартиросовым, которые установили грандиозные преступления по должности, причем из арестованных по моему приказанию сотрудников только один беспартийный матрос Никонов умучен в тюрьме, остальные же (члены Еврейской компартии) по предложению ЦК РКП были немедленно освобождены, а часть казенных сумм была покрыта по счетам.

При расследовании оказалось, что большую часть казенных подотчетных сумм, кои мною им выдавались, они вносили прямо в ЦК ЕКП для нужд последней и лишь незначительную часть сумм расходовали на заграничную работу Иностранного отдела. Свои же сведения они получали, и дезинформационный материал помещали в прессу, пользуясь своими мировыми связями, каковые операции не требовали тех громадных сумм, которые они выставляли в своих отчетностях.

Ввиду злоупотреблений должностных лиц на Правобережной Украине и появления там повстанческих отрядов, ГПУ Украины выделило от себя Полномочное представительство во главе с Евдокимовым в Киев, и я переехал туда со всем Иностранным отделом, оставаясь в должности начальника последнего.

1 января 1923 года я был назначен на должность заведующего Украинским отделом Полномочного представительства УССР в Германии с оставлением обязанностей и функций начальника Иностранного отдела ГПУ. Народный комиссар иностранных дел Яковлев лично заготовил мне дипломатический паспорт на другое имя, а именно Сумароков, а начальником ГПУ Украины Балицким и начальником I Контрразведывательного отдела Ивановым (за их подписями) мне был выдан особо секретный мандат, в коем были изложены мои права и обязанности (начальника Иностранного отдела ГПУ), каковой мандат я имел право предъявить только полномочному представителю УССР Аусэму (в Бер-

лине), официально занимавшему должность полномочного представителя УССР в Германии, а в действительности состоявшему резидентом ГПУ, а также начальнику отделения Иностранного отдела ОГПУ в Берлине Степанову (работавшему от Москвы). Одновременно мне был выдан аванс в сумме 50 000 долларов под отчет на работу в Германии, по израсходовании какового аванса я должен был истребовать новые суммы из Харькова, а в срочных случаях имел право получать кредиты из кассы Полномочного представительства.

По прибытии в Берлин я явился к полномочному представителю УССР Аусэму (Кронпринцен Уфер, 10), который на основании предъявленного мною ему указанного выше мандата ГПУ назначил меня 2-м советником Полномочного представительства УССР в Берлине. Он же сдал мне все дела, денежную отчетность и секретную агентуру по ГПУ, которую он вел до меня, и я приступил к изучению материалов, ознакомлению с секретными сотрудниками и проведению данных мне задач. (Между прочим, все материалы, сданные мне Аусэмом, находятся у меня на руках.)

5 июля 1923 года произошло слияние полномочных представительств УССР (Кронпринцен Уфер, 10) и РСФСР (Унтер Ден Линден, 7), причем Аусэм был назначен заместителем и старшим советником полномочного представителя РСФСР в Германии Крестинского, а я был перемещен на официальную должность заведующего Украинским отделом Полномочного представительства РСФСР (ныне СССР) в Германии (Унтер Ден Линден, 7), сохраняя обязанности и права начальника Иностранного отдела ГПУ УССР. В число обязанностей моих, между прочим, входила выдача разрешений на право въезда на Украину, а также разрешение на въезд в Россию граждан, родившихся на Украине, а также амнистия лиц, участвовавших в гражданской войне и состоявших в белых армиях.

1 августа 1924 года я из разрешенного мне двухмесячного отпуска не вернулся. Дело в том, что вокруг моей работы создавалась такая паутина интриг, доносов, клеветы и лжи, благодаря тому, что я [имел] возможность, жить, во-пер-

вых, за границей, во-вторых, имел возможность распоряжаться громадными суммами и ценностями, что я больше вынести не мог. Этому способствовало еще то обстоятельство, что председатель Коминтерна Зиновьев во что бы то ни стало захотел посадить на мое место своего родственника. Все это вместе взятое заставило меня перейти на нелегальное положение.

Несмотря на все случившееся, я продолжаю поддерживать связи с Москвой и Харьковом, хотя и нелегально, но весьма интенсивно.

Доказательствами моей работы в течение 7 (семи) лет в органах ГПУ является, во-первых, — мой дипломатический паспорт на имя Михаила Георгиевича Сумарокова с моей личной фотографией, во-вторых, — Персональ Аусвейс с такой же фотографией, выданный Полномочным представительством УССР в Германии с регистрационной отметкой Министерства иностранных дел (Германии), в-третьих, — удостоверение личности, выданное М[инистер]ством иностр[анных] дел (Германии), что я состою на дипломатической службе СССР, письмо за № 2 за подписью начальника Контрразведывательного отдела Иванова с приложением копии письма за подписями председателя ГПУ Балицкого и Иванова, адресованного начальнику Иностранного отдела ОГПУ (Общесоюзного ГПУ) Трилис-серу по поводу моего утверждения в должности. В частности, по поводу дезинформационной деятельности Иностранного отдела ВЧК (а позже ГПУ), в котором я работал, должен объяснить: те громадные мировые связи, которыми обладали привлеченные мною к работе резиденты за границей, позволяли советскому правительству использовать в своих нуждах иностранную и русскую зарубежную прессу.

Нашими резидентами и их секретными сотрудниками был привлечен в свою очередь целый ряд журналистов, которые по заданиям ВЧК (ГПУ) и Коминтерна на известных условиях обязаны были помещать в прессе те или иные статьи, сведения и документы, которые составлялись и редактировались ответственными работниками центров.

Такая дезинформационная работа велась и ведется исключительно заграничными отделами наших центров. Искусственно создавались как в самом СССР, так и за границей различного рода организации якобы антисоветского направления, которые и должны были раздражать общественное мнение против антисоветского движения. Одним из главных теоретиков постановки такой работы был приглашенный ГПУ в качестве секретного сотрудника бывший жандармский генерал царского правительства Михаил Комиссаров. Только после расшифрования его белыми эмигрантами ему и его помощнику Чайкину пришлось уехать из Европы в Америку с теми же заданиями. Таким же сотрудником был Венгеров, французский полицейский чиновник Бенуа, работающий и доныне по заданию ГПУ, и числившийся в моей резидентуре по Константинополю и работающий ныне у румынского правительства, именующий себя доктором студент Богомолец, австро-венгерский подданный Аугенблик, именующий себя Владимиром, два брата Гринкруг, журналист Раковский, журналист, именующий себя Алмазовым, Панхусович, Горвиц-Самойлов, именующий себя Владимиром, Брайтман и друг[ие].

ВЧК (ГПУ) не только отдельным журналистам платила деньги, но и содержала на свой счет целые редакции, списки коих и имеются в наших сводках.

Моими разъездными резидентами по Константинополю были Виленский и Михельсон, которые через свои связи помещали в прессе статьи, материалы и документы, изготовленные Москвой и Харьковом и пересылаемые или через меня, или тов. Дукельского, состоявшего тогда председателем Одесского губернского отдела ГПУ.

Виленский и Михельсон имели постоянных секретных сотрудников по всей Европе и Америке, с которыми поддерживали периодическую и систематическую связь.

Кроме указанных выше: Алмазова, Брайтмана, Горвиц-Самойлова и других, очень большую помощь оказывал некий Герман Бернштейн родом из Могилева, помещая пересылаемые ему материалы, сведения, документы, статьи и заметки в корреспондируемые им газеты.

Бернштейн получал эти материалы из Москвы и из Харькова через наших сотрудников и агентов-резидентов, ставил известные условия, которые не всегда нами в ГПУ принимались.

Ему обычно поручалось проведение газетной кампании по Америке, где он имел наибольшие связи, в пользу подготовки общественного мнения к признанию Советов и дискредитированию эмигрантов и антисоветских общественных деятелей.

Примыкая по своему прошлому к партии левых социалистов-революционеров, Бернштейн имел много партийных товарищей среди верхов коммунизма, состоящих частью из бывших левых эсеров.

Однако связь с Бернштейном, а равно и с другими подобными же секретными сотрудниками, оберегалась Москвой самым тщательным образом.

Бернштейн, чтобы подчеркнуть свою независимость от Советов и для наилучшего законспирирования своей работы, прибыв в Берлин, стал, по нашим заданиям, добиваться от советского правительства визы на въезд в Россию, когда же им был официально получен отказ в этой визе, о чем он, между прочим, был ранее поставлен в известность, немедленно поднял по всей прессе шум по поводу этого отказа ему в визе советского правительства, что весьма способствовало укреплению его положения в антисоветских кругах.

В то же самое время Вустрему (он же Лобанов), тогда бывшему помощником Степанова и заведовавшему отделом ОГПУ в Берлине (от Москвы), было поручено сообщить Бернштейну, что он не может быть впущен в СССР даже под чужой фамилией. Дело в том, что ВЧК (а впоследствии ОГПУ) не всегда было довольно деятельностью Бернштейна, так как последний проявлял чрезмерную алчность — требуя слишком больших гонораров, или же пытался видоизменять редакции тех статей и документов, чего абсолютно не допускало ОГПУ. Бывали случаи, что Бернштейн не оправдывал полученных им авансов и запаздывал с исполнением срочных заданий. Это все и было основанием в том, чтобы иногда ОГПУ было недовольным деятельностью Бер-

нштейна и иногда выражало ему по этому поводу свое недовольство через посредство тех резидентов, где он бывал. Так, например: в Берлине Бернштейн был связан со Степановым и Вустремом (он же Лобанов), которым он и передавал результаты своей работы во время своих приездов в Берлин. От них же Бернштейн получал инструкции, деньги и материалы.

В лицо Бернштейна я не знаю, несмотря на то, что он бывал у нас в полпредстве.

По поводу организации “Комитет спасения Родины” я могу объяснить следующее: в действительности, такового комитета не существовало, как не существовало и тех организаций, кои были созданы для провокационных целей ОГПУ Комиссаровым, Акацатовым, Брауде, Артемием Балиевым, Михайловым, Арзамасовым и другими секретными сотрудниками.

Документы о “Комитете спасения Родины” были составлены в Харькове и в Москве совместно и отправлены Дукельскому в Одессу и Степанову в Берлин. Через Михельсона и Виленского эти документы должны были быть опубликованы в зарубежной прессе, а через Степанова они должны были быть переданы в американскую прессу для Германа Бернштейна. Последний и исполнил приказание Степанова (настоящая фамилия Артур Идельсон, кличка “Артур”), под фамилией же “Степанов” он занимал официальную должность под фиктивным названием — должности председателя Комиссии по приемке и сдаче оружия интернированного корпуса Гая.

Михельсон и Виленский по рекомендации Бернштейна и по приказу Дукельского воспользовались услугами Артемия Балиева, который был связан с различными белыми антисоветскими организациями в Константинополе.

Артемий Балиев именовал себя полковником и исполнял все поручения Виленского и Михельсона, а также их помощника Пельцера по помещению в заграничной прессе дезинформационных материалов ГПУ.

Артемий Кириллович Балиев является родственником известного владельца театра — Никиты Балиева.

Артемий Балиев получал определенный гонорар за свою работу, однако же работой Балиева ГПУ не всегда было довольно, так как последний, точно так же, как и Бернштейн, мнил себя журналистом и потому пытался исправлять полученные из Москвы и Харькова документы и статьи.

ГПУ за подобные действия строго карало своих секретных сотрудников, вроде Балиева, Бернштейна и других так называемых “журналистов”, лишая, впредь до изменения работы в желательном для ГПУ направлении, гонорара и авансов. Такие дисциплинарки всегда весьма хорошо действовали на провинившихся, и все эти “журналисты” немедленно исправлялись и точно исполняли все приказания наших центров, печатая все без всяких изменений.

Бывали случаи, при спешке работы, что фальсифицированные материалы изготовлялись не в центрах, а каким-либо пограничным ГПУ, например, Семеном Дукельским. Ввиду недостаточной интенсивности и слабого умственного развития наших руководителей в ГПУ, особенно в провинции, естественно, составляемые ими статьи и материалы не всегда удовлетворяли центр. Я сам неоднократно издавал циркулярные распоряжения, коими предписывал своим зарубежным резидентам не печатать без ведома и согласия центров никаких сведений и материалов.

Журналисты, имеющие связи с заграничной прессой, пользовались всегда возможностью вымогательства денежных средств с обеих сторон, это походило на обыкновенный шантаж, и резиденты почти всегда должны были соглашаться на требования журналистов — секретных сотрудников.

Особенно беспринципен в этом отношении был Герман Бернштейн, Горвиц-Самойлов, пользовавшийся своим родством с Оклянским и работавший у последнего в качестве секретаря и некий доктор Полини, работавший по Константинополю и имеющий громадные связи.

[...]* Особенно шантажировали нас эти журналисты при заключении сделок о подкупе правых газет.

*) Часть текста утрачена. — Прим. ред.-сост.

Некоторых журналистов за их чрезмерные вымогательства и шантаж потом предполагалось завлечь в советскую Россию и там расстрелять. Насколько я знаю, Бернштейну было выдано за 21-й год около 17 000 золотых рублей, дальнейшая выдача производилась Москвой после моего командирования в Берлин, и я о них не знаю.

Такие же фиктивные организации, как “Комитет спасения Родины” были созданы как в СССР, так и за границей указанными выше секретными сотрудниками (Комиссаровым и другими): “Анонимный монархический центр”, являющийся центром работы в России, “Великий Князь Андрей Владимирович”, созданный Арзамасовым и Трилиссером “Орден офицеров Императорских российских войск”), в котором деятельное участие принимал Михайлов и Брауде, а также Горвиц-Самойлов и именуемый себя полковником эсер Анисимов, а также некий Эльский-Яблонский — резидент Коминтерна. Указанные выше журналисты, кроме разработок монархических вопросов, которые были бы освещены в заграничной прессе так, чтобы вызвать ненависть со стороны общественного мнения к монархистам всех стран, особенно эмигрантам, обязаны были путем печати распространять данные и материалы, указывающие на погромную деятельность всех монархистов, особенно русских, и всячески разжигать ненависть друг к другу этих двух народов.

Все же факты, касающиеся стихийных еврейских погромов, производимых красноармейцами, буденовцами и вообще большевиками — всячески затушевывать, передергивая даты и переноса всю ответственность за устройство еврейских погромов на монархические организации и белые армии.

Ввиду того, что отсутствие моральных качеств у Бернштейна заставило его американских товарищей посторониться, мы, по его просьбе, для придания ему веса в заграничной прессе, передавали ему также изредка и настоящие материалы, которые он и помещал в прессе, доказывая тем, что он не “большевик”.

По поводу представленных при сем документов, а именно:

1) Документ ВЧК (Всероссийской чрезвычайной комиссии) за № 29370/с (секретный), подписан Михаилом Трилиссером, на имя Дукельского.

2) Документ ВЧК за № 29901/с от 4 января 1922 года, подписан Михаилом Трилиссером, на имя Раковского.

3) Документ ВЧК за № 29903/с (секретный), подписан Михаилом Трилиссером, на имя Манцева, председателя ВУЧК (Всеукраинской чрезвычайной комиссии) от 5 января 1922 года.

4) Документ ВЧК за № 30102/с (секретный) от 11 января 1922 года, подписан Михаилом Трилиссером, на имя Евдокимова — начальника Центрального управления всех Особых отделов Юж[ного и] Юго-Западных фронтов.

5) Документ ВЧК за № 30103/с (секретный) от 11 января 1922 года, подписан Михаилом Трилиссером, на имя Евдокимова — начальника Центрального управления всех Особотделов Юж-Юго-Западных фронтов.

6) Документ ВЧК за № 34102/с (секретный) от 3 февраля 1922 года, подписан Михаилом Трилиссером, на имя Раковского.

7) Документ ВЧК за № 34964/с (секретный), подписан Михаилом Трилиссером, на имя Манцева, председателя Всеукраинской чрезвычайной комиссии, от 12 февраля 1922 года.

8) Документ ВЧК за № 34969, подписан Михаилом Трилиссером, на имя Манцева (председателя ВУЧК) от 13 февраля 1922 года.

9) Документ ВЧК за № 41240/ф (финансовый), на имя Манцева (председателя ВУЧК).

10) Дело Секретно-оперативного управления ВУЧК (Всеруукраинской чрезвычайной комиссии) по форме № 16 за декабрь 1921 года, январь, февраль, март 1922 года, заключающее в себе 89 страниц.

11) Дело Полномочного представительства ГПУ (Государственного политического управления на Правоберезной Украине [...])*

По предъявлении мне документов (предъявлены 9 документов) Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) за январь, февраль и март месяцы 1922 года, объявляю:

1. Документ 2 января 1922 г. за № 29370 (с/секретный) подписан Михаилом Трилиссером, на имя Дукельского был выписан по следующему поводу: разосланные мною, Дукельским, Манцевым и Трилиссером заграничные резиденты, вопреки всякой конспирации, стали быстро обращаться в каких-то чиновников и, будучи размещены для сокрытия их работы в различные дружественные нам организации, редакции и торгово-промышленные заведения, стали переписываться между собой и с нами на бланках тех учреждений и мест, где они служили, и некоторые даже подписывались своими настоящими именами. Поэтому и произошло много досадных провалов: так, некоторые правительства, особо интенсивно наблюдающие за тайной работой большевиков (напр., Польша, Румыния и Венгрия), очень жестоко расправлялись с нашими резидентами. Это обстоятельство и вызвало описанное выше циркулярное письмо.

2. Документ за № 29901 (с/секретный) включает в себе сообщение начальника Закордонной части Иностранного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии Трилиссера на имя Раковского, особенно домогавшегося приезда Бернштейна в СССР, о том, что в интересах порученной ему, Бернштейну, работы оперативно-агентурного характера приезд последнего является нежелательным по соображениям, о каковых я упоминал выше, т. е. для избежания расшифрования его связи с нами. В этом же документе указывается, что переданная связью Бернштейна отчетность подлинна. По этому поводу должен объяснить, что указанные выше журналисты: Алмазов, Бернштейн, Горвиц-Самойлов, Брайтман представляли нашим резидентам

*) Перечисленные документы в архиве отсутствуют. — Прим. ред. - сост.

(в частности, Степанову) большое количество фиктивных отчетов, которые мы были принуждены удовлетворять, так как считали работу этих журналистов, благодаря их мировым связям, в особенности в еврейской прессе, чрезвычайно ценной. Таким образом, если отчетность резидента по выдаче гонораров и оплата отчетов этим журналистам бывала подлинна, то это вызывало удивление.

3. В документе № 29903 (с/секретный) от 5 января 1922 г., между прочим, Трилиссер сообщает Манцеву, что, как мною было выше указано, провинциальное ГПУ, вроде одесского во главе с Дукельским, пыталось помещать через свою связь и Бернштейна собственную отсебятину, не санкционированную центром, вследствие чего нарушался контакт единой работы иностранных отделов ГПУ. Трилиссер и добился в конце концов того, что все фальсифицированные данные должны представляться в центр для утверждения.

4. Документ № 30102 (с/секретный) от 11 января 1922 года. В нем сообщается Евдокимову о том, что Дукельский проектирует прекратить отпуск средств Балиеву из связи Арзамасова и Комиссарова, ввиду того, что они помещают в зарубежной прессе материалы, переданные им через резидентов Виленского и Михельсона. Однако Балиев, требуя себе гонорар, в свое оправдание представил ряд газет, в которых были помещены сведения, переданные ему и Бернштейну из Москвы о фиктивном “Комитете спасения Родины” без изменения.

Так как автором этих сведений был Дукельский, то Трилиссер обращает внимание его начальника — Евдокимова — на то, что Дукельский недостаточно умно составил эти документы и что поэтому впредь он должен свои фабrikаты представлять для редактирования в центр, а не посылать непосредственно Бернштейну или другим журналистам.

В результате письма за № 30102/с было разрешено Балиеву выдать вознаграждение, причем в этом же документе указано, что как Балиев, Виленский, так и Михельсон объясняют свои большие счета тем, что как журналистам, так

и связям Бернштейна приходится платить чрезвычайные гонорары и оплачивать их “расходы”.

Тут же указывается на то, что Балиев в Константинополе постепенно терял доверие среди эсеров и монархистов и что его необходимо было бы переместить в какой-либо европейский центр, оставив в Константинополе для связи с Бернштейном доктора Полини, а также мелких секретных сотрудников Брауде и Михайлова.

5. Документ от 11 января 1922 года за № 30103 (с/секретный), в коем указывается Трилиссером, что для нужд дезинформационного отдела необходимо заказать за границей фальшивые бланки московских учреждений, а также образцы подписей, бланков и печатей — эмигрантских, социалистических и монархических организаций. Делалось это для фальсификации и для помещения в соответствующих газетах фальшивых материалов, для введения в заблуждение общественного мнения относительно действительных целей и задач указанных выше организаций, [а] также большевиков. Как видно из этого документа, в этом отношении должны были работать Дукельский, Виленский и Михельсон.

6. Документ за № 34102 (с/секретный) указывает, что отчетность связи Бернштейна и счета по организации Михайлова и Арзамасова были произведены без ведома наших резидентов, и потому Трилиссер отказывается принять эту отчетность. Вместе с тем он просит Раковского назначить члена его коллегии в комиссию, которая должна прекратить расходование полномочиями представительствами сумм самостоятельно, без ведома и согласия наших резидентов, присваивая функции наших резидентов.

7. Из документа № 34964 (с/секретный) от 12 февраля 1922 года видно, что на оперативную работу тратятся средства одновременно Коминтерном и нашими резидентами, причем такие лица, как Герман Бернштейн, Акацатов, Комиссаров и другие пытались получить, а в некоторых случаях и получали, за одну и ту же работу из всех этих источников, причем одно ведомство не знало об отпуске этих

сумм из другого ведомства, что умышленно скрывали указанные выше лица.

Трилиссер даже отмечает подобное “моральное разложение этих сотрудников”. Кроме того, он вторично подчеркивает необходимость помещения в прессе материалов без всяких изменений и требует, чтобы Дукельский прекратил свои претензии на Бернштейна: так как им руководит только Москва, которая только и распоряжается кредитами Германа Бернштейна.

8. В документе за № 34969 от 13 февраля 1922 года указывается на осложнения в работе Бернштейна, вызванные тем, что Бернштейн требовал всегда вперед авансы, а мы ему выдавали деньги лишь за исполненную работу. Поэтому мы не всегда могли утвердить его счета и отчеты по реализации валюты, которые пересылались ему через Германию в инфляционное время.

Вопрос о существовании “Комитета спасения Родины” предложено было Трилиссером углубить, но Трилиссер не хотел этого делать по плану Манцева, предполагавшего эту кампанию провести только через Бернштейна, так как Москва думала провести всю эту операцию при помощи и других журналистов, а не одного Бернштейна, на которого были возложены и другие секретные задания.

9. Документ № 41240/ф (финансовый). Бернштейн получал фальсифицированные материалы, отлично знал, что они подделаны в ГПУ, так как с ним по этому поводу всегда велись предварительные переговоры и он давал советы по поводу редакции данных статей. Из этого документа видно, какие огромные гонорары получал Бернштейн (17 000 зол. рублей).

Необходимо отметить, что как Бернштейну, так и другим купленным журналистам, приказано было помещаемые ими статьи в пользу Советов не подписывать своей настоящей фамилией или литературной кличкой, вместе с тем им было предписано изредка помещать, для симуляции и маскировки их действительной работы, статьи, направленные против Советов, каковые статьи эти купленные журналисты, в том числе: Алмазов, Бернштейн и другие —

обязаны были подписывать своей настоящей фамилией или литературной кличкой.

Все указанные выше документы мне известны по моей работе в руководящих органах ГПУ за границей. Документы эти являются незначительной частью того огромного числа материалов, инструкций, сводок, циркуляров и переписок, ко [торые] проходили через те канцелярии и учреждения, во главе которых я стоял в течение 8 лет.

Под моим руководством составлялись также агентурно-информационные сводки секретно-оперативного управления ВУЧК (Всеукраинской чрезвычайной комиссии) по форме Е 16 за декабрь 21 года, январь, февраль, март 1922 г., а также на основании моих сводок составлялись обзоры о положении за кордоном (в частн[ости], и обзор № 4), от имени Полномочного представительства ГПУ на Правобережной Украине, полномочным представителем коего был указанный мною выше Евдокимов, а начальником Оперативного отделения — Савельев.

СПИСОК ПРАВОСЛАВНЫХ КЛИРИКОВ, УБИТЫХ И КАЗНЕННЫХ В СССР ЗА 1917—1930 гг.

Настоящий список является, конечно, не полным, во-первых, потому что казни духовных лиц совершаются в СССР исподтишка, т. е. без гласного судебного разбирательства, а в порядке так называемых “Чрезвычайных сессий”, т. е. “судов”, заседающих в ГПУ и разбирающих дело при закрытых дверях, часто без участия обвиняемого и, во всяком случае, без допущения защиты и без последующего опубликования приговора. Во-вторых, потому что такие казни не только не опубликовываются, но даже скрываются. Что касается случаев убийств, особенно участвовавших в последние два года, то они носят якобы случайный характер, по существу же, конечно, каждый раз инспирированы местными партийными организациями и ГПУ, желающими избавиться от опасного своим влиянием или энергией священника. Вот почему о таких убийствах никогда не пишут в газетах, почему их не расследуют, а если и делают вид, что расследуют, то никогда не находят убийц. Понятно, что эти причины делают собирание сведений чрезвычайно трудным, а собранные материалы — далекими от исчерпывающей полноты.

1. Священник Заозерский (Московская губерния).
2. Священник Добролюбов (Московская губерния).
3. Священник Надеждин (Московская губерния).
4. Священник Вишняков (Московская губерния).
5. Священник Орлов (Московская губерния).
6. Священник Фрязинов (Московская губерния).
8. Священник Соколов (Московская губерния).
9. Архимандрит Вениамин (Московская губерния).
10. Проиторей Орнатский (Петербургская губерния).
11. Архимандрит Сергей (Петербургская губерния).

12. Священник Логинов (Харьковская губерния).
13. Иеромонах Израиль (Харьковская губерния).
14. Иеромонах Модест (Харьковская губерния).
15. Иеромонах Иринарх (Харьковская губерния).
16. Иеромонарх Амвросий (Харьковская губерния).
17. Архимандрит Родион (Харьковская губерния).
18. Иеродиакон Феодот (Харьковская губерния).
19. Священник Маковский (Харьковская губерния).
20. Священник Дмитриев (Харьковская губерния).
21. Игумен Амвросий (Полтавская губерния).
22. Иеромонарх Нил (Полтавская губерния).
23. Иеромонарх Афанасий (Полтавская губерния).
- 24—40. 17 монахов Лубенского монастыря (Полтавская губерния).
41. Священник Попов (Екатеринославская губерния).
42. Священник Милютин Николай (Екатеринославская губерния).
43. Стадник Тимофей (Екатеринославская губерния).
44. Стадник Щеголев Константин (Екатеринославская губерния).
45. Стадник Базилевский Федор (Екатеринославская губерния).
46. Стадник Драгожинский (Екатеринославская губерния).
47. Священник Красовский (Екатеринославская губерния).
48. Священник Булахов (Екатеринославская губерния).
49. Священник Шепелев (Екатеринославская губерния).
50. Архимандрит Геннадий (Екатеринославская губерния).
51. Священник Пригоровский Иоанн (Кубанская обл.).
52. Священник Лисицин Михаил (Кубанская обл.).
53. Священник Флечинский Александр (Кубанская обл.).
54. Священник Бойко (Кубанская обл.).

55. Священник Никольский Григорий (Кубанская обл.).
56. Священник Подольский Александр (Кубанская обл.).
57. Священник Златоустский Григорий (Кубанская обл.).
58. Протоирей Иванов (Кубанская обл.).
59. Священник Павлов Алексей (Кубанская обл.).
60. Священник Берзовский Федор (Кубанская обл.).
61. Священник Краснов Иоанн (Кубанская обл.).
62. Священник Милюбинский Алекс. (Кубанская обл.).
63. Священник Золотовский (Кубанская обл.).
64. Священник Калиновский Павел (Ставропольская губерния).
65. Священник Семенов Димитрий (Ставропольская губерния).
66. Священник Соловьев Леонид (Ставропольская губерния).
67. Диакон Остриков Владимир (Ставропольская губерния).
68. Священник Патрыгин (Ставропольская губерния).
69. Священник Дмитриевский Григорий (Ставропольская губерния).
70. Псаломщик Донецкий Александр (Ставропольская губерния).
71. Священник Малохов Александр (Черноморская губерния).
72. Священник Рябухин Иоанн (Терская обл.).
73. Священник Кравцов (Донская обл.).
74. Священник Назоренко (Донская обл.).
75. Священник Рымарев, 25 января 1930 (Воронежская губерния).
76. Священник Сладкопевцев, 25 января 1930 (Воронежская губерния).
77. Член приходского совета Чубрин, 25 января 1930 (Воронежская губерния).

78. Священник Павленко, январь 1930 (Херсонская губерния).

79. Диакон Биденко, январь 1930 (Херсонская губерния).

80—83. 4 мирянина села Пески, январь 1930 (Херсонская губерния).

84. Священник Шпикач Василий (Киевская губерния).

85. Священник Шангин (Архангельская губерния).

86. Священник Сурцев (Архангельская губерния).

87. Священник Распутин (Архангельская губерния).

88. Псаломщик Смирнов Афанасий (Архангельская губерния).

89. Священник Чугунов (Тульская губерния).

СПИСОК ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПИСКОПОВ, ПОДВЕРГАВШИХСЯ ГОНЕНИЯМ до 1 марта 1930 г.

1. Августин Беляев — епископ Иваново-Вознесенский — в ссылке в Туркестане с 1924 г.

2. Авраамий Дернов — епископ Уржумский, викарий Вотский — в ссылке в селе Гиблый Ад, Зырянского края, с 1925 по 1928, с 1928 в г. Камышин, Саратовской губернии.

3. Алексей Молчанов — епископ бывший Омский — в ссылке с 1925 года. Места не знаем.

4. Алексей Буй — епископ Уразовский, викарий Воронежский — в Бутырской тюрьме в Москве в 1926 г. шесть месяцев, с 1928 г. — на Соловках.

5. Алексей Палицин — епископ Можайский, викарий Московский — в ссылке в Нарымском крае с 1923 по 1926 год, в Соловках — с 1926 г.

6. Амвросий Полянский — епископ Каменец-Подольский — в 1923 г. выслан в Харьков, в 1924 — в Москву, в

ноябре 1925 г. арестован — Бутырская тюрьма, с мая 1926 по март 1929 — Соловки, в апреле 1929 переведен на поселение в Тобольский округ.

7. Андрей Ухтомский — архиепископ бывший Уфимский — с января по декабрь 1920 в тюрьме в Новониколаевске, с марта по июль 1921 — в Московской тюрьме после чего выслан в Томск, в марте 1923 арестован — Бутырская тюрьма, в июле 1923 г. выслан в Ашхабад, в феврале 1926 г. освобожден, в 1927 арестован и выслан в Перовск.

8. Антоний Пенкеев — епископ Мариупольский — в 1924 г. выслан в Харьков, в сентябре 1926 арестован, переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, с октября 1926 по декабрь 1929 — Соловки, в декабре 1929 переведен в Петербургскую пересылочную тюрьму для направления в Сибирь, отправка задержана ввиду тяжелого заболевания туберкулезом легких.

9. Аркадий Остальский — епископ Лубенский, викарий Полтавский — в октябре 1926 г. выслан в Харьков; в феврале 1927 — в Туапсе; в апреле 1927 г. арестован и выслан в Соловки.

10. Арсений Стадницкий — митрополит Новгородский — в 1926 г. содержался в Бутырской тюрьме, после чего выслан в Красноводск, где находился до 1926 г.; в 1926 г. переведен в Ташкент.

11. Арсений Жадановский — епископ бывший Серпуховской — с 1926 выслан в Нижегородскую губернию.

12. Афанасий Сахаров — епископ Ковровский, викарий Владимирский — с 1922 по 1925 гг. в ссылке в городе Ветлуга; в 1927 г. арестован и выслан в Соловки; в 1928 г. летом работал принудительно на лесных разработках.

13. Афанасий Молчановский — епископ Сквирский, викарий Киевский — с августа 1924 по сентябрь 1925 содержался в Киевской тюрьме; в мае 1926 выслан в Курск; откуда в сентябре 1926 выслан в Москву и в октябре — в Омск; в 1926 г. арестован в Омске и выслан в Соловки.

14. Аввакум Боровков — епископ Староуфимский, викарий Уфимский — с 1923 по 1926 гг. был в ссылке в Зырянской обл.

15. Аверкий Кедров — архиепископ Волынский — в ноябре 1926 г. арестован в Житомире, откуда перевезен в Бутырскую тюрьму; с января 1927 по 1928 — в Ходжейли Амударьинской обл., в феврале 1930 г. арестован, находится в Бутырской тюрьме.

16. Агапит Борзаковский — епископ Карачевский, викарий Брянский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Тверской губернии.

17. Агафангел Преображенский — митрополит Ярославский — в августе 1922 арестован в Ярославле и переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве. 28 декабря 1922 выслан в село Копышево Нарымского края (в 400 верстах от железной дороги), в 1926 г. вернулся в Ярославль. В октябре 1928 г. скончался в Ярославле.

18. Александр Раевский — епископ Севастопольский, викарий Таврический — в 1924 г. выслан в Москву, с 1924 по 1926 год — в Одессе.

19. Алексей Горовцев — епископ бывший Звенигородский, викарий Киевский, с апреля по ноябрь 1922 — в Киевской тюрьме; в апреле 1923 г. снова арестован и выслан в Москву, где проживал до августа 1925 г.; с августа по сентябрь 1925 г. находился в Бутырской тюрьме, в апреле 1926 выслан в Серпухов. В настоящий момент местопребывания неизвестно.

20. Амвросий Смирнов — епископ Дмитровский, викарий Московский — в 1922 г. в бытность епископом Брянским выслан в Москву, где проживал без права выезда. В мае 1926 арестован, с 1926 до 1928 — в ссылке в Зырянской обл.

21. Алексей Симанский — архиепископ Хутынский, викарий Новгородский с 1923 по 1926 — в ссылке в Нарымском крае. С 1926 по 1927 проживал без права выезда в Петербурге.

22. Амвросий Сосновцев — епископ бывший Мстерский, викарий Владимирский — в 1926 г. арестован в Мстерах, откуда переведен во Владимирскую, а затем в Бутырскую тюрьму и выслан в Туркестан.

23. Амфилохий Скворцов — епископ бывший Красноярский — в феврале 1927 арестован в Красноярске и переведен в Бутырскую тюрьму, где был до августа 1927 г. О дальнейшей судьбе сведений нет.

24. Анатолий Грисюк — епископ Одесский — с 1923 по март 1927 в ссылке в Красноводске. В марте 1927 переведен в Казань. В сентябре 1927 освобожден.

25. Андрей Комаров — епископ Вольский, викарий Саратовский — с 1925 по 1928 год в ссылке в Новом Торжке, Тверской губернии.

26. Анатолий Быстров — архиепископ Архангельский — с 1922 по 1925 год в ссылке в Нарымском крае.

27. Антоний Романовский — епископ Сухумский — в январе 1927 арестован и переведен в Бутырскую тюрьму, откуда выслан в Марийскую область на срок два года.

28. Арсений Смолинец — архиепископ Царицынский — с марта 1922 по октябрь 1925 года — в Соловках. В марте 1925 г. выслан в Сочи на три года.

29. Амвросий Либин — епископ Лужский, викарий Петербургский — с 1923 по 1927 в Соловках.

30. Борис Шипулин — архиепископ Тульский — в октябре 1922 арестован и до 1923 — в Бутырской тюрьме; до 1924 проживал без права выезда в Москве, а с 1924 по 1927 год — в Харькове, в ссылке. В октябре 1927 арестован и выслан на Соловки.

31. Борис Соколов — архиепископ Рязанский — в 1923 году арестован и выслан в Москву, где проживал без права выезда до 1925 г. В сентябре 1925, вернувшись в Рязань, был арестован и переведен в Бутырскую тюрьму. В том же 1925 году тяжело заболел в тюрьме и был выслан в Ярославскую губернию на три года. Умер в ссылке в селе Перловка в 1928 г.

32. Борис — епископ Рыбинский, викарий Ярославский — в мае 1922 арестован, судим и 25 июля того же года приговорен к семи годам тюремного заключения по обвинению в сокрытии церковных ценностей.

33. Валериан Рудич — епископ Шадринский, викарий Екатеринбургский — в 1923 г. выслан в Харьков, откуда в

1924 — в Москву, где проживал без права выезда до февраля 1925, когда был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, откуда в апреле 1925 сослан в Турт-Куль, Каракалпакской области. С ноября 1926 по 1928 — в Ходжейли, Амударьинской области.

34. Варлаам Ряшенцов — епископ бывший Пермский — с 1923 по 1929 год — в ссылке в Ярославской губернии. В декабре 1929 г. арестован и заключен в Ярославскую тюрьму.

35. Варлаам Пикалов — епископ бывший Каширский, викарий Тульский — с 1925 по 1928 в ссылке в Тверской губернии. В настоящий момент о местонахождении сведений не имеем.

36. Варлаам Лазоренко — епископ бывший Хорольский, викарий Полтавский — в феврале 1927 г. арестован и перевезен в Бутырскую тюрьму, в марте того же года выслан в Майкоп на три года.

37. Варлаам Козуля — епископ Винницкий, викарий Подольский — с мая по декабрь 1927 г. выслан в Харьков.

38. Варсанофий Вихвелин — епископ бывший Каргопольский, викарий Олонецкий — в 1923 г. арестован и выслан в Москву, где проживал без права выезда до ноября 1925 г., когда был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, где пробыл до июля 1926. В июле 1926 г. выслан в Иркутскую губернию на три года. В марте 1929 г. переведен в Вологодскую губернию на поселение.

39. Василий Богдашевский — архиепископ Каневский, викарий Киевский — в апреле 1923 г. арестован, переведен в Бутырскую тюрьму. В мае того же года — в Ижму, Зырянского края. Освобожден в августе 1924.

40. Василий Преображенский — епископ Кинешемский, викарий Костромской — в октябре 1929 арестован и содержится в Иваново-Вознесенской тюрьме.

41. Василий Зеленцов — епископ Прилуцкий, викарий Полтавский — с 1922 по 1925 содержался в Полтавской тюрьме. В сентябре 1926 — арестован, перевезен в Бутырскую тюрьму, откуда выслан в Соловки на три года. В ок-

тябре 1929 г. переведен на поселение в Новосибирский округ.

42. Василий Беляев — епископ бывший Спасо-Клепиковский, викарий Рязанский — в сентябре 1925 арестован и переведен в Бутырскую тюрьму, откуда выслан в Обдорск, Тобольской губернии. В августе 1927 г. переведен в Хе, той же губернии. В сентябре 1927 освобожден без права жительства в шести главных городах СССР.

43. Василий Докторов — епископ Каргопольский, викарий Олонецкий — с 1925 по 1927 год в ссылке в Барнауле. В 1928 году проживал без права выезда в Петербурге. В октябре 1928 арестован и содержался в Петербургской тюрьме. В настоящее время о местопребывании сведений не имеем.

44. Венедикт Плотников — епископ Кронштадтский, викарий Петербургский — в мае 1922 г. арестован и 10 июня того же года приговорен к расстрелу вместе с митрополитом Вениамином. Смертная казнь заменена десятью годами тюрьмы. В 1923 г. выслан в Иркутскую губернию. В марте 1929 переведен на поселение в Вологодскую губернию.

45. Венедикт Алектов — епископ Вяземский, викарий Смоленский — в марте 1927 арестован, содержался в Вяземской тюрьме, откуда выслан в Киргизский край на три года.

46. Вениамин Глебов — епископ Рославльский, викарий Смоленский в марте 1927 г. арестован, выслан в Киргизский край на три года.

47. Вениамин Воскресенский — епископ Рыбинский, викарий Ярославский — в 1927 году арестован, выслан в сентябре того же года. О местопребывании сведений не имеем.

48. Вениамин — епископ Байкинский, викарий Уфимский — в январе 1930 года арестован и содержится в тюрьме в Бирске.

49. Виктор Островидов — епископ Вотский — в феврале 1928 года арестован, переведен в Бутырскую тюрьму и выслан в Соловки на пять лет.

50. Владимир Соколовский — архиепископ бывший Екатеринославский — в 1924 г. выслан в Москву без права выезда, где и проживает.

51. Владимир Юденич — епископ Барнаульский, викарий Томский — в 1922 г. в апреле арестован, переведен в Бутырскую тюрьму, откуда выслан в Ижму, Зырянского края, на три года. В 1927 г. вновь арестован и выслан в Горношерский район на три года.

52. Гавриил Красновский — епископ Клинский, викарий Московский — с 1925 по 1928 год в ссылке в Топлове, Таврической губернии. В октябре 1928 года по отбытии срока ссылки вернулся в Москву, откуда снова был выслан в Топлов на три года.

53. Гавриил Абалымов — епископ Осташковский, викарий Тверской — с 1925 по сентябрь 1926 года в тюрьме в Твери. В сентябре 1926 г. выслан в Соловки на три года; в 1929 освобожден без права жить в 6 главных городах СССР.

54. Гавриил Воеводин — архиепископ Витебский — в 1925 г. выслан в Москву без права выезда. В 1926 г. проживал в Петербурге без права выезда. С апреля 1927 года по октябрь того же года находился в Петербургской тюрьме.

55. Герман Рященцов — епископ Вязниковский, викарий Владимирский — в 1922 по 1925 год в ссылке в Тобольской губернии. По возвращении в мае 1926 г. — выслан в Турт-Куль Амударьинской области. В феврале 1927 г. переведен в Ходжейли. В 1929, по возвращении во Владимир, арестован и в октябре выслан в Соловки на три года.

56. Глеб Покровский — епископ Михайловский, викарий Рязанский — с 1925 по 1928 год в ссылке в Соловках.

57. Григорий Луковский — архиепископ бывший Екатеринбургский — в 1922 году арестован и содержался на протяжении 1923, 1924 и 1925 годов в тюрьмах Екатеринбурга, Перьми, Москвы и Владимира.

58. Григорий Козлов — епископ Печерский, викарий Нижегородский — в ноябре 1926 г. арестован, в декабре освобожден. В январе 1927 вновь арестован, переведен в Бутырскую тюрьму и выслан на Соловки на три года.

59. Григорий Лебедев — епископ Шлиссельбургский, викарий Петербургский — с апреля по октябрь 1927 года — в Петербургской тюрьме.

60. Григорий Козеров — епископ Суздальский, викарий Владимирский — с 1924 по 1928 — в Соловках.

61. Гурий Степанов — архиепископ Иркутский — в 1920 г. четыре месяца в Бутырской тюрьме, после освобождения жил в Москве без права выезда. С ноября 1925 по май 1926 года — в Бутырской тюрьме. В мае 1926 г. выслан в Якутск на три года. По окончании срока ссылки освобожден не был.

62. Дамаскин Цедрик — епископ Глуховский, викарий Черниговский — 1923 и 1924 годы — в тюрьме в Глухове. В 1924 выслан в Харьков без права выезда. В сентябре 1925 г. выслан в Москву без права выезда. В ноябре 1925 арестован и содержался в Бутырской тюрьме до августа 1926 г. С августа 1926 до апреля 1929 года — в ссылке в устье Енисея (Туруханский край). С апреля по октябрь — на поселении в Стародубе, в октябре 1929 г. арестован и содержится в Бутырской тюрьме.

63. Дамиан Воскресенский — епископ Курский — с 1922 по 1925 год — в ссылке в Нарымском крае.

64. Даниил Шерстенников — епископ Охотский, викарий Владивостокский — в феврале 1927 г. арестован и выслан в Иркутск, откуда переведен в Бутырскую тюрьму. В мае 1927 года выслан в Соловки на три года.

65. Даниил Троицкий — епископ Болховский, викарий Орловский — в апреле 1926 года — в Бутырской тюрьме, а в сентябре 1926 выслан в Кинешму, Костромской губернии. В 1928 освобожден без права жительства в 6 главных городах СССР.

66. Димитрий Вербицкий — архиепископ Белоцерковский, викарий Киевский — в апреле 1923 года — в Бутырской тюрьме, в июне выслан в Ижму, Зырянского края, на два года.

67. Димитрий Абашидзе — архиепископ бывший Таврический — в 1923 году — в Симферопольской тюрьме два месяца.

68. Димитрий Добросердов — архиепископ Пятигорский — с 1922 по 1925 в ссылке в Красноярске.

69. Димитрий Галицкий — епископ Старобельский, викарий Харьковский — с ноября 1926 по сентябрь 1928 года выслан в Киев без права выезда.

70. Димитрий Любимов — епископ Гдовский, викарий Петербургский — с октября 1929 года — в Петербургской тюрьме.

71. Дионисий Прозоровский — архиепископ Оренбургский — с 1924 по 1927 год — в ссылке в Ташкенте.

72. Досифей Протопопов — архиепископ бывший Саратовский — с февраля 1927 года в ссылке в Терской области на три года.

73. Евгений Зернов — архиепископ Благовещенский — с 1923 по 1927 год — в Соловках. В 1927 переведен на поселение в Зырянский край.

74. Евгений Кобранов — епископ Ростовский, викарий Ярославский — с 1926 по 1928 год — в Москве, без права выезда. С октября 1929 года — в Ярославской тюрьме.

75. Евсевий Рождественский — епископ бывший Ейский, викарий Кубанский — в апреле 1922 года выслан в Иркутскую губернию. В феврале 1927 переведен в Читу.

76. Евфимий Лапин — епископ Олонецкий — с марта 1929 г. находится в ссылке в Нарымском крае.

77. Захария Лобов — архиепископ Воронежский — с 1923 по ноябрь 1926 года — в Соловках. С ноября 1926 по 1928 год — на поселении в Марийской обл.

78. Зиновий Дроздов — архиепископ бывший Тамбовский — с октября 1922 по 1925 год — в Тамбовской тюрьме. С 1925 г. выслан в Москву без права выезда. В апреле 1926 переведен в Арзамас. В мае-августе 1927 года — в Арзамасской тюрьме. О нынешней судьбе сведений не имеем.

79. Игнатий Садковский — епископ Белевский, викарий Тульский — с 1923 по декабрь 1926 года — в Соловках. В ноябре 1929 года выслан в Кемь в концентрационный лагерь.

80. Илларион Троицкий — архиепископ бывший Крутицкий (бывший инспектор и профессор Московской ду-

ховной академии) — в 1920 году четыре месяца в Бутырской тюрьме. С 1922 по 1926 год — в Соловках. В мае 1926 года переведен в тюрьму Коровники в Ярославле, откуда снова переведен на Соловки. В декабре 1929 переведен в Петербургскую пересылочную тюрьму с целью направления в Ашхабад, где 28 декабря от неизвестной причины скоропостижно скончался.

81. Илларион Бельский — епископ бывший Каргопольский, викарий Олонецкий — с 1924 по 1927 год — в ссылке в Смоленске. В ноябре 1927 выслан в Соловки на три года.

82. Иннокентий Тихонов — епископ Ладожский, викарий Петербургский — с 1923 по 1925 год — в Соловках. В ноябре 1925 по возвращении в Петербург снова выслан в Вологодскую губернию. В марте 1929 переведен на поселение в Тверскую губернию.

83. Иннокентий Ястребов — архиепископ бывший Астраханский — с 1923 года выслан в Москву без права выезда. В 1925 выслан в Кубанскую обл. В 1927 году освобожден (а в 1928 умер).

84. Иннокентий Соколов — архиепископ Бийский — в 1923 г. — в Бутырской тюрьме. С 1923 года без права выезда живет в Москве.

85. Иннокентий Летаев — епископ Подольский, викарий Московский — в 1925 году — в Бутырской тюрьме. С 1925 по 1927 в ссылке в Белгороде.

86. Ираклий Попов — епископ Киренский, викарий Иркутский — с 1927 выслан в Красноярск.

87. Иринарх Синеоков-Андреевский — епископ Якутский — в мае 1922 года выслан без права выезда в Москву. В 1924 г. выслан в Смоленскую губернию. С 1925 по 1928 год — в Великом Устюге.

88. Иаков Маскаев — епископ Орский, викарий Оренбургский — с 1923 по 1927 год — в ссылке в Самаре.

89. Иаким Благовидов — епископ Симбирский — с 1923 по 1927 год — в Соловках.

90. Иоанникий Сперанский — епископ Старорусский, викарий Новгородский — в 1926—27 гг. — в тюрьме в Новгороде. О дальнейшей судьбе сведений не имеем.

91. Иоанн Доброславин — епископ бывший Конотопский, викарий Черниговский — в 1923 году выслан в Нижний Новгород без права выезда.

92. Иоанн Пашин — епископ Мозырский, викарий Минский. С апреля 1926 года — в ссылке в Зырянском крае.

93. Иоасаф Удалов — епископ Чистопольский, викарий Казанский — в 1924 году выслан в Москву без права выезда. С ноября 1925 — в Бутырской тюрьме, в мае 1926 года выслан в устье Енисея (Туруханский край). В марте 1929 переведен в Козьмодемьянск, Марийской области.

94. Иоасаф Жевахов — епископ Димитриевский, викарий Курский — в 1924 году семь месяцев в Киевской тюрьме. С августа 1926 по октябрь 1929 года — в Соловках. С октября 1929 — в Нарымском крае.

95. Иоасаф Шишковский — епископ Сызранский — с 1923 по 1926 год — в ссылке в Тверской губернии. С 1926 по 1927 год — в Угличе, Ярославской губернии.

96. Иов Рогожин — епископ Мстерский, викарий Владимирский — с 1926 по 1928 год — в Соловках.

97. Иосиф Петровых — митрополит бывший Петербургский — с 1926 по 1928 год в ссылке в Ярославской губернии. С 1928 переведен в Устюжну, Новгородской губернии.

98. Иувеналий Масловский — архиепископ Рязанский — с июля 1925 по 1928 год в Соловках.

99. Иоанникий Соколовский — архиепископ бывший Екатеринославский в 1922—24 гг. — в тюрьме в Екатеринославе.

100. Киприан Комаровский — архиепископ Нижнеудинский, викарий Иркутский — с 1925 по 1927 год в ссылке во Владивостоке. С марта по октябрь 1927 год — во Владивостокской тюрьме.

101. Кирилл Смирнов — митрополит Казанский — с 1922 по 1927 год — в ссылке в Усть-Сысольске и Котельни-

че, Вятской губернии. С января по апрель 1927 года — в Вятской тюрьме. С апреля 1927 по май 1929 года — в ссылке в Туруханском крае (Хантайка). С мая 1929 по январь 1930 года — в Енисейске. С января 1930 года — опять в Туруханском крае.

102. Кирилл Соколов — епископ Пензенский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Феодосии. В 1926 году (июле) — в Бутырской тюрьме, а затем в ссылке в Полоцке до февраля 1927. В январе 1930 года выслан в Бугуруслан.

103. Кирилл Васильков — епископ Макарьевский, викарий Новгородский — с 1925 года в концентрационном лагере в Вологодской губернии.

104. Костантин Дьяков — архиепископ Харьковский — в 1926 году два месяца в Харьковской тюрьме.

105. Корнилий Соболев — архиепископ Екатеринбургский — в декабре 1926 года выслан в Москву без права выезда. В январе 1927 арестован и с 28 мая 1927 г. — в Соловках.

106. Лев Черепанов — епископ Нижнетагильский, викарий Екатеринбургский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Ашхабаде. С 1926 — в Чарджуе.

107. Леонтий Устинов — епископ бывший Печерский, викарий Нижегородский — с 1925 года в тюрьме в Нижнем Новгороде.

108. Лука Войно-Ясенецкий — епископ бывший Туркестанский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Туруханском крае.

109. Макарий Кармазин — епископ Екатеринославский — в 1923—24 годах два раза в Киевской тюрьме. С февраля по декабрь 1925 — в Киевской тюрьме. С декабря 1925 по март 1927 года — в Харькове без права выезда. С марта 1927 — в ссылке в Горношерском районе, Томской губернии.

110. Макарий Опоцкий — епископ Череповецкий, викарий Новгородский — с 1927 года в Соловках.

111. Максим Руберовский — епископ Полонский, викарий Волынский — с марта 1927 по март 1928 года в Харь-

кове без права выезда. В 1929 году выслан в Тобольскую губернию на три года.

112. Максим — епископ Серпуховской, викарий Московский — в 1929 году выслан в Соловки.

113. Мануил Лемешовский — епископ бывший Лужский, викарий Петербургский — с 1925 по 1928 год в Соловках.

114. Мелхиседек Паевский — епископ бывший Минский — с 1926 года в Москве без права выезда. С февраля по апрель 1927 г. — в Бутырской тюрьме.

115. Митрофан Симашкевич — митрополит Донской — с 1922 по 1925 год в Нарымском крае в ссылке.

116. Митрофан Поликарпов — епископ Воткинский, викарий Сарапульский — в 1924 выслан в Москву без права выезда. В ноябре 1925 года арестован, а в апреле 1926 выслан в Челкар, Киргизского края. В 1929 году освобожден без права жить в 6 главных городах СССР.

117. Митрофан Гринев — епископ бывший Аксайский, викарий Донской — с 1922 по 1925 год в Соловках. В 1925 г. по возвращении на Дон выслан в Алатырь, Симбирской губернии.

118. Михаил Ермаков — митрополит экзарх Украины — с декабря 1922 по апрель 1923 года в Бутырской тюрьме. С апреля 1923 по август 1925 года — в ссылке в Ташкенте. С августа 1925 по апрель 1926 года — в Москве без права выезда. С июля 1926 по сентябрь 1927 года — в ссылке в Прикумске, Терской области. Умер 30 апреля 1929.

119. Назарий Блинов — архиепископ Тобольский — с апреля 1923 по июнь 1923 года в Бутырской тюрьме.

120. Нафанаил Троицкий — митрополит бывший Харьковский — с мая 1922 по сентябрь в Харьковской тюрьме. С сентября 1922 г. — в ссылке в Московской губернии, в селе Большие Котлы.

121. Нектарий Трезвинский — епископ бывший Яранский, викарий Вятский — с 1925 по 1928 год в Соловках. С 1928 без права выезда находится в Казани.

122. Никандр Феноменов — митрополит бывший Одесский. С 1922 по 1923 год — в Бутырской тюрьме. С 1923

по 1927 — в ссылке в Чимбае, в Хиве. С 1928 по 1929 год — в Ташкенте. С 1925 года — в Москве без права выезда.

123. Никифор Ефимов — епископ Хабаровский, викарий Владивостокский — с 1924 по 1927 год в ссылке в Вятской губернии.

124. Никодим Кротков — архиепископ Таврический — с декабря 1923 по 1926 год в ссылке в Красноводске. В 1926 г. по возвращении в Крым арестован, переведен в Бутырскую тюрьму и в августе 1926 г. выслан в Петровск, а затем переведен в Турт-Куль. В 1929 году переведен на поселение в Костромскую губернию.

125. Никодим Воскресенский — епископ бывший Барнаульский, викарий Томский — с 1926 года — в тюрьме, а затем в ссылке в Новгородской губернии.

126. Николай Добронравов — архиепископ Владимирский — с ноября 1925 по апрель 1926 года в Бутырской тюрьме. С июня 1926 по апрель 1929 года — в ссылке в Туруханском крае. С апреля 1929 выслан на поселение в бывшую Вологодскую губернию.

127. Николай Ярушевич — епископ Петергофский, викарий Петербургский — с 1922 по июль 1923 года в Бутырской тюрьме, а с 1923 по 1925 год — в ссылке в Сибири.

128. Николай Караулов — епископ Вельский, викарий Вологодский — в 1925 году в Вологодской тюрьме.

129. Николай Клементьев — епископ Сестрорецкий, викарий Петербургский — с 1926 в ссылке в Иркутской губернии.

130. Николай Никольский — епископ бывший Елецкий, викарий Орловский — с 1925 по июнь 1926 в Бутырской тюрьме. С июня 1926 по 1928 год — в ссылке в Тверской губернии. Освобожден в 1928 г. без права проживать в 6 главных городах СССР. Умер в мае 1928 года.

131. Николай Покровский — архиепископ бывший Симбирский — с 1925 по 1928 год в ссылке в Псковской губернии.

132. Николай Могилевский — епископ Орловский — с 1923 по ноябрь 1928 года в Москве без права выезда. С ноября 1925 по июнь 1926 года — в Бутырской тюрьме. В

июне 1926 г. выслан в Нилову Пустынь, Тверской губернии.

133. Николай Амасийский — епископ бывший Троицкий, викарий Челябинский — арестованный в 1924 году в городе Троицке, в порядке принудительных работ очищал выгребные ямы. С 1925 по 1927 — в ссылке в Кубанской обл.

134. Николай Голубев — епископ бывший Ветлужский, викарий Нижегородский — с ноября 1929 г. находится в тюрьме в Нижнем Новгороде.

135. Никон Пурлевский — епископ Белгородский, викарий Курский — с ноября 1925 по июнь 1926 года — в Бутырской тюрьме. С 1926 г. — в Соловках.

136. Никон Дегтяренко — епископ бывший Гомельский — в декабре 1924 года выслан в Кисев, откуда в марте 1925 переведен в Москву, где жил без права выезда до июля 1926 года. В июле 1926 выслан в Закаспийский край на 3 года.

137. Онисим Пылаев — епископ бывший Воткинский, викарий Саратовский — в апреле 1926 г. выслан в Москву без права выезда на два года.

138. Онуфрий Гагалюк — епископ Елизаветградский, викарий Херсонский — с 1923 по сентябрь 1926 года — в Харькове без права выезда. С сентября 1926 года — в Харьковской тюрьме. С ноября 1926 выслан в Уральскую область.

139. Павел Борисовский — архиепископ бывший Вятский. С 1922 по 1925 год — в Нарымском крае. С 1925 по 1927 год — в ссылке в городе Александрове, Ярославской губернии.

140. Павел Вильковский — епископ Минский — с 1923 по 1925 год в Москве без права выезда. В 1925 г. выслан в Нижегородскую губернию на три года.

141. Павел Введенский — епископ Калужский — с 1924 по 1928 год — в Соловках. В 1927 г. переведен в Уфу без права выезда. О дальнейшей судьбе сведений не имеем.

142. Павел Кротов — епископ бывший Ялтинский, викарий Таврический — с мая 1922 в Харькове без права выезда.

143. Павел Крошечкин — епископ Пермский — с ноября 1926 по май 1927 года во внутренней тюрьме ГПУ в Москве.

144. Памфил Лясковский — епископ Богучарский, викарый Воронежский — с 1923 по 1926 год — в ссылке в Яранске, Вятской губернии.

145. Павел Гальковский — епископ Егорьевский, викарый Рязанский — выслан в Казань с 1925 по 1928 год.

146. Парфений Брянский — епископ Ананьевский, викарый Одесский — в 1923 году в Одесской тюрьме, откуда выслан в Киев и затем в Москву, где жил без права выезда. С ноября 1925 по апрель 1926 года — в Бутырской тюрьме. С июня 1926 по апрель 1928 года — в ссылке в Зырянском крае. С апреля 1928 по октябрь 1929 года — в Москве без права выезда. В октябре 1929 года выслан в Уил, Киргизского края. По дороге был избит и лежал в Самарской тюремной больнице.

147. Пахомий Кедров — архиепископ Черниговский — с 1923 по 1924 год — в Киеве без права выезда. С 1924 по ноябрь 1925 года — в Москве без права выезда. С ноября 1925 по 1926 год — в Бутырской тюрьме. С июня 1926 по 1928 год — в ссылке в Зырянском крае.

148. Петр Зверев — архиепископ бывший Воронежский — с 1922 по 1925 год в ссылке в Нарымском крае. В 1925 возвращен в Воронеж. В ноябре 1926 г. арестован и переведен в Бутырскую тюрьму и выслан в Соловки. В декабре 1928 переведен на один из необитаемых островов, где и скончался 27 января 1927 года.

149. Петр Соколов — епископ Сердобский, викарый Саратовский — с 1924 по 1927 год — в Соловках. С 1927 года — в городе Кирсанов, Тамбовской губернии, на поселении.

150. Петр Полянский — митрополит Крутицкий, местоблюститель Патриаршего престола — в 1920 году в Бутырской тюрьме 2 месяца. 23 ноября 1925 г. арестован и содержался во внутренней тюрьме ГПУ до мая 1926, когда был переведен в Суздальскую крепость Спасо-Евфимьевского монастыря. В ноябре 1926 г. был снова переведен во

внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве, откуда в конце декабря 1926 направлен этапом через Вятку, Пермь в Екатеринбург. 1 января 1927 года митрополит Петр был в Пермской тюрьме, а 21 января — в Екатеринбургской. В феврале 1927 г. переведен в Тобольскую тюрьму, а с марта по май 1927 освобожден и поселен в селе Абалацком, Тобольской губернии. В июне 1927 г. вновь арестован и до июля содержался в Тобольской тюрьме, откуда в августе направлен был в Хе, в устье Оби, пробыв по дороге 10 дней в Обдорском ГПУ. В сентябре 1928 г. был доставлен в Тобольскую тюрьму, где имел свидание с Тучковым, после чего снова направлен в Хе, и срок ссылки продлен еще на три года.

151. Платон Рубнев — епископ Богородский, викарий Московский — с 1923 по 1926 в Соловках. С июня 1926 г. — в ссылке в Зырянском крае.

152. Питирим Рубнев — епископ Усть-Катавский, викарий Уфимский — с 1925 по 1928 год в ссылке во Владимирской губернии.

153. Прокопий Титов — архиепископ Херсонский — в 1923—24 гг. — в тюрьме в Херсоне и Москве. В 1924 году освобожден без права выезда из Москвы. С ноября по июнь — в Бутырской тюрьме. С июня 1926 по март 1929 года — в Соловках. В марте 1929 переведен в ссылку в Тобольскую губернию.

154. Порфирий Гулевич — епископ Криворожский, викарий Екатеринославский — с июня по август 1927 года — в тюрьме в Виннице, а затем выслан в Харьков без права выезда. В сентябре 1927 г. освобожден.

155. Рафаил Гумилев — епископ Александровский, викарий Ставропольский — с 1925 года в Соловках.

156. Серафим Александров — митрополит Саратовский — в 1923 году в Бутырской тюрьме. Затем до 1926 года — без права выезда в Москве. В ноябре 1926 выслан в Екатеринбург. Освобожден в мае 1927 года.

157. Серафим Чичагов — митрополит бывший Варшавский — в 1922—23 гг. в Бутырской тюрьме. В 1924 — выслан в Шую. В 1928 освобожден.

158. Серафим Мещеряков — архиепископ Ставропольский — с марта 1925 по 1928 год — в Соловках.

159. Серафим Остроумов — архиепископ бывший Орловский — с 1922 по 1925 год тюрьма в Орле. В декабре 1926 год — в тюрьме.

160. Серафим Самойлович — архиепископ Углический — с июля 1922 по июль 1925 года в Ярославской тюрьме. В марте 1927 — три дня во внутренней тюрьме ГПУ в Москве. В 1928 году выслан в Могилевскую губернию, а в июне 1929 г. арестован и выслан в Соловки на пять лет.

161. Серафим Протопопов — епископ Колпинский, викарий Петербургский — с 1923 по 1926 год в Соловках.

162. Серафим Звездинский — епископ бывший Дмитровский, викарий Московский — в 1923 году в Бутырской тюрьме. До июня 1926 — в Москве без права выезда. В июне 1926 г. выслан в Арзамас на три года. В мае-августе 1927 года — в Арзамасской тюрьме.

163. Серафим Силачев — епископ бывший Рыбинский, викарий Ярославский — с 1923 по 1926 год — в ссылке в Богородске, Московской губернии.

164. Сергей Страгородский — митрополит Нижегородский — в 1923 году тюрьма во Владимире. С декабря 1926 по 20 марта 1927 года — внутренняя тюрьма ГПУ в Москве.

165. Сергей Зверев — архиепископ Мелитопольский, викарий Таврический — в 1924 году выслан в Харьков, в Москву, а затем в Самару без права выезда. В 1927 — в Екатеринбургской тюрьме, откуда выслан в Тобольскую губернию на три года.

166. Сергей Куминский — епископ Бузулукский, викарий Самарский — в 1924 году — в Киевской тюрьме. В 1926—29 гг. — Марийская область.

167. Сергей Васильков — епископ Челябинский — в 1927 году тюрьма в Челябинске.

168. Сергей Мельников — епископ Любимский, викарий Ярославский — с 1926 года выслан в Ашхабад на три года.

169. Сильвестр Братановский — архиепископ Вологодский — с 1924 по 1927 год ссылка в Ярославскую губернию.
170. Симеон Михайлов — епископ бывший Вольский, викарий Саратовский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Вятской губернии.
171. Софроний Старков — епископ Селенгинский, викарий Забайкальский — с 1923 по 1927 год в Соловках. В 1927 году освобожден без права жительства в Сибири.
172. Софроний Арефьев — епископ Великоустюжский — с 1923 по июнь 1926 года в ссылке в Тобольской губернии. С 1926 по март 1928 года — в Новосибирске.
173. Стефан Гнедовский — епископ Каширский, викарий Тульский — с 1923 г. по 1926 г. в ссылке в Мурманском крае.
174. Стефан Знамировский — епископ бывший Калужский — в 1926 году четыре месяца тюрьмы в Екатеринбургe, а затем выслан в Казань.
175. Стефан Бех — епископ бывший Ижевский, викарий Вятский — с 1923 по март 1929 год — в ссылке в Петербурге. В апреле 1929 года переведен в Казань.
176. Стефан Андриащенко — епископ Александровский, викарий Екатеринославский — в 1924 г. выслан в Харьков без права выезда. С сентября 1926 года — в ссылке в Чарджоу и Ходжейли.
177. Стефан Проценко — епископ Конотопский, викарий Черниговский — с 1926 по 1928 год — в Харькове без права выезда.
178. Сергей Лавров — епископ бывший Сухумский и Черноморский — с 1923 по 1927 год в ссылке в Семиречье.
179. Севастиан Вести — епископ бывший Костромской — с 1923 по 1927 год в ссылке в Кинешме. Умер в 1929 году.
180. Тихон Шарапов — епископ Гомельский — с июня по сентябрь 1925 года в Минской и Московской тюрьме. С сентября по ноябрь 1925 года — в Москве без права выезда. С ноября 1925 по июнь 1926 года — в Бутырской тюрьме. С июня 1926 года — в ссылке [в] Чимбай, в Хиве, на три года (по окончании срока не освобожден).

181. Тихон Рождественский — епископ Великолуцкий, викарий Псковский — с 1924 по 1927 год в ссылке в Вологодской губернии.

182. Тихон Оболенский — митрополит бывший Уральский — с 1923 по 1926 год в Москве без права выезда (где и умер).

183. Трофим Якобчук — епископ бывший Бирский, викарий Уфимский — с 1924 по 1927 год в ссылке в Хабаровске.

184. Филарет Линчевский — епископ Черкасский, викарий Киевский — в феврале-марте 1925 года в Киевской тюрьме. С октября по ноябрь 1926 года — в Киевской и Московской тюрьме. С ноября 1926 по ноябрь 1928 года — в ссылке в Кудымкоре Уральской губернии.

185. Филипп Гумилевский — архиепископ бывший Балахнинский, викарий Нижегородский — с 1925 по 1926 год в Москве без права выезда. С 1926 по 1927 год выслан в Тамбовскую губернию.

186. Филипп Перов — епископ Нижнеомовский, викарий Пензенский — в 1927 г. (апреле-августе) в Пензенской тюрьме. Затем выслан. О местопребывании сведений не имеем.

187. Филипп Ставицкий — епископ Астраханский — с мая 1922 по июнь 1923 года в Смоленской и Московской тюрьме. С 1923 по 1927 год — в ссылке в Тульской губернии. С 1929 года с октября — в Астраханской тюрьме.

188. Фаддей Успенский — архиепископ Тверской — с 1922 по 1925 год в ссылке в Нарымском крае. С ноября 1926 по август 1928 года — в Саратове без права выезда.

189. Феодор Поздеевский — архиепископ бывший Пермский (ректор Московской духовной академии). С 1920 по 1925 год — четыре раза в Бутырской тюрьме. С февраля по апрель 1925 года — опять в Бутырской тюрьме. С апреля 1925 по 1928 год — в ссылке в Аулие-Ата (Туркестан). В 1928 переведен в Тургай, а затем в Орск.

190. Феодосий Ганецкий — епископ Коломенский, викарий Московский — с апреля по июнь 1923 — в Бутырской тюрьме. С 1923 по 1926 год — в ссылке в Зырянском крае.

191. Феодосий Ващинский — епископ Могилевский — с августа по сентябрь 1926 г. в Харькове без права выезда. С сентября по ноябрь 1926 года — тюрьмы в Харькове и Москве. С ноября 1926 по 1928 год — ссылка в селе Бонтюг Уральской обл.

192. Феофан Туляков — архиепископ бывший Калужский — с 1924 по 1927 год в ссылке в Псковской губернии.

193. Феофан Березкин — епископ Гжатский, викарий Смоленский — в 1927 г. выслан на три года. О месте пребывания сведений не имеем.

194. Феофан Богоявленский — епископ Кубанский — с 1923 по 1926 год в ссылке в Зырянском крае.

195. Хрисанф Клементьев — епископ Соликамский, викарий Пермский — с декабря 1926 года выслан в Пермь без права выезда.

196. Иаков — митрополит бывший Казанский — с марта 1922 сидел в Московском ГПУ. Через некоторое время был освобожден. Умер в 1923 году.

197. Леонтий Матусевич — епископ Коростенский, викарий Волынский — в феврале 1930 года арестован, находится в Бутырской тюрьме в Москве.

ПО ПОВОДУ СПИСКА ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПИСКОПОВ, ПОДВЕРГАВШИХСЯ ГОНЕНИЯМ ДО 1 МАРТА 1930 г. В СССР

Перечисленными в настоящем списке 197 именами отнюдь не исчерпываются все случаи гонений против православных епископов, имевшие место в СССР при советской власти. В список этот не вошли имена епископов, умерших в течение времени с 1917 по 1925 гг. (кроме митрополита Казанского Иакова — № 196). А так как многие из них подвергались арестам и ссылкам, то вполне понятно, что отсутствие их имен в наших сведениях значительно умень-

шает представление об объеме гонений против епископата, происходящих в СССР. Кроме того, исключительная трудность собирания сообщаемых сведений по причинам полной разобщенности православных церковных организаций, отсутствия налаженного административного и информационного аппарата, постоянного надзора ГПУ за корреспонденцией духовных лиц, а в последнее время в иных местах и полная невозможность пользования почтой в этих целях, делают наши сведения неполными, а иногда запоздалыми. Все это несколько не обесценивает сообщаемые сведения в смысле их точности, но вынуждает нас подчеркнуть, что они должны быть рассматриваемы только как часть того колоссального целого, каким являются гонения на религию в СССР.

Кроме того, надлежит обратить внимание, что о каждом епископе, вошедшем в наш список, нами сообщаются лишь наиболее значительные этапы его исповеднического пути — т. е. продолжительные пребывания в тюрьмах, высылки и ссылки. Но кроме того, каждый епископ подвергается бесчисленным вызовам в отделы ГПУ, чрезвычайно тяжелым морально допросам, иногда кратковременным арестам.

При каждой высылке высылаемого сперва арестовывают и содержат в тюрьме более или менее продолжительное время, а затем препровождают этапным порядком на место ссылки.

Самое путешествие продолжается обычно очень долго и совершается в исключительно тяжелых условиях. Высылаемые духовные лица перевозятся в тюремных вагонах вместе с уголовными преступниками и подвергаются в течение всей дороги бесчисленным издевательствам, а иногда ограблению и побоям. Этап делает остановки в целом ряде пересыльных тюрем попутных городов, где высылаемые оказываются лишенными продовольственных передач. Наконец, во многих случаях, где конечные пункты по пути следования этапа оказываются расположенными не на железной дороге или реке, ссылаемые вынуждены совершать свой путь под конвоем на протяжении многих десятков, а иногда и сотен верст пешком, неся на себе вещи.

Частыми бывали случаи, когда высылаемому на далекий север не давали возможности собрать свои вещи или получить их из дому, а отправляли в легкой летней одежде, в каковой он был арестован.

На местах ссылок ссыльные оказываются лишенными права совершать богослужения, что является прямым стеснением даже советским законом гарантированной религиозной свободы. Корреспонденция ссыльных подвергается официальной цензуре в отделах ГПУ. Кроме того, от времени до времени у ссыльных производятся внезапные ночные обыски, и если при таковых обнаруживаются предметы богослужебного назначения, например, антиминс, сосуды, облачения и т. д., то они отбираются в ГПУ.

Все указанные репрессии, кроме особо отмеченных, против представителей иерархии Православной церкви производились и производятся до сего дня, без всякого суда и следствия, в большинстве случаев даже без предъявления какого бы то ни было формулированного обвинения. Арестуемые представители духовенства, просиживая долгие месяцы в тюрьмах и отправляясь в далекие ссылки, часто не удостоиваются даже видеть представителей следственной власти (ГПУ) и, конечно, не знают, за какое преступление несут тяжелую кару.

Советская власть огулом обвиняет Церковь и вообще религию и всех ее представителей в контрреволюции, и несмотря на многочисленные официальные заявления в полной лояльности к советской власти, несмотря на отсутствие хотя бы одного судебного процесса, где бы Церковь как организация или отдельные ее представители были уличены в действительно противоправительственной деятельности, продолжает свои свирепые гонения против ее клира, иерархии и активной части мирян.

Совершенно очевидно, что обвинение в контрреволюции есть лишь тот повод, тот фиговый листок, которым воинствующее безбожие в лице советского правительства пытается прикрыть истинный смысл происходящих гонений. А если обратиться к истории христианской Церкви, то станет очевидным, что такая маскировка религиозных го-

нений политическими поводами не только не нова, но всегда практиковалась гонителями. Как известно, Сам Божественный Основатель Церкви был гоним и распят за якобы государственные преступления, и в первые века христианства мученики, исповедники — все они преследовались за якобы антиморальные и антигосударственные деяния языческой государственной властью. И надо ли удивляться, что и безбожная советская власть прибегла, воздвигая гонения на Церковь и веры вообще, к методам давно испытанным в истории всеми гонителями веры, Церкви. И может ли вместе с тем эта политическая маскировка религиозных гонений оставаться неразгаданной и убеждать кого-либо в том, что в СССР нет никаких гонений на веру и есть лишь преследования за политические преступления.

Неужели может найтись кто-нибудь, кто поверит советским басням о контрреволюционных преступлениях Церкви и кто попытается этим самым лишить ее того мученического венца, который возложила на нее история последних лет в СССР?

УБИЙСТВО ЕПИСКОПА ИЕРОФЕЯ АФОНИНА

5 мая (23 апреля) 1928 года, в день праздника Св. Георгия Победоносца, недалеко от города Никольска, Великоустюжского округа, был убит агентами ГПУ во время ареста преосвященный Иерофей, епископ Никольский.

Убийству предшествовали такие обстоятельства. После издания митрополитом Сергием в июне 1927 г. его известной декларации епископ Иерофей, как и некоторые другие епископы, обратились к митрополиту Сергию с посланием, умоляя его сойти с губительного пути компромиссов и оставаться верным традициям митрополита Петра и патриарха. Митрополит Сергей не внял убеждениям и мольбам обращавшихся к нему и наложил запрещение на несогласных епископов и уволил их с занимаемых кафедр. Такой была

участь и епископа Иерофея. Однако, считая, что митрополит Сергей предаст интересы Церкви, преосвященный Иерофей не подчинился ему и, спросив благословения у порвавшего уже в ту пору с митрополитом Сергием митрополита Иосифа Петербургского, также порвал с митрополитом Сергием общение, сообщивши об этом в Синод письмом.

В своей епархии преосвященный Иерофей пользовался всеобщей любовью и громадной популярностью. Несмотря на свою старость — ему было больше 60 лет — он был бодр — неустанно служил, проповедовал и, когда только имел возможность, ездил по приходам. Народ и духовенство, узнавши о разрыве своего владыки с митрополитом Сергием и о причинах этого разрыва — без колебаний пошли за ним, а преосвященный не скрывал и во всеуслышание говорил, что митрополит Сергей предал Церковь безбожной власти. В результате, вся епархия оказалась отошедшей от митрополита Сергия, и последний поспешил прислать в Великий Устюг своего ставленника епископа Софрония, который, собравши духовенство, убеждал подчиняться митрополиту Сергию, помянуть его имя и отказаться от непокорного Иерофея. Однако подавляющее большинство духовенства и народа оказались верны своему Владыке. В этот момент в дело вмешалось ГПУ: епископа Иерофея стали приглашать туда, сперва убеждать, а затем угрожать арестом и ссылкой, лишь бы он подчинился митрополиту Сергию. Преосвященный, однако, после этого стал еще более упорен в своих взглядах. Свои беседы с агентами ГПУ он не скрывал, говоря, что они доказывают связь митрополита Сергия с советской властью. Однако стало ясно, что его скоро арестуют.

6 мая 1928 г. преосвященный поехал служить в одно из сел близ Никольска, где был храм в честь Георгия Победоносца. Сопровождал его мальчик-келейник. Настроение у преосвященного было тревожное, но приподнятое, он предчувствовал приближение испытаний и откровенно сказал об этом народу в проповеди после Литургии. По окончании службы, Владыка пошел отдыхать в одну из хат, а народ,

расходясь, еще толпился на церковном погосте. В это время внезапно в село нагрянули на подводах агенты ГПУ и, подъехавши к церкви, стали добиваться, где епископ Иерофей. Взыгнанный народ, однако, не выдавал места пребывания владыки, говоря, что его в селе нет, но выходявший в этот момент из церкви мальчик-келейник преосвященного был замечен и арестован. Испуганный угрозами мальчик (16 лет) растерялся и указал избу, где был епископ, куда и устремились агенты ГПУ.

В это время народ стал собираться, по селу прошла весть, что Владыку арестуют, и народ не скрывал своего волнения. Когда Владыка был арестован и выведен на улицу, народ бросился к нему, со слезами прося о благословении. Испуганные агенты ГПУ, боясь эксцессов, стали требовать, чтобы народ разошелся и, наконец, обратились с требованием и к самому преосвященному, чтобы он убедил народ разойтись. Владыка согласился, но просил разрешения благословить подходивших людей. Агенты ГПУ возражали и явно беспокоились, видя возбуждение народа. Наконец, они решили усадить Владыку на подводу и везти через толпу, однако толпа не расступилась, требуя, чтобы позволили Владыке благословлять. Крики и угрозы агентов ГПУ на народ не действовали — лошади подводы не могли ступать — народ, рыдая, преграждал дорогу. Тогда внезапно раздались выстрелы, преосвященный упал, тяжело раненный — народ стал разбегаться.

В тот же день раненного в голову и грудь Владыку под стражей привезли в Никольск, где в больнице ему сделали операцию — извлечения пули из головы. Не приходя в сознание, в ту же ночь он скончался, и тело исчезло, неизвестно куда. Все хлопоты и ходатайства перед ГПУ о выдаче тела остались без последствий. В тот же день в Никольской и ближайших селах были произведены аресты, а затем многие были высланы. Выслан был на три года в Марийскую область и келейник покойного Владыки.

Москва, 10 марта 1930 г.

ИНСТРУКЦИЯ

**всем партийно-советским работникам и всем органам
ОГПУ, суда и прокуратуры**

Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению трудящихся крестьян, развернувшееся еще в конце 1929 года и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные дальние края.

Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 году, широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников.

Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов.

Подводя итоги, мы можем теперь сказать, что позиции единоличного хозяйства уже преодолены во всех основных районах СССР, колхозы стали повсеместной и господствующей формой хозяйства в деревне, колхозное движение укрепились прочно, полная победа колхозного строя в деревне обеспечена.

Теперь задача состоит уже не в том, чтобы отстоять колхозную форму хозяйства в ее борьбе против частной формы хозяйства, ибо эта задача уже разрешена с успехом. Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и

помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода.

ЦК и СНК СССР считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне.

ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников.

Правда, из ряда областей все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из областей и краев около ста тысяч семей. В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: "сначала арестовать, а потом разобраться".

Но о чем все это говорит?

Все это говорит о том, что в областях и краях имеется еще не мало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом.

Все это говорит о том, что, несмотря на наличие новой обстановки, требующей перенесения центра тяжести на массовую политическую и организаторскую работу, эти товарищи цепляются за отживающие формы работы, уже не соответствующие новой обстановке и создающие угрозу ослабления авторитета советской власти в деревне.

Похоже на то, что эти товарищи готовы подменить и уже подменяют политическую работу в массах в целях изоляции кулацких и антиколхозных элементов административно-чекистскими “операциями” органов ГПУ и милиции, не понимая, что подобная подмена, если она примет сколько-нибудь массовый характер, может свести к нулю влияние нашей партии в деревне.

Эти товарищи, видимо, не понимают, что метод массового выселения крестьян за пределы края в условиях новой обстановки уже изжил себя, что выселение может применяться лишь в частичном и единичном порядке и лишь к главарям и организаторам борьбы против колхозов.

Эти товарищи не понимают, что метод массовых и беспорядочных арестов, если только можно считать его методом, в условиях новой обстановки даст лишь минусы, роняющие авторитет советской власти, что производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами, что аресты должны применяться лишь к активным врагам советской власти.

ЦК и СНК не сомневаются, что все эти и подобные им ошибки и отклонения от линии партии будут ликвидированы в кратчайший срок.

Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки и необходимость перехода к новым методам работы означают ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться. Она будет обостряться, так как классовый враг видит, что наступили последние дни его существования, и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью. Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом. Но дело в том, что усилить борьбу с классовым врагом и ликвидировать его при помощи старых методов работы невозможно в нынешней новой обстановке, ибо они, эти методы, изжили себя. Речь идет, стало быть, о том,

чтобы улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными. Речь идет, наконец, о том, чтобы каждый наш удар был заранее подготовлен политически, чтобы каждый наш удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства. Ибо только при подобных способах улучшения методов нашей работы можем добиться того, чтобы окончательно ликвидировать классового врага в деревне.

ЦК и СНК не сомневаются, что все наши партийно-советские и чекистско-судебные организации учтут новую обстановку, созданную в результате наших побед, и соответственно перестроят свою работу применительно к новым условиям борьбы.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

1.

О прекращении массовых выселений крестьян

Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян. Выселение допускать только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок.

Выселение допустить только из следующих областей и в следующих предельных количествах:

Украина	2000 хозяйств
Северный Кавказ	1000 хозяйств
Нижняя Волга	1000 хозяйств
Средняя Волга	1000 хозяйств
ЦЧО	1000 хозяйств
Урал	1000 хозяйств
Горьковский край	500 хозяйств
Западная Сибирь	1000 хозяйств
Восточная Сибирь	1000 хозяйств
Белоруссия	500 хозяйств
Западная область	500 хозяйств
Башкирия	500 хозяйств
Закавказье	500 хозяйств

Средняя Азия
Всего:

500 хозяйств
12 000 хоз.

2.

Об упорядочении производства арестов

1. Воспретить производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону, председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями ячеек и пр.

Аресты могут быть производимы только органами прокуратуры, ОГПУ или начальниками милиции.

Следователи могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора.

Аресты, производимые нач. милиции, должны быть подтверждены или отменены районными уполномоченными ОГПУ или прокуратурой по принадлежности не позднее 48 часов после ареста.

2. Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в качестве меры пресечения заключение под стражу до суда за маловажные преступления.

В качестве меры пресечения могут быть заключаемы под стражу до суда только лица, обвиняемые по делам: о контрреволюции, о террактах, о вредительстве, о бандитизме и грабеже, о шпионаже, переходе границы и контрабанде, об убийстве и тяжелых ранениях, о крупных хищениях и растратах, о профессиональной спекуляции, о валютчиках, о фальшивомонетчиках, злостном хулиганстве и профессиональных рецидивистах.

3. Установить при производстве арестов органами ОГПУ предварительное согласие прокурорского надзора по всем делам, кроме дел о террористических актах, взрывах, поджогах, шпионаже и перебежчиках, политическом бандитизме и контрреволюционных антипартийных группировках.

Установленный в настоящем пункте порядок вводится в жизнь для ДВК, Средней Азии и Казахстана лишь через 6 месяцев.

4. Обязать прокурора СССР и ОГПУ обеспечить неуклонное исполнение инструкции 1922 г. о порядке прокурорского контроля за производством арестов и содержанием под стражей лиц, арестованных ОГПУ.

3.

О разгрузке мест заключения

1. Установить, что максимальное количество лиц, могущих содержаться под стражей в местах заключения НКЮ, ОГПУ и Главного управления милиции, кроме лагерей и колоний, не должно превышать 400 тысяч человек на весь Союз ССР.

Обязать прокурора СССР и ОГПУ в двухдекадный срок определить предельное количество заключенных по отдельным республикам и областям (краям), исходя из указанной выше общей цифры.

Обязать ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуру СССР немедленно приступить к разгрузке мест заключения и довести в двухмесячный срок общее число лишенных свободы с 800 тысяч фактически заключенных ныне до 400 тысяч.

Ответственность за точное выполнение этого постановления возложить на прокуратуру СССР.

2. Установить для каждого места заключения максимальную цифру лиц, могущих содержаться в данном месте заключения, исходя из установленной выше цифры 400 тысяч.

Запретить начальникам мест заключения принимать арестованных сверх установленного предела.

3. Определить предельный срок для содержания арестованных в арестных помещениях при милициях не свыше

трех суток. Обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком.

4. Предложить ОГПУ, НКЮ союзных республик и прокуратуре СССР немедленно организовать пересмотр личного состава следственных заключенных с тем, чтобы всем, кроме особо опасных элементов, заменить содержание под стражей другой мерой пресечения (поручительство, залог, подписка о невыезде).

5. В отношении осужденных провести следующие мероприятия:

а) Всем осужденным по суду до 3 лет заменить лишение свободы принудительными работами до 1 года, а остальной срок считать условным.

б) Осужденных на срок от 3 до 5 лет включительно направить в трудовые поселки ОГПУ.

в) Осужденных на срок свыше 5 лет направить в лагеря ОГПУ.

6. Кулаки, осужденные на срок от 3 до 5 лет включительно, подлежат направлению в трудовые поселки вместе с находящимися на их иждивении лицами.

7. Для разгрузки мест заключения и проведения указанных в пп. 5 и 6 мероприятий организовать в каждой республике, области (крае) специальные областные комиссии в составе: краевого (областного) прокурора, председателя краевого (областного) суда, ПП ОГПУ и начальника краевого (областного) управления милиции под председательством краевого (областного) прокурора.

8. В республиках, краях, областях, где общее количество заключенных превышает в данный момент 30 тысяч человек, разрешить областным комиссиям образовывать межрайонные выездные подкомиссии как вспомогательные их органы с тем, чтобы решения межрайонных комиссий утверждались областными комиссиями.

9. Предоставить право областным комиссиям освобождать от направления в лагеря и поселки, независимо от срока осуждения, нетрудоспособных, инвалидов, стариков, матерей с маленькими детьми, беременных женщин, заменяя им лишение свободы принудительными работами.

В отдельных случаях областные комиссии вправе направлять в лагеря особо опасные элементы, хотя бы и осужденные на срок до 5 лет.

10. Для проведения разгрузки в Среднеазиатских республиках, Казахстане и Кара-Калпакии предложить прокуратуре СССР, ОГПУ и Верховному суду СССР направить специальные комиссии из Москвы для общего руководства работой республиканских комиссий этих республик.

* * *

Обязать НКЮ союзных республик и наркомздравы союзных республик в месячный срок ликвидировать полностью сыпнотифозные заболевания в местах заключения.

Председатель Совета народных комиссаров СССР

В. Молотов (Скрябин)

И. Сталин

Секретарь ЦК ВКП(б)

8 мая 1933 г. П 6028

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНАЯ КОМИССИЯ
ВКП(б)
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ СССР
25 мая 1933 г.**

Секретно № 3751/с

Срочно

**ВСЕМ РЕСПУБЛИКАНСКИМ И КРАЕВЫМ (ОБЛ.)
КК РКИ**

Копии: НКЮ союзных республик и ОГПУ

Постановление ЦК и СНК от 8 мая о карательной политике констатирует, что три последних года “борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне, к окончательному укреплению наших советских социалистических позиций в деревне”. Исходя из конкретного анализа соотношения классовых сил и хозяйственной обстановки в деревне, ЦК и СНК подчеркивают, что уже на данном этапе “обстоятельства создают в деревне новую, благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне”, ибо “в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях”.

Говоря о все еще продолжающейся практике применения массовых выселений и беспорядочных арестов в деревне, ЦК и СНК констатируют, что “в областях и краях имеется еще не мало товарищей, которые не поняли новой обстановки и все еще продолжают жить в прошлом”. И, действительно, поступающие в ЦКК материалы с мест все

еще говорят о продолжающихся массовых арестах, о чрезмерном размахе судебной репрессии, что привело к повсеместному переполнению мест лишения свободы, к чрезмерной загрузке всех органов следствия, суда и прокуратуры. В результате таких количественных показателей резко снизилось качество работы органов следствия, суда и прокуратуры, что в свою очередь при наличии сложных, замаскированных форм классовой борьбы приводит в ряде случаев к направлению удара судебной репрессии мимо цели. Созванное ЦК в марте партсовещание по вопросам судебной работы, подводя итоги применения закона от 7 августа об охране и укреплении социалистической собственности, этого важнейшего закона, который, по выражению т. Сталина, "есть основа революционной законности в настоящий момент", констатирует, что даже этот закон применялся довольно часто неправильно; в стороне от удара оставались случаи, прямо подходящие под действие этого закона и, наоборот, закон применялся без оснований там, где не должен был применяться.

Своим постановлением от 8 мая ЦК нашей партии категорически требует всемерного качественного улучшения работы органов милиции, суда, следствия и прокуратуры. Задача органов КК РКИ заключается в том, чтобы надлежащее выполнение этой директивы ЦК было полностью обеспечено.

Необходимо во что бы то ни стало добиться, чтобы, не ослабляя борьбы с классовым врагом, а всемерно заостряя и усиливая нашу классовую бдительность, решительно разворачивать политико-разъяснительную работу среди широких крестьянских масс вокруг конкретных дезорганизаторов социалистического строительства, "чтоб каждый удар был заранее подготовлен политически, чтоб каждый удар подкреплялся действиями широких масс крестьянства".

В целях действительного, повседневного, систематического контроля за выполнением директивы ЦК от 8 мая с. г., Президиум ЦКК ВКП(б) и Коллегия НК РКИ СССР предлагают всем КК РКИ:

А. По вопросу об упорядочении производства арестов.

Исходя из директивной установки ЦК и СНК о том, что “производство арестов должно быть ограничено и строго контролируемо соответствующими органами”:

1. Периодически проверять правильность содержания под стражей граждан, арестованных органами милиции, следствия и ОГПУ, в первую очередь принимая необходимые меры к освобождению через соответствующие органы неправильно задержанных и привлекая членов партии, виновных в необоснованных арестах, к партийной или судебной ответственности.

2. К такой же ответственности привлекать за производство арестов членами партии, на то не уполномоченными по закону, не останавливаясь в особо злостных случаях перед исключением из партии и отдачей под суд.

3. При проведении хозполиткампаний систематически следить, путем проверки практической работы, за тем, чтобы судебные органы применяли лишение свободы только в отношении кулаков и организаторов саботажа и хищений, избегая, как правило, применения лишения свободы к середнякам и колхозникам, заменяя его другими мерами социальной защиты (штраф, конфискация имущества, принудительные работы, общественное порицание, условное осуждение).

Б. По вопросу о прекращении массовых выселений крестьян.

1. КК РКИ должны выделить специальных товарищей из своего проверенного актива, которые под руководством одного из членов Президиума КК РКИ должны систематически проверять контингенты выселяемых, среди которых могут быть только те крестьяне, которые “ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок”.

2. Активизировать работу бюро жалоб, добиваясь тщательного и скорого расследования каждого заявления на неправильное зачисление в кулаки, со всеми вытекающими из этого последствиями, на почве личной мести, сведения личных счетов и т. д.

3. Проверять, как политически готовится проведение репрессивных мер, предусмотренных постановлением ЦК и СНК от 8 мая и, в частности, проверять, как организационно готовится само выселение (подготовка транспорта, учет и охрана конфискованного имущества, санитарный осмотр переселяемых, обеспечение их продовольствием в пути и т. д.).

В. По вопросу о разгрузке мест заключения.

Органам КК РКИ необходимо:

1. Проверить правильность устанавливаемых для каждого места лишения свободы лимитов, обратив особое внимание на соблюдение санитарного минимума, на организацию работ среди заключенных, на ведение среди них политмассовой работы, на систематический контроль этой работы со стороны пролетарской общественности (активизировать работу наблюдательной комиссии).

2. Проверить обеспеченность арестованных хлебным пайком и другими видами довольствия, согласно утвержденных ЦК норм, не допуская никакого произвольного снижения их постановлениями местных организаций.

3. Проверить проведение в жизнь мероприятий, принятых НКЗдравом и НКЮОстом по борьбе с сыпняком, во исполнение последнего пункта постановления ЦК ВКП (б).

4. Поскольку постановление ЦК предусматривает в краткий (двухмесячный) срок массовый перевод одних категорий заключенных на принудительные работы и массовые переброски других категорий в спецпоселки и лагеря ОГПУ, КК РКИ необходимо сразу же заинтересоваться, какие организационные меры принимаются и в какой степени они осуществляют директивы ЦК:

а) проследить, чтобы работа эта была проведена по заранее разработанному плану;

б) чтобы бюро принудительных работ были своевременно подготовлены к учету и использованию труда заключенных, переведенных на принудительные работы;

в) соответственно КК РКИ надо проверить, как подготовлены трудовые поселки и лагеря ОГПУ к приему выселяемых, а республиканским КК РКИ надо помочь ГУИТУ

и ОГПУ в деле налаживания транспорта, санитарного обслуживания, прод. снабжения, охраны в пути всей массы переселяемых и их семей;

г) обеспечить надлежащий подход ко всей проверке заключенных с тем, чтобы “особо опасные элементы, хотя бы осужденные на срок до 5 лет” не освобождались, а направлялись в лагеря и чтобы не направлялись в ссылку в лагеря и поселки категории осуждаемых, перечисленные в п. 9 постановления ЦК.

Напоминая всем КК РКИ постановление январского объединенного пленума ЦК и ЦКК о необходимости “сосредоточить свое внимание на систематической проверке исполнения принятых решений”, Президиум ЦКК и Коллегия НК РКИ обязывают все КК РКИ обеспечить действительное выполнение постановления ЦК и СНК от 8 мая, чтобы помочь партии усилить борьбу с действительным классовым врагом, “улучшить старые способы борьбы, рационализировать их и сделать наши удары более меткими и организованными”.

За председателя ЦКК ВКП(б) и наркома РКИ СССР

Антипов

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редактора.</i>	5
Положение об Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков.	9
Программа деятельности Особой комиссии.	12
Программа расследования Особой комиссии по земельному вопросу.	14
<i>Приложение.</i>	
Доклад министра юстиции Е. И. Кедрина.	16
Дело № 1. Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске.	25
Дело № 2. Акт расследования по делу об избиении большевиками в лазаретах.	57
Дело № 4. Краткая справка об арестах, производившихся большевиками в Ставрополе.	63
Дело № 5 и № 10. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении Церкви.	65
Дело № 7. Сведения о массовых убийствах в городе Ставрополе.	85
Дело № 9. Акт расследования о грабежах и разбойных нападениях в Ставрополе.	91
Дело № 11. Сведения об арестах, производившихся большевиками в Ставрополе.	94
Дело № 14. Захват власти большевиками в Ставропольской губернии в 1918 году.	98

Дело № 15. Сведения о злодеяниях большевиков в городе Екатеринодаре и его окрестностях.	106
Дело № 18. Акт расследования о социализации девушек и женщин в гор. Екатеринодаре.	108
Дело № 24. Акт расследования по делу о злодеяниях, совершенных большевиками и бандами Махно в Таганрогском округе.	111
Дело № 25. Акт расследования по делу об убийствах, совершенных большевиками в 1918 году в г. Ростове-на-Дону.	116
Дела №№ 27—32, 34—36. Акт расследования по делам о злодеяниях большевиков.	119
Дело № 40 Сведения о злодеяниях большевиков в Таганроге.	126
Акт расследования об убийстве большевиками генерала П. К. Ренненкампа.	135
Дело № 42. Сообщение о гонениях большевиков на Церковь в Донской области.	138
Дело № 43 — 44. Акт расследования по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского отдела и в гор. Армавире.	148
Акт расследования по делу о неудавшемся нападении большевиков на поезд Французской миссии.	165
Дело № 46. Сведения по делу о вскрытии большевиками мощей Св. Сергия Преподобного в Троицко-Сергиевской лавре.	167
Акт расследования по делу о взрыве большевиками бомб на учебном судне “Рион”.	170

Краткая справка о сожжении красноармейца казака Якова Чуса.	175
Дело № 49. Акт расследования злодеяний большевиков в станицах Гундоровской и Каменской Донецкого округа.	176
Дело № 51 и № 55. Акт расследования о злодеяниях большевиков.	181
Дело № 56. Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории.	187
Выписка об отношении большевиков к магометанской религии.	193
Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности).	195
Справка Особой комиссии. Глумление большевиков над телом убитого генерала Корнилова.	204
Дело № 116. Архив российского военного агента в Константинополе.	208
<i>Приложения</i>	
Беседа с Петерсом.	295
Письмо из России.	297
Вопрос о репатриации русских беженцев.	299
Сибирское обозрение. Трехреченская Голгофа.	348
Из показаний Павловского (Якшина).	367
Списки православных священников, казненных в СССР в 1917-30 гг.	386

Инструкции советского правительства.....	415
<i>Фотографии</i>	192—193